МАЙКЛ
КРАЙТОН
СОКРОВИЩНИЦА
ЮНОШЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ЗАТЕРЯННЫЙ
МИР
НОВИНКА!
ПРОДОЛЖЕНИЕ «ПАРКА ЮРСКОГО ПЕРИОДА»

МАЙКЛ КРАЙТОН

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1996

ББК 84(7США)
К 78
УДК 820(73) – 31

Серия основана в 1993 году

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения являются противоправными и преследуются по закону.
Права приобретены через литературное агентство *«Права и переводы»*, Москва.

Перевод с английского А. А. Марченко, С. И. Минкина
Редактор Тарасов А. К.
Художник А. А. Шашкевич

В оформлении обложки использована работа Боба Эгглтона. Публикуется с разрешения художника и его литературного агента А. Корженевского.

Майкл Крайтон

К 78 Затерянный мир: Роман / пер. с англ. А. А. Марченко, С. И. Минкина. – Смоленск: Русич, 1996. – 576 с. («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

В новом романе известного американского писателя Майкла Крайтона читатель снова встретится с героями книги «Парк Юрского Периода». После трагедии, произошедшей в Парке, прошло шесть лет. После гибели динозавров заповедник подвергся реконструкции, а остров закрыли для посторонних лиц. Но слухи о том, что на острове сохранилась жизнь, все-таки имеют основания...

К 8200000000
ISBN 5-88590-481-2

© «The Lost World» by Michael Crichton, 1995
© Перевод. А. А. Марченко, стр. 5-290, 1995
© Перевод. С. И. Минкин, стр. 291-573, 1995
© «Русич», составление, разработка серии, 1996
© Оформление. А. А. Барейшнн, А. А. Шашкевич,1996

Каролине Конгер посвящается

Что в действительности меня интересует, так это то, Был ли у Бога выбор, когда он решил сотворить все сущее...

Альберт Эйнштейн

Малейшее изменение внутри структур хаотических систем практически всегда вызывает изменения в их поведении, а потому управлять поведением, в полном смысле этого слова, вряд ли возможно.

Стюарт Кауфман

Отклонения, по сути своей, непредсказуемы...

Иан Малкольм

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для конца двадцатого столетия характерно заметное оживление научного интереса к проблеме вымирания. Это отнюдь не светская тема для дискуссий.

Еще в 1786 году барон Жорж Кювье доказал, что некоторые виды живых существ уже давным-давно исчезли, а это было, представьте себе, еще во времена Американской революции. Таким образом, факт вымирания ученые официально признали за три четверти века до того, как Дарвин выдвинул свою теорию эволюции. И хотя многие из аспектов этого учения позже оспаривались, вымирание отдельных видов, как правило, сомнений не вызывало. Напротив, данное явление считалось столь же естественным, как и остановка выработавшего свой ресурс автомобиля. Вымирание — простейшее доказательство неспособности к адаптации. То, как приспосабливаются к окружающей среде отдельные особи, исследовалось доскональнейшим образом, и не раз вокруг этого вопроса разгорались яростные споры.

Но в том, что некоторые виды не прижились в определенных природных условиях, никто не сомневался. Да и что можно сказать по этому поводу?

Однако, начиная примерно с 1970 года, два фактора заставили по-новому взглянуть на проблему вымирания. Во-первых, признали, что человечество

теперь чрезвычайно многочисленно, а, следовательно, природные ресурсы уничтожаются с молниеносной скоростью: исчезает естественная среда обитания, вырубаются леса Амазонки, загрязняются вода и воздух. Не исключено, что при этом изменяется и сам климат Земли. Из-за подобных перемен вымирают многие виды животных.

Кое-кто из ученых поднял по этому поводу шум; другие — отмалчивались, но всем стало как-то не по себе... Сколь хрупка экосистема планеты! Неужели поведение людей, раньше или позже, приведет человечество к полному вымиранию?

Никто не мог ответить на поставленные вопросы сколь-нибудь определенно, поскольку никому прежде и в голову не приходило целенаправленно изучать проблему исчезновения, скорость и масштабы вымирания отдельных видов в прошлые геологические эпохи. А потому ученые принялись внимательно рассматривать отдельные случаи вымирания, имевшие место в древности, надеясь найти ответы на волнующие их вопросы дня сегодняшнего.

Во-вторых, появились новые научные данные о гибели динозавров. Давно известно, что все древние ящеры вымерли в течение довольно краткого промежутка времени в конце Мелового периода, приблизительно шестьдесят пять миллионов лет тому назад. Но вот вокруг того, сколь быстро это произошло, с давних времен велись бесконечные споры. Одни палеонтологи считали: динозавры исчезли в результате мгновенной глобальной катастрофы. Другим казалось, что этот процесс длился от десяти тысяч лет до десяти миллионов и вряд ли мог быть более скоротечным.

И вот, в 1980 году, физик Луис Альварес обнаружил высокую степень концентрации элемента иридия в породах конца Мелового — начала Третичного

периодов. Этот металл крайне редко встречается на Земле, однако чрезвычайно распространен в метеоритах.

Группа исследователей во главе с Альваресом стала активно отстаивать теорию, суть которой состояла в том, что присутствие столь большого количества данного химического элемента в породах пограничных периодов указывает на столкновение с Землей гигантского метеорита диаметром в несколько десятков миль. Образовавшиеся в результате этого пыль и обломки загрязнили атмосферу, и свет солнца перестал достигать поверхности планеты. Процесс фотосинтеза прекратился, растения и животные погибли, вследствие чего царствованию ящеров пришел конец.

Эта довольно эффектная теория пленила воображение рядового обывателя и стала излюбленной темой для средств массовой информации.

С тех пор-то и началась длящаяся уже не один год путаница. Где же кратер от того космического тела огромного диаметра? Назывались самые различные объекты в качестве следов падения метеорита. В прошлом существовало пять основных периодов вымирания различных биологических особей... Неужели они все — следствие метеоритной бомбардировки? Неужели существует некий катастрофический цикл продолжительностью в двадцать шесть миллионов лет, и нашу планету ожидает в будущем очередное опустошительное бедствие?

Более десяти лет никто не мог ответить на данные вопросы. Спор продолжался до августа 1993 года, когда на семинаре, проводившемся в институте Санта-Фе, известный своим неортодоксальным мышлением математик Иан Малкольм заявил, что вся эта шумиха не стоит и выеденного яйца, а дебаты по поводу метеоритной бомбардировки всего лишь «фри-

вольная и не имеющая ровно никакого отношения к вопросу спекуляция».

— Примите в расчет цифры, — промолвил Малкольм, опираясь на кафедру. Ученый внимательно посмотрел на присутствующих в аудитории, словно взвешивая их умственный потенциал, и продолжил:

— На нашей планете около пятидесяти миллионов видов растений и животных. И мы называем это поразительным разнообразием, однако данное изобилие не идет ни в какое сравнение с тем, что существовало на Земле прежде. Со времен возникновения жизни, на нашей планете — так, по крайней мере, считается — обитало не менее пятидесяти миллиардов видов живых существ. А это значит, что из тысячи живших на Земле существ до наших дней смогло просуществовать лишь одно. Таким образом, 99,9% когда-либо возникавших видов — вымерли. А массовое уничтожение составляет только пять процентов от вышеназванной цифры.

Правда, по мнению Малкольма, состояла в том, что для жизни на Земле оказался характерен непрестанный процесс вымирания отдельных видов. В среднем, срок жизни определенного существа или растения равнялся четырем миллионам лет... Для млекопитающих один миллион уже прошел... Затем виды исчезали. Короче говоря, суть состояла в том, что какой-либо вид возникал, расцветал и начисто вымирал в течение нескольких миллионов лет. Таким образом, за время существования жизни на Земле ежедневно исчезало по одному виду.

— Но почему? — спросил Малкольм. — В чем причина возникновения и упадка земных видов за время их четырехмиллионного цикла? Один из ответов на этот вопрос состоит в том, что мы не обращаем внимания на постоянную активность нашей родной планеты. Даже за последние пятьдесят тысяч

лет – одно мгновение, с точки зрения геологии, – площадь амазонской сельвы практически сошла на нет, а затем вновь распространилась на значительно большей территории. К тому же, низменность Амазонки – отнюдь не постоянная черта земного ландшафта – появилась совсем недавно: всего лишь десять тысяч лет назад, когда Американский континент простирался приблизительно до нынешней широты Нью-Йорка. За это время вымер не один вид животных...

История Земли показывает: животные живут и умирают на весьма активном фоне геологических изменений. Этим-то и объясняется до девяноста процентов вымираний.

Если высохнут или станут более солеными моря, то океанский планктон, вне всякого сомнения, весь погибнет, не сумев приспособиться к новым условиям среды обитания. Но такие высокоорганизованные животные, как динозавры, – другое дело... Ведь подобные существа, вроде бы, должным образом защищены от воздействия окружающего мира. Так от чего же они тогда вымирают? Физически динозавры вполне способны выжить, и, похоже, нет никаких особых причин, вследствие которых животные должны исчезнуть. Но, тем не менее, они вымирают.

Смею предположить, господа, что сложноорганизованные существа исчезают не в результате неспособности адаптироваться к изменениям внешней среды... Причина, обрекающая их на вымирание, кроется в их поведении. Допускаю – новейшие разработки в теории хаоса, или так называемой нелинейной динамики, подсказывают нам, как именно это происходит.

Суть в том, что поведение сложных животных может меняться очень быстро... Причем, не всегда в лучшую сторону. Внутреннее состояние существ мо-

жет измениться, и они перестанут реагировать на внешние перемены, у них исчезнет способность адаптироваться к новым условиям жизни. А это, в конечном счете, и приведет вид к упадку и полному исчезновению. Животные, вполне возможно, могут ни с того ни с сего потерять жизненный потенциал, перестав приспосабливаться.

Не это ли случилось с динозаврами? Не в этом ли истинная причина их исчезновения, как вида? Ответа на этот вопрос мы, вполне возможно, так никогда и не найдем. Но интерес человечества к проблеме вымирания динозавров отнюдь не случаен. Именно благодаря вырождению ящеров млекопитающие, и мы в их числе, стали развиваться и процветать. Отсюда, естественно, напрашивается еще один вопрос... Не исчезнем ли мы в один прекрасный день, подобно динозаврам? Являемся ли мы истинной причиной подобных катастроф, или вся беда в нашем поведении — в настоящий момент с точностью сказать невозможно.

Закончив эту фразу, докладчик улыбнулся.

— Но есть у меня на этот счет несколько предположений... — интригующе произнес он.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

ПРОЛОГ

ЖИЗНЬ НА ГРАНИ ХАОСА

Институт Санта-Фе располагался на Каньон Роуд в ряде зданий, которые в прошлом принадлежали монастырю, а институтские семинары проводились в помещении, служившем часовней.

Луч солнца, пробившийся сквозь стрельчатое окно, упал на лицо стоящего на подиуме лектора.

Докладчик сделал весьма эффектную паузу, прежде чем продолжить свое выступление. Иан Малкольм готовился к предполагаемому спору с возможными оппонентами...

Профессору Малкольму исполнилось сорок лет, в институте все хорошо его знали: ведь он — один из первых разработчиков Теории Хаоса. Однако его многообещающая карьера была прервана самым неожиданным образом из-за тяжелого ранения и последующего увечья во время путешествия в Коста-Рику; по правде говоря, несколько телекомпаний сообщили о смерти Иана. «К сожалению, пришлось сорвать начавшиеся празднества по этому поводу, — вспоминал он позднее, — но оказалось, что я лишь чуточку мертв. Хирурги совершили настоящее чудо — и вот я вновь с вами, так сказать, даже не я, а мое очередное воплощение».

Весь в черном, опиравшийся на трость, Малкольм производил впечатление человека строгого и сурового. Он славился по всему институту своим неординарным мышлением и ярко выраженной тенденцией к пессимизму.

Его августовская лекция «Жизнь на грани хаоса» символизировала обычное внутреннее состояние духа профессора. В своем выступлении Малкольм представил собственный анализ Теории Хаоса в применении к эволюции.

О более умудренной аудитории ему и мечтать не приходилось.

Институт в Санта-Фе создали в середине 80-х энтузиасты-ученые, заинтересовавшиеся областью применения и дальнейшими исследованиями Теории Хаоса. Среди стремящихся к новым вершинам знаний в Санта-Фе оказались и физики, и экономисты, и биологи, и даже профессионалы-компьютерщики. Всех их объединяла вера в то, что за невидимой хаотической сложностью мира скрывается некий определенный порядок, прежде не замеченный наукой, который, непременно, будет открыт благодаря Теории Хаоса, более известной сегодня как Теория Сложности. Кто-то даже поторопился назвать ее «наукой двадцать первого века».

Институт исследовал поведение великого множества комплексных систем: корпораций на мировом рынке, нейронов человеческого мозга, каскадных белковых цепей внутри отдельно взятой клетки, групповое поведение перелетных птиц... Одним словом, систем столь сложных, что их, практически, невозможно оказалось изучать до того времени, пока в научных целях не стали применять компьютеры. Прежде проблемами подобных систем никто не занимался, и потому первые результаты исследований превзошли все ожидания.

Довольно скоро ученые стали замечать, что поведение сложных сообществ отчасти сходно, и, опираясь на этот вывод, стали думать о данном явлении, как характеристике всех, без исключения, систем. Исследователи понимали: сходные типы поведения невозможно объяснить анализом компонентов структур. Испытанный временем научный подход редукционизма — для того, чтобы узнать, как работают часы, их необходимо разобрать — в применении к сложным системам не годится, потому как любопытное поведение, похоже, возникает из спонтанного взаимодействия компонентов. Действие не планировалось и не направлялось извне; оно просто имело место. Поэтому такое поведение назвали «самоорганизующим».

— Из самоорганизующих поведений, — продолжал свою лекцию Иан Малкольм, — два типа представляют особый интерес для изучения проблемы эволюции. Первый — адаптация... Мы встречаемся с ней повсеместно. Корпорации адаптируются к изменениям рынка, клетки мозга — к различным сигналам, иммунная система приспосабливается к инфекциям, животные — к переменам пищевого рациона... Мы пришли к выводу, что способность приспосабливаться характерна для комплексных систем и, судя по всему, является одной из причин, по которой эволюция движется в направлении более сложных и совершенных организмов.

Он сделал шаг из-за кафедры, перенося всю тяжесть тела на трость.

— Но что еще не менее важно, — продолжал Малкольм, — так это то, как комплексные системы делают выбор между необходимостью придерживаться определенного порядка и императивом, обрекающим их на изменение. Сложным сообществам свойственно располагаться, как мы называем, «на грани хао-

са». В нашем представлении эта «грань» – место, где достаточно всякого рода инноваций, заставляющих живую систему вибрировать, равно как и стабильности, предохраняющей от сползания к анархии. Это, своего рода, зона конфликта, где старое и новое ведут беспрестанную войну. Обрести точку равновесия – должно быть, дело тонкое... Ведь если живая система окажется слишком близко от хаоса, то она рискует в нем раствориться. Но, удалившись слишком далеко от этой грани, станет косной, застывшей, тоталитарной... Обе крайности ведут к вымиранию. Слишком большие перемены столь же разрушительны, как и их полное отсутствие. Лишь на грани хаоса комплексные системы могут процветать.

Лектор помедлил, собираясь с мыслями.

– И, по сути своей, вымирание – неизбежный результат той или иной стратегии: слишком фундаментальных изменений либо их полного отсутствия.

Присутствующие в лекционном зале одобрительно закивали головами. Большинству находившихся здесь ученых подобный образ мысли был очень хорошо знаком, да и неудивительно... Ведь концепция о гранях хаоса – своего рода основополагающая догма института Санта-Фе.

– К сожалению, – продолжал Малкольм, – между этими теоретическими построениями и самим фактом вымирания имеется обширный пробел. Пока что мы не имеем возможности узнать, сколь верны наши предположения... Какая-нибудь старинная хроника может сообщить нам, что в такое-то время вымерло такое-то животное... Но мы никогда не узнаем, почему это произошло.

Компьютерное моделирование не даст полной картины этого процесса. Нельзя также провести эксперимент на живых представителях, так как виды вымерли. А поэтому мы вынуждены признать – ис-

чезновение не протестируешь, для исследований оно непригодно. Вполне возможно, проблема вымирания к науке вообще никакого отношения не имеет. Этим-то и объясняются столь жаркие религиозные и политические споры вокруг данного вопроса. Смею напомнить вам, господа, что по поводу числа Авогадро или постоянной Планка никаких теологических дебатов не ведется, равно как и в отношении функций поджелудочной железы. Что же касается вымирания... Спорят, без малого, уже двести лет. И я не знаю, к какому мнению придут верующие стороны, если...

В аудитории возник небольшой шум, отвлекший лектора.

— Да, да... Вы, кажется, хотите что-то сказать или возразить?

В конце зала поднялась рука. Явно раздосадованный Малкольм нахмурился: по давней институтской традиции вопросов до окончания презентации не задавали, перебивать говорившего считалось обыкновенным хамством.

— У вас что, вопрос? — поинтересовался профессор.

Со своего места поднялся молодой человек лет тридцати.

— Точнее сказать... замечание.

Мужчина был худ и темноволос, одет в рубашку цвета хаки и такие же шорты. Его движения и манера держаться напоминали действия армейского офицера.

Малкольм признал в нем палеонтолога из Беркли по фамилии Ливайн, проводившего нынешнее лето в стенах института. Иан никогда не беседовал с ним прежде, но репутация молодого человека была ему прекрасно известна. По общему мнению, Ливайн считался лучшим специалистом в своей области знаний

среди сверстников. Даже более того... Его признавали ведущим ученым среди молодых палеонтологов мира. Тем не менее, большинство работавших в институте Ливайна недолюбливали, считая слишком заносчивым и наглым.

— Согласен, — произнес молодой человек, — что окаменелости нам не помогут решить проблему вымирания... В особенности, если ваша основная посылка состоит в странном выводе: причиной вымирания является само вымирание... Действительно, кости вряд ли что скажут нам о поведении их владельцев. Но я не согласен с тем, что ваш бихевиористский тезис невозможно протестировать...

Присутствующие в лекционном зале безмолвствовали. Стоявший на подиуме Малкольм нахмурился и покусывал губы от раздражения. Знаменитый математик не привык к тому, чтобы ему указывали.

— Что вы хотите этим сказать? — промолвил профессор. Ливайн, похоже, с полным безразличием относился к напряженной тишине в аудитории.

— А вот что... Во время Мелового периода «страна Динозаврия» распространялась на всю нашу планету... Мы обнаружили останки доисторических чудовищ на всех континентах и во всех климатических зонах, даже в Антарктиде. Так вот... Если вымирание ящеров и впрямь явилось следствием их поведения, а не результатом катастрофы или какой-либо губительной эпидемии, изменения растительного фона либо другого, довольно широко толкуемого объяснения из тех, что нам предлагали раньше, то, в таком случае, мне кажется крайне невероятным одновременное и повсеместное изменение поведения этих чудовищ. А данное сомнение означает только одно — некоторые особи сего вида сохранились до сих пор и живут в малоизученных уголках Земли. Так почему бы вам их не поискать?

— Можете этим заняться, — холодно заметил Малкольм, — если вам так интересно... К тому же, прекрасное занятие для людей, располагающих свободным временем.

— Нет, нет... — уверенно продолжал Ливайн. — Я говорю вполне серьезно. А что, если динозавры вовсе не вымерли? Если они существуют до сих пор в каком-нибудь забытом богом уголке нашей планеты.

— Вы что, толкуете о Затерянном Мире? — промолвил профессор, и головы присутствующих в зале согласно кивнули. Ученые института привыкли к стандартным эволюционным штампам. Они рассуждали о Нулевом Поле, Крахе Игрока, Игре Жизни, Затерянном Мире, Красной Королеве и Черном Шуме... Существовали вполне определенные типы мышления в области проблем эволюции, но все они...

— Нет, — упрямился Ливайн. — Меня следует понимать буквально.

— В таком случае, вы жестоко заблуждаетесь, — процедил Малкольм сквозь зубы, махнув безнадежно рукой. Повернувшись спиной к присутствующим, он неторопливо подошел к внушительного вида доске.

— Теперь же, когда мы приступили к рассмотрению граней хаоса, можем начать с того, что зададимся вопросом, какова минимальная жизненная единица? Большинство существующих ныне определений включает в себя наличие ДНК, но есть два примера, явно доказывающих нам узость данной точки зрения. Если рассмотреть вирусы или, так называемые, крионы, становится ясно — жизнь вполне может существовать и без ДНК.

Стоявший в конце аудитории Ливайн некоторое время смотрел в пустоту, а затем, довольно нехотя, сел на свое место и продолжил конспектирование лекции.

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

(гипотеза)

Презентация закончилась...

Малкольм ковылял по открытому двору института. Рядом с ним шествовала Сара Хардинг, молодой полевой биолог, приехавшая сюда из Африки. Иан знал ее в течение многих лет, еще с тех пор, как его попросили быть оппонентом на защите ее докторской диссертации в Беркли.

Часы на башне пробили полдень.

Пересекавшая двор под палящим летним солнцем парочка явно не отличалась гармонией: Малкольм — весь в черном, этакий согбенный аскет, опирающийся на трость, и Хардинг — миниатюрная и мускулистая, выглядевшая молодо и энергично в шортах и пестрой майке.

Областью ее исследований являлись африканские хищники: львы и гиены. Вскоре ей предстояло возвратиться в Найроби.

Хардинг и Малкольм сблизились еще со времен хирургической операции последнего. В то время Сара находилась в годовом отпуске за свой счет в Остине и выхаживала Иана в послеоперационный период. Какое-то время показалось, что между ними возник бурный роман, и уже поползли слухи о конце холостяцкой жизни прославленного математика. Но затем Хардинг внезапно уехала в Африку, а Малкольм отправился в Санта-Фе. Как бы не складывались их прежние отношения, отныне они стали всего лишь хорошими друзьями.

В данный момент Сара и Иан обсуждали вопросы, возникшие в конце лекции. С точки зрения

Малкольма, в зале слышались вполне предсказуемые возражения, например: что массовые вымирания отдельных видов в прошлом оказались крайне важны, поэтому человечество своим существованием обязано именно глобальному исчезновению ящеров, случившемуся в конце Мелового периода. Млекопитающие воцарились на Земле в результате вымирания динозавров, которые освободили экологическую нишу для жизни теплокровных животных, а вместе с ними, и человека. Как помпезно выразился один из оппонентов лектора: «Именно благодаря тому, что ящеры исчезли, на Земле возник Разум». На это заявление профессор отреагировал молниеносной репликой:

— А откуда вы, уважаемый, взяли мысль о разумности людей и их осознанном поведении? Тому нет никаких доказательств. Человек сроду за себя не думал... Ему, видите ли, это оказалось не с руки. Большую часть своей истории представители нашего вида просто повторяли то, что им сказали... А после ужасно расстраивались, когда оказывалось — все сказанное не соответствует действительности. Для человека характерна отнюдь не разумная деятельность, а издревле присущий ему конформизм. Отсюда и весьма характерный результат — религиозные и идеологические войны. Другие животные сражаются за территорию, пищу, но вот люди в царстве зверей стоят особняком... Они, видите ли, зачастую воюют за свои верования и убеждения, которые, фактически, управляют поведением. А ведь оно представляет для человечества первостепенное эволюционное значение. Но теперь, когда наше поведение вполне может привести к полному вымиранию, не вижу сколь-либо веских причин считать наш вид разумным и сознательным. Все мы — упрямые, упорно стремящиеся к саморазрушению конформисты. Прочие взгляды на человечество — это полное заблуждение.

Так, а теперь перейдем к следующему вопросу...

Сара Хардинг рассмеялась.

– По-моему, на эту проблему всем совершенным образом наплевать...

– Признаю, это несколько обескураживает меня... – заметил Малкольм. – Но ничего не поделаешь, – он покачал головой. – Ведь это – лучшие умы нашей страны и, тем не менее... полное отсутствие каких-либо интересных идей... Да, кстати... Что можно сказать по поводу перебившего меня молодого человека?

– Вы имеете в виду Ричарда Ливайна? – вновь рассмеялась Сара. – Действует на нервы, не так ли? Известный на весь белый свет возмутитель спокойствия...

– Вот уж верно... – пробурчал себе под нос Малкольм.

– Но он – богат, в этом-то вся проблема, – заметила Хардинг. – Вам известно что-нибудь о куклах Беки?

– Нет, – с удивлением произнес Иан.

– Понятно... а вот любая девчонка в США про эти куклы знает... Их несколько серий: Беки, Салли, Фрэнсис... и еще какие-то. Куколки в стиле «дикий Запад». Так вот, Ливайн – счастливый наследник, которому достались все богатства компании по производству этих игрушек... Так что Ричард богат до безобразия, весьма нетерпелив и непредсказуем. Делает все, что его левой ноге угодно.

Малкольм согласно кивнул.

– Может, перекусим вместе?

– Да, само со...

– Доктор Малкольм! Подождите! Пожалуйста! Доктор Малкольм!

Иан обернулся – за ними бежал Ричард Ливайн.

– Вот черт! – процедил сквозь зубы профессор.

— Доктор Малкольм, — промолвил, приблизившись к ним, запыхавшийся молодой человек. — Я крайне удивлен, что вы не приняли всерьез моего предложения.

— Простите, но как я мог?! — искренне возмутился математик. — Ваша идея абсурдна!

— Но...

— Мисс Хардинг и я только собирались перекусить, а вы...

— Да, да... Но думаю, вам следует поразмыслить, прежде чем давать отрицательный ответ, — продолжал настаивать Ливайн. — Поскольку я считаю, что мои аргументы вполне обоснованы, скорее всего, динозавры существуют и здравствуют до сих пор. Вам, наверное, известны настойчивые слухи о них? Вся Коста-Рика буквально бредит доисторическими ящерами... А вы, насколько мне известно, пробыли там достаточное количество времени...

— Да... Что же касается Коста-Рики... Могу сказать вам только одно...

— Те же самые слухи будоражат Конго, — перебил Ливайн. — Уже в течение многих лет пигмеи рассказывают о некоем огромном завроподе, возможно, апатозавре, обитающем в непроходимых джунглях Бокамбу. Кроме того, говорят, что в непролазных дебрях Арианской Джайи водится огромное животное, размером с носорога... Судя по описаниям, это сохранившийся до наших дней цератопс...

— Фантазии! — небрежно бросил Малкольм. — Чистейшей воды фантазии... Ведь доподлинно никто ничего там не видел! Где фотографии? Не имеется никаких твердых доказательств.

— Может, оно и так, — согласился Ричард, — но отсутствие доказательств еще не является аргумен-

том того, что разного рода диковинных тварей на нашей планете не существует. Считаю, на Земле вполне может быть местечко, где обитают сохранившиеся до наших дней доисторические рептилии.

Профессор пожал плечами.

— Все возможно...

— Но, если быть более точным, выживание якобы вымерших видов возможно вне всякого сомнения, — не унимался Ливайн. — Ко мне продолжает поступать информация о находках новых видов животных в Коста-Рике... Останки... Отдельные фрагменты...

Малкольм встрепенулся:

— Эти сообщения приходят к вам и сейчас?

— Да нет! Точнее будет сказать — они поступали некоторое время назад...

— Я так и думал, — хмыкнул профессор.

— Последний раз мне звонили из Коста-Рики девять месяцев тому назад, — продолжал Ричард. — Я был в Сибири, воочию наблюдал вмерзшего в глыбу льда знаменитого мамонтенка, а потому не смог вовремя побывать там по звонку... Но мне сообщили, что это был очень большой и чрезвычайно странный ящер. Его труп обнаружили индейцы в Коста-Риканской сельве...

— И что же дальше? Куда исчез этот?..

— Останки ящера сожгли.

— Причем, таким образом, что совершенно ничего не осталось...

— Вы правы...

— И никаких фотографий или косвенных подтверждений?

— Сами понимаете.

— Ну, так это очередная басня! — удовлетворенно воскликнул Малкольм.

— Возможно... Но, так мне кажется, стоит снарядить экспедицию, дабы хоть что-то прояснить насчет этих, якобы дотянувших до наших дней реликтовых монстров...

Малкольм в недоумении посмотрел на молодого человека.

— Экспедиция? Для того, чтобы отыскать гипотетический Затерянный Мир? Да кто станет финансировать столь безнадежное предприятие?

— Я! — отчеканил Ливайн. — Мною уже проводятся предварительные расчеты.

— Но это может обойтись...

— А мне наплевать на то, сколько стоит поиск, — перебил Ричард Иана. — Факт, что выживание возможно! На Земле есть уголок, где живут сохранившиеся со времен Мелового периода существа!

— Господи! Фантазии! — покачал головой Малкольм.

Ливайн помолчал, посматривая на профессора.

— Доктор Малкольм, должен признаться, но меня крайне удивляет подобное отношение к проблеме. Только что в лекционном зале вы изложили основные постулаты вашей новой диссертации, и я лишь предлагаю вам шанс проверить их. Мне казалось, вы обрадуетесь такой возможности.

— Увы! С некоторых пор я просто физически не в состоянии прыгать от радости, — съязвил профессор. — Да и динозавры меня не интересуют...

— Но... как же так?! Ящеры притягивают к себе всех без исключения...

— Только не меня! — резко оборвал разговор математик и, опираясь на трость, зашагал прочь.

— Кстати, — сказал вслед Ливайн, — что вы делали в Коста-Рике? Слышал, вы провели там почти целый год.

Профессор остановился и обернулся.

— Я был прикован к больничной койке. В течение шести месяцев меня подвергали интенсивной терапии... Я даже самостоятельно не мог подняться на борт самолета.

— Да, — сказал Ливайн. — Мне говорили о вашей тяжелейшей травме... Но зачем вы прибыли в Коста-Рику вообще? Уж не динозавров ли вы там искали?

Сощурившись от яркого солнца, Малкольм пристально посмотрел на молодого мужчину, а затем вкрадчиво промолвил:

— Нет! Что вы... Ни в коем случае.

* * *

Они сидели втроем за свежевыкрашенным столиком в уголке кафе «Гваделупа», располагавшемся на противоположном берегу реки.

Сара Хардинг пила «Корону» прямо из бутылки, внимательно наблюдая за сидевшими напротив нее мужчинами. Ливайн, похоже, радовался тому, что оказался здесь. Для него сидеть за одним столом с Хардинг и Малкольмом казалось настоящей победой.

Иан выглядел довольно устало, словно отец, провозившийся целый день с гиперактивным ребенком.

— Хотите знать, какие до меня дошли слухи? — оживился после обеда Ричард. — Говорят, пару лет назад компания «ИнДжен», занимавшаяся генной инженерией, реконструировала несколько экземпляров динозавров, после чего полученных монстров высадили на одном из островов в Коста-Рике... Однако, что-то там у них все же не сработало — и в результате погибло множество людей, а всех ящеров уничтожили. Теперь об этом молчат, и, судя по всему, на то есть вполне законные основания. Существует особая бумага — Соглашение о неразглашении

информации, касающейся этого дела... К тому же, не в интересах Коста-Риканского правительства подрывать туристический бизнес. А поэтому все будут молчать и впредь... Вот что я слышал...

Малкольм бросил тяжелый взгляд на Ливайна.

— И вы в это верите?

— Поначалу, само собой разумеется, я принял сказанное мне за чистейшей воды вздор, — отозвался молодой человек. — Но дело в том, что слухи попрежнему продолжают циркулировать и предположительно утверждать: вы, Алан Грант и еще кое-кто побывали там...

— А вы и Гранта об этом спрашивали?

— Спрашивал... В прошлом году на конференции в Пекине. Он тогда сказал мне, что все это — полный абсурд.

Малкольм неторопливо кивнул.

— Я не ослышался? — спросил Ливайн, потягивая пиво. — То есть, мне хотелось спросить вас о знакомстве с Грантом. Ведь вы встречались с ним, не так ли?

— Нет, что вы! Сроду не видел.

Ричард, не отрываясь, пристально рассматривал лицо математика.

— Значит, все — неправда?

Малкольм тяжело вздохнул.

— Вы знакомы с концепцией техномифа? Ее разработал Геллер в Принстонском университете... Основная посылка этой идеи состоит в том, что мы растеряли все древние мифы... Всех этих Орфеев, Эвридик, Персеев и Медуз... А теперь заполняем пробелы новейшими техномифами. Геллер приводит не меньше дюжины подобных историй. Одна из них, например, рассказывает о живых марсианах, содержащихся в ангаре на авиационной базе Райт-Петер-

сон. Другая говорит о том, что некто изобрел карбюратор, благодаря которому двигатель сжигает всего лишь литр бензина за триста километров пробега. Но автомобильные концерны выкупили патент за огромные деньги и держат его в строгой тайне. Здравствует и процветает также байка об обучении русских детей экстрасенсорике на секретной военной базе в Сибири. Эти детки одним лишь усилием мысли могут убить человека в любом уголке земного шара! Придумают же!.. Опять же всем известно, что наскальные рисунки в долине Наска в Перу — разметка древнейшего космодрома, и что ЦРУ разработало СПИД, дабы извести гомосексуалистов... Опять же... Никола Тесла открыл некий фантастический источник энергии, однако все его работы по этому вопросу исчезли бесследно... В Стамбуле имеется рисунок десятого века, изображающий вид на Землю с Луны, а Оксфордский научно-исследовательский университет откопал парня, который светится в темноте. Надеюсь, теперь вам понятно, что я имею в виду, молодой человек?

— Так вы утверждаете, динозавры компании «Ин-Джен» — миф? — промолвил Ливайн.

— Само собой... Иначе и быть не может... Неужели вы верите в возможность генетически воссоздать ящера?

— Все эксперты в этой области в один голос утверждают: этого сделать нельзя.

— И они правы, — согласился Малкольм и бросил взгляд на Хардинг, словно желая получить своим словам очередное подтверждение. Но она молча допивала свое пиво.

По правде говоря, Сара знала кое-что о динозаврах. Уже после операции Малкольм в бреду нес какую-то чушь. Вероятно, сказывалось действие анес-

тезии и психотропиков. Но он явно испытывал страх. Ворочаясь в постели, математик все время твердил о каких-то ящерах... Когда Хардинг поинтересовалась у сиделки, то та сообщила, что бред у него появился сразу же после введения обезболивающего. Врачи считали такую реакцию действием лекарств, так сказать, наркотической эйфорией. Однако Сара решила: Малкольм и впрямь в очередной раз переживает произошедший с ним в действительности кошмар. Подозрения женщины укрепились, когда она услышала, как в бреду Иан называл динозавров словами, присущими одному ему: «живоглоты», «всеяды», «триноги»... Названия придумал сам математик, создавая свой палеонтологический слэнг. Судя по всему, Малкольм боялся больше всего «живоглотов»... Не так давно Сара спросила его об этом бреде, но в ответ Иан лишь передернул плечами да неуклюже отшутился:

— По крайней мере, я не называл имен других женщин, дорогая? — после чего вспомнил, как, будучи маленьким, сходил с ума по динозаврам... и пояснил, что всякая личность во время болезни заметно регрессирует. При этом математик сохранял совершенно безразличный вид, будто все ему — до лампочки. Но Сара чувствовала — он явно что-то скрывает. Все-таки женщина решила не давить на него: ведь то были дни их бурной любви, а она боялась разрушить хрупкое очарование этого прекрасного чувства.

Теперь же Малкольм смотрел на нее вопросительно, словно опасаясь, что Хардинг станет перечить ему. Но Сара лишь безразлично улыбнулась и отвернулась. Что ж, вероятно, у него есть свои причины скрывать от нее что-то.

Перегнувшись через стол, Ливайн вопрошал Малкольма:

— Так что ж, значит, все эти слухи про «ИнДжен» — полная брехня?

— Совершенно верно, — с мрачным видом кивнул в ответ Иан. — Пустые байки...

Математик уже в течение трех лет отрицал эти упорно циркулирующие слухи. В этом деле он достиг определенного совершенства. Его досада по поводу дурацких вопросов уже не проявлялась так аффектированно, и держался Иан вполне искренне. А ведь Малкольм, на самом деле, являлся консультантом, работавшим на «Интернешнл Дженетик Технолоджиз» летом 1989 года. Именно по долгу службы в этой фирме он и отправился в Коста-Рику, в результате чего чуть не попрощался с жизнью.

Впоследствии все замешанные в загадочных событиях поспешили убрать информацию об имевших место происшествиях. Компании «ИнДжен» не хотелось подрывать свою репутацию, а правительство желало по-прежнему представлять свою страну, как некий туристический рай. С ученых, имевших отношение к событиям в Коста-Рике, взяли подписку о неразглашении, и их молчание подкреплялось солидными денежными вознаграждениями. В частности, все медицинские счета Малкольма оплатило правительство.

А тем временем исследовательский центр «ИнДжен» на одном из островов в Коста-Рике уничтожили. Там не осталось ни одного живого существа. Компания наняла известного стэнфордского профессора Джорджа Бэйселтона, биолога и эссеиста, чьи частые появления на телеэкране сделали его общепризнанным авторитетом в вопросах науки. Бэйселтон утверждал, что он посетил остров, и без устали опровергал слухи о обитании вымерших тварей на нем. В особенности эффектно выглядела его многозначительная усмешка, когда биолог произносил

фразу: «Ну, как же! Ждите! Будут вам там саблезубые тигры!»

Шло время, и интерес ко всей этой истории стал заметно затухать. «ИнДжен» с тех пор давно успела обанкротиться. Главные европейские и азиатские инвесторы продали собственность фирмы с молотка, оставив себе разработанные «ИнДжен» технологии. На том и закончилась история этой известной всему миру компании. Что еще можно добавить к этому!

* * *

— Так, значит, в этом нет ни капельки правды, — проговорил Ливайн, старательно пережевывая свою зеленую кукурузу с перченым мясом. — По правде говоря, доктор Малкольм, меня сие радует...

— Почему? — удивился профессор.

— А потому... Выходит, останки, которые то и дело обнаруживают в Коста-Рике, — подлинные. Это настоящие динозавры... У меня сейчас там находится друг из Йельского университета, полевой биолог. Так он утверждает, что видел их собственными глазами. Я ему верю!

Математик лишь руками развел.

— Очень сомневаюсь, чтобы в Коста-Рике осталась хотя бы одна подобная тварь.

— Верно... Никаких сообщений о необычных животных не поступает оттуда уже в течение целого года. Но стоит им промелькнуть в печати или еще где-нибудь — я тотчас намерен отправиться туда. А пока собираюсь снарядить экспедицию, разрабатываю детали подготовки... Думаю, спецтранспорт будет разработан и изготовлен в течение одного года. Я беседовал по этому поводу с доком Торном... После чего соберу подходящую команду... вполне возможно, даже с нашей уважаемой доктором Хардинг или

же с не менее выдающимся натуралистом... Ну и, конечно же, возьму с собой лучших студентов-выпускников...

Малкольм покачал головой.

— Вы считаете, я попусту теряю время, — язвительно заметил Ливайн.

— Безусловно.

— Но представьте... Только представьте, что они вновь начнут появляться!

— Да ничего подобного...

— А вдруг такое и впрямь случится? — поинтересовался Ричард. — Согласитесь ли вы мне помочь? Хотя бы в планировании экспедиции?

Ученый наконец-то завершил свою трапезу и отодвинул тарелку в сторону; затем внимательно посмотрел на молодого мужчину.

— Да, — вымолвил он, прикрыв глаза, чтобы не выдавать промелькнувшего волнения, — если подобные твари и впрямь снова заявят о себе — я готов вам помочь.

— Великолепно! — воскликнул Ричард. — Это как раз то, что бы мне хотелось знать.

Выйдя из кафе, профессор со своей спутницей подошли к весьма подержанному «Форду-Седану» Иана. Ричард же уселся за руль ярко-алого «Феррари» и, помахав на прощание, устремился вперед.

— И ты думаешь, это поможет? — спросила Сара. — А вдруг динозавры дадут о себе знать?

— Нет! — с твердой уверенностью ответил Малкольм. — В этом я абсолютно уверен.

— Надежды юношей питают...

Иан с большим трудом забрался на свое водительское место, подтягивая покалеченную ногу. Хардинг села рядом с ним. Бросив на нее мимолетный взгляд, Иан повернул ключ зажигания в замке. Они отправились обратно в институт.

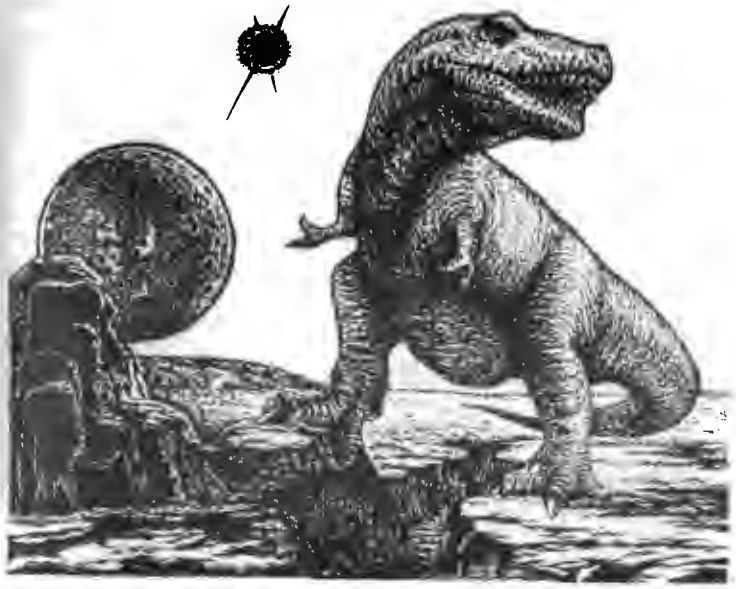
На следующей неделе Сара вновь уезжала в Африку. В течение последующих восемнадцати месяцев она на собственной шкуре испытала, что значит связаться с Ливайном. Время от времени он вызывал ее с отчетами по полевым изысканиям, в некоторых случаях Ричард расспрашивал биолога о состоянии колес или же о лучшей анестезии для животных. Порою ей звонил доктор Торн, занимавшийся поставкой и изготовлением транспорта... Как правило, он очень стеснялся.

От Малкольма не поступало никаких известий, хотя он и присылал на День Рождения поздравительную открытку. В этот раз поздравление пришло с месячным опозданием. В постскриптуме Иан приписал: «Счастливого Дня Рождения! Слава богу, что он не рядом с тобой. Этот человек буквально сводит меня с ума».

В закоснелом, консервативном регионе, находящемся как можно дальше от грани хаоса, индивидуальные элементы сливаются довольно медленно, не выказывая ярко выраженной единой структуры.

Иан Малкольм

ПЕРВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ



ФОРМЫ, ОТКЛОНЯЮЩИЕСЯ ОТ НОРМЫ

Много позже полудня вертолет снизился над побережьем, пролетая над береговой линией, переходившей в джунгли. Последняя из рыбацких деревушек промелькнула под ними еще десять минут назад. Теперь они лицезрели лишь непролазные коста-риканские леса, поросшие зеленью болота да бесконечные мили пустынных песков.

Сидевший рядом с пилотом Марти Гуитьерес выглянул в иллюминатор, окидывая взором проплывающее внизу побережье: в этом районе не имелось даже дорог.

Гуитьерес был вполне уравновешенным бородатым американцем тридцати шести лет отроду, полевым биологом, проведшим последние восемь лет в Коста-Рике. Когда-то он прибыл сюда, чтобы изучать птиц вида «Тукан», обитавших в дождевой сельве, но остался здесь на постоянное жительство в качестве консультанта «Резерва Биологика де Каррара» — национального парка на севере страны.

Щелкнув переключателем радиомикрофона, Марти крикнул пилоту:

— Сколько еще лететь?

— Минут пять, сеньор Гуитьерес.

Биолог повернулся к сидевшему в салоне вертолета и коротко бросил:

— Осталось уже немного.

Однако второй пассажир, скрючившись на заднем сиденье, на его слова никак не отреагировал, а просто сидел, подперев рукой подбородок и поглядывая с сумрачным видом в иллюминатор.

Ричард Ливайн одел полевое, выгоревшее на солнце «сафари» цвета хаки и австралийскую мягкую шляпу с опущенными полями, надвинув ее на самые глаза. На его груди болтался бинокль в потертом футляре. Несмотря на довольно затрапезный вид, палеонтолог пытался выглядеть, как заправский профессор: на заострившемся носу еле держались очки в тонкой металлической оправе.

Он напряженно посматривал по сторонам, то и дело раздосадованно покачивая головой.

— Что это за местность?

— Здешние называют ее Рохас.

— Значит, мы у южных границ страны?

— Да, километров пятьдесят от границы с Панамой.

Ливайн внимательно вглядывался через иллюминатор в проплывающие внизу джунгли.

— Что-то я никаких дорог не вижу, — прокричал он. — Как же они это чудовище обнаружили?

— Обычное дело... Парочка туристов, — ответил Гуитьерес. — Приплыли на лодке, облюбовали пляж...

— Когда это случилось?

— Вчера... Завидя эту тварь, они припустились оттуда со всех ног.

Ливайн молча кивнул.

Худой и долговязый, сейчас он более всего напоминал богомола. Кстати, в институте его также — правда, за спиной — называли этой кличкой. Во-пер-

вых, потому что Ричард внешне походил на данное насекомое; во-вторых, за его готовность откусить голову всякому, кто не соглашался с ним.

— Ты уже прежде бывал в Коста-Рике? — поинтересовался Гуитьерес.

— Нет. Я здесь — впервые, — ответил Ливайн, после чего довольно эффектно отмахнулся рукой, словно желая особо подчеркнуть, что пустая болтовня в данный момент его меньше всего привлекает.

Марти улыбнулся. Несмотря на пролетевшие годы, Ричард ничуть не изменился. Он по-прежнему оставался умнейшим человеком, сеявшим смуту в ученой среде. Они вместе учились в Йельском университете до тех пор, пока Ливайн не бросил докторскую программу, чтобы полностью посвятить себя сравнительной зоологии. Ричард заявил тогда, что современные полевые исследования, так привлекавшие Гуитьереса, его совершенно не интересуют. С весьма характерной для него презрительностью молодой человек сказал своему другу Марти: «Твоя работа состоит в том, чтобы собирать по всему свету образцы говна попугаев».

Но в действительности дело было в другом... Ливайн — энергичный дотошный умница — испытывал необыкновенную тягу к прошлому планеты. Как он сам любил говаривать: «К тому миру, которого уже давно не существует». Ричард бросился в изучение прошлого, словно одержимый. Он славился своей фотографической памятью, наглостью и острым умом; а также тем, что с нескрываемым удовольствием любил указывать на ошибки своих коллег. Как метко подметил один из них, «Ливайн никогда и ничего не забывает».

Полевые исследователи испытывали к наглецу нескрываемую неприязнь, и он отвечал им тем же. В

глубине души Ричард оставался педантичным собирателем каталога живых существ и просто обожал копаться в музейных коллекциях; пыли и неудобств полевых исследований юноша не любил. Будь его воля, Ливайн вообще бы не выходил из музейных запасников. Но судьба распорядилась так, что ему пришлось жить в период величайших открытий в истории палеонтологии. За последние двадцать лет число известных науке видов динозавров удвоилось, а каждые два месяца открывался и подробно описывался какой-нибудь новый вид. Поэтому общепризнанный научный авторитет Ливайна вынудил его постоянно скитаться по свету, инспектируя новейшие находки и выдавая экспертные заключения, без которых полевым исследователям никак нельзя обойтись.

— Откуда ты к нам прибыл? — поинтересовался Гуитьерес.

— Из Монголии, — отозвался Ливайн. — Побывал в пустыни Гоби, в районе Пылающих Скал, что в трех часах езды от Улан-Батора.

— Неужели? Что же там интересного нашли?

— Джон Рокстон кое-что выкопал... Обнаружил неполный скелет и принял его за новый подвид велосираптора... Он хотел услышать от меня окончательное решение.

— Ну и?

Ливайн лишь плечами пожал.

— Сам знаешь... Рокстон никогда толком не знал анатомии. Он, конечно же, энтузиаст своего дела, но, как только доходит до анализа находки, Джон не в состоянии самостоятельно определить, что же именно найдено.

— Ты ему об этом сказал?

— А почему бы и нет? Ведь это же правда...

– Как там дела со скелетом?

– Да он вообще не принадлежал хищнику! – возмутился Ричард. – Метарсалы все неправильные, кубис – слишком вентральный, в ишиуме отсутствует должный обтуратор, а длинные кости – чересчур легкие. Что же касается черепа... – он закатил глаза, припоминая подробности. – Палатальная область слишком мощная, анторбитальная фенестра слишком ростральная, дистальная карина – очень маленькая... Ну, и так далее... Не пойму, о чем только думал Рокстон! Мне же кажется, на самом деле он обнаружил останки одного из подвидов стенонихозавра... Хотя... Впрочем, у меня нет абсолютной уверенности.

– Стенонихозавр? – удивился Гуитьерес.

– Мелкий Триасский ящер... Метра два от хвоста до кончика морды. По правде говоря, весьма заурядный терапод. К тому же, находка Рокстона – отнюдь не лучший экземпляр. Хотя кое-что любопытное обнаружилось... Среди окаменелостей нашли отпечаток кожи динозавра. Сам по себе факт заурядный... До сих пор найдено уже около дюжины приличных отпечатков, в основном, принадлежащих виду HADROSAURIDAS. Но подобного я еще не встречал... Мне сразу же стало ясно – кожа этого животного обладает весьма необычными характеристиками, которые прежде у ящеров даже и не подозревались...

– Сеньоры, – перебил разговор ученых пилот вертолета, – перед нами залив Хуана Фернандеса.

– Сделайте, пожалуйста, облет, – попросил Ливайн и уставился в иллюминатор, напряженно вглядываясь в проплывающий внизу ландшафт. Они пролетали над простиравшимися на много десятков миль джунглями.

Спустя несколько секунд вертолет наклонился на вираже, делая разворот над береговой линией.

— Вот оно! — ткнул пальцем Гуитьерес.

Берег, усыпанный белым кварцевым песком, выглядел абсолютно пустынным под палящими лучами полуденного солнца. Немного южнее они заметили нечто темное и бесформенное, полуприсыпанное песком. Сверху это выглядело, словно обломок скалы или как большая груда выброшенных океанским приливом водорослей. Аморфная масса около пяти футов в поперечнике лежала на берегу... Песок вокруг истоптан человеческими ногами.

— Кто же тут уже побывал? — огорченно вздохнув, поинтересовался Ливайн.

— Чуть раньше сюда прилетали представители государственной службы здравоохранения.

— Они что-нибудь трогали? — спросил Ричард.

— Ручаться не буду, — отозвался Марти.

— Государственная служба здравоохранения... — с сомнением покачал головой Ричард. — Да что они в этом понимают! Их и близко подпускать сюда нельзя!

— Послушай... Я этой страной не правлю... Мною сделано очень много... Они ведь собирались уничтожить эту тварь до твоего прибытия. По крайней мере, мне удалось сохранить ее в неприкосновенности, хотя и неизвестно, сколь долго представители государства позволят этому нечто распространять зловоние по округе.

— В таком случае, лучше сразу же приступить к делу, — бросил Ливайн. — Какого черта мы болтаем языками — скоро же стемнеет! Немедленно сажаем вертолет... Мне бы хотелось посмотреть на это.

* * *

Ричард бежал, утопая в песке, к выделявшемуся на белом фоне темному силуэту. Даже на таком расстоянии в нос ударила острая вонь разлагающейся плоти.

Предварительный анализ Ливайн делал прямо на ходу, отбрасывая мешающий ему футляр с биноклем с груди.

Наполовину присыпанную песком тушу окружало целое облако мух. Ее довольно прилично раздуло от трупных газов, что делало идентификацию весьма затруднительной.

Ричард остановился в нескольких метрах от разлагающейся твари и достал фотоаппарат. Тотчас же пилот вертолета, оказавшийся рядом, выбил его из рук ученого.

— Но permitado!

— Что, что?!

— Весьма сожалею, сеньор, но делать какие-либо фотографии строжайшим образом запрещено.

— Какого черта?! — возмутился Ливайн, поворачиваясь к подоспевшему к ним Гуитьересу. — Марти, почему запрещено делать фото? Ведь эта находка может быть очень важной...

— Никаких фотографий, — повторил пилот.

— Марти, это же полное безумие!

— Не обращай внимания. Иди и делай свое дело, — промолвил Гуитьерес, после чего, активно жестикулируя, стал что-то объяснять по-испански летчику. Последний отвечал довольно резко и сердито.

Ливайн отвернулся. «Да черт с ними! — подумал он. — Они хоть сто лет могут спорить». Тяжело дыша, Ричард устремился вперед.

Вонь стала просто невыносимой. Хотя туша была довольно большой, ни птицы, ни грызуны ею не

кормились. Одни лишь мухи кружили над монстром и покрывали его столь плотной пеленой, что очертания мертвого животного, казалось, невозможно определить. «Солидный экземпляр! — мелькнула мысль у исследователя. — До того, как его раздуло на жаре, зверь, все равно, достигал размеров коровы или лошади...» Высохшая на солнце кожа растрескалась и местами стала загибаться кверху, обнажая слой желто-бурого подкожного жира. «О, господи! Как же здесь воняет!» — подумал Ливайн, прикрыв носовым платком нос. Он заставил себя подойти как можно ближе и, стараясь ничего не упустить, стал внимательно разглядывать непонятный труп. Безобразная туша явно к млекопитающим не имела никакого отношения. Кожа начисто лишена волосяного покрова, а первоначальный цвет — скорее всего, зеленый. Так же, как у ящерицы, вся поверхность тела покрыта разного размера пупырышками. В районе шеи и около лап имелись ярко выраженные складки. А вот по размерам протухшая туша ящерице явно не соответствовала. Ливайн сразу же прикинул, что при жизни тварь весила никак не меньше сотни килограммов. Кроме варанов острова Комода, ящериц подобной величины на Земле не существует. Varanus Komodoensis — довольно подвижные пресмыкающиеся десятифутовой длины, плотоядные. Величиной они обычно бывают примерно с крокодила. Но науке неизвестно, чтобы подобные вараны водились в Новом Свете. Возможно, это один из подвидов Iguanidae. Игуаны широко распространены по всей Южной Америке, а морские игуаны порой достигают крупных размеров. Но даже в этом случае данный труп принадлежал бы рекордному экземпляру.

Ливайн неторопливо осмотрел тушу со всех сторон. «Нет, — подумал он, — это точно не ящерица».

Громадина лежала левым боком к солнцу, наполовину засыпанная песком. Ряд протуберанцев, отмечавших спинные позвонки, находился всего лишь в нескольких дюймах над уровнем песка. Длинная шея причудливо изогнута. Голова спрятана под телом: так утка обычно прячет свою голову в перья. Хорошо просматривалась передняя конечность, слабая и недоразвитая. Что ж, придется откапывать голову... Но прежде Ливайн хотел сделать необходимые фотографии.

Чем больше Ричард вглядывался в эту тушу, тем осторожнее хотелось ему действовать. Потому что уже стало ясно — перед ним весьма редкое и, вполне возможно, неизвестное науке животное. Ливайн сейчас чувствовал необыкновенное возбуждение, и ему не хотелось сгоряча наломать дров. Если это и впрямь величайшее открытие, так казалось в данный момент, то крайне необходимо должным образом описать и запротоколировать сию чрезвычайную находку.

Гуитьерес на берегу продолжал ругаться с пилотом, который упрямо вертел головой, не соглашаясь с биологом. «Ох уж, эти бюрократы банановых республик, — подумал про себя Ливайн. — Почему мне запрещают фотографировать? Кому от этого будет плохо?» Ричард понимал, насколько важно зафиксировать внешний вид животного, прежде чем разложение окончательно его обезобразит.

Уши заложило от рокота двигателей. Взглянув вверх, Ливайн увидел второй вертолет, барражировавший над заливом. Его черная тень скользила по белому песку. Воздушный аппарат более походил на машину «Скорой помощи»: белый с красной надписью, которая совершенно не читалась в слабых лучах заходящего солнца.

Исследователь вновь повернулся к смрадной туше и вдруг заметил, что задняя нога животного куда

мощнее недоразвитой передней конечности. Судя по всему, тварь передвигалась в вертикальном положении, балансируя на сильных задних лапах. Конечно, науке немало известно ящериц, способных стоять, но чтоб при этом они оказались столь крупны!

Чем больше Ливайн рассматривал труп существа, тем больше убеждался — это вовсе не ящерица. Он старался действовать поразторопнее, поскольку солнце уже садилось, а сделать ему предстояло немало.

При изучении любого экземпляра непонятной твари всегда возникают два вопроса, в равной степени важных. Первый... Что же это за животное? И второй... Отчего оно погибло?

Разглядывая бедро существа, Ричард заметил лопнувший на большой площади эпидермис (скорее всего, из-за избыточного накопления трупных газов). Но при ближайшем рассмотрении ученый убедился, что, на самом деле, неизвестное животное ранено. Рваный развал проходил глубоко сквозь феморотибиалис и обнажал алую мышцу и бледную кость под ней.

Ливайн никакого внимания не обратил на умопомрачительное зловоние и белых червей, кишевших в открытых тканях раневого поля, поскольку до него вдруг дошло...

— Прости меня за все, — сказал подоспевший к нему Гуитьерес, — но пилот так и не дал согласия на съемку.

Летчик, подбежавший вслед за Марти, явно нервничал, внимательно наблюдая за парочкой придурковатых «гринго».

— Но мне, действительно, позарез нужно все заснять!

— Боюсь, ты не сможешь, — только и смог пробурчать Гуитьерес.

— Но все так важно, Марти!

— Прости, но я уже и так сделал все, что мог...

Метрах в двухстах от них приземлился второй вертолет, шум его винтов заметно стих; через мгновение из него десантировался целый военный отряд.

— Марти, как ты думаешь, что это за зверь?

— Могу лишь догадываться, — развел руками Гуитьерес. — С первого взгляда я бы назвал это прежде не идентифицированной игуаной. Конечно, она немного великовата для ящерицы... А самое главное, для Коста-Рики абсолютно нехарактерна. Подозреваю, животное попало сюда с Галапагоса или с одного из...

— Нет, Марти, — перебил его Ливайн. — Ты ошибаешься...

— Прежде чем ты еще что-либо скажешь, — проговорил Гуитьерес, поглядывая на пилота, — тебе следует знать: в этом районе уже несколько раз обнаруживались неизвестные науке виды ящериц. Никто не может взять в толк, откуда они берутся. Может, от того, что вырубается амазонская сельва или еще по какой-либо причине... Но, тем не менее, новые виды появляются. Еще несколько лет назад я стал наблюдать неизвестных науке особей...

— Марти... Да какая же это, к черту, ящерица?!

— Что ты говоришь? — удивился Гуитьерес. — Конечно же, она...

— Не думаю! — возразил Ливайн.

— Тебя, видно, ввели в заблуждение большие размеры... Но дело в том, что в Коста-Рике мы время от времени сталкиваемся с формами, весьма отклоняющимися от нормы...

— Марти... — холодно бросил Ливайн, — меня еще никогда никому и ничему не удавалось ввести в заблуждение.

— Да, да... Конечно же... Мне вовсе не хотелось тебя обидеть...

— Я говорю тебе с полной уверенностью — это не ящерица! — упрямо настаивал Ричард.

— Прости, — покачал головой биолог, — но я не согласен с тобой.

А тем временем десантировавшиеся из вертолета одевали белые хирургические маски.

— Я не требую, чтобы ты со мной соглашался, — произнес Ливайн, вновь поворачиваясь к туше. — Решить наш спор очень просто... Нужно откопать голову этого существа и внимательно осмотреть его лапы... Например, заднюю, которая, как мне кажется...

Он смолк, наклоняясь над зловонным трупом.

— Что там такое? — поинтересовался Гуитьерес, вытаскивая из кармана перочинный нож и протягивая его в открытую ладонь Ричарда. Тот пристально всматривался в полуразложившуюся тушу.

— Думаю, тебе это будет интересно.

— Так что же там такое?

— Да вот, сразу за постериорной дермальной границей... имеется...

Внезапно с побережья донеслись крики, и оба ученых, повернувшись, увидели, как высадившийся из вертолета отряд в белых масках спешно направляется к ним. За спинами у солдат виднелись какие-то бочки, и они что-то громко кричали по-испански.

— Что они говорят? — поинтересовался, нахмурившись, Ливайн.

— Чтобы мы поскорее убирались отсюда, — тяжело выдохнул биолог.

— Скажи им — мы работаем, — процедил Ричард, вновь наклоняясь над тушей.

Но солдаты все равно продолжали лопотать... В следующее мгновение послышался какой-то стран-

ный рев. Ливайн поднял голову и увидел, как в набирающих силу сумерках зажглись и засверкали огненные струи огнеметов. Ученый сразу же рванулся в сторону приближающегося отряда.

— Нет! Нет!

Местная гвардия никакого внимания на него не обращала.

— Это же бесценный экземпляр!

Подбежавший к Ливайну офицер схватил ученого за воротник рубашки и грубо швырнул на песок.

— Какого черта! — завизжал Ричард, поднимаясь на ноги.

Но... Слишком поздно! Струи пламени уже коснулись туши животного. Кожа тут же обуглилась, а скопившиеся трупные газы взорвались голубой вспышкой. Удушливый черный дым густо повалил к небу.

— Прекратите это! — закричал Ливайн, поворачиваясь к Гуитьересу. — Заставь их это прекратить!

Но Марти словно закаменел и не мог оторвать глаз от полыхающей туши. Объятое языками пламени туловище потрескивало, разбрызгивая жир. Потом, когда кожа окончательно сгорела, обнажились черные плоские ребра. В следующую секунду объятое огнем тело животного повернулось на другой бок, и вверх взметнулась горящая голова на длинной шее. От высокой температуры кожа и мышцы сократились — и пасть твари раскрылась. Ливайн навсегда запомнил длинную заостренную морду, ряд острых клыков хищника и пустые глазницы. Чудовище больше всего напоминало огнедышащего дракона средневековых легенд, готового взлететь к небу.

САН-ХОСЕ

Ливайн сидел в баре Сан-Хосе, попивая пивко, и ожидал самолета, который отправлялся в Штаты. Гуитьерес устроился рядом с ним за небольшим столиком, стараясь говорить как можно меньше. Неловкая пауза длилась уже в течение нескольких минут.

Марти уставился на лежащий у ног Ричарда рюкзак, сшитый из темно-зеленого гортекса с дополнительными кармашками для электронного оборудования.

— Отличная вещица, — заметил Гуитьерес. — Где ты ее достал, если не секрет? Уж больно она похожа на рюкзак Торна...

Ливайн пригубил напиток.

— Он самый...

— Милая штучка, — продолжил Марти. — Что ж там, в верхнем кармашке? Небось, спутниковый телефон? Господи, и чего только люди не придумают... Дизайн — что надо! Наверное, влетел в кругленькую сумму?

— Марти! — воскликнул в раздражении Ричард. — Хватит чушь молоть! Ты скажешь мне, наконец, или нет?!

— О чем ты?

— Я хочу знать, что же здесь, черт возьми, на самом деле происходит?

— Ричард, послушай... Прости, если...

— Нет! Там, на берегу, мы лицезрели великолепный экземпляр... И, тем не менее, его уничтожили... Не понимаю, как ты мог допустить?

Гуитьерес тяжело вздохнул и, оглянувшись на туристов, сидевших за соседним столиком, вполголоса промолвил:

— Думаю, это останется между нами...

— Можешь не сомневаться.

— Видишь ли, здесь возникла довольно крупная проблема...

— Какая же?

— На побережье стали, время от времени, появляться различные животные с явными отклонениями от нормы... Так продолжается уже в течение нескольких лет.

— Формы с явным отклонением от нормы... — повторил Ливайн, недоверчиво покачав головой.

— Таков официальный термин для обозначения этих существ, — продолжил Гуитьерес. — И никто в здешнем правительстве не заинтересован в его более подробном уточнении... А началось все около пяти лет тому назад... В горах, близ отдаленной сельхозстанции, на которой проводили эксперименты по выведению новых сортов бобов, обнаружили несколько таких тварей...

— Новых сортов бобов... — повторил Ричард.

Гуитьерес согласно кивнул.

— Этих животных явно привлекают бобовые культуры и некоторые травы. Полагаю, им жизненно необходим аминокислотный лизин, содержащийся в этих растениях. Однако, полной уверенности нет... Может, тварям просто нравятся некоторые виды растительной пищи.

— Марти, — перебил его Ливайн, — мне плевать, пьют ли они газировку или предпочитают пиво... Меня в данный момент интересует лишь одно: откуда могли появиться здесь подобные монстры?

— А вот этого никто не знает! — ответил Гуитьерес.

Некоторое время Ричард молчал, переваривая и осмысливая услышанное. Наконец он спросил:

— Что же произошло с теми, остальными животными?

— Всех их уничтожили... Насколько известно мне, с тех пор других не обнаруживали... А сейчас, похоже, они вновь стали появляться. В прошлом году мы нашли останки четырех таких тварей... Пятую ты видел сегодня.

— И что же предприняли?..

— Видишь ли, так называемые формы с ярко выраженными отклонениями от нормы приказано уничтожать в обязательном порядке. Теперь ты понимаешь, что правительство предприняло все возможное, чтобы скрыть происходящее от мировой общественности. Пару лет назад некоторые журналисты из США стали сообщать о кошмарных вещах на острове Исла-Нублар. Менендес пригласил по этому поводу великое множество корреспондентов со всего света, дабы они лично могли вести репортаж с названного мною места. Увы, всех их высадили совсем на другой участок суши... Они до сих пор не знают, что их, просто-напросто, обманули. Так что, как видишь, в данном вопросе правительство довольно строго...

— Но почему?

— Здешние власти весьма обеспокоены...

— Обеспокоены? Почему?

Гуитьерес наклонился к Ливайну и тихо шепнул на ухо:

— Эпидемия, Ричард...

— Какая еще, к черту, эпидемия?!

— Вот именно... Система здравоохранения Коста-Рики — одна из лучших в мире... Так вот, эпидемиологи обнаружили здесь какой-то странный вид энцефалита, вспышка которого сейчас наблюдается как раз в прибрежных районах.

— Энцефалит? Какого происхождения? Вирусного?

Гуитьерес покачал головой.

— Причины болезни специалистам не удалось установить.

— Марти...

— Говорю тебе, Ричард, никто этого не знает. Но это — не вирус. Вообще, не бактериальное заболевание, так как никаких культур так и не вывели... Местный энцефалит окружен тайной. Все, что известно сейчас врачам, — болезнь поражает крестьян, то есть людей, в основном занятых работой на земле и с животными. По симптоматике — чистейшей воды заболевание головного мозга: сильные боли в голове, бред, лихорадка, психические расстройства...

— Смертность?

— Пока что эта болезнь распространена на довольно ограниченной территории. Цикл длится около трех недель... Правительство чрезвычайно обеспокоено: ведь основу экономики составляет туристический бизнес... Поэтому никому здесь не хочется говорить о неизвестных болезнях.

— Выходит, они считают, что данная вспышка энцефалита имеет прямое отношение к так называемым формам, отклоняющимся от нормы?

— Ящерицы — известные переносчики вирусных заболеваний. Так что, вполне вероятно, определенная связь здесь существует.

— Но ты же уверен — это не вирус!

— Что бы ни было, власти считают непонятных тварей основными виновниками несчастья.

— Тем более необходимо выяснить, откуда приходят эти ящеры. Уверен: прочесаны самым тщательнейшим образом даже самые отдаленные районы страны...

— Прочесаны... — рассмеялся Гуитьерес. — Само собой... Они буквально просеяли сквозь сито каждый квадратный сантиметр земли своего государства. Причем, по нескольку раз... Затем организовали целый ряд экспедиций. Я сам возглавлял некоторые из

них... Осуществлялись облеты джунглей на небольшой высоте, облеты островов... Одним словом, проделали огромную работу... Островов у нас не так уж много, а уж тем более, вблизи западного побережья; их военные прочесали вдоль и поперек. Осмотрели даже частные островки...

— А разве у вас такие есть? — удивился Ливайн.

— Немного... Три или четыре... Например, Исла-Нублар... Этот остров арендован на несколько лет американской компанией «ИнДжен», и срок аренды еще не вышел...

— Ты же говорил, все обшарили тщательнейшим образом, но так ничего и не нашли.

— Совершенно верно.

— А как в других местах? Есть ли еще какие-нибудь острова, не принадлежащие государству?

— Сейчас скажу, — тут Гуитьерес принялся загибать пальцы. — Таламанка, на восточном побережье... Там находится клуб «Мед». Затем есть Сорна, на западе... Ее продали немецкой рудной компании. Потом, на севере... Остров Морасан — частная собственность одного богатого коста-риканского семейства. Ну, может, и существует еще какой-нибудь кусок земли, окруженный океаном, названия которого я сейчас не могу вспомнить...

— Каковы же результаты поисков?

— А их нет, — ответил Гуитьерес, — потому что абсолютно ничего не обнаружено. Предполагается, эти твари лезут из самых непроходимых районов в джунглях.

— Вот почему мы их еще не встречали прежде... В таком случае, нам просто крупно повезло, — пробурчал Ливайн.

— Здешняя сельва — идеальная среда для того, чтобы оставаться незамеченным. Исследователи мо-

гут пройти в десяти ярдах от крупного животного и не заметить его. Даже суперсовременные детекторы здесь бессильны, так как слишком много помех: облака, листва, цветы, травы... С этим ничего нельзя поделать... Все, что угодно, может замаскироваться в зарослях. Так или иначе, но правительство недовольно. Само собой разумеется, оно — не единственная заинтересованная сторона.

— Вот как?! — искренне удивился Ливайн.

— Да... По определенным причинам вокруг этих животных возник нездоровый ажиотаж.

— В каком это смысле? — по возможности равнодушным тоном поинтересовался Ричард.

— Прошлой осенью власти официально разрешили группе ботаников из Беркли произвести облет джунглей в горах центральной части Коста-Рики... Полеты продолжались целый месяц, пока не возник спор, кто же именно должен оплачивать топливо, расходуемое вертолетами. Так или иначе, но бюрократы из Сан-Хосе отправили жалобу в университет. Оттуда незамедлительно пришел ответ: никакой экспедиции не посылалось. Естественно, еще до получения сообщения из Беркли, поисковая группа «ботаников» уже сбежала за пределы страны.

— И никому не известно, кто же они были на самом деле?

— Конечно, нет... А прошлой зимой здесь объявилась парочка геологов из Швейцарии, которые якобы собирали пробы вулканических газов на островах. На многих участках суши в Коста-Рике до сих пор имеются действующие вулканы, поэтому их изыскания не вызвали никаких подозрений. Позже, правда, выяснилось: псевдогеологи, на самом деле, работали на американскую фирму «БиоСин», занимающуюся прикладной генетикой, а мнимые «швей-

царцы» искали на островах каких-то крупных животных.

— Но почему это должно интересовать биотехническую корпорацию? — изумился Ливайн. — Какой смысл...

— Тебе или мне это и впрямь может показаться бессмысленным, — продолжил Гуитьерес. — Но у «БиоСина» — довольно подмоченная репутация. Пост директора исследовательского центра данной фирмы занимает некто Льюис Доджсон...

— О, да! — вспомнил Ливайн. — Как же, помню. Он — тот самый злодей, испытавший пару лет назад в Чили новую вакцину против бешенства. Причем, препарат вводили ничего не подозревавшим об этом крестьянам.

— Именно он... Доджсон также принялся торговать генетически выведенным картофелем, не сообщая покупателям о том, что за продукт он продает; после чего детишек пробрал понос, а многие из них оказались в больнице. Компании после этого, чтобы спасти свое честное имя, пришлось нанимать Джорджа Бэйселтона.

— Похоже, последний сейчас нарасхват, — констатировал Ричард. Гуитьерес пожал плечами.

— Немало светил в наши дни консультирует бизнесменов... Никуда не денешься. А Бэйселтон — профессор биологических наук, и компания хочет, чтобы он, наконец-то, навел порядок. Ведь Доджсон и дня не может прожить, не нарушив закон. Льюис имел своих платных агентов по всему свету, которые крали секретную информацию в других научно-исследовательских центрах.

— Почему «БиоСин» проявляет такой интерес к Коста-Рике?

Марти лишь развел руками.

— Не знаю... Но отношение к исследованиям, в целом, изменилось, Ричард. Это особенно заметно здесь. Природная среда Коста-Рики — одна из богатейших в мире. Пятьсот тысяч видов животных на двенадцати четко выделяемых ареалах обитания... Пять процентов всех живущих на Земле видов живых существ! Уже в течение многих лет данное государство является своего рода биологическим научно-исследовательским центром, но... Скажу только одно — все изменилось. В прошлом сюда приезжали лишь свято преданные науке ученые. Эти люди не искали себе никакой выгоды... А вот сейчас все, относящееся к биосфере, имеет потенциальную ценность. Никто не может с точностью предсказать, как именно будет открыт очередной лекарственный препарат, а потому фармацевтические компании активно финансируют разного рода исследования. Вполне возможно, куриное яйцо содержит в себе протеин, делающий его водонепроницаемым; не исключено, что паук вырабатывает пептиды, вызывающие сворачивание крови; может быть, в листьях папоротника есть эффективное болеутоляющее... Само отношение к научным изысканиям в последнее время радикально изменилось.

Люди не просто исследуют природу... Они еще при этом и активно разрабатывают ее, подобно залежам угля или нефти. Одним словом, психология грабителя.

Все новое и неизвестное интересно потому, что может стоить денег. Порою на новом можно сделать целое состояние, — Гуитьерес осушил свою пивную кружку. — Мир перевернулся, — подытожил он. — И дело в том, что слишком много людей хотят знать об этих, якобы отклоняющихся от нормы и том, откуда они появляются.

Громкоговорители объявили посадку на рейс Ри-

чарда Ливайна. Оба ученых одновременно встали из-за стола.

— Думаю, ты будешь помалкивать, — сказал Гуитьерес. — Ну, насчет того... увиденного сегодня...

— По правде говоря, сам не знаю, что я сегодня видел...

Марти ухмыльнулся.

— Что ж, счастливого пути, Ричард.

— Храни тебя бог, дружище.

ОТЪЕЗД

Ливайн, перекинув рюкзак через плечо, прошел к залу для отъезжающих. Он повернулся, чтобы помахать на прощание Гуитьересу, но его товарищ уже вышел из здания и старался поймать такси на прилегающей к аэропорту площади. Пожав плечами, Ричард отвернулся.

За его спиной уже выстроилась очередь к столу таможенника, ставящего штампы в паспортах транзитных пассажиров. Ливайн вылетал ночным рейсом в Сан-Франциско с довольно продолжительной пересадкой в Мехико. Наверняка, у него будет время связаться с офисом и сообщить секретарю о своем прибытии. Кроме того, стоит позвонить и Малкольму.

Оглянувшись по сторонам, он заметил на стене справа надпись ICT TELEFONOS INTERNATIONAL и ряд телефонных автоматов под нею. Но аппаратов — только четыре, и все оказались заняты. «Лучше воспользоваться находящемся в рюкзаке спутниковым устройством, — решил Ричард, — и, что вполне возможно, это будет даже...»

Тут он замер и внимательно посмотрел на стоящих под надписью людей. Звонивших было четверо. Первая – блондинка в шортах и короткой футболке, качавшая на руках малыша во время разговора. Рядом с ней стоял бородач в сафари, то и дело поглядывавший на свои дорогие часы марки «Роллекс». Здесь же находилась седовласая бабушка, оживленно лопотавшая по-испански, а два верзилы-сына, стоявшие рядом с ней, что-то красноречиво показывали ей жестами. Последним у телефонного автомата расположился пилот вертолета, тот самый... Только теперь на нем не было формы; ее сменили белая рубашка с короткими рукавами и темный галстук. В данный момент он повернулся к Ливайну спиной.

Ричард подошел к нему поближе и, к великому своему удивлению, расслышал, как летчик говорит на чистейшем английском. Ливайн опустил рюкзак на пол, сделав вид, что копается в его недрах, и весь обратился в слух. Пилот по-прежнему стоял к нему спиной.

– Нет, нет, профессор... – бросил он в телефонную трубку. – Совсем не так... Нет... – после чего последовала пауза. – Нет... Говорю вам, нет... Простите, профессор Бэйселтон, но это неизвестно... Да... Это – остров... но вот какой... Надо немного подождать... Нет, нет... Он покидает страну сегодня вечером... Господи, нет... Думаю, он ничего не знает и, само собой, никаких фотографий нет... Понимаю... Адьос...

Ричард пригнулся, когда таинственный летчик с решительным видом направился к выходу из зала.

«Какого черта?! – подумал про себя Ливайн. – Это остров... Но вот какой? И откуда им все-таки известно об этом? Я, например, до сих пор не уверен окончательно... А ведь я работаю над данной проблемой день и ночь. И откуда они сюда лезут?..»

Поспешив отойти подальше от любопытных глаз, Ричард нашел в зале ожидания укромный уголок и извлек из рюкзака портативный спутниковый телефон. Быстро набрав код, он позвонил в Сан-Франциско. Аппарат пискнул, и электронный голос протрещал: «Пожалуйста, наберите код-пароль». Ливайн набрал шестизначное число — послышался гудок, после чего он услышал: «Можете оставить свою информацию».

— Я звоню, — вполголоса промолвил Ливайн, — чтобы сообщить о результатах своей поездки... Итак, найден единичный экземпляр, причем в отвратительнейшем состоянии... Местонахождение — квадрат ВВ-17 на твоей карте. Это как раз на крайнем юге, что, в принципе, не противоречит нашей гипотезе... Я не смог провести более точной идентификации, так как они поспешили сжечь останки. Но мое мнение — это все-таки орнитолестес. Насколько тебе известно, его нет в списке... Поэтому считаю: данное животное — чрезвычайно ценная находка.

Ричард оглянулся по сторонам. Нет, никого поблизости не обнаружилось. Похоже, никто сейчас не обращает на него особого внимания.

— Более того, на бедре монстра имелась глубокая проникающая рана... Меня обеспокоила данная деталь...

Ливайн помолчал, соображая, не сболтнул ли он чего-либо лишнего.

— Я отсылаю образец, требующий более тщательного изучения. Мне кажется, сей проблемой заинтересовался еще кое-кто. Но, так или иначе, происходящее здесь — нечто новое, Иан... Уже почти год не попадалось ни одного экземпляра, а вот теперь все начинается по-новому. Точнее сказать, это, вообще, нечто, прежде неизвестное... И мы еще совершенно не в состоянии понять...

«Неужели? – подумал Ричард, нажимая кнопку отключения связи. Он убрал антенну и спрятал аппарат в кармашек рюкзака. – Может, нам известно куда больше, нежели мы в состоянии осознать?» Ливайн задумчиво посмотрел на стол таможенника...

Пришла пора ставить печати и садиться в самолет.

ПАЛО-АЛЬТО

В два часа ночи Эд Джеймс завернул на почти пустую стоянку ресторана Мари Каллендер, что располагался на Картер Роуд. Около входа уже стоял приготовленный для него черный «БМВ». Сквозь ветровое стекло виднелся хмурый лик Доджсона. Эд еще никогда не лицезрел его в хорошем настроении. В данный момент Льюис разговаривал с сидящим рядом с ним толстяком, то и дело поглядывая на часы. Толстый челóвек оказался Бэйселтоном, тем самым профессором, что частенько появлялся на экранах телевизоров.

У Джеймса будто камень с души упал: слава богу, этот болтун здесь. Доджсон явно вызывал подозрения, но трудно представить, чтобы «звезда телевидения» оказался замешан в каких-то теневых махинациях.

Отключив зажигание, Эд повернул к себе зеркало заднего вида, застегивая рубашку на все пуговицы и поправляя галстук. Он еще раз взглянул на свое отражение – нечесанный, усталый мужик с двухдневной щетиной. «Какого черта! – мелькнула мысль у Джеймса. – Ну почему у меня нет права выглядеть измученно... Время-то перевалило уже за половину этой проклятой ночи!»

Доджсон всегда планировал встречи на поздние часы, и всегда — в этом обрыдлом и занюханном ресторане Мари Каллендер. Почему? Сие так и оставалось тайной для Джеймса.

Кофе здесь подавали отвратительнейший.

Достав из кармана объемистый пакет, Эд выскочил из машины, эффектно хлопнув дверцей, и направился ко входу в убогое заведение.

Уже в течение многих недель Доджсон платил ему по пятьсот долларов в день, рассчитываясь за слежку за учеными. Поначалу Джеймс полагал, что это просто какой-то промышленный шпионаж. Однако никто из наблюдаемых не работал на промышленные фирмы. Все они занимали различные должности в университетах и занимались скучнейшими науками. Ну, вот, например, эта палеонтолог Саттлер, исследовавшая исключительно доисторическую цветочную пыльцу... Эд чуть не уснул на одной из ее лекций в Беркли. Господи, да такой скукотищи и тягомотины ему еще не приходилось выслушивать! Конечно, пятьсот долларов в день эта болтовня не стоила.

Джеймс прошел в зал ресторана и сразу же направился к давно знакомой кабинке. Сев напротив Бэйселтона и Доджсона, он жестом приказал официантке принести кофе. Льюис с ненавистью уставился на него.

— Времени у меня мало, — процедил он сквозь зубы, — так что давай по существу...

— Хорошо, — отозвался Эд, открывая конверт; через мгновение на стол легли какие-то листочки и фотографии. Передав их Доджсону, Джеймс продолжил:

— Алан Грант, палеонтолог университета Монтана... сейчас его на месте нет — он в Париже, читает лекции по поводу недавно раскопанных останков

динозавров. Явный оригинал: считает, что тиранно-завры пытались исключительно падалью и...

– Это несущественно, – перебил его Доджсон, – продолжайте...

– Эллен Саттлер Рейман, ботаник, постоянно работавшая с Грантом. Теперь замужем за физиком из Беркли, родила ему сына и дочку. Сейчас преподает в университете на полставки, а остальное время проводит дома, потому что...

– Дальше, дальше...

– Что касается других, то большинство из них – на том свете. Дональд Дженнаро, адвокат... помер от дизентерии, находясь в командировке. Деннис Недри, работавший на фирму «Интегрэйтед Компьютер Системз»... Также скончался. Джон Хаммонд, основатель корпорации «Интернешнл Дженетик Технолоджиз», умер во время инспекции исследовательского центра фирмы в Коста-Рике. С ним жили его внуки. Дети же здравствуют со своей матерью, на востоке...

– Кто-нибудь контактировал с ними?! Я имею в виду людей из «ИнДжена»...

– Нет, никаких контактов... Мальчик поступил в колледж, девочка заканчивает школу... А «ИнДжен» после смерти Хаммонда преследуется в судебном порядке. Фирму буквально затаскали по судам... Дело кончилось тем, что в последние две недели вся принадлежавшая компании недвижимость была распродана.

– А Площадка «Б» в этом не замешана? – впервые вклинился в разговор Бэйселтон.

– Площадка «Б»? – искренне удивился Джеймс.

– Именно... Вам никто не говорил про Площадку «Б»?

– Нет, прежде я еще о таком не слышал...

— Если случайно услышите, сразу же сообщите, — оборвал Эда Бэйселтон.

Сидевший рядом с ним Доджсон еще раз пробежал взглядом по фотографиям и листкам с соответствующей информацией, после чего в нетерпении швырнул их обратно Эду.

— Что еще?

— Все, доктор Доджсон.

— Все? — удивился тот. — А Малкольм? А как насчет Ливайна? Думают ли они по-прежнему?

Джеймс порылся в своей записной книжке.

— Не уверен...

— Не уверены? — нахмурился Бэйселтон. — Что вы хотите этим сказать?

— Малкольм познакомился с Ливайном в Институте Санта-Фе, — сказал Эд. — Они оба работали там пару лет назад... Но сейчас Иан читает курс лекций в Беркли, на биологическом факультете. Основная тема — «Математические модели эволюции»... Похоже, всякие контакты между ним и его оппонентом прекращены...

— Они поссорились?

— Вполне возможно... Слышал, что они поскандалили из-за экспедиции Ливайна...

— Какой еще экспедиции? — обратился в слух Доджсон.

— Ричард, примерно около года назад, планировал какую-то вылазку на раскопки... Он даже заказал транспорт в компании «Мобайл Филд Системз», небольшой мастерской в Вудсайде. Заправляет там некий Джек Торн, который оснащает всем необходимым джипы и грузовики для ученых, выезжающих на полевые изыскания. Его оборудование отлично зарекомендовало себя и в Африке, и в Сычуане, и в Чили.

— Малкольм знает хоть что-нибудь об этой экспедиции?

— Должен... Он ведь, время от времени, навещает Торна. Приблизительно, раз в месяц... А вот Ливайн там каждый день ошивается и, благодаря этому, даже попал в тюрьму.

— В тюрьму? — удивился Бэйселтон.

— Да, — промолвил Джеймс, листая свою записную книжку. — Сейчас, подождите минуточку... Ага, вот оно! Итак, десятого февраля Ричарда арестовали за превышение скорости прямо перед Вудсайдской мастерской. Судья конфисковал у него «Феррари», отобрал лицензию и послал на принудительные работы на благо общества, то есть заставил потрудиться в качестве простого учителя в общеобразовательной школе.

Бэйселтон улыбнулся.

— Ричард Ливайн обучает старшеклассников! Многое бы отдал, чтобы посмотреть на этот цирк...

— Осужденный вел себя весьма сознательно... Правда, большую часть времени он проводил у Торна. Впрочем, лишь до тех пор, пока не покинул страну...

— Так когда же он выехал? — поинтересовался Доджсон.

— Два дня тому назад... отбыл в Коста-Рику... в краткую командировку. Должен был вернуться сегодня, рано утром...

— Ну, так где же он?

— Не знаю... Боюсь, этого уже не выяснить...

— Почему?

Джеймс откашлялся.

— Потому что он значился в списке пассажиров рейса из Коста-Рики... Однако, когда самолет приземлился в Штатах, Ричарда Ливайна в нем не оказалось. Мой агент в Коста-Рике сообщил: американец

покинул отель как раз перед самым отлетом и больше уже не возвращался. Другими самолетами он не воспользовался... А потому, боюсь, на сегодня мистер Ливайн числится в списках пропавших без вести.

Последовала продолжительная пауза. Доджсон, откинувшись в кресле, эффектно присвистнул, затем перевел взгляд на покачавшего головой Бэйселтона.

— А вот теперь слушай, тупорылый сукин сын, — обратился к Джеймсу Льюис. — Мне, в данный момент, нужно от тебя лишь одно... Заданьице это проще простого... Ты меня слушаешь?

Эду стало не по себе.

— Да, сэр.

— Так вот... — перегнулся через столик Доджсон. — Найди его!

БЕРКЛИ

Малкольм на мгновение оторвался от своей писанины, так как в офис вошла его секретарша Беверли. С нею — какой-то посторонний мужчина с коробкой в руках.

— Извините меня за беспокойство, мистер Малкольм, но почтальон принес бандероль с образцами из Коста-Рики. Необходимо заполнить соответствующие бумаги.

Профессор встал и вышел из-за стола. Он уже больше не пользовался своей тростью, особенно в течение последних недель, стараясь, по возможности, обходиться без нее. Конечно, острая боль в ноге еще напоминала о травме, но Ян твердо решил окончательно реабилитироваться. Даже его личный врач-терапевт, вечная оптимистка Синди не удержалась и

высказалась по этому поводу: «Господи, ведь прошло уже несколько лет, а у вас вдруг ни с того, ни с сего появилось желание срочно стать здоровым... Что же случилось, если не секрет?»

— Знаете ли, — улыбнувшись, ответил Иан, — не могу же я ходить всю жизнь с палочкой.

На самом деле причина оказалась совершенно иной: буквально загнанный в угол неиссякающим энтузиазмом Ливайна и его постоянными звонками в любое время дня и ночи, Малкольм подверг основательному пересмотру свои собственные взгляды. В конце концов, он пришел к выводу: вполне возможно и даже вероятно, что вымершие животные существуют в каком-нибудь отдаленном местечке, где об их обитании никто и не догадывается. У профессора имелись свои причины думать подобным образом; о них он прозрачно намекал в свое время Ричарду. Вероятность существования еще одного острова, неизвестного широкому кругу исследователей, заставила Иана ходить, не опираясь на трость. Малкольм хотел приготовиться к будущему визиту на эту неизведанную землю, а потому приступил к ежедневным тренировкам.

Совместно с Ливайном они сузили район своих поисков до гряды островов, протянувшихся вдоль побережья Коста-Рики. Ричард всегда загорался любой новой идеей, но для профессора все пока оставалось гипотезой...

Малкольм решил не подвергать себя волнениям до той поры, когда явное свидетельство подтвердит подлинность их предположений. Четкое фото или хотя бы подлинные образцы тканей — дабы продемонстрировать свету, что необычные животные, действительно, существуют. В данный момент профессор никаких конкретных свидетельств тому не видел, но, по

правде говоря, даже не знал, стоит ему огорчаться или радоваться по этому поводу.

Итак, образец, посланный Ливайном, все же прибыл. Малкольм быстро заполнил необходимые бланки.

Надпись на крышке посылки гласила: «Исключительно важные материалы (образцы для биологических исследований)».

— Можете проверить содержимое, сэр, — сказал почтальон, — но перед этим еще раз посмотрите на наш бланк и поставьте, где необходимо, крестик.

Иан пробежал взглядом по весьма пространному опросному листу. Был ли экземпляр живым? Являлся ли он культурами бактерий, грибков, вирусов или плазмы? Зарегистрирован ли официальным протоколом? Не представляет ли для окружающей среды угрозу заражения? Доставили ли его с фермы? Относится ли он к растениям? Являлся ли насекомым?..

Против каждого вопроса Малкольм аккуратно написал слово «нет».

— Там есть и другая страница, сэр, — напомнил ему почтальон, обводя взглядом кипы бумаг и утыканные красными булавками карты. — Сэр, вы здесь занимаетесь какими-то медицинскими исследованиями?

Иан поставил подпись внизу второго листа.

— Нет.

— А вот еще третий, сэр.

После заполнения третьей формы почтальон откланялся.

Малкольм присел на край стола, поморщившись от боли.

— Нога? — поинтересовалась Беверли, открывая посылку и разворачивая находившийся внутри газетный сверток.

— Да нет... Со мной все в порядке, — произнес профессор, бросив взгляд на стоящую в углу трость.

Вздохнув, он направился в противоположный угол комнаты.

Беверли развернула газеты и обнаружила маленький, размером с кулак, цилиндр из нержавеющей стали. К нему приклеили знак «Осторожно! Биологическая опасность!» и прикрутили небольшую емкость с охлаждающим газом. Поместив металлический контейнер под свет яркой лампы, Малкольм проговорил:

— Что ж, посмотрим, что его так взволновало...

Не торопясь, он отвинтил крышку цилиндра. Изнутри с шипением вырвался газ и легкое облачко конденсата. Емкость покрылась инеем. Заглянув внутрь, Иан рассмотрел пластиковый пакетик и какую-то записку.

Профессор вытряс содержимое на стол: в упаковке находился кусочек зеленоватой плоти площадью около пяти квадратных сантиметров с прикрепленной к нему массивной пробиркой. Малкольм посмотрел на непонятный обрывок через увеличительное стекло: «Да, так и есть! Зеленая кожа с характерными пупырышками! Что ж, все может быть... Может быть...»

— Беверли! — воскликнул Иан. — Позвони в зоопарк Элизабет Гельман... Скажи ей, что мне очень хочется, чтобы она тут кое на что посмотрела и высказала свое веское слово... Да... И добавь — это строго конфиденциально.

Секретарь, кивнув, отправилась звонить, а Малкольм тем временем развернул прилагавшуюся к образцу записку, желтый листок из записной книжки. Крупными печатными буквами Ливайн написал на нем: «Я БЫЛ ПРАВ, А ВЫ — ОШИБЛИСЬ».

Иан нахмурился: «Вот сукин сын!»

– Беверли! После того, как позвоните Элизабет, свяжитесь с Ричардом Ливайном. Должно быть, он в своем офисе... Мне необходимо срочно с ним переговорить...

ЗАТЕРЯННЫЙ МИР

Ричард Ливайн прижался лицом к теплой влажной скале и отдышался. В пятистах футах под ним бушевал океан, и белые алмазы брызг дробились о черные камни. Лодка, на которой он прибыл сюда, уже вновь уплыла на восток, но она вернется за ними. Просто на этом пустынном островке нет ни одной безопасной гавани, где можно спокойно переждать взбесившийся прилив.

Теперь им оставалось только надеяться на себя. Тяжело вздохнув, Ливайн посмотрел на карабкавшегося по скале в двадцати футах ниже Диего. У него на спине висел объемистый рюкзак со всем их снаряжением. Но Диего молод и силен... Он ободряюще улыбнулся Ричарду:

– Держитесь, сеньор, осталось уже немного.

– Надеюсь, – ответил Ливайн.

Когда исследователь смотрел на эту скалу в бинокль из лодки, ему показалось, что лучшего места для высадки им не найти. Однако, при ближайшем знакомстве, гора оказалась почти вертикальной и невероятно опасной, поскольку вулканическая порода, из которой она состояла, то и дело осыпалась под ногами.

Ломая ногти, Ливайн взбирался вверх, тяжело дыша от усталости и страха.

— Осталось всего каких-то двадцать метров, — ободрял его Диего. — У вас получится...

— Не сомневаюсь, — стуча зубами от холода и напряжения, промямлил Ричард. — Потому что в противном случае...

Чем ближе он подбирался к вершине скалы, тем более усиливались порывы ветра, дико свистевшего в ушах и буквально срывавшего одежду; похоже, природа собиралась вообще сбросить его отсюда.

Вглядываясь вверх, Ливайн уже различал непроходимые заросли, начинавшиеся над обрывом. «Почти рядом, — подумал он. — Буквально в двух шагах».

И вот, наконец, Ричард все же добрался до вершины и, обессиленно рухнув на влажные мягкие папоротники, закрыл глаза. Через мгновение рядом с ним оказался неунывающий Диего. Разглядывая стройные папоротники, Ливайн все еще никак не мог отдышаться, его ноги горели огнем... Но, так или иначе, — он на месте, он добрался!

Впереди простирались джунгли: первобытный лес, в который еще не ступала нога человека. Как раз то, что он видел на снимках, полученных со спутников. Ричард вынужден был доверять фотографиям из космоса, поскольку карт островов, находившихся в частном владении, не существовало. А место, где они высадились, вообще изолировано от шумного мира людей водами Тихого океана.

Ливайн прислушался к вою ветра и шелесту пальмовых листьев, брызгавших росою ему в лицо. И тут он расслышал еще какой-то звук, напоминающий крик птицы, но куда более мощный, низкий и резонирующий. Исследователь весь обратился в слух. Черт! Опять этот звук... Резкий щелчок за спиной заставил его повернуться: Диего зажег спичку и уже подносил ее к сигарете. Ливайн отрицательно замотал головой: «Нет!»

Явно озадаченный, помощник нахмурился. Ричард поднес к губам указательный палец и показал рукой в направлении источника странного звука. С безразличным выражением на лице проводник лишь повел плечами. На него происходящее не производило никакого впечатления.

«Это все потому, что он даже не представляет себе, с чем нам придется здесь столкнуться», — подумал про себя Ливайн, расстегивая молнию на темно-зеленом рюкзаке и начиная сборку большого ружья фирмы «Линдштрадм». Оружие изготовили для него по спецзаказу в Швеции, используя последние технологии в охотничьем снаряжении. Ричард прикрепил ствол к прикладу, вставил блок спускового механизма, проверил обойму с газовыми патронами, после чего протянул ружье Диего. Тот, пожав плечами, перекинул его за спину.

Тем временем Ливайн извлек из кобуры черный анодированный пистолет марки «Линдштрадм» и засунул его себе за пояс. Но, подумав немного, вытащил снова и дважды проверил, не стоит ли он на боевом взводе. После всех этих манипуляций с револьвером Ричард спрятал его все-таки в кобуру.

Поднявшись с травы, ученый жестом приказал Диего следовать за ним. Тот, застегнув молнию на рюкзаке, взвалил его себе на спину.

И вот они, наконец-то, стали спускаться по пологому склону, удаляясь прочь от обрыва. Почти тотчас же их одежда промокла от соприкосновения со влажной листвой. Обзор полностью отсутствовал из-за плотного окружения растительностью. Больше чем на два фута, впереди ничего не видно. Папоротники здесь разрослись до невероятных размеров: футов двадцать в высоту, если не больше, листва величиной с человека, пикообразные стебли. А над папоротниками сплетались вершины деревьев, практичес-

ки не пропуская к земле солнечный свет. Они двигались в полумраке, ступая по влажной и пористой губкообразной замшелой почве.

Ливайн часто останавливался, поглядывая на пристегнутый к запястью компас. Исследователи направлялись на запад, спускаясь по пологому склону, в направлении внутренней части острова, который (Ливайн это хорошо знал) являлся остатками древнего вулканического кратера, разрушившегося за многие столетия из-за воздействия перепадов температур, влажности и ветра. Внутренняя поверхность острова представляла собой ряд хребтов, спускавшихся в сторону давно потухшего кратера. Здесь, на восточной стороне, рельеф местности выглядел достаточно полого и неровно.

Чувство полной изоляции и возврата в первозданный мир наполняло душу более, чем ощутимо. Сердце Ричарда учащенно забилось в предчувствии чего-то необычного.

Спустившись с холма, они переправились через заболоченный ручей и вновь стали подниматься вверх. На вершине следующего хребта в зарослях появился заметный просвет, и Ливайн ощутил кожей столь долгожданный бриз. Отсюда прекрасно просматривалась противоположная оконечность острова и черные скалы в нескольких милях от них. Кроме мирно колыхавшихся джунглей между путешественниками и далеким краем суши ничего не было. Стоявший рядом с ученым Диего прошептал:

— Фантастико!

Ричард тут же зашикал на него.

— Но, сеньор, — возмутился проводник, — ведь, кроме нас, здесь никого нет.

Ливайн в раздражении замотал головой: он ведь уже тысячу раз объяснял Диего, пока они плыли сюда

на лодке, как только окажутся на острове — не говорить ни слова, не пользоваться никакими лосьонами для волос и одеколонами, не курить. Все продукты герметично упаковали в пластиковые контейнеры, причем, с особой тщательностью. Никаких запахов, никаких лишних звуков! Не один раз предупреждал Ричард Диего о крайней необходимости подобных предосторожностей.

Но теперь стало совершенно очевидно, что проводнику на них наплевать — он просто не понимал, зачем это нужно. Ливайн сердито ткнул в бок своего помощника и вновь отрицательно замотал головой.

Диего улыбнулся:

— Сеньор, ради бога, но здесь ведь одни птицы.

И в это мгновение они услышали какой-то совершенно неземной, глубокий и дребезжащий, крик из самых дебрей простиравшихся перед ними джунглей. Спустя секунду послышался ответный крик с противоположного края леса.

Глаза Диего расширились в испуге от непонимания происходящего.

— Ну, что? Это, по-твоему, птички? — прошипел сквозь стиснутые зубы ученый. Проводник безмолвствовал, покусывая губу и внимательно поглядывая на зеленые заросли.

Немного южнее заколыхались вершины деревьев, и целый сектор леса зашумел, словно под сильными порывами ветра. Однако остальная часть джунглей оставалась совершенно неподвижной. Значит, это — не ветер. Диего поспешил перекреститься. До их ушей долетели и другие крики, продолжавшиеся не менее минуты, после чего вновь наступила гробовая тишина.

Ливайн пошел вниз по склону, с каждым шагом все более углубляясь в джунгли. Он старался продви-

гаться вперед как можно быстрее, посматривая под ноги, чтобы не наступить на змею, и вдруг услышал за спиной тихий призывный свист. Повернувшись, Ричард увидел Диего, показывающего куда-то влево. Пригнувшись, ученый раздвинул ветки и последовал за проводником. Через мгновение они наткнулись на два параллельных следа в грязи, которые давно уже поросли травой и папоротниками. Тем не менее, можно определить, что они оставлены колесами джипов и уводят в глубь девственной сельвы. Конечно же, путешественники отправились по ним. Ливайн понимал: по дороге они будут двигаться вперед куда быстрее, чем через лесные заросли.

Ричард сделал жест проводнику, и Диего поспешил снять со спины рюкзак. Теперь наступила очередь Ливайна нести ношу, он молча взвалил ее себе на плечи и двинулся дальше.

Местами следы джипа почти исчезали (настолько они заросли травой). Вполне понятно... Ведь в течение многих лет никто не пользовался этой дорогой. Еще удивительно, как джунгли не успели поглотить ее.

Где-то позади заворчал Диего, послышалась приглушенная ругань. Ливайн повернулся и увидел, что проводник по щиколотку вляпался в кучу темно-зеленого дерьма. Ричард поспешил к своему помощнику, который, что-то бурча под нос, чистил сапог листом папоротника. Фекалии включали в себя бледные вкрапления сена со свежими травинками. Субстанция выглядела довольно легко и была покрыта трещинами. Значит, старая, даже запах отсутствовал.

Ученый тщательно обследовал почву вокруг и наконец-то нашел более свежие испражнения довольно правильной формы, сантиметров по двенадцать в диаметре. Их явно оставило какое-то довольно крупное растительноядное. Вытаращив глаза от удивле-

ния, Диего не смог проронить ни слова. Покачав головой, ученый продолжил путь. По крайней мере, если где-то рядом травоядные, им, пока что, нечего опасаться. Во всяком случае, это не самое страшное... Но даже в этом случае... Пальцы Ричарда автоматически потянулись к рукоятке пистолета. Просто так... На всякий случай...

Путешественники подошли к ручью с заболоченными берегами. Здесь Ливайн решил сделать привал и... вдруг заметил в грязи довольно четкие трехпалые следы. Некоторые из них оказались просто огромными, куда больше его собственной ладони.

Диего и Ричард некоторое время сидели у ручья, прислушиваясь к мерному журчанию воды. Внезапно в глубине что-то блеснуло; склонившись над ручьем, ученый выловил со дна довольно странный для этих мест предмет. Выпрямившись, он держал в руке обломок стеклянной трубки, приблизительно величиною с карандаш, на которой имелась градуированная шкала. Ричард сразу сообразил — пипетка, используемая в большинстве лабораторий мира. Ливайн повертел ее в руках, посмотрел сквозь нее на свет. «Странно, — подумал он, — такие приспособления, как правило, применяются в...» Ученый резко повернулся, интуитивно почувствовав какое-то быстрое движение. Нечто маленькое и бурое просеменило по грязи, что-то вроде крысы. Диего присвистнул от удивления, но неведомая тварь уже скрылась в густой листве.

Ученый в изумлении уставился на оставленные существом следы: трехпалые, больше напоминающие птичьи. Рядом отпечаталось еще несколько похожих, но гораздо крупнее в поперечнике.

Ливайн уже встречал подобное... В каньоне реки Пургатор, в Колорадо, встречалось немало окаменев-

ших отпечатков следов динозавров. Но здесь-то вмятины в земле были свежими, и сделало их находящееся в добром здравии животное. Присев на корточки, ученый внезапно услышал тихое повизгивание, исходившее откуда-то справа. Бросив взгляд через плечо, он увидел, как заколыхались гигантские папоротники.

Стараясь по возможности не шевелиться, Ричард застыл в ожидании. Через мгновение к ручью вышло небольшое животное, не крупнее мыши, с абсолютно гладкой кожей, лишенной волосяного покрова. Довольно маленькую голову венчали весьма крупные глаза. Тварь имела зелено-бурый цвет покрова и то и дело издавало пронзительный визг, словно желая отпугнуть человека.

Ливайн не шелохнулся, затаил дыхание... Конечно же, он сразу узнал это существо: музаурус, крохотный прозавропод из Позднего Триаса. Скелетные останки его, якобы вымершего, обнаруживали только в Южной Америке. Перед ним стоял почти что самый мелкий из известных науке ящеров.

«Динозавр!» — подумал Ричард. Хотя он и ожидал встретить их на этом острове, все равно почувствовал шок от созерцания собственными глазами живого и здорового представителя древнейших рептилий.

«Динозавр... Да еще такой маленький, даже крохотный...» Ливайн не мог оторвать глаз от столь невероятного существа. После стольких лет копания в окаменелостях — на тебе! Действительно, живой динозавр.

Теперь крохотный музавр уже выбрался из своего зеленого укрытия. И Ричард, наконец-то, увидел, что на самом деле тварь несколько крупнее, чем ему показалось вначале; где-то около десяти сантиметров в высоту с толстенным, на удивление, хвостом.

Да, животное, действительно, походило на ящерицу. В данный момент живой экземпляр рептилии стоял на задних лапах, покачиваясь из стороны в сторону. Ливайн видел, как вздрагивает грудная клетка животного. Существо помахивало своими крохотными передними лапками в сторону человека, методично повизгивая при этом. Медленно, очень медленно ученый протянул ему навстречу раскрытую ладонь. Тварь вновь запищала, но убегать не стала. Судя по всему, ее заинтересовало происходящее.

Склонив голову набок, что весьма характерно для мелких животных, музавр с любопытством наблюдал за приближающейся рукой Ливайна. Животное стояло на задних лапах, балансируя на вытянутом хвосте. Не выказывая ни малейших признаков страха, оно легко ступило на ладонь человека. Надо же, животное, практически, оказалось невесомым. Музавр с деловым видом расхаживал по площадке из человеческой плоти, обнюхивая пальцы Ричарда. Ученый улыбнулся, очарованный происходящим. И вдруг крохотная тварь, зашипев, быстро спрыгнула с руки человека и через мгновение исчезла в пальмовых зарослях.

Ливайн заморгал, не в состоянии сообразить, с чего бы это. И тут-то в его ноздри ударила волна отвратительной вони; он услышал, как затрещали кусты на той стороне ручья. Затем послышалось приглушенное урчание и более громкий треск сучьев.

В одно мгновение Ричард припомнил, что хищники обычно охотятся вблизи рек и ручьев, нападая на беззащитных животных на водопое. Однако, похоже, он слишком поздно подумал об этом: раздался душераздирающий крик — и в следующую секунду кто-то поволок Диего в кусты. Проводник отбивался изо всех сил; ветки с треском ломались; Ливайн ус-

пел заметить лишь огромную лапу, трехпалую заднюю ногу с коротким кривым ногтем. В следующее мгновение она исчезла в зарослях, а кустарник затрясся еще сильнее. Джунгли наполнились ревом перепуганных зверей. Нечто крупное приближалось к Ричарду.

Ученый бросился бежать, не разбирая дороги, чувствуя колоссальный выброс адреналина в кровь. Его охватила паника, он не знал даже, в какую сторону бежать, понимая, что бегство, в принципе, уже бесполезно. Чудовищная тяжесть обрушилась на него сзади — и он рухнул в грязь. В этот миг ученый понял: несмотря на столь основательную подготовку и присущую ему проницательность, все получилось иначе и теперь ему суждено умереть.

ШКОЛА

— Когда мы рассматриваем массовое вымирание живых существ вследствие взрыва упавшего с небес метеорита, — произнес Ливайн, — то просто обязаны задать несколько вопросов... Во-первых, есть ли на нашей планете метеоритные кратеры диаметром более девятнадцати миль? Зачем нам это знать? Чтобы вызвать глобальную катастрофу, воронка, возникшая в результате столкновения космического тела с Землей, должна иметь подобные — заметьте, минимальные, — параметры.

Во-вторых, совпадает ли время появления таких кратеров с известными массовыми исчезновениями животных? Так вот, получается, что по всей Земле имеется дюжина таких воронок, пять из которых хронологически совпадают с периодами известных науке вымираний.

Сидевшая в полумраке классной комнаты семиклашка Келли Кертис зевнула. Господи, только бы не уснуть! Она подперла подбородок кулаком... Все это Келли уже давным-давно знала.

На экране стоявшего перед классом телевизора демонстрировалось бескрайнее пшеничное поле; съемка велась с приличной высоты и, действительно, посреди полевого пространства просматривались какие-то концентрические очертания. Девочка сразу же узнала кратер в Мэнсоне.

Тем временем записанный на магнитофон голос доктора Ливайна продолжал:

— Вот перед вами кратер в Мэнсоне, штат Айова, образовавшийся шестьдесят пять миллионов лет тому назад. Как раз в то время, когда вымерли динозавры. Но действительно ли взрыв космического гостя послужил причиной их массовой гибели?

«Навряд ли это случилось именно из-за Мэнсоновского метеорита, — подумала девочка. — То ли дело тот, что на Юкатане... А Мэнсоновский — слишком маленький!»

— Сейчас мы думаем, Мэнсоновский кратер слишком мал, а вероятный кандидат на причину глобальной катастрофы — метеор, упавший близ Мериды, Юкатан. Трудно представить, но при его взрыве полностью осушило Мексиканский залив, а на материк обрушились волны высотой в две тысячи футов. Должно быть, это необычайное зрелище... Но по поводу этого кратера также немало споров, в особенности, в отношении его структуры и различных уровнях гибели фитопланктона в донных отложениях... Все это, поначалу, может показаться вам слишком сложным, но не волнуйтесь... Завтра я все объясню вам подробнейшим образом... На сегодня все.

В классной комнате загорелся свет. Учительница миссис Мензиес взошла на стоявшую перед учени-

ками кафедру и выключила компьютер, от которого работал дисплей и велась вся лекция.

– Ну-с, – сказала она, – я очень рада, что доктор Ливайн подарил нам эту запись. Он предупредил меня, что, может быть, не сможет вернуться к сегодняшней лекции, но обязательно будет вновь вместе с нами на следующей неделе, после окончания весенних каникул. У Келли и Арби, если я не ошибаюсь, персональное задание доктора Ливайна? Я правильно говорю?

Девочка бросила взгляд на Арби, чуть ли не лежащего на стуле, и покраснела.

– Да, миссис Мензиес, – весело отрапортовала Келли.

– Отлично... Ну, хорошо... А для остальных я задаю на каникулы всю седьмую главу, – в классе поднялось недовольное ворчание. – В том числе, и все упражнения в конце первой части, равно, как и второй... Не забудьте принести с собой готовые задания, когда мы вновь вернемся к занятиям... Что ж... хороших вам весенних каникул. Увидимся через неделю...

Прозвенел звонок; ученики встали, задвигали стульями, и комната сразу же наполнилась шумом.

Арби поспешил к Келли. Он просто обожал ее. Мальчик немножко не вышел ростом и был на голову ниже Кертис; кроме того, он еще и младше девочки. Как и всем семиклассникам, ей исполнилось тринадцать лет, а мальчугану – совсем недавно только одиннадцать. Из-за того, что Арби выделялся среди сверстников своими умственными способностями, ему разрешили перейти сразу из пятого в седьмой класс. Поговаривали даже о его переводе в десятый класс. Одним словом, Арби считался гением, в особенности, по части компьютерной техники.

Он положил ручку в карман своей белоснежной рубашки, застегнутой на все пуговицы, и поправил сползавшие на нос массивные очки в роговой оправе.

Арби Бентон родился чернокожим. Родители — доктора наук, преподававшие в университете Сан-Хосе, очень следили за мальчиком и одевали его с иголочки, прямо как студента престижного колледжа... «А ведь если дела пойдут так и дальше, — подумал Арби, — быть мне этим студентом года через два».

Рядом с Бентоном Келли всегда чувствовала себя несуразной неряхой. Да и ничего удивительного: девочке приходилось донашивать обноски старшей сестры, купленные в Кмарте миллион лет тому назад. Ей даже приходилось до сих пор ходить в старых «Риббоках» Эмили, столь драных и грязных, что их даже не приняла стиральная машина, в которую както засунула их Келли. Кертис самой приходилось стирать и гладить свою одежду, так как у мамы никогда не хватало для этого времени. По большей части, мамаша вообще дома не бывала...

Поэтому сейчас девочка с завистью смотрела на отутюженные брюки Арби, а при виде зеркально надраенных новомодных престижных туфель у Келли вырвался невольный вздох. Но, хотя она и завидовала Бентону, он был ей единственным другом, единственным, кто считал вполне нормальным ее острый ум. Кертис очень боялась, что мальчика прямиком переведут в десятый класс и больше она его не увидит.

Стоявший рядом с ней Арби все еще хмурился. Посмотрев на Келли снизу вверх, он, наконец, выдавил:

— И почему это доктора Ливайна до сих пор нет?!

— Не знаю... — ответила Кертис. — Может, что случилось...

– Что же, если не секрет?

– Ну, не знаю... Что-нибудь...

– Но он же нам обещал обязательно приехать, – упрямился Бентон. – Обещал... взять с собой в настоящую экспедицию... Все уже подготовлено: у нас есть разрешение и все необходимые документы.

– Ну, так в чем дело? Мы все еще можем отправиться...

– Но он-то... он-то должен быть здесь, – упрямо талдычил Арби.

Келли уже пришлось познакомиться с подобным поведением, а вот мальчик привык к тому, что на взрослых можно положиться. Во всяком случае, в отношении его родителей такие взгляды на жизнь полностью оправдывались. Для Келли же подобный идеализм никак не подходил.

– Ерунда, Арб, – утешала она чернокожего мальчугана. – Давай-ка сами навестим доктора Торна.

– Ты думаешь, так можно?

– Конечно... А почему бы и нет?

Арби помедлил, размышляя над возникшей ситуацией, которая никак не желала умещаться в привычные рамки поведения.

– Может, мне лучше сперва позвонить маме?

– А зачем? – удивилась Келли. – Сам прекрасно знаешь, она сразу же прикажет тебе идти домой. Ну, давай же, Арб! Пойдем прямо сейчас!

Мальчик все еще колебался. Он, конечно, умница, но всякое изменение тщательно распланированного порядка жизни его всегда угнетало. Келли по собственному опыту знала, что если потащить его сейчас за руку к доктору Торну, он ни за что не пойдет... Необходимо немного подождать. Он сам, самостоятельно, придет к такому решению.

– Хорошо, – наконец промолвил Бентон, – пойдем повидаемся с Торном.

Кертис улыбнулась.

— Встречаемся у школы через пять минут.

Когда она спускалась со второго этажа, вновь у нее за спиной послышалась эта дурацкая песенка-дразнилка:

А Келли больно умная,

А Келли много знает...

В ответ девочка гордо подняла голову и притворилась, что ей песенка нравится. «Это все придурочная Элисон Стоун и ее подруги-дебилки», — подумала Кертис.

Они стояли внизу и изо всех сил кривлялись: «А Келли больно умная...» Она прошествовала мимо девчонок, демонстративно их игнорируя. Поблизости Кертис заметила мисс Эндерс, классную руководительницу. Та, как всегда, не обращала внимания на происходящее вокруг. Хотя даже их завуч, мистер Каноза, только вчера объявил по классам, что те, кто дразнятся, будут строго наказываться.

А девчонки за спиной по-прежнему продолжали орать: «А Келли больно умная... Экранная красавица... Но тот, кто много знает, тот быстренько состарится!» и покатывались со смеху.

Вскоре она увидела поджидавшего у дверей Арби. В руках он держал связку каких-то серых шнуров. Кертис прибавила шагу.

Когда она поравнялась с мальчиком, тот произнес:

— Да не обращай ты на них внимания.

— Они — тупорылые клоунши!

— Совершенно верно.

— Да мне, в общем-то, наплевать!

— Знаю... Ты просто не обращай внимания.

Но злые девчонки все еще продолжали хихикать и вопить:

Келли и Арби собрались на «парти»

Купаться в математике...

Они вышли на улицу, и глупая дразнилка утонула в шуме расходящихся по домам школьников. Желтые ученические автобусы уже поджидали их на стоянке. Детишки бежали к автомобилям своих родителей, припаркованных вдоль всего квартала.

— Настоящий дурдом, — прокомментировала Келли. — Орут, как сумасшедшие.

Арби ударил рукой по пролетавшей над головой тарелке-фрисби, мгновенно окинув взглядом участок улицы перед школой.

— Смотри-ка, опять этот...

— Послушай, не смотри ты на него, — прошипела девочка.

— Да не смотрю я вовсе! С чего ты взяла?

— Помни, что говорил тебе доктор Ливайн...

— Господи, Кел... Я же помню... Ну, что, теперь все в порядке?

На противоположной стороне припарковался неброский серебристый «Таурус-Седан», уже намозоливший глаза детишкам за последние два месяца. За рулем, активно изображая, что он читает газету, сидел все тот же небритый дядька. Этот Козлиная Борода шпионил за доктором Ливайном с тех самых пор, как Ричард стал работать в Вудсайдской школе. Келли полагала, что именно из-за него мистер Ливайн предложил ей и Арби быть его постоянными помощниками.

Доктор попросил ребят, чтобы они приносили необходимое оборудование и приборы, ксерокопировали контрольные работы, собирали домашние задания... Келли и Арби считали для себя большой честью помогать настоящему ученому-профессионалу, а потому с радостью приняли предложение Ричарда.

Но оказалось — в классе делать нечего. Все, что касалось школы, Ливайн делал сам. Зато с мелкими

поручениями ученый посылал детишек довольно часто, попросив избегать, по возможности, внимания этого бородача в машине. Выполнять совет доктора оказалось совсем несложно: незнакомец не обращал на них взгляда, даже если сталкивался с ними нос к носу.

Ричард Ливайн объяснил им, что бородач следит за ним из-за старых проблем с дорожной полицией, но девочка этому не верила. Ее мамочку тоже пару раз арестовывали за нарушение Правил дорожного движения в пьяном виде, да только за ней никто после этого не шпионил. Так что Кертис не могла с точностью сказать, почему за доктором установили слежку.

Одно для нее было абсолютно ясно: Ливайн проводит какое-то секретное исследование и не хочет, чтобы о его опытах узнали посторонние. А еще Келли знала и другое... Доктору Ливайну плевать на класс, где он преподает. Как правило, его лекции являлись чистейшей воды импровизацией, и к ним он не готовился специально. В некоторых случаях Ричард передавал им кассету с записью лекции во дворе школы, после чего тут же отбывал по своим делам, о которых они и понятия не имели.

Мелкие поручения, по которым он посылал их, также казались весьма таинственными. Как-то раз они ездили в Стэнфорд и забрали у тамошнего профессора пять маленьких пластмассовых квадратиков. Материал, из которого изготовили эти штучки, оказался необычайно легким и как бы пенился. В другой раз Арб и Келли отправились в магазин бытовой электроники и забрали оттуда непонятный прибор треугольной формы. Причем, при этом продавец так нервничал, словно продавал нечто противозаконное. А потом они как-то доставили доктору Ливайну металлическую трубку. Когда они ее несли, им показа-

лось, что в ней — сигары. Ребятишки не выдержали и открыли длинный и тонкий цилиндр. К своему ужасу, они обнаружили внутри четыре опечатанные пластиковые ампулы с жидкостью золотистого цвета, на которых красными буквами было написано: «КРАЙНЕ ОПАСНО! СМЕРТЕЛЬНЫЙ ЯД!», а также имелся международный символ биологической опасности.

Но все же, в основном, обязанности не тяготили ребят. Доктор частенько посылал Арби и Келли в Стэнфордские библиотеки для ксерокопирования материалов по совершенно различным вопросам... Например, способы изготовления японских мечей; различные аспекты рентгенокристаллографии; описания мексиканских летучих мышей-вампиров и центральноамериканских вулканов; исследования об океанских течениях Эль Ниньо; материалы по случкам горных овец; научные заключения о ядовитости морского огурца или летящих контрфорсах готических соборов.

Доктор Ливайн никогда не объяснял, почему он интересуется этими предметами. Как правило, затем, в течение нескольких дней он посылал Арби и Келли за дополнительными данными, а потом, совершенно внезапно, терял интерес к столь подробно изучаемой проблеме и более к ней уже никогда не возвращался.

Конечно же, кое о чем дети и сами могли догадаться. Множество исследуемых вопросов, в частности, относилось к тем машинам, которые изготавливались для будущей экспедиции Ливайна в мастерских Торна. Но, по большей части, исследуемые предметы оказались более чем таинственны.

Время от времени Келли задавалась вопросом, какой же вывод из всей этой деятельности сделает бородатый. Ей хотелось знать, известно ли ему что-

нибудь такое, с чем они незнакомы. Но, честно говоря, соглядатай казался чересчур ленивым. Похоже, ему даже и в голову не приходило, что Келли и Арби могут выполнять какие-то секретные поручения доктора Ливайна.

Вот и сейчас бородатый следил за дверями школы, не обращая на детей никакого внимания.

Дойдя до перекрестка, дети сели на лавочку на остановке и стали ждать рейсового автобуса.

БИРКА

Крохотный смешной леопардик выплюнул соску, при помощи которой его кормили, и перевернулся на спину, задрав лапы кверху. При этом он тихонечко мяукнул.

— Она хочет, чтобы ее приласкали, — сказала Элизабет Гельман.

Малкольм пощекотал брюхо зверюшке. Малышка перевернулась и слегка куснула его за пальцы. Иан вскрикнул.

— Время от времени она на это способна, — прокомментировала Гельман выходку леопардика. — Дорджи... Плохая девочка! Разве можно так себя вести по отношению к столь знаменитому посетителю, — она взяла профессора за руку. — Сильных повреждений кожного покрова нет, но так или иначе, мы должны обработать рану.

Они находились в белоснежной исследовательской лаборатории зоопарка Сан-Франциско. Пробило ровно три часа пополудни.

Элизабет Гельман, молодая руководительница исследовательской программы, собиралась доложить сегодня о своих открытиях, но из-за кормления мо-

лодняка это мероприятие откладывалось. Малкольм наблюдал, как покормили новорожденную гориллу, плевавшуюся, словно человек, и коалу, а затем — очень милую белоснежную леопардиху.

— Извините, — промолвила Гельман. Она подвела его к умывальнику и намылила его руку. — Мне кажется, лучше будет, если вы придете на общее собрание, когда все работники будут присутствовать в зале.

— Но почему?

— Иан, материал, который вы передали нам для исследований, крайне интересен не только нам с вами, но и всем биологам, — она обработала его руку, после чего вновь внимательно ее изучила. — Думаю, жить вы будете...

— Так что же вы обнаружили? — поинтересовался профессор.

— Вы должны признать, что это все-таки несколько провокационно... Между прочим, уж не из Коста-Рики ли сей подарок?

Стараясь не выдавать обуревавших его эмоций, Малкольм произнес:

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что немало бродит слухов о неизвестных науке животных, появляющихся именно в этой стране... И абсолютно точно известно — это, действительно, неизвестный науке вид, Иан.

Она провела его от вольеров с животными в небольшой конференц-зал. Малкольм тут же рухнул в кресло, положив свою трость на стол. Элизабет погасила свет и включила слайдопроектор.

— О'кей... Вот снимок, произведенный с близкого расстояния с вашего хваленого сенсационного материала. Сделан он до начала наших исследований. Как вы видите, это фрагмент тканей в состоя-

нии крайне прогрессирующего некрозиса. Площадь данной пробы кожи — шесть на четыре сантиметров в квадрате. К ней прикреплена зеленая пластмассовая этикетка общей площадью в два квадратных сантиметра. Образец ткани вырезан ножом, к сожалению, довольно тупым.

Малкольм, соглашаясь со сказанным, кивнул головой.

— Чем же вы пользовались, Иан? Уж не вашим ли перочинным саморезом?

— Да, что-то в этом роде...

— Хорошо... Теперь... рассмотрим образец данной ткани.

После слов Элизабет на экране появился снимок среза, сделанный под микроскопом.

— Мы видим большую гистологическую секцию в среде эпидермиса. Вот эти пустоты образовались там, где посмертные некротические изменения эрозировали поверхность кожи. Но наибольший интерес представляют клетки эпидермиса. Ты, наверняка, заметил плотность хроматофор, или пигментонесущих клеток... Также очевидна разница между меланофорами на этом участке и аллофорами... Вот здесь... Общая структура напоминает лацерту или амблиринкус.

— Ты... хочешь сказать... что это — ящерица? — спросил профессор.

— Да, — отозвалась она. — Похожа на ящерицу... Однако, картина не совсем ясна, — Гельман указала на левую сторону экрана. — Видишь вот эту клеточку, словно окруженную еле заметным ободком? Мы считаем, что это мусил... То есть, хроматофора может открываться и закрываться. А это означает следующее: данное животное способно менять цвет, подобно хамелеону. А вот... видишь... крупный овал. Это — пора железы, выделяющей особый пахучий

сегмент... Внутри нее находится какая-то воскообразная субстанция, которую мы пока что еще анализируем... Но, по нашему мнению, это, все-таки, была мужская особь, так как лишь мужским особям свойственно наличие подобных желез...

– Понятно, – произнес Малкольм.

А Элизабет в это время вставила в проектор новый слайд, и Иан увидел нечто, напоминающее фото губки, сделанное с близкого расстояния.

– Теперь углубимся... Перед нами подкожные слои. Они – в отвратительном состоянии из-за пузырьков газа, образовавшихся от инфицирования клостридией... Собственно, по этой причине животное и раздуло. Но отдельные сосуды все же просматриваются... Как видишь, они окружены гладкомускульными фибрами. Для ящериц – совершенно не характерно. Более того, данная структура вообще не имеет никакого отношения к рептилиям...

– Уж не хотите ли вы сказать, что, вероятно, данное животное – теплокровно?

– Совершенно верно, – ответила Гельман. – Но это – не млекопитающее, а, скорее... птица. Вполне мог быть... ну... например, мертвый пеликан... или нечто подобное.

– Час от часу не легче.

– Да только у пеликанов не бывает такой кожи.

– Это я и сам понимаю... – заметил профессор.

– Опять же... Отсутствует перьевой покров...

– Понятно.

– Теперь... смотрите дальше. Нам удалось экстрактировать небольшое количество крови из интра-артериального пространства... Совсем немного, но вполне достаточно для того, чтобы провести исследования под микроскопом... И вот его результаты...

Она поменяла слайд. Малкольм увидел крупные, в основном, красные клетки, среди которых почему-

то затерялась одна белая, выглядевшая в этом окружении довольно нелепо.

— Прости, Элизабет, но это — не моя область, — начал было Иан.

— Хорошо, сейчас я вкратце все объясню. Ну, во-первых, красные клетки с ядрами... что весьма характерно для птиц, а не для млекопитающих. Во-вторых, весьма атипичный гемоглобин, отличающийся в нескольких базовых парах от гемоглобина ящериц. И, в-третьих, явно отклоняющаяся от нормы структура белой клетки. Мы не располагаем достаточным количеством материала, чтобы говорить с уверенностью, но подозреваем, что у этого животного весьма необычная иммунная система.

— А что бы это могло значить? — спросил, пожав недоуменно плечами, математик.

— Не знаем... По этому кусочку многого не скажешь. Кстати, не могли бы вы предоставить нам дополнительные пробы?

— Вполне вероятно, — ответил Малкольм.

— Откуда? С площадки «Б»?

Профессор крайне удивился.

— С площадки «Б»?

— Именно такая надпись выгравирована на бирке.

Элизабет снова поменяла слайд.

— Должна признаться тебе, Иан, сия бирка весьма любопытна. Здесь, в зоопарке, мы постоянно кольцуем животных и используем при этом разного рода этикетки. Поверь, я знакома со всеми их типами, производимыми по всему свету, но такой еще не встречала. Вот она, увеличенная в десять раз... В действительности же этот предмет не больше ногтя твоего мизинца. Бирка изготовлена из пластика защитного цвета и прикреплена к коже животного зажимом из нержавейки с тефлоновым покрытием. Довольно крохотный зажим... Обычно при помощи подобных коль-

цуют молодняк. Животное, которое вы видели, взрослое?

– Предположительно.

– Таким образом получается, что эту бирку животное носило несколько лет, – продолжила Гельман, – этим и объясняется изношенность пластика и зажима. Обратите внимание на бороздки... Они крайне нетипичны... Ведь бирка изготовлена из дюралона, того самого материала, из которого изготавливают шлемы для игры в американский футбол. Он обладает сверхпрочностью, и подобные бороздки просто износом не объяснишь...

– Тогда... что же это?

– Безусловно, следствие какой-то химической реакции... Например, результат воздействия кислот... Вполне возможно, в аэрозольной форме...

– Например, вулканических газов? – предположил Малкольм.

– Вполне возможно... В особенности, учитывая то, что нам еще предстоит узнать. Вы, верно, заметили: бирка обладает солидной толщиной – девять миллиметров... И внутри она – пустая...

– Пустая?! – лицо Иана помрачнело.

– Да. Внутри бирки имеется полость... Вскрывать мы ее не решились и предпочли сделать рентгеновский снимок. Вот результаты...

Она поменяла слайд, и Малкольм увидел какое-то непонятное сплетение серебристых проводков и микросхем.

– Конечно, все это подверглось коррозии, скорее всего, от кислотных паров. Но можно безошибочно догадаться, каково назначение этого предмета. Так вот, Иан, перед нами – радиомаяк. А сие значит: необычное животное, теплокровный ящер или еще там кто-нибудь, кем-то выращено, и за ним на-

блюдали с момента рождения, что, естественно, весьма беспокоит... Кто-то, пожелавший остаться в тени, специально выращивает подобных тварей. Тебе-то что-либо известно?

— Абсолютно ничего, — ответил Малкольм.

Элизабет Гельман вздохнула.

— Ты лжешь, как самый последний сукин сын!

Профессор в умоляющем жесте протянул руку:

— Будьте добры вернуть мне данный образец ткани...

— Иан, после всего, что я сделала для тебя...

— Где мой образец?

— Думаю, ты обязан мне объяснить...

— Клянусь, сделаю это через пару недель. Обед в ресторане за мой счет.

Элизабет швырнула завернутый в серебристую фольгу пакетик на стол. Математик тотчас же положил его в свой карман.

— Спасибо, Лиз. А пока, извини... Срочные дела...

Когда он уже открыл дверь, Гельман спросила:

— Кстати, как это животное погибло, Иан?

— А почему ты этим интересуешься?

— При изучении клеток кожи образца мы обнаружили несколько инородных под внешним эпидермальным слоем. Эти клетки принадлежали другому существу.

— Ну, и...

— Типичная картина схватки двух ящеров. Во время борьбы они тесно соприкасаются друг с другом...

— Да, — констатировал Иан, — на туше обнаружены следы борьбы... Животное оказалось тяжело ранено.

— Ты также должен знать: в образце налицо признаки хронического сужения артериальных сосудов. Животное постоянно находилось под воздействи-

ем стресса... И данное состояние не являлось следствием нанесенного зверю ранения. В противном случае, его следы исчезли бы в первые же минуты посмертных необратимых процессов. Здесь же речь идет о постоянном, хроническом стрессе. Где бы ни обитало данное существо, среда создавала и поддерживала все условия для стрессовой и жизненно опасной ситуации...

– Понятно.

– Итак, ответь мне, как могло случиться, чтобы окольцованное и явно обитавшее в питомнике существо ежесекундно подвергалось опасности?

* * *

При выходе из зоопарка Малкольм осмотрелся и проверил, не следят ли за ним, после чего остановился у телефона-автомата. Бросив монетку, он позвонил Ливайну. Судя по гудкам, Ричарда дома не было. «Не удивительно, – подумал профессор, – когда нужно, его вечно нет на месте. Небось, опять безрезультатно пытается выкупить свой «Феррари» в полицейском участке...» Бросив трубку, Иан решительно направился к своей машине.

ТОРН

В дальнем конце промпарка, на массивных металлических дверях гаража, красовалась надпись: «МОБИЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ТОРНА ДЛЯ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ».

Чуть левее находилась обычная дверь.

Арби нажал кнопку на маленьком металлическом ящичке с решеткой.

– Пошли прочь! – проворчал оттуда довольно грубо некий голос.

– Да это же мы, доктор Торн. Арби и Келли.

– Ах, вы... Ну, тогда проходите.

Послышался лязг, и спустя несколько секунд дверь распахнулась. Дети прошли внутрь.

Они стояли на внушительного размера рабочей площадке. Рабочие как раз осуществляли необходимую модернизацию сразу нескольких автомобилей. Воздух пропитался запахом ацетилена, двигательной смазки и свежей краски. Прямо перед собой Келли заметила темно-зеленый «Форд-Эксплоред» со срезанной крышей. В данный момент двое специалистов устанавливали поверх машины панель с солнечными батареями. Капот модернизируемого автомобиля подняли и уже сняли двигатель. Несколько рабочих при помощи лебедки опускали на его место более компактный мотор, издали напоминавший коробку для обуви, тускло поблескивающую алюминием. Еще пара ремонтников занималась сборкой плоского и широкого преобразователя Хьюза, который необходимо установить на новом двигателе.

Немного правее девочка увидела два трейлера АРВИ, над которыми команда Торна трудилась уже не первую неделю. Естественно, они несли не обычные функции кемпинг-фургонов, на которых рядовые обыватели ездят по выходным на пикники. Один из переделанных автомобилей смотрелся, как умопомрачительный гигант, размером не меньше автобуса; в нем имелась спальня на четырех человек, а остальное пространство внутри заполнено массой всевозможного научного оборудования. Назывался он «Челенджер» и обладал одной необычной особенностью: при парковке стены трейлера складывались домиком, за счет чего внутреннее пространство зна-

чительно расширялось. К «Челенджеру» цеплялся второй трейлер, более скромных размеров. В этом АРВИ находилось лабораторное оборудование, использующее в работе принципы новейших технологий, хотя Кертис и не знала, каких именно. Сейчас второго автомобиля не было видно из-за потока огненных брызг, летевших из установленного на его крыше сварочного робота. Со стороны могло показаться, что трейлер уже готов, но Келли видела внутри снующих людей, а вся обивка и сидения разложены на полу площадки.

Среди этого океана шума и неразберихи возвышался сам Торн, кричавший одному из рабочих:

— Давай, давай, Эдди! Мы должны сегодня закончить! Потом отдохнешь!

Повернувшись в другую сторону, руководитель модернизации автомобилей воскликнул:

— Нет, нет! Так совсем не годится! Следите за чертежами... Генри! Ну разве можно так устанавливать балку?! Она же должна усиливать конструкцию! Да посмотри же ты на чертежи!

Доктор Торн выглядел очень импозантно: седовласый крепыш пятидесяти пяти лет атлетического телосложения. Если бы не очки, его запросто можно было принять за вышедшего на покой мастера спорта. Келли никак не могла представить себе Торна в роли университетского профессора: слишком силен и подвижен.

— Черт тебя дери, Генри! Ты что, уснул?! Ты хоть слушаешь, о чем тебе говорят?

Доктор выругался, показав кулак нерадивому работнику, а затем повернулся к вошедшим в мастерскую детям.

— Вот эти ребятишки, — начал он уже более спокойным голосом, указывая на рабочих, — считают, видите ли, что помогают мне.

Со стороны «Форда» послышался треск, и в воздухе блеснула голубая молния. Двое рабочих, колдовавших над двигателем, мгновенно отскочили в сторону. Над машиной поднялось облако ядовитого дыма.

— Ну, что я вам говорил?! — заорал Торн. — Заземляйте! Заземляйте, черт вас дери, когда вы там ковыряетесь... У нас тут повсюду высокое напряжение! И вы обязательно когда-нибудь поджаритесь, если и впредь станете нарушать правила безопасности!

Вновь обратившись к детям, Торн покачал головой.

— Они никак не поймут, что ВЗОМ — это не шутки...

— А что такое... ВЗОМ? — спросила Келли.

— Внутренняя Защита От Медведей... Все Ливайн придумывает... Так сказать, его юмор... А на самом деле я разработал эту систему несколько лет тому назад для лесников Национального Йеллоустоунского заповедника. Там, видите ли, по ночам в трейлеры частенько забирались мишки. А с моим устройством... Щелкнул выключателем, и по внешней обшивке фургона пошел ток в десять тысяч вольт... Бах! И медведь в отключке... Но что б случилось с моими работничками, испытай они на себе подобное напряжение? Я бы платил им пенсии по инвалидности? А за что? За их собственную тупость? — он тряхнул головой. — Ну, ближе к делу! Где же Ливайн?

— Мы не знаем, — тихонько промолвил Арби.

— О чем это ты? Он что, сегодня не работал?

— Нет, в школу доктор не приходил.

Торн выругался в очередной раз.

— Вот черт, а он мне как раз сегодня нужен... Ведь мы должны провести последнюю инспекцию перед началом полевых испытаний. Он обязан был вернуться к сегодняшнему дню!

— Откуда, если не секрет? — поинтересовалась Келли.

— Ну... ну, в общем, он отправился в одну кратковременную экспедицию... — замялся Торн. — Очень волновался... Для него эта поездка многое решала. Я лично снаряжал его, одолжил специальный рюкзак — последнюю разработку моей фирмы... с сорока семью фунтами ультрасовременной аппаратуры... О лучшей экипировке ему и мечтать не приходилось! Он остался очень доволен. Отправлялся он один, если не ошибаюсь, в прошлый понедельник, четыре дня тому назад...

— А куда?

— Не знаю... Ливайн сроду не посвящал меня в свои тайны. А я — давно перестал у него спрашивать... Знаете ли, все они теперь такие... Работающие со мной ученые стараются держать язык за зубами... И их нельзя за это обвинять: они боятся, как бы не остаться с носом. Таков современный мир! В прошлом году я оснащал одну из экспедиций в Амазонскую сельву... Все оборудование должно быть водонепроницаемым. Сами понимаете, каково в дождевой сельве... Стоит влаге попасть в электронные блоки — вся аппаратура вылетает к черту! Так вот, главного в той экспедиции обвинили в перерасходе сметы... За водонепроницаемость! Какие-то треклятые бюрократы из университетской бухгалтерии посчитали это «неоправданной тратой средств»... Говорю вам, мир сошел с ума... Чокнутые!.. Эй, Генри! Ты что, на ухо туг?! Сколько раз я тебе говорил: клади балки поперек!

И Торн, размахивая руками, отправился в противоположный конец мастерской. Ребята последовали за ним.

— А теперь посмотрите, — продолжил доктор. — Уже не первый месяц мы модифицируем эти ма-

шины... Наконец-то они готовы! Он хочет, чтобы они были легкими — и я делаю их легкими. Он хочет видеть их мощными — пожалуйста, и легкие, и мощные, причем, одновременно... А почему бы и нет?! Хотя, в принципе, это и невозможно... Но при помощи титановых сплавов и сверхпрочных пластиков нам удается сделать невозможное... Наконец-то он получает то, что так хотел: сверхмощную лабораторию на колесах, способную обходиться без бензина и электричества. И вот теперь, когда работа завершена... Нет... Все же, не могу поверить! Он и впрямь не пришел сегодня на занятия в ваш класс?

— Нет, — ответила Келли.

— Значит, он исчез, — констатировал Торн. — Великолепно! Отлично! А как насчет полевых испытаний? Мы собирались обкатать машины, по крайней мере, в течение целой недели.

— Знаю, — отозвалась Келли. — Мы тоже уже получили согласие родителей и... Ну, все такое необходимое... Одним словом, мы собирались отправиться вместе с мистером Ливайном.

— А вот теперь его нет на месте, — продолжал кипятиться Торн. — Этого и следовало ожидать... Эти богатые сынки делают все, что им только заблагорассудится... Никогда о других не думают! Такие, как Ливайн, и впрямь испорчены.

В следующее мгновение откуда-то с потолка сорвалась большая металлическая клетка и грохнулась прямо им под ноги. Торн еле успел отскочить в сторону.

— Эдди! Черт тебя дери! Ты куда смотришь?!

— Простите, док, — ответил сидевший наверху рабочий, — но, говорят, что она не может деформироваться при двенадцати тысячах пси. Мы должны были проверить...

— Отлично, Эдди... Но только не проверяй, когда мы стоим как раз под этой штуковиной!

Доктор нагнулся, чтобы изучить круглую клетку, прутья которой изготовили из титанового сплава дюймовой толщины. Падение не причинило ей никакого вреда. «Клеточка» шести футов в высоту и около четырех в диаметре оказалась удивительно легкой: Торн запросто поднял ее одной рукой. В ней имелась дверца с увесистым замком.

— А для чего это? — поинтересовался Арби.

— По правде говоря, — ответил Торн, — это — часть вон того... — он указал в другой конец мастерской, где рабочий собирал какую-то телескопическую конструкцию из алюминиевых трубок.

— Разборная высокая платформа для наблюдения в полевых условиях. В собранном виде имеет высоту около пятнадцати футов. Наверху оснащена небольшим укрытием...

— А наблюдать-то с нее что будут? — спросил Арби.

— Разве он вам не сказал?

— Нет, — хором ответили дети.

— Ну, так и мне он тоже ничего не сообщил, — покачал головой Торн. — Известно только одно: нужны сверхпрочные вещи... Легкие и, одновременно, сверхпрочные... Господи, да это же, практически, невозможно! Упаси меня бог от академиков, — вздохнул доктор.

— А я-то думала, что академик — как раз вы, — удивилась девочка.

— Бывший академик, — коротко поправил Торн. — Теперь я, наконец, что-то делаю своими руками, а не занимаюсь пустой болтовней.

Коллеги, знавшие Джека Торна, соглашались — с тех пор, как он вышел на покой, в его жизни на-

чался счастливый период. Будучи профессором прикладной инженерии и специалистом по экзотическим материалам, он всегда демонстрировал свои блестящие способности практика и пользовался неизменной любовью студентов.

Его самый знаменитый курс в Стэнфорде «Структурная инженерия 101 А» приобрел популярность среди стремящихся к знаниям молодых людей под доморощенным названием «Торновы проблемы», потому что Торн постоянно провоцировал своих учеников на решение прикладных инженерных задач, которые он сам перед ними и ставил. Многие из них уже стали частью университетского фольклора.

Например, знаменитая катастрофа с туалетной бумагой... Дело в том, что однажды профессор попросил студентов сбросить картонный ящик, набитый яйцами, с Башни Гувера, и чтобы при этом ни одно яйцо не разбилось. В качестве амортизатора он разрешил использовать лишь картонные трубки из рулонов с туалетной бумагой. В итоге, вся площадь перед башней оказалась загажена битыми яйцами.

Позже, примерно через год после истории с Башней Гувера, Торн предложил студентам изготовить стул, способный выдержать человека весом в двести фунтов, используя при этом лишь картонку да бечевку.

В другой раз он подвесил экзаменационные карточки выпускного экзамена к потолку и дал задание студентам: достать их, используя обувную коробку, в которой лежали фунт лакрицы и горстка зубочисток.

Вне университета Торн часто выступал в роли эксперта в судебных разбирательствах, связанных с разного рода промышленными материалами. Он специализировался на взрывах, разбившихся авиалайне-

рах, рухнувших зданиях и прочих подобных катастрофах.

Общение с реальным миром еще больше убедило его в том, что ученому требуется как можно более широкое образование.

— Как можно что-то конструировать для людей, не зная их истории и психологии, — любил говорить профессор. — Ибо, хотя ваши математические расчеты и совершенны, люди могут запросто отправить их коту под хвост. И если такое случится, то грош вам цена, да и вашим знаниям.

Торн обожал пересыпать свои лекции цитатами из Платона, вождя зулусов Чака, Эмерсона и Чжецзы.

Но вот в качестве профессора, популярного у студентов и занимавшегося общеобразовательной деятельностью, Джек ощущал себя одиночкой, плывущим против общего мощного течения. Весь академический мир маршировал ныне к еще более специализированным знаниям, выражаемым еще более непонятным для посторонних жаргоном. В такой ситуации слыть любимцем студентов означало быть субъектом недалеким, с поверхностными представлениями об изучаемом предмете. Интерес к насущным проблемам современного мира являлся первейшим признаком интеллектуальной ущербности и опасного безразличия к теории.

Но, в конце концов, любовь к китайской философии помогла Торну отважиться на решительный шаг, и он эффектно хлопнул дверью. На заседании факультета один из его коллег встал и во всеуслышание заявил: «Оказывается, без дерьмовых китайских мистиков современной инженерии не обойтись». Торн покинул кафедру по собственному желанию месяц спустя и тут же основал собственную компанию.

Он наслаждался своей новой работой, но тосковал по студентам, и именно поэтому ему, скорее всего, нравились два юных ассистента Ливайна.

Ребятишки, конечно, умницы, энтузиасты, да к тому же настолько молодые, что школа еще не успела убить в них интерес к учению. Они и впрямь еще пользовались своими мозгами, что, с точки зрения Торна, говорило о незавершенности процесса формального образования.

— Джерри! — заорал доктор одному из взобравшихся на фургон сварщиков. — Проваривай баки, как положено! Помни про испытания на прочность.

Он указал на установленный на полу видеомонитор, на экране которого нарисованный компьютером трейлер врезался в бетонную стену; сперва — передом, потом — боком, после чего перевернулся и повторил все сначала. Каждый раз экипаж выходил из аварии с минимальными повреждениями. Компьютерную программу разработали автомобильные компании, а Торн приобрел ее и значительно модифицировал.

— Конечно же, большим компаниям такие игрушки не нужны... Им не до блестящих идей. А то, того и гляди, не дай бог появится гениальная модель! Нет, их удел — дешевое убожество, — он вздохнул. — При помощи этого компьютера мы уже били трейлеры около десяти тысяч раз. Конструировали — и били, модифицировали — и вновь разбивали... Никаких теорий... Сплошные испытания. Так оно и должно быть...

Ненависть Торна ко всякого рода теориям уже стала легендарной. С его точки зрения, теория — не что иное, как замена реального опыта. Обычно ее предлагает субъект, понятия не имеющий даже о собственной речи и не понимающий, о чем говорит сам.

— А теперь полюбуйся, Джерри! Джерри, ты меня слышишь?! Джерри!! Ну ради чего мы делали все это компьютерное моделирование, если вам, ребята, на него наплевать?! У меня что, работают одни тупицы?

— Простите, док.

— Не извиняйтесь! Постарайтесь лучше впредь не допускать подобных ошибок.

— Сэр, тут и так сам черт ногу сломит...

— Неужели? Таково ваше решение? Вы что, теперь Главный Конструктор? Ваше дело — строго придерживаться чертежей!

Арби семенил бок о бок с Торном.

— Я очень волнуюсь за доктора Ливайна, — лопотал черный мальчонка.

— Неужели? А я вот — нет...

— Но на него всегда можно было положиться в вопросах организации... Он так дисциплинирован...

— Верно, — заметил доктор Торн, — но он также импульсивен и делает все, что его левой ноге угодно.

— Может, оно и так, — согласился Арби, — но я сомневаюсь в его отсутствии без уважительной причины. Боюсь, он попал в беду... На прошлой неделе он водил нас к профессору Малкольму в Беркли, у которого в кабинете висит карта мира. Так вот, на той карте...

— Малкольм?! — рассмеялся Джек. — Увольте меня... Эта парочка — два сапога пара. Еще вопрос, кто из них более практичен. Но, думаю, все же... все же лучше всего мне связаться с Ливайном.

И, резко повернувшись, он направился к своей конторке.

— Вы собираетесь воспользоваться спутниковым телефоном? — поинтересовался Арби.

Торн замер на месте.

— Чего, чего?

— Я говорю, спутниковым телефоном, — как ни в чем ни бывало продолжал мальчишка. — Разве доктор Ливайн не взял с собою такого аппарата?

— Как же он, по-твоему, смог бы это сделать? — заинтересованно спросил Джек. — Ты же знаешь, самый маленький спутниковый телефон бывает побольше хорошего чемодана...

— Верно, мистер Торн, но он ведь вовсе не обязан быть таким, — отозвался Арби. — И вы, как выдающийся изобретатель, вполне могли сконструировать нечто совсем портативное.

— Мог? Каким же образом? — «Нет, этот мальчик мне явно симпатичен».

— Ведь эта компьютерная панель ВИЭЛЭСАЙ, на которую мы вышли, — пояснил Арби, — там находилась пара схем «Моторола БИЭСЭН», а это — секретная технология, разработанная для ЦРУ, потому как, благодаря ей, можно...

— Эй, эй... — перебил мальчика Торн. — Откуда тебе... Где ты все разузнал? Разве не предупреждал я тебя о том, что компьютерное...

— Не волнуйтесь, я весьма осторожен, — промолвил Бентон. — Но ведь насчет компьютерной панели — это же правда? Вы запросто могли воспользоваться этим и создать спутниковый аппарат весом в фунт. Так вам удалось?!

Доктор долго и пристально изучал лицо мальчика, смотрел ему в глаза, многозначительно покашливал.

— Вполне возможно, — наконец сказал он. — Ну и что из того?

Арби усмехнулся.

— Клево!

Небольшая конторка Торна находилась в углу мастерской. Ее стены украшали ксерокопии, компью-

терные распечатки и трехмерные рисунки. Всевозможные радиодетали, каталоги и факсы загромождали внушительных размеров рабочий стол. Джек разгреб эти завалы и вскоре извлек на свет божий портативный телефонный аппарат из серого пластика.

– Ну, вот, – он продемонстрировал его Арби. – Хорош, не правда ли? Я сконструировал его сам!

– По виду, как от сотовой связи, – промолвила Келли.

– Да. Но лишь по виду... В отличии от сотового, этот телефон напрямую соединяется со спутником. При помощи данного устройства я, в принципе, могу связаться с любой точкой на поверхности земного шара, – он быстро набрал кнопками необходимый код. – Подумать только, раньше для этого требовалась трехфутовая тарелка! Затем – диаметром в один фут... Теперь вообще не требуется никакой тарелки... Всего только одна портативная телефонная установка. Неплохо, если учесть, что подобное мнение исходит из моих уст. Ну, что ж, посмотрим, ответит ли он нам, – доктор поднял трубку. Они услышали щелчки и гудение. – Вообще-то, я неплохо знаю Ричарда, – продолжил Торн, – и могу вам сказать, что, скорее всего, он опоздал на свой самолет или забыл о сегодняшнем дне и о полевых испытаниях. А ведь мы уже почти все приготовили... Как только поставим на место сидения, сами поймете... Что же он нас задерживает? Как-то непорядочно с его стороны...

В трубке продолжали звучать гудки.

– Что ж, если я не в состоянии до него дозвониться, то побеспокою Сару Хардинг.

– Сару Хардинг? – удивилась Келли.

– А кто такая Сара Хардинг? – поинтересовался Арби.

— Самая знаменитая зообихевиористка в мире, Арб.

Женщина была кумиром Келли Кертис. Девочка прочитала все статьи, что опубликовали в прессе о ней. Когда-то Сара еле сводила концы с концами, жила на стипендию, обучаясь в Чикагском университете... Однако теперь, в свои тридцать лет, стала аспиранткой Принстона, прекрасной и независимой бунтаркой, выбравшей в жизни свой собственный путь. Женщина избрала для себя профессию полевой исследовательницы, живущей отшельницей в Африке, где она изучала львов и гиен. Хардинг славилась своей крутостью и непримиримостью. Однажды, когда поломался ее «Лендровер», Сара пешком прошла двадцать миль по дикой саванне, отпугивая хищников камнями. На фотографиях отважная исследовательница обычно представала в шортах и рубашке цвета хаки, с болтающимся на груди биноклем и, как правило, на фоне своей машины. Короткостриженая, спортивного телосложения, она выглядела этакой дикаркой-очаровашкой. По крайней мере, такой женщина казалась Келли, всегда пристально изучавшей каждый ее снимок в газетах и журналах.

— Сроду про нее не слышал, — заметил Арби.

— Ты, наверное, слишком много времени проводишь у компьютера, сынок, — добродушно улыбнулся Торн.

— Нет, — ответил, понурив голову, мальчик. Он не любил, когда над ним подтрунивали. — Зообихевиористка, говорите?

— Совершенно верно, — отозвался Торн. — Мне известно, что в течение последних двух недель Ливайн встречался с ней не один раз. Вероятно, он хотел что-то узнать. Она, как-никак, эксперт... К тому же, через нее ему проще связаться с Малкольмом. Ведь, в конце концов, Сара когда-то любила Иана.

— Ни за что не поверю, — перебила Торна Кертис. — Скорее, это он в нее влюбился.

Джек многозначительно посмотрел на девочку.

— А ты что, встречалась с Сарой?

— Нет! Но я много про нее знаю из прессы

— Понятно, — присвистнул Торн.

На лице девочки отразилось нескрываемое восхищение, но мужчина не возражал. Пусть будет так! Тем более, сверстницы Келли способны на более ужасные вещи, нежели почитание Сары Хардинг. По крайней мере, объект обожания девочки не был культуристкой или рок-звездой. А мысль о том, что Келли поклоняется кому-то, стоящему на переднем крае науки, пришлась по душе старине Торну.

Телефон тем временем продолжал автоматически набирать необходимый номер. Но никто не отвечал...

— Ладно, нам теперь хотя бы известно, что аппарат Ливайна в порядке, так как сигнал проходит, — подытожил доктор.

— Можно ли определить его местонахождение? — поинтересовался Арби.

— К сожалению, нет. А если мы будем продолжать названивать, то можем разрядить батарейку приемного устройства Иана, что в конечном счете...

Послышался щелчок, и через мгновение они услышали определенно четкий и чистый мужской голос:

— Ливайн слушает.

— Слава тебе, Господи! Он — на месте, — кивнул головой Торн, нажимая кнопку на своем аппарате. — Ричард, ты меня слышишь? Это я, док Торн.

В трубке послышалось продолжительное шипение статического электричества. Затем последовал кашель, и хрипло-трескучий голос изрек:

— Алло? Алло? Ливайн слушает.

Джек снова нажал кнопку на своем аппарате.

— Ричард, говорит Торн. Ты меня слышишь?

— Алло?! — прокричал на другом конце Ливайн. — Алло?!

Док тяжело вздохнул.

— Ричард, тебе необходимо нажать кнопку «Т», чтобы услышать меня... Давай же...

— Алло?!

Опять кашель, душераздирающий кашель.

— Говорит Ливайн. Я слушаю вас...

Торн покачал головой.

— Судя по всему, он понятия не имеет, как обращаться с аппаратом. Черт побери! Ведь я подробнейшим образом все ему расписал... Конечно же, как всегда, по рассеянности он все забыл... Гении, знаете ли, обычно невнимательны... Они считают, что им и так все известно! Но ведь это не игрушка!

Доктор в очередной раз нажал кнопку на своем аппарате.

— Ричард, послушай меня, наконец... Ты должен нажать кнопку «Т» для того...

— Ливайн слушает... Алло? Ради бога, я нуждаюсь в срочной помощи... — послышалось что-то вроде хрипа. — Если вы слышите меня, то, ради бога, пришлите помощь... Я — на острове... Добрался до места без приключений, но...

Опять треск и шипение.

— О, Господи! — прошептал Торн.

— Что случилось?! — воскликнул Арби.

— Мы потеряли с ним связь.

— Почему?

— Батарейки... Видишь ли, они очень быстро разряжаются... Ричард! Черт тебя побери! Где же ты?

В трубке вновь послышался голос Ливайна:

— ...почти мертв, ситуация... вышла из-под... контроля, но если вы меня слышите... слышите меня... пришлите помощь... помощь...

– Ричард! Скажи нам, где ты находишься?!

Послышался какой-то свист, и качество приема значительно ухудшилось, но им все же удалось расслышать отдельные фразы:

– Они окружили меня... Хищники... Чую их. особенно по ночам...

– О чем это он? – удивленно прошептал Арби.

– Из-за ранения... не могу... недолго... прошу вас...

И затем гораздо более приглушенное шипение. Через секунду телефон отключился. Торн отбросил в сторону свое переговорное устройство, повернулся к побелевшим от страха детям:

– Мы обязаны найти его... И без малейшего промедления!

Самоорганизация вырабатывается в сложном симбиозе, по мере того, как система продвигается к грани хаоса.

Иан Малкольм

ВТОРАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

КЛЮЧИ К ДОГАДКАМ

Открыв дверь в квартиру Ливайна, Торн щелкнул выключателем... Загорелся свет, и некоторое время все глазели по сторонам, потеряв дар речи.

– Больше похоже на музей... – наконец выдавил из себя Арби.

Свои апартаменты Ливайн обставил в чисто азиатском стиле с массой шкафов красного дерева и дорогого антиквариата. Несмотря на обилие мебели, квартира сияла чистотой. Большая часть древних вещей оказалась тщательно упакованной в пластиковые чехлы; ко всему приклеены соответствующие бирки.

Не торопясь, они прошли в гостиную.

– Неужели он здесь живет? – удивилась Келли, потому что просто не могла поверить этому.

Квартира казалась чересчур безликой, словно и не человек проживал тут... Что же касалось собственных апартаментов девочки, то там всегда царил полный кавардак.

– Представь себе, живет, – промолвил Торн, положив ключ от входной двери в нагрудный карман. – И всегда так было... Думаю, поэтому он и не смог ужиться ни с одной женщиной. Ричард терпеть не может, когда кто-то трогает его вещи.

Диваны в гостиной расставили вокруг стеклянного журнального столика, на котором лежали четыре аккуратных стопки книг. Арби пробежал взглядом по их заголовкам: «Теория катастроф и появляющиеся в их следствии структуры», «Индуктивные процессы в молекулярной эволюции», «Клеточная автоматика», «Методология нелинейной адаптации», «Фазовый переход в эволюционных системах»... Там лежали еще какие-то фолианты с немецкой готической вязью на корешках.

Келли принюхалась.

— Похоже, там что-то жарится...

— Не знаю, — сказал Торн, проходя на кухню.

У стены стояла еще теплая электроплита с рядом прикрытых сковородок. Комбинированный обеденный стол накрыт на одного человека и сервирован серебром и хрусталем. Из фарфоровой супницы исходил ароматный дымок. Немного в стороне от тарелки лежала записка: «Омары, зелень, тушеный тунец... Надеюсь, поездка увенчалась успехом. Ромелия».

— Ого! — удивилась Келли. — Кто-то готовит ему каждый день еду...

— Похоже, ты права, девочка, — согласился Торн, не обращая никакого внимания на роскошную сервировку стола, и принялся рыться в кипе нераспечатанных писем, лежавших здесь же.

Кертис с любопытством заглянула в факсы на ближайшем столике. Первый — из музея Пибоди в Йеле, Нью-Хейвен.

— Это что, немецкий? — спросила она, протягивая бумагу старому доктору.

«Уважаемый д-р Ливайн!

Запрашиваемый вами документ Geschichtliche Forschungsarbeiten über die Geologie Zentralamerikas 1922-1929 послан вам сегодня Федеральной почтой.

Спасибо вам (подпись)

Дина Скрамбис, архивариус»

– Черт подери, я не понимаю по-немецки, – забеспокоился Торн, – но, думаю, это какие-то исследования по геологии Центральной Америки... К тому же, достаточно устаревшие, двадцатых годов.

– Интересно, зачем ему понадобились эти материалы? – спросила девочка.

Торн ничего не ответил и прошел в спальню – довольно просторную комнату, скромно обставленную. В глаза бросилась черная, аккуратно заправленная кровать. Джек открыл дверцы платяного шкафа: вся одежда тщательно отглажена и запакована в пластиковые мешки. В верхнем ящике комода сложены носки, аккуратно разобранные кем-то по парам и по цвету.

– Ума не приложу, как он так живет, – удивлялась Келли.

– Да ничего в этом особенного нет, – ответил Торн. – Просто имеет достаточное количество слуг.

Между тем Джек продолжал внимательно изучать содержимое ящиков комода, выдвигая их один за другим; девочка медленно перебирала книги, лежавшие на прикроватном столике. Сверху лежала маленькая и пожелтевшая от времени книжица на немецком языке с названием «DIE FÜNF TODESARTEN». Девочка перелистала ее и обнаружила на страницах множество цветных картинок каких-то индейцев в пышных костюмах. «Наверное, это – ацтеки, – подумала она. – Похожи на комиксы для малышей...» Кроме этой книги на столе лежало несколько изданий в темно-красных переплетах, оказавшихся сборниками статей с эмблемой института Санта-Фе с многообещающим заголовком «Генетические алгоритмы и эвристические сети. Геология Центральной Америки». Кроме того, здесь же находился ежегод-

ный отчет корпорации «ИнДжен» за 1989 год. А у телефона Кертис нашла спешно написанную записку, вне всякого сомнения, рукой самого Ливайна, которая гласила:

ПЛОЩАДКА «Б»
VULKANISCHE
Takaño?
Nublar?
Одна из пяти смертей?
в течение нескольких месяцев? Нет!!!
быть может, Гуитьерес?
осторожнее

— А что это за площадка «Б», о которой он упоминает? — поинтересовалась Келли.

Торн взял листок из рук девочки.

— VULKANISCHE... Думаю, по-немецки значит «вулканический». А вот Таканьо и Нублар... Похоже на географическое название. Если наше предположение верно, то мы можем проверить это по географическому атласу.

— А что там насчет одной из смертей? — спросила Кертис.

— Черт его знает, — пробубнил в ответ Торн.

Они все еще продолжали разглядывать записку и вникать в смысл написанного, когда в комнату вошел Арби и поинтересовался:

— Знаете ли вы хоть что-то о площадке «Б»?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — удивился доктор Джек.

— Лучше посмотрите на его офис, чем задавать глупые вопросы, — отрезал мальчик.

Вторую спальню в своих апартаментах Ливайн превратил в своеобразный рабочий кабинет. Как и во всех комнатах квартиры, здесь царила потрясающая чистота. На большом столе Ричард аккуратно разложил стопы бумаг и документов; компьютер, сто-

явший здесь же, покрывала целлофановая пленка, предохраняя его от пыли. Большую часть стены за столом прикрывала пробковая панель, к которой Ливайн приколол всевозможные карты, таблицы, вырезки из газет, сделанные со спутников фотографии. Весь этот монтаж завершал заголовок «Площадка «Б»?», написанный отдельно на полулисте ватмана; ниже приклеен расплывчатый снимок очкастого китайца в белом лабораторном халате. Азиат стоял на фоне джунглей рядом с указателем, гласившим «Площадка «Б». Под расстегнутым халатом можно разглядеть майку с какой-то надписью. Рядом располагалось увеличенное фото самой майки. Хотя буквы и расплывались, все же удалось прочитать следующее: «ИнДжен, площадка «Б», исследовательская лаборатория». Под снимком имелась сделанная аккуратным почерком Ливайна приписка: «Исследовательская лаборатория площадки «Б» компании «ИнДжен??? Но ГДЕ???» Чуть ниже пришпилена страница из ежегодного отчета вышеупомянутой фирмы. Отчеркнутый фломастером абзац гласил:

«В дополнение к штаб-квартире в Пало-Альто, где «ИнДжен» располагает ультрасовременной исследовательской лабораторией площадью около двухсот тысяч квадратных футов, компания также владеет тремя полевыми лабораториями в различных частях света:

а) геологической, в ЮАР;

б) исследовательской фермой в горах Коста-Рики, где выращиваются всевозможные экзотические растения;

в) сооружением на острове Нублар, в ста двадцати милях западнее Коста-Рики».

Напротив этой вырезки рукой Ливайна начертана следующая резолюция: «Нет там никакой «Б»! Лжецы!!!»

— Судя по всему, доктор просто одержим проблемой существования этой таинственной площадки, — заметил Арби.

— Скорее всего, — согласился Торн, — и я так понимаю: он абсолютно уверен, что она находится на каком-то острове...

Подойдя к панели поближе, он принялся рассматривать сделанные со спутников фотографии, отмечая про себя одну интересную особенность: хотя все они и выполнены с различной цветопередачей и разнообразными масштабами, похоже, отображается один и тот же район земного шара — скалистое побережье и несколько островов на небольшом расстоянии от суши. На береговой линии отчетливо просматривался песчаный пляж и густые джунгли; может быть, коста-риканское побережье. Однако с точностью сказать просто невозможно. Честно говоря, это могло быть одно из дюжины подобных ему мест на Земле.

— Но он же сказал, что находится на острове, — заметила Келли.

— Да, — пожал плечами Торн, — но сие указание нам не особенно поможет... — он пристально посмотрел на покрытую фотоснимками панель. — Тут островов двадцать, если не больше...

Джек взглянул на подколотую внизу записку, напоминающую какую-то инструкцию:

«Площадка «Б» @ #$# ВСЕМ ОТДЕЛЕНИЯМ [] **** ПОМИНАНИЯ % $ # @ # НАЖАТЬ OVOIDAN ****** ~~М-р Хаммонд хотел бы всем напомнить~~ **** что после ^*и^ распродажи *%** Долгосрочный рыночный план *&^&^% продажа предложенных здравниц требует всего комплекса технологии JP не ~~разглашать~~ объявлять ~~делать известной~~ М-р Хаммонд хотел бы напомнить всем отделениям, что производственный комплекс не будет предметом ~~обсуждения~~

пресс-релизов и журнальных статей. Производственный комплекс не может быть # @ #$# из-за местоположения острова его нахождения. Остров S только список оборудования. Нажимайте ***^%$** если хотите знать подробности».

— Странно, — промолвил Торн. — Ну и что же вы мне, ребятки, по этому поводу скажете?

Арби задумчиво посмотрел на маловразумительную распечатку.

— Все эти пропущенные буквы и дурацкие значки... Они о чем-нибудь говорят вам? — поинтересовался Джек.

— Да, — отозвался мальчуган и, щелкнув пальцами, направился к рабочему столу Ливайна. Сняв целлофан с компьютера, он воскликнул:

— Я так и думал!

Терминал Ричарда не представлял собой нечто суперсовременное, как думалось Торну. Этому компьютеру исполнилось сто лет в обед, и выглядел он громоздко и обшарпанно. К его корпусу был приклеен черный стикер «Дизайн Асоушиэйтс Инкорпорейтед» и чуть ниже — блестящая металлическая пластинка, гласившая: «Собственность компании Интернешнл Дженетикс Технолоджиз, Пало-Альто. Калифорния».

— Что это?! — удивился док. — Неужели у Ливайна компьютер «ИнДжена»?

— Конечно, — ответил Арби. — Мистер Ливайн посылал нас на прошлой неделе, и мы купили его на распродаже компьютерного оборудования компании.

— Он вас послал? — переспросил Торн.

— Да, меня и Келли... Сам он не хотел идти... Боялся слежки.

— Но ведь это — машина серии КАД-КАМ и ей, как минимум, уже лет пять, — заметил Джек. — Компьютеры данной модификации использовались,

в основном, профессиональными архитекторами, дизайнерами и инженерами-конструкторами. Зачем он понадобился доктору Ливайну?

– Он нам никогда об этом не говорил, – ответил Арби, включая компьютер. – Но теперь-то я знаю, наконец, зачем.

– Ну, и?..

– Это памятка, – указал кивком мальчик на пробковую панель. – Вы знаете, почему она так выглядит? Так вот, это обнаруженный компьютерный файл. Ливайн извлек его из машины «ИнДжен».

Далее он пояснил, что все проданные в тот день терминалы компании запрограммировали на уничтожение данных, записанных на дисках. Другое дело, КАД-КАМ... У всех них есть особое, установленное на заводе матобеспечение, вводимое при помощи персонального кода, а поэтому перепрограммировать такую машину довольно сложно.

– Значит, здесь ничего не стерто? – сообразив, указал на компьютер Торн.

– Именно, – ответил Арби. – Они просто убрали направляющую и продали оборудование.

– И значит, оригинальные файлы по-прежнему на диске?

– Правильно.

Экран монитора вспыхнул, и в следующее мгновение на нем появилась надпись: «Общее число восстановленных файлов – 2387».

– О, господи, – вырвалось у мальчика, который склонился над клавиатурой. После нажатия необходимой кнопки по экрану поползли ряды оглавлений. Действительно, тысячи файлов...

– И как же ты собираешься... – начал Торн.

– Подождите минуточку, – перебил его Бентон, быстро выстукивая на клавишах всевозможные комбинации.

— О'кей, Арб...

Старого академика всегда удивляла некоторая бесцеремонность мальчика, когда он работал с компьютером. Похоже, Бентон забывал о своем возрасте, и его обычная застенчивость мгновенно исчезала. Да, он и впрямь принадлежал к миру электроники и знал, что здесь ему равных нет... «Любая помощь с его стороны сейчас будет...» — успел подумать Торн.

— Док, — снова перебил его мальчик, — давайте вы куда-нибудь сходите или поможете Келли, или... Ну, в общем... Не знаю...

Отвернувшись, юный Бентон вновь защелкал клавишами компьютера.

ХИЩНИК

Механическое чудовище темно-зеленого цвета имело не менее шести футов в высоту. Изготовившись к атаке, оно громко шипело, мускулистая шея вытянута вперед, пасть широко раскрыта...

Тим, один из создателей модели, подошел к Иану.

— Ну, и каково же ваше мнение по поводу нашей работы, мистер Малкольм?

— В нем не чувствуется никакой угрозы, — заметил ученый, обходя динозавра со всех сторон.

— То есть... как? — удивился инженер.

— Да разве они так стоят? Вот так, опираясь полной ступней на почву?.. И потом... Суньте ему книжку, — он вложил в передние лапы резинового ящера свой блокнот, — и можно подумать, это — распевающий рождественские колядки ангелочек!

— Надо же! — удивился Тим. — Мне-то он казался совсем не таким плохим...

— Плохим? Да совсем не то слово! — взорвался Малкольм. — Вы нанесли оскорбление величайшему из когда-либо существовавших на этой планете хищников! Мы ведь должны ощущать исходящую от него угрозу, стремительность, мощь... Сделайте так, чтобы все увидели его клыки... Опустите шею... Напрягите мышцы, подтяните шкуру... И обязательно приподнимите вот эту заднюю лапу... Помните, эти хищники сроду не атаковали свою жертву зубами! Для этого они использовали острые когти на своих мощных ногах...

Малкольм перевел дыхание и продолжил:

— Я хочу видеть, как этот коготь обрушивается на жертву, чтобы в следующее мгновение выпустить ей кишки!

— Вы и впрямь так считаете? — с сомнением в голосе выдавил из себя Тим. — Но ведь так можно напугать маленьких детей...

— Вернее, это напугает вас, — бросил на прощание Малкольм, удаляясь по широкому университетскому коридору. — И вот еще что... Сделайте... Ну, измените тон этого шипения... А то создается впечатление, словно кто-то писает... Пусть данное животное хрипит, брызжет слюной... Воздайте, в конце концов, должное великому хищнику.

— Господи, — продолжал удивляться Тим, — я не думал, что вы все так близко примете к сердцу.

— Просто все нужно делать аккуратно, — заметил математик. — В зависимости от каких-либо чувств можно выполнять любую работу или как положено, или — спустя рукава.

Малкольм ушел раздраженный, не обращая внимания на резкий приступ боли в ноге. Этот макетчик довел его до белого каления, хотя, конечно, следовало учесть, что он — всего лишь представитель современного, крайне легкомысленного поколения.

Профессора давно уже выводила из себя надменность его коллег по университету, которая, по мнению Иана, являлась следствием игнорирования истории науки. Для них это считалось особым шиком. Ученые притворялись, будто бы история не имеет никакого значения, потому как ошибки прошлого теперь исправлены благодаря современнейшим открытиям... Но дело в том, что их предшественники думали так же и тоже ошибались. Современные исследователи, бесспорно, заблуждались во многих темных областях научных неисследованных просторов.

И ни один из эпизодов истории науки не подтверждал это лучше, чем то, какими изображались динозавры на протяжении нескольких десятилетий. В 1840 году, когда Ричард Оуэн впервые описал найденные в Англии гигантские кости, он назвал предполагаемых существ Dinosaurid, то есть — «Ужасные ящерицы». «По сей день — это наиболее точная характеристика», — подумалось Малкольму. Они и впрямь походили на ящериц. Но со времен Оуэна «научные» взгляды на динозавров претерпели значительные изменения. Поскольку «викторианцы» верили в неизбежность прогресса, то настаивали на ущербности ископаемых ящеров. А иначе, с какой стати им вымирать? И потому эти «знатоки древности» сделали все возможное, чтобы все в мире посчитали рептилий жирными, слабоумными, засыпающими на ходу тварями.

Подобные взгляды разрабатывались столь интенсивно, что уже к началу двадцатого века люди привыкли рисовать в своем воображении динозавров, как существ, неспособных даже выдержать собственный вес. Апатозаврам, например, приписывалось постоянное нахождение по брюхо в воде, а иначе, мол, их ноги просто подломятся, не выдержав веса. Вся концепция древнего мира развивалась вокруг идеи о

слабых, тупых, медлительных животных, не вынесших сложностей эволюционного отбора.

Эти взгляды просуществовали до 1960 года... Именно в шестидесятых несколько инакомыслящих профессоров во главе с Джоном Остраном стали представлять динозавров быстрыми, коварными теплокровными хищниками. Поскольку «новые» ученые поставили под вопрос уже сформировавшуюся к тому времени некую догму, их в течение многих лет подвергали яростной критике, хотя сейчас, похоже, ясно, что они оказались правы.

Но в последнее десятилетие возросший интерес к социальному поведению привел к возникновению иной концепции. Динозавров сейчас считают этакими заботливыми тварями, ходившими стаями и воспитывавшими своих малых деток. Этакие добродушные милашки... Мол, эти душки даже не подозревали, какую судьбу им уготовил метеорит Альвареса. Этот-то беззубый, легкомысленный взгляд на вещи и плодил людей, подобных Тиму... Им невдомек была оборотная сторона монеты, потому что не хотелось лицезреть иные лики жизни.

Само собой, некоторые ящеры и являлись представителями милых и общительных типов животных. Но прочие-то! Прочие-то оказались охотниками-убийцами, обладавшими ни с чем не сравнимой жестокостью.

Для Малкольма правдивейшая картина жизни доисторического мира совмещала в себе самые разные аспекты: и плохие, и хорошие, и слабые, и сильные. Профессор не находил никаких весомых причин для притворства...

«Конечно же! Пугать маленьких детей!» — фыркнул в раздражении Иан, проходя по коридору. По правде говоря, его больше беспокоило услышанное от Элизабет Гельман по поводу фрагментов тканей,

а особенно — по поводу бирки... «От этой бирки добра не жди!» — думал про себя Малкольм, но не мог с уверенностью сказать, как поступить в дальнейшем.

Профессор свернул по коридору вправо и двинулся мимо витрины с наконечниками из Кловиса, произведенными древнейшими обитателями Америки.

Вот и офис... Беверли, его секретарша, стояла у стола, перебирая бумаги и собираясь пойти домой. Она протянула ему свежие телеграммы, заметив:

— Я передала сообщение на имя доктора Ливайна, но он на него так и не ответил. Похоже, никто не знает, где его искать...

— Ну, и слава богу! — вздохнул Малкольм.

С Ричардом всегда было чрезвычайно трудно работать: никогда не знаешь, чего от него ожидать. Однажды Иану даже пришлось платить залог, когда вечно спешащий доктор оказался арестован за превышение скорости на своем «Феррари».

Профессор покопался в факсах: сообщения о датах проведения конференций, просьбы сделать ксерокопии — ничего существенного.

— Хорошо. Благодарю вас, Беверли.

— Ох! Совсем забыла сказать вам... Тут фотографы приходили... Ушли около часа назад...

— Что еще за фотографы? — спросил раздраженно Малкольм.

— Они приходили снимать ваш офис... Знаете ли, серия фото... Рабочие кабинеты выдающихся математиков. Да, они предъявили подписанное вами письмо, в котором говорилось...

— Я никогда не посылал подобных писем! — возмутился профессор. — Какой, вы говорите, журнал? Что? Сроду не слышал про такой журнал!.. «Ежеквартальный хаос»!

Он прошел к своему рабочему месту и внимательно посмотрел на бумаги, разложенные на столе. Беверли поспешила за ним с довольно озабоченным выражением на лице.

— Все в порядке? Все документы на месте?

— Да, — ответил Малкольм после беглого осмотра. — Похоже, все в порядке, — он продолжал открывать ящики стола, внимательно изучая расположение сложенных в них вещей. — Нет, все на месте...

— Ну, и слава богу, — вздохнула Беверли. — Потому как...

Иан отвернулся, посмотрев в противоположный угол помещения.

— Карта!!

Нужно сказать, что у него в кабинете на стене висела огромная карта мира с разноцветными иголками, которые обозначали местонахождение так называемых форм, отклоняющихся от нормы. По самому приблизительному подсчету, таких уголков обнаруживалось не менее дюжины... От Рангира, на западе, до Калифорнийского залива и Эквадора — на востоке... Некоторые сообщения об этих местах уже подвергнуты тщательной проверке. Но теперь-то у него в руках находился подлинный образец ткани, подтверждавший реальное существование, по крайней мере, одного экземпляра...

— Они фотографировали карту?

— Да... Журналисты снимали все... А разве это так важно?

Малкольм посмотрел на схему расположения форм, отклоняющихся от нормы, стараясь оценить ее свежим взглядом. Что же может извлечь из нее человек посторонний? Вместе с Ливайном профессор провел у этой карты не один час. Принимая концепцию «затерянного мира», ученые не раз пытались определить его конкретные границы и место-

положение. Исследователи сузили район поисков до пяти островов вблизи побережья Коста-Рики. Ливайн уже абсолютно убедил себя, что гипотетический мир находится на одном из них, и Малкольм начинал с ним соглашаться. Но карта?! Она никак не отмечала ни одной подобной точки...

— Очень милая группа фотографов, — заметила Беверли. — Все вежливые... Иностранцы... Думаю, из Швейцарии...

Кивнув в знак согласия, профессор тяжело вздохнул; в голове мелькнуло: «Да черт с ними! Рано или поздно, но это должно было случиться...»

— Ничего, все нормально, Беверли.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Желаю вам хорошо провести вечер.

— Спокойной ночи, доктор Малкольм.

Оставшись один, математик немедленно набрал номер Ливайна. Однако сработал автоответчик, так как хозяина снова не оказалось дома.

— Ричард, ты там? Если дома, подними, пожалуйста, трубку... Это очень важно.

Иан выждал некоторое время и снова повторил:

— Ричард, это Малкольм... Послушай, тут у нас проблемы... Кое-кто уже видел нашу карту... И потом... я подверг тщательному анализу присланный образец. Думаю, он с точностью подсказывает нам местонахождение площадки «Б», если мои...

Послышался щелчок. Кто-то взял трубку...

— Ричард?

— Нет, — ответил на том конце некто, тяжело дыша, — не Ричард, это — Торн, и я думаю, тебе следует немедленно приехать сюда, Малкольм.

— Так я и знал! — воскликнул математик, входя в квартиру Ливайна. — Я знал, что он выкинет нечто в этом роде... Знаешь, ему вечно на месте не сидится. Говорил ведь ему: «Не уезжай, пока мы не раздобудем все необходимую информацию!» Но мне следовало, конечно, предполагать... Нет, даже знать о его отъезде!

— Да, он уехал...

— Эгоист, — заметил, покачав головой, Малкольм. — Видите ли, Ричард привык во всем быть первым. Первым установить то-то, первым попасть туда-то. Боюсь, он только все испортит из-за своей импульсивности. Такое поведение, сами понимаете, — это буря внутри мозга, все нейроны на грани хаоса... Одержимость — всего лишь одно из проявлений наркомании... Но обладали ли когда-нибудь ученые мужи самообладанием? Их учат этому в школе, но, судя по всему, уравновешенность не для них! Они забывают о прописной истине: Нильс Бор — не только великий физик, но и спортсмен-олимпиец... Сегодня исследователи предпочитают изображать из себя психопатов: таков их нынешний профессиональный стиль.

Торн задумчиво посмотрел на разошедшегося не на шутку профессора.

— Вы знаете, на какой из островов мог направиться Ричард Ливайн?

— Нет, — ответил Иан, меряя шагами комнату. — Мы решили сузить район поисков до пяти прибрежных участков суши на юге Коста-Рики... но так и не решили, на каком из них следует высадиться...

Джек указал на приколотые к пробковой панели снимки, сделанные со спутников:

— Это именно эти острова?

– Да, – ответил, бросив быстрый взгляд на фотографии, Малкольм. – Они растянуты полукругом с радиусом в десять миль вблизи залива Пуэрто-Кортес... Предположительно, все они необитаемы... Местные жители называют их Пятью Смертями.

– Почему? – удивилась Келли.

– Это старая индейская легенда, – продолжал Малкольм, – о храбром воине, попавшем в плен к вождю, предложившему ему на выбор различные способы ухода из этого мира: сожжение, утопление, раздавливание, повешение и обезглавливание. Храбрец ответил, что готов принять их все и стал перебираться с острова на остров, испытывая судьбу... Своего рода Центрально-Американская версия подвигов Геракла.

– Так вот что это значит! – воскликнула Келли и выбежала из комнаты. Иан, похоже, ничего не понимал. Он повернулся к Торну, но тот лишь пожал плечами. Девочка возвратилась, сжимая в руках немецкую детскую книжку, и протянула ее математику.

– Совершенно верно, – ответил он, – «DIE FÜNE TODESARTEN», «Пять видов смерти». Любопытно, издание старое и на немецком языке...

– Да у него полно немецких книг, – заметила Кертис.

– Неужели? Вот ублюдок! Мне-то он никогда об этом не говорил...

– А что? Что это значит? – поинтересовалась девочка.

– Для меня – очень многое! Дай-ка мне во-он то увеличительное стекло.

Келли протянула ему лежавшую на столе лупу.

– Так, все-таки, что это значит?

– Пять Смертей – это древние острова вулканического происхождения, – промолвил Малкольм, – весьма богатые различными полезными ископаемы-

ми. В двадцатые годы немцы хотели поставить там свои буровые вышки... – он внимательно рассматривал фотографии на пробковой панели. – Вне всякого сомнения, Матансерос, Муэртэ, Таканьо, Сорна, Пена... Да, это именно те острова, носящие названия смертей и разрушений... Все правильно. Думаю, мы близки к разгадке. Есть ли у нас какие-нибудь снимки со спутников со спектрографическим анализом облаков?

– Неужели подобные снимки помогут обнаружить площадку «Б»? – удивился Бентон.

– Что?! – встрепенулся профессор. – Откуда тебе известно о площадке?!

Арби все еще сидел за клавиатурой. Подняв голову, мальчик спокойно ответил:

– Да ничего я толком не знаю... Просто доктор Ливайн разыскивал эту таинственную территорию... К тому же, она фигурирует в файлах.

– В каких еще файлах?!

– Я обнаружил их в компьютере, – он похлопал ладонью по стоящему на столе терминалу, – некоторые из файлов «ИнДжена». А просматривая старую информацию, нашел несколько ссылок на площадку «Б»... Но там не разберешься. Вот, например... полюбуйтесь...

Он показал на экран дисплея:

ОТЧЕТ: ПЛАНОВЫЕ РЕВИЗИИ #35

Производство	(площадка «Б»)
Воздушные кондиционеры	Степень 5 – Степень 7
Лаб. структура	400 – 510 смм
Биобезопасность	Уровень ПК/3 – ПК/5
Конвейер-диапазон	3 мпм – 2,5 мпм
Площади	13 – 26 гектар
Администрация и службы	17 (4адм.) – 19 (4адм.)
Протокол	ЭЙТИ (ВИЖС) АРДИТИ (ВИЖС)

– Любопытно... но малопонятно, – нахмурился Малкольм. – Из этого не поймешь, на каком из ост-

ровов находится пресловутая площадка. Что еще удалось раздобыть?

— Ну... — Арби защелкал клавишами. — Сейчас посмотрим... Например, это...

ОСТРОВНАЯ СЕТЬ ПЛОЩАДКИ «Б»

ЗОНА 1 (РЕКА)	1 — 8
ЗОНА 2 (БЕРЕГ)	9 — 16
ЗОНА 3 (ХРЕБЕТ)	17 — 24
ЗОНА 4 (ДОЛИНА)	25 — 32

— Слава богу, это, все-таки, остров, — промолвил Малкольм, — и у площадки «Б» имеется какая-то сеть... но вот только... какая? Быть может, компьютерная?

— Не знаю, — отозвался Арби. — Но вполне возможно... Хотя... А вдруг это радиосеть?!

— Для каких целей? — удивился профессор. — Для чего там использовать радиосеть? По-моему, проку от нее там никакого.

Мальчик лишь руками развел, воспринимая слова Иана, как вызов, брошенный его некомпетентности. Он вновь начал что-то яростно выстукивать на клавиатуре... И вдруг радостный крик:

— Подождите! Тут еще кое-что!.. Эх, если бы мне удалось сформатировать... Ага! Вот, готово!

Бентон отошел от дисплея так, чтобы другие смогли увидеть полученный им результат. Взглянув на экран, Малкольм воскликнул:

— Отлично! Очень хорошо!

ПЛОЩАДКА «Б» — ЛЕГЕНДЫ

ПРАВЫЙ ФЛАНГ	ЛЕВЫЙ ФЛАНГ	ЗАЛИВ ЗАГРУЗКИ
ЛАБОРАТОРИЯ	СБОРОЧНЫЙ ЗАЛИВ	ВХОД
РАСКЛАД	ЯДРО	ГЕОТУРБИНА
БАЗА ОБЕСПЕЧЕНИЯ	РАБОЧАЯ ДЕРЕВНЯ	ГЕОЯРДО
БЕНЗОЗАПРАВКА	БАССЕЙН/ТЕННИС	ЗЕЛЕНЬ
СТРОЕНИЕ ЭМДЖИ-ЭРС	БЕГОВАЯ ДОРОЖКА	ГАЗОПРОВОД
БЕЗОПАСНОСТЬ — 1	БЕЗОПАСНОСТЬ — 2	ОТОПЛЕНИЕ
ПРИЧАЛ У РЕКИ	ЛОДОЧНАЯ СТАНЦИЯ	СОЛНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ — 1
БОЛОТНАЯ ДОРОГА	ДОРОГА К РЕКЕ	ГОРНАЯ ДОРОГА
ОБЗОРНАЯ ДОРОГА	ДОРОГА В СКАЛАХ	УПРАВЛЕНИЕ

— Ну, это уже кое-что, — произнес профессор, внимательно изучая выведенную на экран монитора информацию. — Ты можешь сделать распечатку?

— Безусловно, — радостно произнес Арби, лицо которого сияло от удовольствия. — Неужели и впрямь пригодилось?

— Вне всякого сомнения, — подытожил Иан.

Посмотрев на мальчика, Келли попыталась предположить:

— По-моему, это текстовое сопровождение к карте.

— Думаю, ты права. Не правда ли, смотрится довольно мило?

Бентон нажал кнопку, послав изображение текста на принтер. Малкольм тем временем при помощи лупы тщательно просматривал сделанные со спутников фотоснимки, буквально водя по ним носом.

— Арб! — воскликнула Кертис. — Да не сиди же без дела! Давай, начинай реконструировать карту! Нам сейчас это крайне нужно...

— Не знаю, смогу ли я, — ответил мальчик. — Ведь здесь, все-таки, тридцатидвухбитовый формат... Придется как следует потрудиться.

— Да хватит тебе причитать, Арб... Просто делай свое дело.

— Ерунда, — промолвил профессор, отходя от панели с фотоснимками. — Теперь это уже не имеет никакого значения.

— Неужели? — сквозь зубы процедил мальчик, чувствуя себя задетым.

— Да, да, Арби... Можешь прекратить свои изыскания, ибо, исходя из информации, обнаруженной тобой в памяти компьютера, мы без труда сможем определить местонахождение острова прямо сейчас.

ДЖЕЙМС

Эд Джеймс зевнул, прижал наушники поплотнее, желая удостовериться, что расслышал все правильно. Он поерзал на сиденье своего серого «Форда-Тауруса», пытаясь устроиться покомфортнее и одновременно преодолеть сонливость, одолевавшую его. На коленях лежал портативный магнитофон, что-то тихонько мурлыкавший, рядом с ним — блокнот и пара оберточных бумажек от двух «БигМаков»... Все это хозяйство не то что бы мешало, но... просто надоело и опротивело.

Джеймс внимательно следил за находящимся на противоположной стороне улицы домом Ливайна. В квартире на третьем этаже горел свет, и «жучок», установленный еще на прошлой неделе, работал прекрасно. В наушниках послышался голос кого-то из детей:

— Ну, как?

На что этот калека Малкольм ответил:

— Суть версификации есть множественные осмысленные линии, сходящиеся в определенной точке...

— И что же это значит? — поинтересовались дети.

— Просто посмотрите на фото, сделанные со спутников, — отозвался математик.

Джеймс так и записал: «СО СПУТНИКОВ».

— Да мы уже смотрели на них, — произнесла девочка.

Эд почувствовал себя полным дураком из-за того, что раньше не мог сообразить — эти ребятишки работают на Ливайна. Он ведь прекрасно помнил их... Они учились в классе, где преподавал Ричард; этот негритенок-коротышка и неуклюжая белая девочка. Им лет по одиннадцать-двенадцать... Да, конечно же! Как он раньше не догадался?! Хотя теперь это уже

не имело никакого значения: так или иначе, он получил необходимую информацию.

Джеймс потянулся рукой к пакету с картофельными чипсами.

– О'кей, – послышался в наушниках голос Малкольма. – Вот он, этот остров. Именно сюда направился Ливайн.

– Вы так считаете? – с сомнением в голосе промолвила девчонка. – Это... остров... Сорна...

«ОСТРОВ СОРНА», – написал в своем блокноте Эд.

– Это-то и есть наш искомый объект, – продолжил профессор. – Почему? По трем совершенно не зависящим друг от друга причинам. Во-первых, он находится в частном владении, а потому коста-риканские власти его сроду активно не прочесывали. Во-вторых, чье это частное владение? Немцев, которые еще в двадцатые годы купили лицензию на разработку тамошних полезных ископаемых...

– Так вот почему у него столько немецких книг!

– Вот именно... Из того списка, что вывел на дисплее Арби и из другого независимого источника ясно – на площадке «Б» какие-то проблемы с вулканическим газом. А на каком из островов может быть подобное явление? Возьмите лупу и сами посмотрите... Здесь только один такой участок суши...

– Вы вот этот имеете в виду? – переспросила девчонка.

– Именно... Видите... вот дымок от вулкана.

– А как вы узнали?

– Спектрографический анализ... Видите этот пик? Элементарная сера... А кроме вулканических, никаких источников серы там просто не может быть.

– А что означает вот этот пик на диаграмме? – поинтересовалась Келли.

— Метан... Судя по всему, данного газа там — в избытке.

— Он что, тоже вулканический? — заинтересовался Торн.

— Возможно... Этот газ образуется вследствие активности вулканов, но... все же, как правило, происходит сей процесс во время продолжительных извержений. Есть и другой вариант... Метан может быть органического происхождения.

— Органического?! Что вы хотите этим сказать?

Послышалось нечто невнятное, после чего негритенок отчетливо произнес:

— Вы хотите, чтобы я восстановил все файлы?

В его голосе сквозило явное раздражение.

— Нет! — отрезал Торн. — Можешь больше не беспокоиться. Теперь-то мы знаем, что нам делать. Вперед, ребятки!

Джеймс посмотрел на окна квартиры и увидел, как погасили свет. Через минуту док и детишки вышли из подъезда, сели в джип, который тут же рванулся с места.

Малкольм занял место в своем собственном автомобиле и уехал в противоположную сторону.

Эд собрался было за машиной профессора, но ему понадобилось срочно кое-что сделать. Включив зажигание, он поднял трубку телефона и набрал номер...

ПОЛЕВЫЕ СИСТЕМЫ

Через полчаса они подъехали к офису Торна.

Большая часть рабочих уже ушла, а мастерская тщательнейшим образом была прибрана. Два трейлера и «Эксплоред» стояли бок о бок, свежевыкрашен-

ные в темно-зеленый цвет и готовые отправиться в путь в любую минуту.

— Они уже готовы?!

— Я же говорил вам, что все работы будут выполнены в срок, — ухмыльнулся Джек.

Он повернулся к начальнику мастерской, Эдди Карру, молодому атлету лет двадцати.

— Ну, на каком мы этапе?

— Дело к концу, док, — ответил начальник. — Правда, краска еще в некоторых местах не высохла, однако к утру все будет в полном порядке.

— Но мы не можем ждать до утра... Нам срочно нужно отправляться.

— Мы?!

Арби и Келли обменялись красноречивыми взглядами, словно говоря друг другу: «Вот это новость!!!»

— Хочу, чтобы за рулем одного из автомобилей находился ты, Эдди, — сказал Торн. — К полуночи нам необходимо добраться до аэропорта.

— Но мне казалось... речь шла о полевых испытаниях...

— На них уже не остается времени... Мы сразу же отправляемся к месту назначения.

Кто-то позвонил во входную дверь. Должно быть, Малкольм...

— Вы не собираетесь проводить полевых испытаний? — удивился Карр, явно озадаченный всем происходящим. — Думаю, следует все-таки подвергнуть машины нагрузке, док... Мы ведь изготовили сложнейшие модификации базовых моделей, а потому...

— Нет времени, — отрезал вошедший Малкольм. — Нам необходимо срочно отправляться в путь, — он повернулся к Торну. — Я очень за него волнуюсь!

— Эдди! — воскликнул док. — А документы на выезд уже пришли?

— Само собой... За последние две недели мы собрали самое необходимое...

— Тогда принеси их побыстрее и позвони Дженкинсу. Скажи, чтобы он ждал нас в аэропорту и проделал за нас все необходимые процедуры... Через четыре часа я желаю взлететь с территории США.

— Ради бога, доктор...

— Делайте то, о чем вам сказано!

— Вы собираетесь в Коста-Рику? — поинтересовалась Келли.

— Совершенно верно! Нам надо найти Ливайна... Если уже не слишком поздно...

— И мы едем с вами, — констатировала Келли.

— Само собой разумеется, — произнес Арби.

— А вот и не угадали! Как раз напротив, — отозвался Торн, — об этом не может быть и речи!

— Но мы же заслужили эту поездку!

— Доктор Ливайн уже получил согласие наших родителей!

— Ваши родители и впрямь позволили вам, — процедил сквозь зубы Торн, — принять участие в полевых испытаниях специальных транспортных средств в сотне миль отсюда... Но мы их не проводим. Вместо этого мы отправляемся туда, где нам может грозить большая опасность... Вы с нами туда не поедете. Это мое последнее слово!

— Но...

— Хватит, детки! — отрезал Торн. — Мне еще срочно нужно позвонить... Одним словом, вы немедленно отправляетесь домой.

Отвернувшись, он стал листать странички своей записной книжки, а затем отправился к телефону.

— Вот те на! — невольно вырвалось у Келли.

Арби показал удаляющемуся Торну язык, после чего злобно процедил:

— Жопа сраная!

— Давай, давай, Арби, — проговорил док, не оборачиваясь. — Детки, вам давно бы пора домой... Поспешите.

Хлопнув дверью, он вошел в свою конторку.

Мальчик сунул руки в карманы брюк.

— Ни за что б им не вычислить это место без нашей помощи!

— Знаю, Арб, — промолвила Келли. — Но он вряд ли возьмет нас с собой.

Дети повернулись к Малкольму.

— Профессор, не могли бы вы...

— Простите, — поспешил с ответом математик, — но я не могу...

— Но...

Ответ озадачил ребят:

— Это слишком опасно!

Всеми отвергнутые, Арб и Келли поплелись к сверкающим хромом автомобилям. Крышу и капот «Эксплореда» покрывали черные панели солнечных батарей. Нутро машины блистало массой хитроумной электроники. Один лишь взгляд на этот автомобиль говорил о необычайных приключениях... Приключениях, частью которых им, увы, не суждено стать.

Арби склонился к окну большого трейлера.

— Эй, Кел, ты только погляди!

— Я сейчас сама туда влезу, — ответила девочка, открывая дверь фургона. «О, боже, какая тяжелая...» — мелькнуло у нее в голове.

Внутри сразу же бросалось в глаза обилие электроники, размещенной вдоль стен с серой обивкой. Пространство фургона делилось на отдельные секции, в зависимости от различных лабораторных функций.

Большую часть занимала биолаборатория с массой склянок с агар-агаром, разного рода сепарато-

ров, а также микроскопов, подсоединенных к видеомониторам. Немало имелось здесь и биохимического оборудования, всевозможных спектрометров и автоматизированных зондов-анализаторов. К лаборатории примыкала мощная компьютерная секция, процессорный банк и радиостанция.

Всю аппаратуру изготовили самых минимальных размеров и намертво вмонтировали в столы, которые в случае надобности утапливались в стены трейлера.

— Вот клево! — прошептал Арби. Келли промолчала. Она, затаив дыхание, любовалась на такое изобилие электронной техники. Да, доктор Ливайн проектировал этот фургон с вполне определенной целью. Самое главное, здесь не присутствовало оборудование, служащее для занятий ботаникой, геологией, химией. Да и вообще, по большому счету, это не научная лаборатория... Всего лишь два мощных отделения — компьютерное и биологическое.

Девочка собралась с мыслями. Для каких же целей создавали этот трейлер? На небольшой полочке удерживалась при помощи резинки небольшая стопка книг; Келли пробежала взглядом по корешкам: «Моделирование адаптивных биологических систем», «Динамика поведения», «Адаптация в природной и искусственной средах», «Динозавры Северной Америки», «Переадаптация и эволюция». Довольно странная подборка для полевых испытаний и исследований. Если здесь и присутствовала какая-то логика, то пока что девочка не чувствовала ее.

Стены трейлера изнутри усиливались сверхпрочной решеткой из какого-то материала, по виду напоминающего эбонит. Как-то Келли подслушала разговор Торна с одним из рабочих и поняла, что данная штуковина применяется в сверхзвуковых реактивных истребителях... Очень легкий и очень прочный материал. Стекла в фургоне изготовили из пуленепроби-

ваемого стекла; девочка успела заметить и эту особенность. Любопытно, почему? Кертис стало немного не по себе, когда она как следует призадумалась над этим... Она припомнила услышанное от доктора Ливайна по спутниковому телефону.

Он говорил, что окружен... Чем или кем? Ричард сказал: «Я уже чувствую их по запаху... Особенно ночью...» Кто эти загадочные «они»? О ком он говорил?

В задней части трейлера находился жилой отсек с оранжевыми занавесками на окошках. Компактная кухонька, туалет и четыре кровати. Имелся даже маленький душ. Все выглядело очень мило и уютно.

Через несколько мгновений Келли уже оказалась в переходе, соединявшем оба трейлера. Больше всего он напоминал железнодорожный тамбур между вагонами... Совсем коротенький переход...

Девочка прошла во второй трейлер, более напоминавший настоящий склад на колесах: запасные шины, запчасти, дополнительное лабораторное оборудование, полки, ящики, коробки... Короче говоря, все то, что мы берем с собой, отправляясь в долгий путь. Здесь даже стоял, прикрепленный к стене, мотоцикл. Келли хотела открыть один из ящиков, но побоялась нарушить пломбы. И складское помещение тоже снабдили сверхпрочной арматурой! Зачем? Для каких целей?

— Ты только посмотри! — воскликнул Арби, остановившись около вмонтированного в стену трейлера устройства с массой тускло поблескивающих в полумраке светодиодных дисплеев. Келли это напоминало какой-то необычайный термостат.

— Для чего такая штуковина? — поинтересовалась девочка.

— О! Этот агрегат управляет всем трейлером. Отсюда можно подать любую команду. Все системы,

все оборудование задействуются через вот этот пульт, при помощи этих кнопок... Посмотри, здесь даже есть телевизор!

Щелчок тумблера — и вот уже засветился экран. Установленная на крыше трейлера телекамера показывала, как к машине приближается Эдди Карр.

— Послушай, а вот это что за штука? — показал пальцем Арби. Под дисплеем находилась кнопка с защитным колпачком. Мальчик поспешил его сорвать. Клавиша оказалась серебристого цвета, и под ней имелась красная надпись ГЛУШ.

— Слышь-ка, спорю, это и есть та самая защита от медведей, про которую толковал док.

Через секунду дверь трейлера открылась, появившийся в проеме Эдди прогромыхал своим басом:

— Кончайте, а то еще батареи сядут... Вылезайте! Слышали, что Торн сказал — детям пора баиньки.

Келли и Арб обменялись выразительными взглядами.

— О'кей, — сказала девочка. — Уходим.

С большой неохотой они вылезли из фургона и прошли через всю мастерскую к офису дока, чтобы попрощаться.

— О, если бы только он взял нас с собой! — невольно вырвалось у Арби.

— Мне бы тоже этого хотелось, — согласилась Келли.

— Не хочу торчать дома во время каникул, — продолжал мальчик. — Все равно ведь предки целыми днями на работе...

— Знаю.

Девочке тоже не хотелось домой... Она с нетерпением ожидала этих полевых испытаний во время весенних каникул, поскольку отъезд позволял ей не сидеть дома и не находиться более в дурацком по-

ложении. Мать Келли днем служила программисткой в одном из частных банков, а по вечерам подрабатывала официанткой в баре «Деннис». Так что она сутками пропадала на работе, а ее очередной дружок Фил постоянно вертелся ночами вокруг дома. Конечно, когда Эмили жила дома, проблем не возникало. Но теперь старшая сестра уехала учиться на курсы медсестер, и Келли приходилось оставаться в одиночестве. Да и Фил – все-таки порядочный ублюдок... Но маме нравился молодой любовник, и потому она вечно затыкала уши, когда девочка рассказывала ей про него что-либо плохое.

– Подрастешь – тогда разберешься, – любила говорить она.

А потому даже сейчас, у дверей офиса Торна, Келли все еще лелеяла надежду на то, что док изменит свое решение.

Когда дети вошли, Джек стоял к ним спиной и разговаривал по телефону. На дисплей его персонального компьютера был выведен снимок со спутника. Точь-в-точь такой же, как в кабинете Ливайна.

– Прощайте, доктор Торн.

– До скорой встречи, док.

Джек повернулся к ним, не опуская телефонной трубки.

– Пока, детки.

Келли помешкала.

– Послушайте, не могли бы мы с вами поговорить хотя бы одну минутку по поводу...

– Нет, – помотал головой мужчина.

– Но...

– Нет, Келли,.. У меня срочный телефонный разговор. В Африке уже четыре часа ночи... Наверняка, она уже спит.

– Кто?

— Сара Хардинг.

— Так и она с вами едет? — раскрыла от удивления рот девочка.

— Не знаю, — пожал плечами Торн. — Хорошо вам провести каникулы, ребятки. Увидимся через неделю. Большое спасибо за помощь... А теперь убирайтесь.

Он выразительно посмотрел на противоположную сторону мастерской сквозь приоткрытую дверь.

— Эдди, дети уходят, так что проводи их и покажи, где дверь. Да, и не забудь закрыть ее на засов вслед за ними... Чтобы через полчаса все необходимые документы были здесь! И сам собирайся, поедешь со мной!

И уже совершенно другим тоном Торн продолжил:

— Говорите, сигнал еще не прошел?.. Хорошо, я жду...

Док отвернулся от детей.

ХАРДИНГ

Сквозь прибор ночного видения все казалось фосфорически зеленым. Сара Хардинг внимательно вглядывалась в африканскую саванну. Прямо перед ней над густой травой возвышался небольшой холмик из осыпавшихся скальных пород. Ярко-зеленые иголки высовывались из-за камней. «Может, еж?» — подумалось Саре.

Она стояла в джипе и чуть взрагивала от ночной прохлады. Хардинг повернула немного прибор ночного видения в другую сторону, ориентируясь на доносившееся из темноты тихое повизгивание. Саре хотелось определить совершенно точно, откуда оно

доносится, хотя она понимала, что животные постараются, в любом случае, раньше времени себя не выдавать.

Не спеша, женщина повернулась на север, пытаясь уловить малейшее колыхание травы. Но нет... Растительность оставалась неподвижной. Тогда она развернулась на юг... и сразу же их увидела. Трава плескалась, подобно неспокойному морю; повизгивая и тявкая, стая неслась вперед, готовясь к атаке.

Сара заметила самку, которую про себя тут же окрестила «Морда-1» или М-1, отличающуюся от остальных сородичей белой полосой на лбу. Животное семенило боком, как обычно это делают гиены, находясь впереди всех; зубы оскалены, оглядывается на стаю, запоминая местоположение каждой особи.

Хардинг перевела свой прибор чуть вперед и увидела добычу, к которой подбиралась предводительница со своими «подчиненными». Итак, желанная награда за тайный бег среди трав — стадо африканских буйволов, стоявших по брюхо в зеленой растительности и явно что-то почуявших. Они замычали и забили копытами — гиены завизжали еще громче. Этим звуком хищники хотели привести свою добычу в замешательство. Они ринулись на стадо, стараясь отсечь телят от буйволиц.

Африканский буйвол хоть и туповат с виду, но, говоря по правде, это одно из опаснейших крупных млекопитающих; создания злые и чрезвычайно сильные, с довольно острыми рогами. Гиенам ни за что не свалить взрослого самца, если он, конечно, не ранен или не смертельно болен. Но вот теленка они утащить попытаются.

Сидевший за рулем джипа помощник Сары, Макена, спросил:

— Может, вы хотите подъехать поближе?

— Нет, нет... И так хорошо.

Действительно, лучшего и ожидать не приходилось: машина находилась на небольшой возвышенности, обзор просто великолепен... В любом случае, ей прекрасно удастся снять эту охоту гиен.

Сара включила видеокамеру, установленную на треноге в пяти футах над ее головой, и принялась быстро наговаривать текст в диктофон: «М-1 — юг, М-2 и М-5 — по флангам, ярдах в двадцати. М-3 — по центру. М-6 описывает широкие круги на востоке... Не вижу М-7. М-8 кружит с севера. М-1 бросается в гущу стада, сеет панику. Буйволы заволновались, забили копытами. А вот и М-7 бросается вслед за М-1. М-8 врезается в стадо с севера, отбегает на исходную позицию и вновь начинает бегать кругами...»

Перед людьми, сидящими в джипе, разворачивалась живописная картина типичного поведения гиен при нападении на добычу. Те, кто возглавлял стаю, разделили массу животных на отдельные группы; другие — окружали, а потом нападали со всех сторон. Буйволы оказались не в состоянии уследить за атакующими. Стадо заволновалось. Взрослые самцы начали оглядываться, волнуясь и роя копытами землю.

Хардинг не могла видеть телят: они скрывались в высокой траве. Однако их жалобные крики долетали до ее слуха.

Гиены вновь бросились в атаку — буйволы забили копытами и угрожающе опустили вниз свои рогатые головы. Хищники кружили вокруг стада, повизгивая и тявкая. Звуки, раздававшиеся со всех сторон, слились уже в настоящую какофонию.

Сара мельком заметила самку М-8, клыки которой уже обагрились кровью жертвы. Но женщине так и не удалось увидеть момент нападения. Стадо буйволов отошло немного на восток, где перегруппировалось. Одна из самок осталась на прежнем месте и

повернулась к гиенам — должно быть, они утащили ее теленка.

Хардинг крайне разочаровалась: все произошло так быстро. Даже слишком быстро, и, в итоге, могло означать лишь одно из двух: либо хищникам здорово повезло, либо теленок оказался больным. А может, еще очень маленьким, скорее всего — новорожденным, так как несколько буйволиц в этом стаде еще выкармливали детенышей.

«Надо будет несколько раз просмотреть видеопленку, — подумала про себя исследовательница, — чтобы понять, наконец, произошедшее. Вечно так случается, когда следишь за жизнью быстрых ночных животных».

Но, вне всякого сомнения, теленка они утащили. Гиены сейчас сгрудились в одном месте, повизгивая и подпрыгивая. У М-3 и М-5 морды вымазаны в крови... А вот и щенки подбежали, хотят полакомиться свежатинкой. Старшие хищники сразу же подпустили их к месту трапезы и, вырывая большие куски из туши, кормили их прямо из пасти.

Саре Хардинг их поведение было вполне понятным. Не зря ее считали одной из лучших специалисток по гиенам во всем мире. Когда она впервые опубликовала результаты своих исследований, то вызвала недоверие и даже некую ярость со стороны коллег, не стеснявшихся в выражениях. Сару критиковали за то, что она — женщина, к тому же, красивая, которая взялась не за свое дело; ругали за ее «ультрафеминистские» взгляды. Ректорат университета не раз пытался поставить смелую исследовательницу на место. Коллеги лишь головами качали. Но Хардинг продолжала настаивать на своем, и со временем, когда по всему свету собралось достаточное количество сведений, ее взгляды на образ жизни гиен стали общепризнанными. «Тем не менее, хищники

никогда не станут привлекательнее, – подумала женщина, наблюдая за тем, как они раздирают на куски свою добычу. – Уж больно гиены неказистые... Головы большие, лапы – кривые, шкура облезла, походка отвратительная, а уж голос!.. Так, вообще имитация самого что ни на есть омерзительного смеха...»

В крайне урбанизированном мире небоскребов из стекла и бетона дикие звери, как правило, романтизировались, и их классифицировали, разделяя на благородных и неблагородных, героев и негодяев. К тому же, в мире, которым правят средства массовой информации, гиены слишком нефотогеничны, чтобы ими восхищаться. С тех пор, как этих животных прозвали «хохочущими разбойниками африканских равнин», никому и в голову не приходило начать их систематическое изучение, пока за дело не взялась Хардинг. То, что ей удалось открыть, представило гиен совершенно в ином свете.

Храбрые охотники и заботливые родители, они жили довольно сложной социальной структурой; к тому же, у них царил матриархат. Что же касается пресловутого визга, то, на самом деле, это – хорошо развитая форма общения.

Сара услышала рык и сквозь прибор ночного видения увидела спешащего к пиршеству царя зверей; к сборищу хищников приблизилась крупная львица. Гиены затявкали на нее, отгоняя своих щенят в густую траву. Через несколько секунд появились и другие львы, усевшиеся кружком доедать добычу, лишая, таким образом, пищи истинных хозяев мяса буйвола. «Вот уж, действительно, отвратительные животные, – подумала про себя Хардинг, – хотя и считаются монархами своего мира. На самом деле, они – просто мерзкие твари...»

Прерывая ее мысли, раздался телефонный звонок. Кто бы мог ей звонить сейчас? Сара нахмури-

лась: через прибор ночного видения она заметила, как львицы стали испуганно озираться по сторонам, Макена наощупь искал трубку переносного аппарата под панелью управления. Но звонок успел прозвучать трижды, прежде чем водитель прервал тревожные трели. Наконец Хардинг услышала голос своего помощника, который начал с кем-то разговор:

— Джамбо мзее... Да... Доктор здесь... — он протянул ей трубку. — Это доктор Торн.

Нехотя она оставила прибор ночного видения и взяла телефон. Сара очень хорошо знала Джека: он ведь смастерил большую часть оборудования на ее джипе.

— Док, случилось что-то важное?

— Разумеется, — ответил Торн. — Я звоню по поводу Ричарда...

— Что с ним?

Женщина уловила озабоченность в его голосе, однако, причины так и не поняла. За последнее время Ливайн ей осточертел, беспокоя телефонными звонками из Калифорнии почти каждый день и мучая ее расспросами о ходе полевых исследований животных. У него возникала масса вопросов по поводу устройства тщательно замаскированных мест для наблюдения; его интересовало, как оформлять полученные данные, и прочая рутинная деятельность.

— Он вам хотя бы сообщил, что намеревался исследовать? — спросил Торн.

— Нет. А что?

— Вообще ничего не говорил?

— Нет, — ответила Сара. — Он, вообще, большой конспиратор... Но я так поняла, что Ричард обнаружил где-то какую-то популяцию животных, наблюдая за которой он надеется сделать дополнительные открытия в области изучения биологических систем. Вы же знаете, он одержим... А что случилось?

— Ну, вообще-то, Сара, он исчез... Малкольм и я... Мы считаем, что Ливайн сейчас в беде. Нами выяснено... Короче, он находится на одном из островов близ побережья Коста-Рики, и сейчас мы собираемся отправиться к нему на помощь.

— Прямо сейчас?!

— Да, сегодня ночью: буквально, через несколько часов вылетаем в Сан-Хосе. Иан отправляется вместе со мной... Мы хотели бы, чтобы и ты присоединилась к нам.

— Док, — ответила женщина, — даже если я вылечу завтра утром из Соронеры в Найроби, мне нужен еще целый день, чтобы добраться туда. И это лишь в случае счастливого везения... Хочу сказать...

— Тебе решать, — перебил ее Торн. — Я все рассказал, так что решай, как знаешь...

Затем доктор продиктовал ей всю необходимую информацию, и Сара записала ее на блокнотном листочке, удерживаемом на запястье при помощи резинки.

Наконец Торн повесил трубку.

Женщина застыла, вперив взор в африканскую ночь и чувствуя на лице дуновение холодного ночного ветерка. Там, во мраке, у растерзанного теленка рычали львы. Здесь — ее работа, здесь — ее жизнь, но...

— Доктор Хардинг... Ну, что мы теперь будем делать? — вывел исследовательницу из оцепенения голос Макены.

— Возвращаемся... Мне надо собираться...

— Вы что, уезжаете?

— Да... Я улетаю...

ПОСЛАНИЕ

Огни Сан-Франциско остались далеко позади. Машина Торна приближалась к аэропорту. На пассажирском сидении находился Малкольм, который оглядывался на ехавший за ними «Эксплоред».

— Эдди хоть понимает, что происходит?

— Да, — отозвался док, — но я не уверен... Не знаю, верит ли он в происходящее...

— А дети? Не знают?

— Нет.

Внезапно раздался довольно пронзительный писк. Торн извлек из кармана свой портативный пейджер фирмы «Энвои». Дисплей замигал, предупреждая о поступающем сообщении. Джек протянул устройство профессору:

— Читай, а то я что-то плохо вижу.

— Это — от Арби, — произнес Малкольм. — Тут сказано: «Счастливого пути! Если понадобится — звоните. Всегда готовы прийти к вам на помощь...» И в заключение он прилагает номер своего телефона.

Торн рассмеялся.

— Все-таки люблю я детей... Они никогда, ни при каких обстоятельствах от своего не отступают, — внезапно он помрачнел, словно неожиданно вспомнив что-то нехорошее. — А какое время стоит на этом послании?

— Отправлено четыре минуты назад.

— Хорошо... Просто хотелось проверить кое-что.

Аэропорт уже встречал их своими огнями.

— Очень глупо с нашей стороны срываться вот так вот внезапно с места, — мрачно сказал Иан. — Так дела не делаются...

— Все будет хорошо, — успокоил его Джек. — Конечно, при условии, что мы правильно определили остров.

— Да все точно, — уверил профессор.

— Откуда тебе известно?

— Самой верной наводкой явилось то, о чем мне не хотелось говорить при детях... Несколько дней назад Ливайн видел труп одного из животных...

— Ну и что?

— Так вот, у него была возможность посмотреть на него, прежде чем тушу сожгли. Ричард обнаружил нечто странное: животное оказалось окольцовано, а к кольцу прикреплена бирка. Он отрезал ее и прислал мне...

— Окольцовано?! Да что ты говоришь?!

— Представь себе! Как какая-нибудь перелетная птица... Причем, бирка довольно старая и носит на себе следы воздействия серной кислоты.

— Следствие вулканической активности?

— Вот именно.

— Говоришь, довольно старая бирка?

— Ей несколько лет, — ответил Малкольм. — Но самое любопытное то, как погибло данное животное... Ливайн установил: эта особь оказалась раненной еще при жизни... Глубокое режущее проникающее ранение до самой кости в области одной из ног.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что эту тварь ранил другой динозавр? — удивленно спросил Торн.

— Вот именно!

На некоторое время они оба замолчали.

— Кто еще знает, кроме нас, об этом острове?

— Не знаю... — промолвил Малкольм. — Но кто-то явно пытается это выяснить. Сегодня кое-кто незаконно проник в мой офис и понаделал там фотографий...

— Отлично, — вздохнул Торн. — Но до последнего часа вы не ведали, где же именно этот остров?

— Нет, все сошлось лишь в последний момент.

— А больше никто не мог бы прийти к подобным выводам?

— Нет, — твердо ответил математик. — Ни я, ни Ричард с посторонними людьми в контакт не вступали.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ

Льюис Доджсон распахнул дверь с табличкой «Вольер», и в ту же секунду все собаки, находившиеся здесь, одновременно залаяли. Мужчина прошел между рядами клеток.

Помещение поражало размерами. Корпорация «БиоСин» имела в Калифорнии крупный исследовательский центр для проведения тестирования на животных.

Шествовавший рядом с Льюисом Розитер, глава компании, с мрачным видом стряхнул пыль с отворотов своего шикарного итальянского пиджака.

— Ненавижу это е...ое место, — не удержался шеф от меткого замечания. — И какого черта ты меня сюда приволок?

— Привел... для того, чтобы нам как следует обсудить наше будущее, — ответил Доджсон.

— Тут все провоняло, — зажал нос Розитер, поглядывая на часы. — Не тяни резину, Лью.

— Можем поговорить и здесь.

Льюис показал на стеклянную будку охранника в центре строения; стекло хорошо поглощало шум, царящий в собачьем питомнике, не мешая обозревать ряды клеток.

— Все довольно просто, — продолжал Доджсон, прибавляя шагу. — Но думаю, это чрезвычайно важно...

Льюису исполнилось сорок пять лет; выглядел он безлико и лысовато. Лицо довольно моложавое, а в общении — подвижное и выразительное. Но внешность часто бывает обманчивой... И Доджсон, в гла-

зах которого присутствовало нечто наивно-младенческое, на самом деле был одним из самых безжалостных и агрессивных генетиков своего поколения. Ему постоянно сопутствовали скандалы.

Когда он обучался в университете Хопкинса, его отчислили с последнего курса за планирование человеческой генной терапии без соответствующего на то разрешения Федерального Департамента Здравоохранения. Чуть позже, после поступления на работу в «БиоСин», он провел наделавшую много шума вакцинацию в Чили. Здешним темным крестьянам никто не удосужился сообщить, что на них испытывают новый препарат, и, что вполне естественно, возникли непредвиденные последствия.

И во всех случаях Доджсон утверждал: он — ученый, торопящийся совершить открытие, а потому законы, созданные посредственностями, тормозят полет его грандиозной мысли. Льюис считал себя «ориентированным на результат». А это, по сути, означало — он готов на все ради достижения своих целей. К тому же, сей псевдооткрыватель без устали занимался саморекламой.

Внутри компании Доджсон обычно представлялся, как исследователь, хотя способностей к такого рода деятельности у него не было, да он ей сроду и не занимался. Льюис оказывался лишь способным разрабатывать чужие идеи, на свои собственные — сил не хватало. Особенно ему удавались так называемые «разработки», когда срочно требовалось похитить результаты чьих-то исследований на раннем этапе работы. Угрызениями совести этот человек не страдал.

В течение многих лет Доджсон заведовал отделом реверсивной инженерии в «БиоСине», теоретически занимавшимся исследованием продукции конкурентов и определявшим ее компоненты. Но на

практике это подразделение компании занималось самым настоящим промышленным шпионажем.

Розитер, само собой, не питал никаких иллюзий в отношении шустрого сотрудника. Льюис ему не нравился, и, по возможности, он старался его избегать. К тому же, Доджсон постоянно рисковал, от чего главе фирмы становилось не по себе. Но шефу «БиоСина» докладывали, да и сам он прекрасно понимал это, что в современной биотехнологии правит чрезвычайно жесткая конкуренция. А чтобы выстоять в схватке с «противником», каждая фирма нуждалась в таком человеке, как вышеупомянутый Доджсон: в своей области «деятельности» равных ему просто не существовало.

— Перейду сразу к делу, — обратился «Джеймс Бонд от науки» к Розитеру. — Если мы сейчас поторопимся, то, вполне возможно, позаимствуем технологию «ИнДжена».

— Нет, хватит с нас, — вздохнул глава фирмы.

— Знаю, знаю, Джеф... Понимаю, каково тебе... Должен признаться, что в связи с этим делом возникла одна неприятная история...

— История?! Да вся история в твоих постоянных провалах! Чего только мы не пробовали, с какой стороны не заходили! Черт побери, мы даже пытались перекупить эту компанию по твоей наводке, да получился пшик... Японцы ничего не продадут!

— Понимаю, Джеф, но давай не забывать....

— Да я никогда не забуду, — воскликнул Розитер, — как мы заплатили семьсот пятьдесят тысяч долларов твоему дружку Недри, а взамен ничего не получили!..

— Но, Джеф...

— Потом мы заплатили пятьсот тысяч этому свадебному брокеру от «ДайИти»! И снова получили шиш!! Все наши попытки прибрать к рукам техноло-

гии «ИнДжен» оканчивались полной неудачей, мать твою... Так что этого я никогда не забуду!

— Но дело в том, — как ни в чем не бывало продолжал Доджсон. — ...Впрочем, послушай, мы старались ради благой цели — эти технологии жизненно необходимы для нашей фирмы...

— Это ты так считаешь!

— Мир меняется, Джеф... И в данный момент я твержу о решении главнейшей проблемы, которая может возникнуть перед компанией в двадцать первом веке.

— В чем же она состоит?

Доджсон показал через прозрачный плексиглас в сторону лающих собак:

— Испытания на животных... Давай смотреть правде в глаза, Джеф... Ежегодно на нас оказывается все большее давление с целью запрета каких-либо исследований или испытаний на живых существах. С каждым годом все больше возмущенных демонстраций сумасшедших гринписовцев и омерзительных статей в прессе. Раньше этим занимались лишь простаки да звезды кино... Но теперь это становится модным: даже университетские философы начинают говорить о том, что весьма неэтично обращаться с обезьянами, собаками и крысами, как с материалом для лабораторных нужд. Слышатся протесты по поводу варварского обращения с моллюсками... Хотя во многих странах они — один из основных продуктов питания. Говорю тебе, Джеф, конца этому не будет! Со временем скажут: «Не имеете права использовать бактерию для лабораторных опытов! Не берите ее клеток для производства генетической продукции!»

— Да ладно тебе, Лью... Будет врать-то!

— Нет! Подожди! Еще убедишься в моей правоте! И из-за этих крикунов мы вынуждены будем закрыться?! Черт побери, чтобы заткнуть им глотки, нам

нужны искусственно выведенные животные... Представь себе, твари, числящиеся вымершими и возвращенные к жизни, даже юридически — вовсе не реальные существа... У них нет никаких прав! К тому же, они давным-давно исчезли, их нет на Земле... Поэтому, если это животное и впрямь реально существует, то только благодаря нам... Мы его создали, мы его запатентовали, мы — его владельцы! И мы считаем, белково-гормонные структуры динозавров эквивалентны сходным системам у млекопитающих. В будущем на маленьких ящерах можно испытывать новые лекарства точно так же, как сейчас — на собаках и крысах. Заметь, при этом никаких проблем с законом и общественным мнением.

Розитер покачал головой:

— Это ты так думаешь...

— Я знаю, что говорю... Ведь, в принципе, это всего лишь большие ящерицы, Джеф. А их никто не любит... Они совсем не похожи на милых щенков, что лижут тебе руки и вызывают трепет в сердцах одиноких старушек. Ящерицы — безлики. Они — всего лишь змеи с ногами.

Глава фирмы вздохнул.

— Джеф, мы ведь сейчас толкуем о настоящей свободе. В данный момент все, связанное с животными, натыкается на препоны юридического и этического характера. Даже заядлые охотники ныне не имеют права застрелить льва или слона... Тех самых зверей, которых испокон веков убивали их родители, после чего с гордым видом позировали для фотографий на память. Теперь же охота связана с заполнением великого множества бланков, покупкой разного рода лицензий, приличными расходами и неизбывным чувством вины. Нельзя сегодня застрелить тигра и официально в этом признаться. В современном мире убить льва — куда большее преступ-

ление, нежели убийство собственных родителей. У львов и тигров — адвокаты... А теперь, только представь себе — специализированное охотничье хозяйство где-нибудь в Азии... Богачи и толстосумы запросто смогут охотиться на тиранозавров и цератопсов в их естественной среде обитания. Желающих будет хоть лопатой греби! У скольких охотников дома на стенке прибито по оленьей голове? Да таких миллионы! А видел ли ты когда-нибудь выставленную на обозрение в качестве трофея голову тираннозавра с оскаленными клыками?!

— Ты что, серьезно?!

— Я тебе уже полчаса пытаюсь объяснить, Джеф... Этих животных можно эксплуатировать на все сто процентов. Мы можем сделать с ними все, что нам угодно.

Розитер сунул руки в карманы жилетки и, тяжело вздохнув, смерил Доджсона неопределенным взглядом.

— Эти твари и впрямь сохранились до наших дней?

Льюис молча кивнул головой.

— И ты знаешь, где их искать?

«Супермен от науки» кивнул вновь.

— Отлично, — подытожил глава фирмы. — Тогда делай свое дело...

Направляясь к выходу, он обернулся на полпути и бросил:

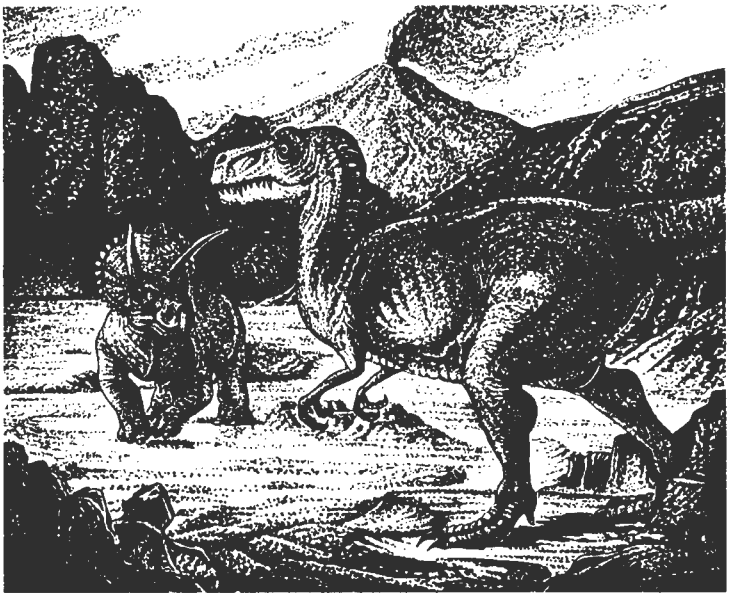
— Знаешь, Лью... Давай кое-что уточним... Так вот, это в последний раз... Либо ты добываешь этих животных, либо мы вообще бросаем сие занятие. В последний раз! Понял?

— Не волнуйтесь, шеф, — рассмеялся Доджсон. — Они у меня в руках.

В промежуточной фазе быстро прогрессирующее усложнение внутри системы таит в себе риск неизбежного хаоса.

Иан Малкольм

ТРЕТЬЯ КОНФИГУРАЦИЯ



КОСТА-РИКА

В Пуэрто-Кортес лило, как из ведра. Дождь барабанил по крыше металлического ангарика, пристроившегося у края летного поля.

Промокший до нитки Торн стоял, ожидая, когда же коста-риканский пограничник наконец-то изучит его документы. Стража государственной безопасности называли Родригесом, и было ему лет двадцать. Выглядел он довольно смешно и жалко; форменная одежда висела на нем, словно на вешалке; кроме того, молодой мужчина боялся допустить какую-либо оплошность и поэтому непрерывно перебирал документы, каждый раз возвращаясь к исходным бумагам.

Док бросил взгляд на взлетную полосу, где в предрассветной мгле к брюхам двух огромных вертолетов «Хьюи» цепляли контейнеры с грузом экспедиции. Эдди Карр под проливным дождем вместе с Малкольмом покрикивал на еле передвигавшихся рабочих.

Родригес посмотрел паспорт Джека на свет.

— Итак, сеньор Торно, если верить этой визе, вы направляетесь на Исла Сорна...

— Совершенно верно.

— И в грузовых контейнерах у вас лишь транспортное оборудование, то есть средства передвижения?

— Да, да... Все правильно. Это автомобили...

— Запомните, сеньор, Сорна — место дикое. Там нет никаких магазинов, заправочных станций... По правде говоря, там и дорог-то не имеется.

— А вы там бывали?

— Лично я — нет. Нас, местных, этот островок совсем не интересует. Совсем дикое место... Одни скалы да джунгли. Там даже на лодке подойти невозможно, не то что высадиться... Ну, разве лишь при определенных погодных условиях. Например, сегодня это практически неосуществимо.

— Понимаю, — промолвил Торн.

— Мне просто хочется, чтобы вы заранее приготовились, — продолжал пограничник, — к трудностям, с которыми там столкнетесь.

— Думаю, мы подготовились основательно.

— У вас хватит бензина для ваших автомашин?

Торн вздохнул; зачем все объяснять постороннему человеку?

— Да, само собой разумеется.

— Так... Значит, вас всего трое: доктор Малкольм, вы и ваш помощник Карр?

— Совершенно верно.

— И вы намереваетесь пробыть на территории нашей страны менее одной недели?

— Так точно. Скорее всего, даже пару дней; если повезет, надеемся покинуть остров уже завтра.

Родригес вновь внимательно просмотрел все документы, словно пытаясь найти в них какой-либо определенный подвох.

— Хорошо...

— Что, какие-то проблемы? — напрямую спросил его Джек, поглядывая на часы.

— Никаких проблем, сеньор. Ваше разрешение на въезд подписано Главным Управляющим Заповедниками страны... Все документы в порядке.

Пограничник помедлил и продолжил:

— Но это довольно подозрительно, поскольку впервые за время своей службы я вижу, чтобы кто-то получил подобное предписание...

— А в чем дело, если, конечно, не секрет?

— Не знаю деталей, но несколько лет тому назад на одном из островов случилось какое-то несчастье... С тех самых пор Управление Заповедниками закрыло все прибрежные участки суши, не разрешая посещать их туристам.

— Мы же — не туристы... — начал было Торн.

— Сеньор, я прекрасно понимаю это, — перебил его Родригес, вновь зашелестев бумагами. Джек стоически ждал... А на взлетной полосе контейнеры уже окончательно закрепили, и вертолеты готовились взлетать.

— Отлично, сеньор Торн, — наконец-то изрек пограничник, ставя печать на визе. — Желаю вам удачи.

— Благодарю вас, — ответил Джек и, затолкав в нагрудный карман все документы, рванул под проливным дождем на взлетную полосу.

* * *

В трех милях от побережья вертолеты прорвались сквозь густую облачность в девственно чистый просвет. Из кабины ведущего «Хьюи» Торн обозревал район поисков.

На различном расстоянии от берега он видел пять островов — скалистые вершины, вздымавшиеся на фоне кричаще-голубого неба. Участки суши, находившиеся друг от друга на расстоянии всего лишь в несколько миль, вне всякого сомнения, представляли собой часть древней вулканической цепочки.

Джек нажал кнопку громкоговорящей связи.

— Который из них Сорна?

Пилот показал вперед.

— Мы называем их Пять Смертей... Исла Муэртэ, Исла Матансерос, Пена, Таканьо и, наконец, Исла Сорна — самый большой... Во-он тот, севернее остальных...

— Вы там бывали?

— Никогда, сеньор... Но думаю, там будет где высадиться.

— Откуда вы знаете?

— Несколько лет назад туда летал рейсовый самолет. Американцы что-то делали там...

— А не немцы?

— Нет, нет, немцев здесь со времен Второй Мировой войны не бывало... Я прекрасно помню, там работали американцы...

— Когда? В какое время?

— Не уверен... Может, лет десять назад...

Вертолет повернул на север, пролетая над ближайшим из островов. Торн смог разглядеть вулканическое плато, поросшее джунглями. Никаких признаков жизни или пребывания людей не просматривалось.

— У местных, — продолжал пилот, — эти острова считаются местом гиблым. Они говорят: «Хорошего здесь не жди».

Летчик улыбнулся.

— Но почему так, они понятия не имеют... А, темные индейцы, чьи головы полны допотопных предрассудков.

Теперь уже под ними расстилалась чистая водная гладь, а прямо по курсу лежал остров Сорна. Сразу стало ясно, что это старый вулканический кратер: голые красно-серые скалы да подвергшийся сильной эрозии конус.

— А где же тут пристань?

Пилот указал на пенившуюся у скал воду.

— На восточной оконечности имеется множество гротов... У местных жителей этот остров известен под названием Исла Гемидо, что означает «остров Ревущий». А называют его так из-за грохочущих в пустотах берега морских волн. Некоторые из пещер выходят прямо во внутреннюю часть суши, и порой по ним можно пройти на лодке. Но не в такую погоду, как сейчас.

Торн подумал о Саре Хардинг. Если она решилась, то прилетит чуть позднее.

— Днем должна появиться моя коллега, — промолвил он вслух. — Не могли бы вы доставить ее сюда?

— Извините, — отозвался летчик, — но у нас сегодня работа в Гольфо-Хуан. До ночи, а может, и позже...

— Как же ей быть?

Пилот внимательно посмотрел на морскую поверхность.

— Может, ей удастся приплыть на лодке... Ведь погода меняется здесь ежечасно. Вдруг повезет...

— А вы прилетите за нами завтра?

— Да, сеньор, рано утром. В это время самый благоприятный ветер.

Вертолет сделал несколько кругов над Исла Гемидо. Остров ничем не отличался от остальных: вулканические хребты и расщелины, густо-густо поросшие девственной сельвой. Сверху все это казалось прекрасным, но Торн знал, сколь труднопроходима такая местность.

Он попытался разглядеть хотя бы одну дорогу. Вертолет снижался, кружась над центральным районом острова. По-прежнему нигде не просматривалось ни тропинок, ни строений. Рокочущий аппарат принялся барражировать совсем низко над джунглями.

— Из-за скал, — заметил пилот, — здесь ужасные ветры и множество восходящих потоков, крайне опасных для полетов... На всем острове есть одно лишь место, где можно благополучно приземлиться...

Летчик посмотрел вниз.

— Ну, вот... Мы как раз над ним.

Торн увидел в просвете зарослей поляну, поросшую высокой травой.

— Идем на посадку! — объявил пилот.

ИСЛА СОРНА

Стоявший по пояс в траве Эдди Карр прикрывал лицо от пыли, поднятой только что взлетевшими вертолетами. Через несколько мгновений они уже превратились в маленькие черные точки, и рокота двигателей, практически, не стало слышно.

Прикрыв глаза ладонью, Эдди с тоской посмотрел вверх и совершенно упавшим тоном произнес:

— И когда же они собираются вернуться за нами?

— Завтра утром, — отозвался Торн. — К тому времени мы обязаны найти Ливайна.

— По крайней мере, будет лучше, если найдем его к их возвращению, — заметил Малкольм.

Вертолеты окончательно растворились в небесах.

Отважные исследователи, вернее, спасатели стояли на поляне, окутанной утренней духотой и безмолвием, царящим на этом острове.

— Как-то здесь мрачновато, — пробурчал Карр, надвигая на глаза бейсбольную кепку. Эдди исполнилось уже двадцать четыре года, и всю свою сознательную жизнь он провел в Дэлай Сити. Его внешность располагала к общению: черноволосый, поигрывающий мышцами крепыш с озорными чер-

тиками в глазах... Несмотря на атлетическое сложение, у него были очень холеные изящные руки; на них присутствовал даже маникюр.

Карр обладал удивительным талантом или, как выражался Торн, «божьим даром»: он мог собрать и починить все, что угодно. Лишь взглянув на какой-нибудь аппарат, Эд сразу же уяснял для себя принцип его работы и все особенности его эксплуатации.

Торн нанял его три года назад. Вначале предполагалось, что это будет временная работа: молодой человек собирался поднакопить денег и поступить в колледж, чтобы получить необходимое образование. Но очень скоро Джек не смог обходиться без талантливого умельца, как без рук, а Эдди, в свою очередь, просто не хотелось садиться за книжки.

«Нет, — подумал Карр, оглядываясь кругом, — эта тишь да благодать чересчур обманчивы...»

Он, как истинное дитя города, привык к суете, полицейским сиренам и сумасшедшему потоку автомобилей. На этом затерянном в океанских просторах островке молодой человек чувствовал себя не в своей тарелке.

— Пойдем, — сказал Торн, похлопав его по плечу. — Пора приступать...

Они повернулись к грузовым контейнерам, доставленным вертолетами. Огромные ящики стояли всего в нескольких ярдах от них, скрытые высокой травой.

— Вам помочь? — поинтересовался Малкольм.

— Лучше не надо, — отозвался Эдди. — Мы справимся сами.

Прошло полчаса, прежде чем они открутили болты и освободили задние панели металлических параллелепипедов, опустили их на траву и вошли внутрь контейнеров. После этого им понадобилось лишь несколько минут, чтобы выкатить трейлеры.

Эдди сел за руль «Эксплореда» и повернул ключ зажигания. Автомобиль заработал практически бесшумно.

– Как там заряд? – спросил Торн.

– Полный, – отозвался Карр.

– С батареями все в порядке?

– Да... Похоже... отлично.

Эд заметно оживился. В свое время он сам следил за процессом оснащения этих машин электродвигателями. Сейчас механик беспокоился за надежность и качество работы, так как переделка автомобилей велась спешно. Да и испытания не провели, торопясь на остров... И хотя электромобили имели теперь более простые и надежные моторы, нежели двигатели внутреннего сгорания – рухлядь, доставшаяся нам в наследство от девятнадцатого столетия, – Эдди знал, насколько рискованно брать в экспедицию технику, не прошедшую испытания. Данный факт больше всего тревожил Карра.

Как большинство прирожденных механиков, он отличался консервативностью. Ему хотелось, чтобы вещи работали, работали при любых условиях. И для него это, прежде всего, означало использование испытанных, надежных технологий. К сожалению, в этот раз к мнению Эда не прислушались, и механика в особенности беспокоили две вещи, которые, как он считал, толком не довели до ума.

Во-первых, черные панели фотоэлементов, состоявшие из многочисленных рядов восьмигранных кремниевых плиток... Эти преобразователи энергии установили на крышах и капотах трейлеров. Конечно, все очень здорово и эффективно... Блоки прочны и во много раз мощнее предыдущих разработок; Эдди сам оборудовал их специальными антивибрационными амортизаторами собственной конструкции. Но факт оставался фактом, если панели будут так

или иначе повреждены, сразу же исчезнет возможность подзаряжать батареи трейлеров и обеспечивать энергией электронное оборудование. Следовательно, все их системы остановятся, и исследователи окажутся в беспомощном положении.

Во-вторых, Эдди беспокоили сами батареи... Торн предпочел новые ионно-литиевые элементы питания «Ниссан», чрезвычайно легкие и герметичные. Они представляли собой последнюю экспериментальную модель компании, что для Карра являлось синонимом ненадежности.

Механик отстаивал дублирующие варианты... Например, бензиновый двигатель. Так, на всякий пожарный случай. Он спорил с пеной у рта, но, тем не менее, к его мнению так и не прислушались. В этих условиях Эдди ничего не оставалось, как понаделать различных запасных приспособлений, которые он прихватил на остров тайком. Карр считал, что Торну все известно, шеф молчит из чувства простой солидарности с молодым механиком. Теперь, оказавшись на этом богом забытом клочке суши, Эд радовался своей предусмотрительности: кто его знает, что может случиться.

Док наблюдал за тем, как Карр выехал на «Эксплореде» из контейнера на середину поляны, поросшей густой и высокой травой. Здесь падающие прямо на панели фотоэлементов солнечные лучи как следует подзарядят батареи машин.

На открытом пространстве Торн сцепил оба трейлера специальным гибким и стальным кондуктором. Затем принялся за мотоцикл, который тоже работал на батареях. Джек откатил его в заднюю часть «Эксплореда» и подключил проводом к системе питания. Спустя несколько минут элементы мотоцикла перезарядились.

— Ну, вот и нормально, — отступив на шаг, промолвил док.

Стоя среди душного безмолвия джунглей, Эдди рассматривал высокие кольцеобразные края кратера бывшего вулкана, вздымавшиеся над непролазной чащей. Голые скалы блистали под палящим солнцем. У Карра появилось странное ощущение: все они оказались в ловушке, выхода из которой нет и не предвидится.

— И какого черта сюда кого-то занесло? — поинтересовался вслух парень.

Опиравшийся на трость Малкольм улыбнулся:

— Да чтобы убраться подальше от нашего проклятого цивилизованного мира... Тебе эта мысль никогда не приходила в голову, Эд?

— Нет... Что касается меня, то я всегда предпочитаю, чтобы рядом располагалась «Пицца-Хат»...

— Что ж, паренек, на сей раз до нее далековато...

Торн направился в заднюю часть трейлера и притащил оттуда пару тяжелых ружей. Под стволом каждого из них располагалось бок о бок по две алюминиевые емкости. Протянув одно Эдди, он показал другое профессору.

— Когда-нибудь видели такие?

— Читал о них... — ответил Иан. — Шведские, что ли?

— Угадал... Воздушное ружье фирмы «Линдштрадм»... Самое дорогое оружие в мире. Мощное, точное, простое и надежное... Стреляет сверхзвуковыми дротиками «Флюгер» с какой угодно начинкой.

Док открыл магазин и продемонстрировал математику обойму пластиковых ампул, наполненных жидкостью золотистого цвета. Острие каждого баллончика венчала трехдюймовая игла.

— Мы их зарядили концентрированным ядом Corus Purpurascens — страшнейшего из моллюсков южных морей. Это сильнейший нейротоксин в мире... Действует в течение двух тысячных секунды, то есть куда быстрее, чем скорость прохождения сигнала от нервного окончания к мозгу. Животное падает раньше, чем почувствует укол дротика.

— Смертельно?!

Торн кивнул утвердительно.

— Так что никаких шуточек! И не вздумайте случайно прострелить себе из данной штуки ногу, ибо вы будете мертвы еще до того, как успеете сообразить, что нажали на курок.

Математик понимающе наклонил голову.

— А противоядие от него есть?

— Нет... Да и к чему оно? Все равно не успеете воспользоваться.

— Что ж, в таком случае, это все упрощает, — промолвил Малкольм, принимая оружие в свои руки.

— Я просто считал своим долгом проинформировать вас... Вы должны это знать, — сказал док. — Эдди, ты готов? Тогда... вперед!

ПОТОК

Эдди забрался в «Эксплоред». Торн и Малкольм сели в кабину трейлера. Спустя секунду заработало переговорное устройство.

— Вы ввели данные, док? — послышался голос Карра.

— Сейчас...

Он опустил оптический диск в прорезь на приборной доске. На маленьком мониторе прямо перед

ними тотчас же появилось изображение острова, правда, сильно покрытого облаками.

– Ну, и какой от этого прок? – поинтересовался профессор.

– Подожди, – прошептал Торн. – Это же система... Она должна суммировать все данные.

– Данные откуда?

– С радара...

Через секунду диаграмма, сделанная при помощи спутникового сканирующего устройства, наложилась на изображение клочка суши; радар спокойно «осматривал» поверхность через облачный покров. Торн нажал на кнопку, и компьютер выдал более точное изображение, уточнив мелкие детали и высветив тонкую паутинку системы дорожных коммуникаций.

– Не густо, – прокомментировал Малкольм, но для дока информации было в избытке.

– Вижу, – сообщил по связи Эдди.

– Он, что, видит то же самое? – поинтересовался математик.

– Да, у него на приборной доске такой же монитор.

– Но что-то нет показаний ДГП, – послышался взволнованный голос Карра. – Он не работает?

– Ну, вы даете! – не выдержал док. – Дайте ему хотя бы минуту... Он же считывает оптические данные. Сейчас все появится.

На крыше трейлера установили при оснащении конический Датчик Глобального Позиционирования, или, сокращенно, ДГП, который мог определить местонахождение машин с точностью до нескольких ярдов, принимая радиоданные с орбитальных спутников, находившихся в тысячах миль над ним.

Спустя секунду на выведенной на монитор фотокарте острова появился пульсирующий красный крестик.

– Отлично! – передал Эдди. – Теперь вижу. Похоже на дорогу, ведущую от этой поляны к северу. Мы направляемся именно туда?

– Пожалуй, да, – промолвил Торн.

Судя по карте, эта дорога петляла несколько миль по внутренним районам острова, после чего выходила к месту, где встречались, пожалуй, все из имеющихся здесь путей. Казалось, в точке пересечения имеются какие-то строения, но окончательно говорить об этом не приходилось.

– О'кей... Едем туда.

Эдди рванул вперед. Торн нажал на акселератор, и трейлер, тихо и мощно загудев, отправился вслед за «Эксплоредом». Сидевший рядом Малкольм молчал, поигрывая лежавшим на его коленях портативным компьютером «Ноут Бук». Он даже в окошко не смотрел.

Через несколько минут машины уже оставили поляну позади. На приборной панели перед Торном загорелись лампочки – это означало, что электромобиль переключился на собственные батареи. Сквозь густые заросли проникало слишком мало света для питания оборудования трейлера. Железные «монстры» уверенно прокладывали путь вперед.

– Ну, как дела, док? – спросил Эдди. – Батареи не садятся?

– Все отлично, парень.

– Похоже, он нервничает, – заметил Малкольм.

– Да нет... Эдди беспокоится насчет аппаратуры.

– Какой, к хренам, аппаратуры! – послышался возмущенный голос Карра. – Я за свою шкуру боюсь!

Хотя дорога заросла и находилась в отвратительном состоянии, они продвигались вперед с неплохой скоростью. Примерно через десять минут машины приблизились к ручью с заболоченными берегами. «Эксплоред» хотел его преодолеть, но вдруг остановился. Карр выбрался из кабины и, переступая по камням в бурлящем потоке, прошел на берег.

— Что случилось?

— Я тут кое-что увидел, док.

В отдалении раздались крики, весьма напоминавшие птичьи. Нахмурившись, Малкольм посмотрел вверх.

— Птицы? — поинтересовался Торн.

Профессор отрицательно покачал головой.

— Нет.

Эдди наклонился и извлек из грязи клочок материи — кусочек темно-зеленого гортекса с полоской кожи, пришитой к одному из уголков.

— Это от наших экспедиционных рюкзаков, — сообщил он.

— А не от того ли... ну... сделанного для Ливайна?

— Точно, док!

— Ты устанавливал ему в рюкзак радиомаяк? — спросил Торн. Дело в том, что они, как правило, зашивали подобные радиоустройства в свои фирменные экспедиционные вещмешки.

— Конечно.

— Дай-ка я сам посмотрю на этот клочок, — попросил Малкольм.

Взяв обрывок материи, он принялся рассматривать его при ярком освещении, в задумчивости теребя кожаный уголок. Торн, тем временем, достал портативный приемник, с виду напоминающий пейджер. На экране его дисплея появилась надпись, выпол-

ненная жидкими кристаллами: «Никакого сигнала не поступает».

Эдди внимательно присматривался к прибрежной грязи.

— А вот еще один клочок... И еще... Похоже, рюкзак разорвали на мелкие куски, док...

Снова откуда-то издали донесся крик какой-то неземной птицы. Малкольм вглядывался в заросли, пытаясь определить источник звука, но внезапно услышал слова Карра:

— О-хо-хо-о... Похоже, у нас гости!

Полдюжины ящерообразных ярко-зеленых созданий сгруппировались около трейлера. Они дружелюбно чирикали, стоя на задних лапах и балансируя на вытянутых хвостах. Были они не больше курицы и так же, то и дело, нервно подергивали головами, когда издавали звуки. К тому же, их чириканье весьма напоминало птичье, хотя внешне эти твари походили на ящериц с огромными хвостами. Глаза животных сверкали любопытством, и неизвестные особи покачивали головами, разглядывая людей.

— Это что, нашествие саламандр? — попытался пошутить Эдди.

Зеленые ящерицы стояли на месте, внимательно посматривая на путешественников. Из-под трейлера и окружающей его травы к ним поспешило еще несколько экземпляров. Вскоре уже не меньше дюжины тварей, попискивая, взирали на пришельцев.

— На нашем палеонтологическом слэнге мы называем их «компи», а их научное название — «Прокомпсогнатус Триассикус».

— Вы хотите сказать, что эти вот...

— Совершенно верно — динозавры...

Карр помрачнел.

— Вот уж не думал, что они такие маленькие, — промолвил он наконец.

— Большинство древних ящеров были существами мелкими, — продолжил Малкольм. — Просто люди привыкли думать о них, как о невероятных гигантах. А среднестатистический динозавр — размером с овцу или пони.

— Черт! Они так похожи на кур, — не удержался от замечания Эд.

— Да, твари довольно птицеподобны.

— Эти животные представляют для нас какую-нибудь опасность? — поинтересовался Торн.

— Не особо, — ответил математик. — Мелкие трупоеды, похожие по образу жизни на шакалов... Питаются исключительно мертвечиной, но я бы к ним близко подходить не стал. Их укусы слегка ядовиты.

— Да я к ним ни за какие коврижки не полезу, — заверил его Эдди. — У меня от этих образин мурашки по коже... Похоже, они совсем не боятся нас.

Малкольму данный факт тоже бросился в глаза.

— Думаю, на этот остров еще не ступала нога человека... У животных просто нет причин опасаться людей.

— Что ж, такую причину мы им сейчас предоставим, — произнес Карр, поднимая с земли камень.

— Нет! — крикнул Малкольм. — Не делай этого! Дело в том...

Но Эдди уже швырнул булыжник, который приземлился неподалеку от «компи», и ящерицы попятились назад. Некоторые особи засновали туда-сюда, демонстрируя явное возбуждение. Тем не менее, своей дислокации группа тварей не сменила. Они по-прежнему чирикали, вертя головами по сторонам.

— Ужас! — прошептал Эдди, принюхавшись. — Вы чувствуете, какая вонь?

— Да, — пришлось признать Малкольму, — пахнут они очень конкретно.

— Проще говоря, тухлятиной, — перебил его Карр. — Это запах разложения. Они воняют, словно трупы. И потом, что бы вы ни говорили, но это неестественно, что твари не выказывают никакого страха... Может, у них потомство народилось, а где-то рядом — их логово?

— Ни в коем случае, — уверенно ответил математик.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что только млекопитающие вынашивают свое потомство, — ответил Иан и тут же сам усомнился в сказанном.

Вынашивают своих детенышей теплокровные животные... Являются ли «компи» теплокровными? В данном факте профессор не то, чтобы сомневался, но...

Вверху что-то прошелестело. Малкольм поднял голову и заметил какое-то движение в густой листве, словно невидимые мелкие животные перепрыгивали с ветки на ветку. До него долетел визг и писк, явно производимый ими.

— Послушай, но это же не птицы, — промолвил Торн. — Может... обезьяны?

— Может быть, хотя я лично в этом очень сомневаюсь...

Эдди неожиданно зазнобило.

— Думаю, нам пора отсюда сматываться.

Перебравшись по торчавшим из воды камням, он снова забрался в кабину «Эксплореда». Торн и математик, не торопясь, направились к трейлеру. «Компи» расступились перед ними, но убегать не стали. Люди забрались в кабину и осторожно закрыли двери, внимательно следя, чтобы случайно не зацепить ими какую-нибудь любопытную тварь. Торн сел за руль и завел двигатель. Эдди на своей машине

уже пересекал ручей; вот он оказался на том берегу и, спустя мгновение, стал подниматься вверх по склону.

— Послушайте, а эти... как их там... Забыл, как вы их называли, — раздался в наушниках голос Карра. — Они-то, что ж, настоящие, что ли?

— О да, — буркнул профессор, — натуральнее не бывает...

ДОРОГА

Торну стало не по себе: он, кажется, начинал понимать, что именно сейчас испытывает Эдди. Он создал эту технику и теперь оказался в полной изоляции от мира со всей этой массой не прошедшей испытания аппаратуры.

В течение следующих пятнадцати минут дорога, не спеша, поднималась наверх через темные джунгли. Внутри трейлера стало невероятно душно.

— Может, включим кондиционер? — спросил сидевший рядом Малкольм.

— Я не хочу перегружать батареи.

— Тогда... может быть, я открою окно?

— Давай, если не боишься...

Малкольм пожал плечами.

— Чего уж тут...

Он нажал кнопку, и боковое стекло медленно поползло вниз. Теплый воздух ворвался в салон. Иан посмотрел на Торна и спросил:

— Что, нервничаешь, док?

— Само собой, — откликнулся тот, — волнуюсь, черт побери...

Даже с открытым окном он чувствовал, как струйки пота змеятся по его груди.

— Говорил я вам, док, прежде надо все испытать да проверить... все предусмотреть... А так, поверьте мне, не дело ездить в места обитания ядовитых кур на технике, способной в самый неподходящий момент неожиданно выйти из строя.

— Автомобили работают, как часы, — успокоил его Торн. — А ты за уровнем следишь?

— В норме, — отозвался Эдди. — Тьфу, тьфу, тьфу... Пока все и впрямь в порядке, но ведь мы и проехали-то всего пять миль. Сейчас ровно девять часов утра, док...

Дорога повернула вправо, затем влево, несколько раз петляла, когда подъем становился круче. Торн, управлявший трейлерами, старался сосредоточиться на вождении — это здорово отвлекало от дурных предчувствий. Шедший впереди «Эксплоред» повернул влево, поднимаясь все выше по дороге.

— Больше никаких животных не видно, — сообщил заметно повеселевший Карр.

Наконец они вползли на вершину хребта; подъем закончился. Если верить Датчику Глобального Позиционирования, то сейчас маршрут их путешествия лежал на северо-запад, во внутренние районы острова.

Джунгли по-прежнему окружали со всех сторон: густой покров листвы не давал возможности хоть что-либо рассмотреть впереди по курсу. Исследователи выехали к месту, где дорога раздваивалась, и Эдди остановился у обочины. Сквозь окошко трейлера Торн видел стоявший на развилке выцветший деревянный указатель со стрелками, указывающими направо и налево. Под одной — надпись «К болоту», под другой — «К площадке «Б».

— Ну, что, ребята, куда поедем? — полюбопытствовал Карр.

— К площадке «Б», — скомандовал Малкольм.

— Сказано — сделано!

«Эксплоред» покатил вправо, и док направился вслед за ним. По правую сторону от дороги из земли пробивался желтый сернистый пар, обесцветивший до белизны окружающие лиственные деревья. Вонь стояла, как в преисподней.

— Вулкан, — произнес Торн, обращаясь к профессору, — прямо как вы и предсказывали.

— Да, — немедленно встрял в разговор Эдди. — Только вот вулкан-то — активный... По правде говоря, мать твою!..

Карр ударил по тормозам, и автомобиль остановился, как вкопанный. Джеку пришлось резко вывернуть руль и въехать в заросли папоротников. Поравнявшись с головной машиной, Торн показал Эдди кулак:

— Дружок, ради бога, еще одна такая...

Но тот не слушал его. Широко открыв рот от изумления или испуга, Карр таращился куда-то вперед. Док тоже посмотрел в ту сторону.

Прямо перед ними вдоль дороги лежало несколько упавших деревьев, и в зарослях образовался приличный по величине просвет, через который открывалась прекрасная панорама западной части острова. Но Торну сейчас было не до красот, потому что он видел, как через дорогу перебиралось довольно крупное, никак не меньше гиппопотама, животное. Только, конечно, не бегемот перекрыл им путь... Сей зверь оказался бледно-коричневым, а костяная чешуя покрывала его с ног до головы. Вокруг его довольно крупной башки вздымалось нечто костяное, напоминающее корону, из которой торчало два грозных рога, а третий рог нависал над мордой чудовища.

Даже через наушники слышалось прерывистое дыхание Эдди, который хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Вы... знаете... знаете, что... это такое?

— Обыкновенный трицератопс, — спокойно сообщил Малкольм. — И, судя по внешнему виду, еще довольно маленький.

— Должно быть, — согласился Карр, потому что теперь дорогу впереди пересекало куда более крупное животное. Оно выглядело раза в два побольше первого, и рога имело поострее и поветвистее. — Наверное, его мамочка...

Вскоре появился третий ящер, затем — четвертый... Скорее всего, их путь пересекало целое стадо этих созданий. Не обращая никакого внимания на автомобили, трицератопсы спускались по склону, исчезая в зарослях.

Торн посмотрел, наконец, на открывающуюся в просвет панораму. Его глазам предстала обширная заболоченная равнина с протекавшей по ее центру широкой рекой, по берегам которой паслись какие-то животные. Стадо насчитывало примерно двадцать темно-зеленых динозавров среднего размера. Их большие головы то и дело выныривали из густой травы на берегу. Поблизости Торн заметил восемь уткоклювых ящеров с большими трубчатыми гребнями; они пили из реки, периодически поднимая свои морды к небу и о чем-то скорбно завывая. Прямо по курсу стоял одинокий стегозавр, спину которого украшал частокол из костяных пластинок. А на западе, возвышаясь над вершинами деревьев, поблескивало не менее дюжины изящных шей апатозавров. Они неторопливо жевали листву, и их тела скрывали густые заросли.

Одним словом, панорама, достойная кисти Брейгеля... Картина из иного мира...

— Док, — послышался голос Эдди, — да что же это такое?!

Находясь в кабинах машин, они созерцали равнину, наблюдали за динозаврами, неторопливо разгуливающими в высокой траве. До слуха доносились тихие крики тех, с утиными носами. Отдельные стада мирно паслись у реки.

— Так это и есть не тронутое цивилизацией место? — вышел из оцепенения Эдди. — Одно из тех местечек, где остановилось время?

— Вовсе нет, — откликнулся Малкольм. — Существует вполне разумное объяснение тому, что видим сейчас. И мы намерены...

С приборной доски послышался пронзительный писк, говоривший о том, что сработал какой-то датчик. На карте с крестиком ДГП появилась голубая сетка, на которой мигал красный треугольник с надписью «ЛВН».

— Ливайн! Черт его дери! — воскликнул Карр. — Наконец-то мы запеленговали этого сукина сына!

— Ты считываешь координаты? — послышался взволнованный голос Торна. — Мне кажется, сигнал довольно слабый...

— Да нет же! Сигнал прекрасный... Нет никаких сомнений в том, что это именно он. Похоже, Ричард — где-то там, в долине.

Эдди завел «Эксплоред», и машина запрыгала по неровной дороге.

— Вперед! — скомандовал Карр. — Мне хочется побыстрее убраться из этого чертова логова.

Включив электродвигатель трейлера, Торн последовал за головной машиной. И вновь вокруг них сомкнулись непроходимые джунгли. Духота усилилась, и солнечный свет почти не мог пробиться сквозь густой лиственный покров.

Писк сигнала стал прерывистым. Док взглянул на монитор и увидел, что красный треугольник то и дело исчезает.

— Мы что, теряем его, Эдди? — спросил Торн.

— Теперь это уже не имеет никакого значения, так как мы определили его координаты и следуем туда прямым курсом. По правде говоря, дорога ведет прямо к нему. Ливайн находится где-то за тем КПП...

Не веря своим глазам, док выглянул в окно и увидел впереди «Эксплореда» какое-то бетонное строение и преграждавший путь стальной шлагбаум. И впрямь все это напоминало контрольно-пропускной пункт.

Караулка уже частично обрушилась и поросла плющом. Вскоре они ехали по мощеной дороге. Кустарник на пятьдесят футов от обочины был кем-то вырублен. Через несколько минут их маленький караван приблизился ко второй караулке и очередному КПП. Машины проехали еще с сотню ярдов, путь по-прежнему лежал вдоль хребта.

Окружающие заросли стали редеть, сквозь просветы в папоротниках Торн смог рассмотреть однотипные деревянные бараки, покрашенные в однотонный зеленый цвет. Более всего они напоминали складские помещения. У дока возникло странное чувство: словно он оказался на территории научного комплекса. И вдруг, за очередным поворотом, их глазам, действительно, открылся целый научный городок. До него оставалось не более полумили.

— Да что же это такое, черт побери? — не выдержал Эдди.

Торн глазам своим не верил... Более всего поражало гигантское здание с плоской крышей. Оно простиралось на несколько акров, теряясь вдали. На крыше этого строения вполне уместились бы два футбольных поля. За этим великаном располагалось

большое блочное сооружение с металлической крышей, отчасти похожее на подстанцию. Но, судя по размерам, это — настоящая электростанция для маленького городка. На противоположной стороне здания имелось нечто, напоминающее погрузочный пункт с платформами для самосвалов. Чуть правее из густых зарослей выглядывало некое подобие коттеджа. Однако, оказалось трудно судить об этом с такого значительного расстояния.

Все увиденное напоминало Торну промзону или завод. Он настолько растерялся от неожиданных находок, что никак не мог собраться с мыслями.

— Ты знаешь, что это?! — поинтересовался док у Малкольма.

— Да, — неторопливо и спокойно сказал тот. — Скорее всего то, о чем я давно уже подозревал...

— Ну, и...

— Это — производственные мощности, — продолжил профессор, — своего рода фабрика.

— Что-то уж больно большая, — заметил Торн.

— Совершенно верно, — согласился профессор. — Именно такой она и должна быть.

— А между тем, — сообщил по рации Эдди, — сигналы от Ливайна продолжают поступать. И знаете что? Они, похоже, идут из того вон здания.

Автомобили проехали мимо закрытых ворот главного корпуса под нависающий портик. Здание оказалось выстроено по всем канонам современного дизайна, все из стекла и бетона, но крыша уже успела зарасти травой, по стенам вились гигантские плющи. Стекла выбиты, из трещин лезли побеги папоротников.

— Эдди? Сигнал по-прежнему устойчив? — поинтересовался док.

— Да... Он где-то внутри... А что вы собираетесь предпринять? — спросил Карр.

– Развернуть базовый лагерь вот на этом поле, – сообщил бывший академик Торн, указывая на полмили левее, где когда-то, видимо, располагалась площадка для игры в гольф. До сих пор этот корт напоминал поляну, и там, наверняка, будет достаточно солнечного света для подзарядки батарей. – А уж после мы хорошенько познакомимся с местными окрестностями...

Эдди припарковал свой «Эксплоред» первым. Торн поставил трейлер рядом с его машиной. Затем он выбрался на неподвижный и раскаленный утренний воздух. Малкольм тоже вылез из кабины и встал рядом с ним.

Здесь, в самом центре острова, царила полная тишина, нарушаемая лишь безобидным жужжанием многочисленных насекомых. Карр подошел к трейлерам, похлопывая по карманам джинсов.

– Местечко что надо, а? Москитов в изобилии... Ну, что, будем выручать блудного сына?

Механик отстегнул от пояса приемник и, прикрыв от солнечного света ладонью дисплей, сообщил:

– Все еще там... – и указал на главный корпус. – Что скажете?

– Пойдем за ним, – сказал Торн.

Они втроем забрались в кабину «Эксплореда» и, оставив трейлер позади, покатили под лучами палящего солнца прямо к гигантским развалинам.

ТРЕЙЛЕР

Когда стих шум отъезжающего автомобиля, в трейлере наступила полная тишина. Тускло сияла приборная доска, и карта с данными ДГП все еще

высвечивалась на мониторе; пульсирующий красный крестик отмечал местонахождение лагеря. Маленькая рамка на экране, с надписью «Активные системы», демонстрировала показания уровня зарядки батарей, КПД фотовольтовых пластин и расход энергии за последние двенадцать часов, Все цифры на дисплее мерцали ярко-зеленым цветом.

В жилой секции, где находились кухня и кровати, в специальной емкости плескался запас регенерируемой воды. Внезапно из складского отделения послышался глухой стук. Прервался, прозвучал еще пару раз и окончательно стих.

Через мгновение в щели дверцы склада появилась кредитная карточка. Именно она поддела крючок, на который эта створка закрывалась. Двери распахнулись, и на пол упал большой ком ватина. Из него, стряхивая налипшие клочки ваты и постанывая, выбрался маленький черный чертенок — Арби Бентон собственной персоной.

— Если я сейчас не пописаю, то меня разорвет на куски, — взвыл он и поспешно нетвердой походкой направился к крохотной ванной комнате. Послышался его облегченный вздох.

Хоть это и была идея Келли отправиться сюда, но все ее детали разрабатывал Арби. И он ничего не упустил... Ну, по крайней мере, почти ничего. Бентон совершенно обоснованно предвидел холод в грузовом отсеке самолета, а потому дети перетащили в складское отделение трейлера все тряпки и одеяла, что им попали под руку. Мальчик предвидел и рассчитал, что им придется провести здесь не менее двенадцати часов, а потому они прихватили с собой несколько упаковок печенья и четыре бутылки с водой. По правде говоря, Арби продумал буквально все, за исключением маленького нюансика: дело в том, что никто из них и не предполагал о совершенно

замкнутом пространстве. Просто Эдди Карр перед погрузкой взял да и закрыл дверцу грузового отсека на крючок снаружи... Просто взял и закрыл... А они в последующие двенадцать часов не могли попасть в туалет. Целых двенадцать часов!!

Бентон вновь тяжело вздохнул и попытался расслабиться. Моча непрерывным потоком все еще продолжала литься в унитаз. Неудивительно! Какой ужас! Подумать только, ведь до сих пор он мог бы сидеть в том ящике, не приди ему в голову...

И тут до Арби донеслись сдавленные крики. Слив воду, он прошел в салон и, став на четвереньки, полез под кровать, где находился еще один ящик для груза. Мальчик поспешно открыл его, и из груды тряпок на свет выбралась Келли.

— Слышь, Кел! — с гордостью воскликнул Арби. — А ведь нам все-таки удалось!

— Погоди, мне тут срочно надо... — протараторила девочка, метнувшись к туалету. Ворвавшись в желанное помещение, она плотно закрыла за собой дверь.

— Нам все-таки это удалось! — не унимался Арби. — Наконец-то мы здесь!

— Подожди минутку, ладно? — послышалось из туалета.

Впервые мальчику удалось выглянуть из окна трейлера.

Машина стояла на поросшей зеленой травой поляне, а вдали виднелись папоротники и высокие деревья джунглей. А над ними вздымались черные стены вулканического кратера.

«Так, значит, это и есть Исла Сорна... Отлично! Отлично!..»

Келли вышла из ванной комнаты:

— Б-р-р... Я уж думала, мне — конец! Молодец, Арб! Кстати, а как тебе удалось открыть свой ящик?

– При помощи кредитной карточки, – ответил мальчуган.

У тебя есть собственная кредитная карточка?! – удивилась Келли.

– Мои родители дали мне ее на всякий пожарный случай, – ответил Бентон. – Я и подумал: вот она, эта безвыходная ситуация...

Конечно, он пытался все превратить в шутку, понимая и зная, сколь болезненно воспринимает Келли вопросы, касающиеся денег; его дорогие вещи вечно кололи ей глаза. И то, что у него всегда имелась лишняя мелочь на такси и бутылку колы в закусочной Ларсона после школы, вечно задевало девочку. Как-то раз Арби заметил:

– Я не считаю деньги столь важным предметом, из-за которого стоит переживать.

На что услышал ответ, в котором явно звучали издевательские нотки:

– Еще бы! С какой стати тебе думать иначе?!

С тех пор Бентон всячески пытался избегать этой щекотливой и скользкой темы в разговорах со своей подружкой.

Мальчик не всегда понимал, как именно ему следует вести себя с людьми в той или иной ситуации. Относились к нему, мягко говоря, странновато. Во-первых, потому, что он – еще маловат; во-вторых, он – все-таки негр; в-третьих, как не крути, но Арби, вдобавок ко всему, еще и вундеркинд. Ему постоянно приходилось бороться за признание. Мальчику так хотелось быть, как говорится, своим, но это никак не получалось: он ведь – не белый и не взрослый, он – просто дохляк, да, к тому же, еще и умный... Уроки в школе быстро наскучили до такой степени, что Арби с трудом удерживал себя ото сна во время занятий. У учителей мальчик порой вызывал раздражение своим пониманием и знанием многих недо-

ступных им вопросов, но что он мог поделать с собой? Школа напоминала Бентону видеокассету, воспроизводимую с замедленной скоростью — можно смотреть по секунде в час, и все равно ничего не пропустишь.

А когда ему приходилось общаться с другими детьми, то, при всем своем желании, Арби не мог выказывать интереса к таким телешоу, как «Мелроуз Плэйс», бурного восторга по поводу команды «Сан-Франциско Фотинайнерз» или кайфа от новой рекламы «Шак». Ну не мог он этого! Все вышеназванное казалось Бентону полной ерундой. Но мальчик уже понял, что не следует говорить об этом в открытую. Всегда мудрее держать язык за зубами; тем более, что, кроме Келли, его никто не понимал.

Похоже, лишь она прекрасно осознавала, о чем именно говорит Арби... Ну, еще, конечно же, его понимал доктор Ливайн. Слава богу, в школе существовал класс опережающего обучения, представлявший хоть какой-то интерес для мальчика. И когда Ричард решился на преподавание в нем, Арби впервые в жизни полюбил ходить в школу. По правде говоря...

— Так, значит, это и есть Исла Сорна? — полюбопытствовала Келли, рассматривая джунгли из окна трейлера.

— Да-а-а... — протянул мальчик, — думаю, так оно и есть.

— Слышь, — спросила девочка, — а когда они останавливались в пути, ты не понял, о чем они говорили?

— Нет... Ватин мешал.

— Я тоже... Но похоже, наши ученые чем-то обеспокоены...

— Скорее всего.

— И, по-моему, разговор шел о динозаврах, — продолжала Келли. — Тебе так не показалось?

Мальчик рассмеялся.

– Нет, малышка...

– А мне так даже очень...

– Ну-ну, выкладывай.

– Я слышала, как Торн сказал: «Трицератопс».

– Кел, – попытался разубедить ее Бентон, – динозавры ведь вымерли шестьдесят пять миллионов лет тому назад.

– Да знаю я...

Арби показал на окно:

– Ты видишь хоть одного ящера?

Девочка не отозвалась, потому что отправилась в другой конец огромного трейлера и выглянула из другого окошка. Она увидела, как Торн, Малкольм и Эдди скрылись за дверями главного корпуса.

– Представляю, – произнес Бентон, – в какое состояние придут они, когда обнаружат нас. Как же им все объяснить?

– Давай сделаем им сюрприз.

– Да они с ума сойдут!

– Ну и что... Куда они, в конце концов, денутся?

– Может, они нас обратно отошлют...

– Каким образом? Им это просто не удастся.

– Думаю, ты права... – сказал Арби.

На самом деле, мальчика очень беспокоило произошедшее. Ведь это была идея Келли... Бентон терпеть не мог нарушать законы и попадать из-за этого в дурацкое положение. К тому же его, наверняка, теперь будут ругать. И не только родители... Если ему за что-то выговаривал учитель, Арби тут же покрывался холодным и липким потом. Так то просто преподаватель... И за какую-то мелочь... А тут! Последние двенадцать часов мальчик только и думал, какова будет реакция Торна и его спутников на их авантюру.

— Послушай, — начала Келли, — дело ведь в том, что мы находимся здесь, чтобы помочь нашему другу, доктору Ливайну... Вот и все... Мы ведь уже помогали доктору Торну...

— Да.

— Теперь мы поможем еще...

— Может быть...

— Им ведь нужна наша помощь.

— Не знаю, — промямлил Арби совершенно неуверенным голосом.

— Любопытно, есть ли у них хоть что-нибудь покушать? — промолвила Келли, открывая холодильник. — Ты не голоден?

— Да я просто умираю! — воскликнул Бентон, осознав, что ему и впрямь давно пора подкрепиться.

— Ну, и чего бы ты хотел?

— А что там есть?

Он растянулся на зеленой набивной кушетке, наблюдая за копавшейся в холодильнике Келли.

— Иди и сам посмотри, — крикнула она раздраженно. — Я тебе — не ваша тупая служанка.

— Ладно, ладно, не принимай близко к сердцу...

— Ты все время ждешь, что тебя станут обслуживать! — не унималась девочка.

— Да нет же, — оправдывался Арби, вскочив с кушетки.

— Буржуйское отродье!

— Эй, послушай, — не выдержал Бентон. — В чем, собственно, дело? Не принимай так близко к сердцу... Ты что, нервничаешь?

— Нет! — отрезала она, вытаскивая из холодильника завернутый в бумагу сэндвич.

Мальчик вмиг оказался рядом с ней и, заглянув внутрь, схватил первое, что попало под руку.

— Вряд ли ты будешь есть это, — бросила его подружка.

— Еще как буду!

— Но это же салат из тунца!

Арби ненавидел блюда из рыбы. Поэтому он быстренько положил схваченное кушанье обратно и стал высматривать что-нибудь получше.

— Вон, справа... Сэндвич с паштетом из индюшатины, — помогла ему Келли, — возьми его...

— Спасибо.

— Нет проблем.

Сев на кушетку, она принялась с жадностью проголодавшегося человека поглощать свой сэндвич.

— Послушай, по крайней мере, именно я доставил нас сюда, — продолжил Арби, аккуратно разворачивая свой бутерброд.

— Все правильно... С этим я полностью согласна. Этот этап ты провел на высшем уровне.

Бентон, съев свой сэндвич, подумал, что ничего вкуснее он еще не ел в жизни. Это было куда лучше кухни его мамы. При воспоминании о доме ему стало не по себе.

Мать Арби работала гинекологом и выглядела настоящей красавицей. Она вечно бывала занята и редко появлялась дома, но когда это все-таки случалось, доктор казалась столь умиротворенной, что и мальчик, находясь рядом с ней, тоже впадал в подобное состояние души. У них с мамой сложились особые взаимоотношения, хотя в последнее время ей становилось не по себе от того, как много знает ее сын.

Как-то вечером он зашел в ее рабочий кабинет, когда она перелистывала журналы со статьями об уровнях протестерона в организме живых существ. Взглянув через ее плечо, сын сразу же предложил маме воспользоваться нелинейным уравнением для анализа данных. Она тогда как-то странно посмотрела на него, задумчиво и отстраненно... Арби в эту минуту почувствовал...

– Я, пожалуй, еще один съем, – сообщила Келли, вновь направляясь к холодильнику. Она вернулась с двумя сэндвичами в руках.

– Ты что?! Думаешь, их хватит на всех и надолго?

– А какое мне дело? Я, видишь ли, с голоду помираю... – промолвила она, вонзая зубы в один из принесенных бутербродов.

– Быть может, нам не стоило их есть...

– Арб, если ты и впредь так будешь переживать из-за всякой ерунды, то лучше бы нам сидеть дома.

Мальчик решил, что его подружка права, и взял из ее рук второй сэндвич.

Келли посмотрела в окно.

– Интересно, что это за строение, в которое они направились?.. Похоже, оно давно уже находится в запустении...

– Согласен... По крайней мере, несколько лет.

– Гм... А с чего это кому-то понадобилось строить столь внушительное сооружение на забытом богом островке вблизи побережья Коста-Рики?

– Может быть, какой-нибудь секретный полигон?

– Или что-то, представляющее большую опасность, – заметила Кел.

– Вполне возможно.

Чувство опасности влекло и пугало мальчика одновременно.

– Мне любопытно, что же тут делали? – сказала девочка, дожевав свой бутерброд. Встав с кушетки, она подошла к окну.

– Ты только посмотри, какое громадное, а?! – воскликнула Кертис. – И при этом ужасно мрачное...

– А почему?

– Сам посмотри. Здание заросло травой... Будто здесь никто не появлялся много-много лет... Да и

поле, на котором мы стоим, тоже подзаросло... Трава — по колено!

— Да-а...

— Но вон там, — ткнула пальцем девочка, — видна чистая тропинка.

Арби, дожевывая свой сэндвич, подошел к окну и посмотрел в том направлении, куда указывала Келли. Она права... Всего лишь в нескольких ярдах от трейлера трава примята и выгорела, во многих местах просматривалась голая земля. Конечно, узкая, но довольно четкая тропинка пересекала поляну, на которой стояла их машина.

— Послушай, — заинтересовалась девочка, — если здесь уже много лет никто не живет, то кто же тогда протоптал эту дорожку?

— Должно быть, животные, — ответил Бенсон, правда, и сам сомневаясь в сказанном.

— Какие?

— Не знаю... Наверное, те, что живут здесь. Олени, или что-то в этом роде...

— Да не видно здесь никаких оленей!

Мальчик пожал плечами.

— Ну... может, козлы... дикие козлы, вроде тех, что живут на Гавайях.

— Уж больно тропинка широка для копыт козлов.

— Так, может, здесь целое стадо прошло.

— Уж больно она широкая, — повторила Келли, отворачиваясь от окна.

Девочка вновь приблизилась к холодильнику.

— Интересно, если ли там что-нибудь на десерт?

Упоминание о сладком внезапно навело мальчика на одну мысль. Он полез в грузовое отделение под кроватью и стал там что-то искать.

— Что ты там делаешь? — удивилась Келли.

— Ищу свой пакет.

– Зачем?

– Кажется, я забыл свою зубную щетку...

– Ну, и что с того?

– Да то! Теперь я не смогу почистить зубы.

– Арб! – не выдержала Кертис, – здесь тебя за это никто не станет ругать.

– Но ведь я всегда чистил зубы...

– Послушай, – сказала Келли, – поживи хоть немного в гармонии с природой...

Мальчик тяжело вздохнул.

– Может, у доктора Торна окажется запасная?

Наконец он вылез из-под кровати и сел на кушетку рядом со своей бойкой подружкой. Скрестив руки на груди, она скорбно покачала головой.

– Так что, никакого десерта?

– Ничего... Даже йогурта нет... Да что с них взять! Взрослые... Они ведь никогда ничего толком не распланируют.

– Да... Это верно...

Арби зевнул. В трейлере было довольно тепло, и мальчик почувствовал, как его клонит в сон. Корчась от холода и неудобства в этом тесном ящике, Бентон последние двенадцать часов глаз не сомкнул. Теперь он ощущал внезапную усталость; взглянул на Келли – она тоже зевала.

– Арб, не хотел бы ты обозреть окрестности? Быть может, это хоть как-то взбодрит нас...

– Вероятно, нам придется подождать здесь, – отозвался мальчик.

– Если так, то боюсь – скоро усну, – призналась Келли.

Бентон лишь плечами пожал. Сон буквально валил его с ног. Он вновь отправился в жилой отсек, где и свернулся калачиком на матрасе у окна; Келли пришла вслед за ним.

– Я не собираюсь спать! – возмутилась она.

– Отлично, Кел...

Его глаза закрылись сами собой, он осознавал, что более не в состоянии держать их открытыми.

– Но, – опять зевнула девочка, – может, я просто прилягу на минутку.

Бентон видел, как Келли растянулась на кровати напротив него, после чего провалился в темноту. Ему снилось, что он опять в самолете, его слегка укачивает; слышится глухой рокот двигателей.

Мальчик спал чутко и один раз проснулся. Ему показалось: трейлер, действительно, стал покачиваться, а за окном что-то и впрямь зарокотало... Но почти немедленно Арби снова уснул, и ему приснился новый сон, сон про динозавров, о которых ему говорила Келли. В его тревожном видении фигурировало два ящера, причем, столь высоких, что он не смог разглядеть их голов из окна трейлера. Мальчик видел только их мощные чешуйчатые ноги, которые гулко били по земле, когда чудовища проходили мимо машины. Внезапно второй динозавр остановился и с любопытством уставился в окно фургона, нагнув шею. До Арби, наконец, дошло, что он видит гигантскую голову тираннозавра. Огромные челюсти двигались, белые клыки блестели на солнце...

Но во сне это не вызывало страха, и Бентон продолжал мерно посапывать...

ИНТЕРЬЕР

Две большие стеклянные двери на фасаде главного корпуса вели в полумрак вестибюля. Прозрачные панели входных створок оказались поцарапан-

ными и грязными, а хромовые ручки покрывали пятна ржавчины. Но, судя по светлому пятну у порога и двум пучкам пожухлой травы, здание совсем недавно кем-то посещалось.

— Кажется, до нас здесь кто-то побывал, — заметил Эдди.

— Да, — согласился Торн. — Причем, этот «кто-то» в спецботинках фирмы «Асоло».

Они вошли внутрь. Воздух внутри здания оказался неподвижным, горячим и влажным. Вестибюль — маленький, не производящий впечатления; что-то вроде пропускного барьера, прежде обитого серым материалом, а теперь поросшего мхом, занимало половину помещения, Сквозь заросли плюща на стене просматривались хромированные буквы, слагавшиеся в девиз «Мы творим Будущее». Экзотические грибы произрастали прямо из ковра, вернее, из его остатков. Чуть правее размещалось что-то похожее на уголок для отдыха с кофейным столиком и двумя большими диванами. Один из диванов забрызгало чем-то бурым, второй — аккуратно закрыт целлофановой пленкой. Прямо перед этой мебелью валялись остатки рюкзака Ливайна, ткань которого в нескольких местах оказалась прорвана насквозь. На столике стояло несколько пустых пластиковых бутылок из-под минеральной воды «Эвиан»; здесь же валялись покрытые грязной коркой шорты и несколько смятых оберток «Сникерса». Ярко-зеленая змейка быстренько юркнула под диван, лишь только люди подошли поближе. Так и есть, под грязными шортами лежал испорченный спутниковый телефон.

— Значит, это — корпус «ИнДжена»? — неуверенно констатировал Торн, показав на стену, где красовалась хромированная эмблема компании.

— Совершенно верно, — подтвердил Малкольм.

Эдди склонился над рюкзаком Ливайна, ощупывая пальцами разрывы в сверхпрочной ткани. Неожиданно из остатков мешка выскочила огромная крыса.

— О, господи!

Мерзкий грызун, попискивая, убежал прочь.

Карр осторожно заглянул внутрь рюкзака.

— Думаю, никому больше не захочется этих изгрызенных «Сникерсов»! О, здесь еще лежит какая-то одежда... Сигнал исходил от нее?

Нужно сказать, что предприятие Торна частенько зашивало микродатчики в экспериментальное экспедиционное одеяние.

— Нет, — уверенно ответил док, вглядываясь в показания своего ручного монитора. — Импульсы поступают оттуда...

И он показал на створки металлических дверей за приемным барьером, которые, явно, вели вглубь здания. Когда-то их закрывали на висячий замок. Сейчас этот ржавый «сторож» сорван и валяется на бетонном полу.

— Что ж, пойдем к нему, — сказал Эдди. — Как вы думаете, что за змея удрала от нас?

— Не знаю...

— Ядовитая?

— Понятия не имею.

Створки открылись с пронзительным скрежетом, и трое мужчин тут же попали в пустой коридор с выбитыми стеклами вдоль одной стены. Пол усеивал разного рода хлам и пожухлая листва. Стены вымазаны и в нескольких местах залиты чем-то очень напоминающим запекшуюся кровь. В коридор выходило несколько дверей, которые сейчас все оказались открытыми. Сквозь дыры в коврах пробивались свежие побеги. У окон, где падало больше света,

растрескавшиеся стены покрывал густой плющ. С потолка свешивались плети дикого винограда.

Торн и его спутники продвигались в глубь здания. В гнетущей тишине раздавался только хруст мертвой листвы под подошвами ботинок.

— Сигнал все сильнее, — сообщил док, взглянув на свой монитор. — Ливайн где-то рядом.

Джек открыл первую попавшуюся дверь, и перед глазами мужчин предстал вполне заурядный офис.

Стол, стул, карта острова на стене. Настольная лампа, опрокинувшаяся под тяжестью опутавшего ее плюща. Компьютерный монитор, покрытый фольгой... А в противоположной стене — тонированное окно, сквозь стекло которого еле просачивается свет.

Спасатели прошли по коридору ко второй двери и обнаружили практически ту же картину безрадостного запустения: тот же стол и стул, то же тонированное стекло...

— Похоже, мы в каком-то учреждении, — пробурчал Эдди.

Торн прошел по коридору дальше, открывая дверь за дверью. Ничего нового... Все такие же офисы...

Открыв последнюю дверь, док застыл в изумлении. Это оказался конференц-зал, сильно загаженный какими-то обломками и гнилой листвой. На длинном полированном столе, в центре помещения, лежали кучки свежего помета; окно на противоположной стороне зала покрывал густой слой пыли. Внимание Торна привлекла огромная карта, полностью занимавшая одну из стен. Она была буквально вся утыкана разноцветными булавками. Эдди с озабоченным видом приблизился к ней. Под картой находилось нечто, напоминающее библиотечную картотеку. Но, увы! Все ящики этого каталога кто-то закрыл на замок.

Вошедший в помещение Малкольм внимательно осмотрел все, что находилось здесь.

— Что означает карта? — поинтересовался Эдди. — Как вы думаете, цвет иголок несет какую-либо нагрузку?

Бросив взгляд на изображение, профессор изрек:

— Двадцать булавок четырех цветов... По пять — в одной группе... Располагаются пятиугольником, а скорее, — даже звездой, лучи которой расходятся по разным краям острова. Я бы сказал, — это напоминает сеть. Но какую?

— А разве Арби не говорил о существовании на острове какой-то разветвленной сети?

— Да... Припоминаю... Любопытно...

— Ладно, черт с ней! Не время сейчас... — отрезал Торн.

Он вновь вышел в коридор и стал внимательно следить за сигналами, поступающими от Ричарда, используя свой ручной монитор.

Широкий проход между стенами заканчивался стеклянными створками с надписью ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. Джек попытался хоть что-нибудь разглядеть через стекло, но видимость — отвратительная... Что-то вроде зала с какими-то агрегатами. Тонированная поверхность, покрытая слоем пыли, не позволяла судить о назначении аппаратуры, находящейся внутри.

— Ты и впрямь знаешь, для каких целей отгрохали эту громадину? — спросил Торн у математика.

— Мне прекрасно известно, где именно мы сейчас находимся, — произнес Малкольм. — Это завод... фабрика... называй, как тебе удобнее, по производству динозавров.

— Но кому? Кому он мог понадобиться? — все еще не верил своим ушам вездесущий Эдди.

– Да никому, – ответил Иан. – Именно поэтому его так строго и засекретили.

– Что-то я не понимаю... – вконец растерялся Карр.

– Долгая история... – улыбнулся Малкольм.

Он просунул руку между створок и попытался развести их в стороны, но они даже не шелохнулись. Математик даже зарычал от усилия, делая новую попытку. И вдруг, совершенно неожиданно, с душераздирающим скрежетом двери распахнулись, и люди ступили в простиравшуюся за ними тьму.

Их мощные фонарики высвечивали чернильный коридор, тянувшийся почти в бесконечность.

– Чтобы понять, где мы находимся, необходимо перенестись во времени на десять лет назад... к... человеку по имени Джон Хаммонд... и животному, называемому «квагга»...

– Что? Как?..

– Квагга, – продолжил Малкольм, – это африканское млекопитающее, весьма похожее на зебру. Его истребили в конце девятнадцатого века. Но в 1980 году некто, использовавший новейшие методы извлечения ДНК, получил невероятно большое количество исходного биологического материала из останков квагги... Столь большое количество ДНК, что люди даже стали поговаривать о возрождении вымершего вида животного искусственным путем. А если вернуть к жизни квагу, то почему бы не сделать это и с другими вымершими экземплярами особей? Например, оживить мамонта... или... саблезубого тигра? Динозавра, в конце концов?

– Но где вы раздобудете ДНК ящера? – полюбопытствовал Торн.

– В реальной жизни, – ответил профессор, – палеонтологи уже в течение многих лет находят фраг-

менты ДНК динозавров. Правда, об этом почти ничего не сообщается, потому что у исследователей явно недостаточно материала, чтобы использовать его в качестве классификационного инструмента. Так что научной ценностью эти находки не обладали, а являлись просто фактом для любознательных...

– Для воссоздания животного нужно нечто большее, нежели фрагменты ДНК, – заметил Торн. – Необходима вся их структура.

– Верно, – согласился Малкольм. – И первым, кто решил, как именно ее можно раздобыть, оказался ученый Джон Хаммонд. Он сделал смелое предположение: когда динозавры еще обитали на нашей планете, то, вероятно, их кусали насекомые и, судя по всему, так же пили их кровь, как делают, например, современные комары. Некоторые из тех, древних, «кровососов» могли попасть в смолу и сохраниться до наших дней в кусочке янтаря. Хаммонд отважился на невероятное предложение: найти такое застывшее насекомое и извлечь содержимое его желудка. Дескать, со временем можно, исследуя эти останки, получить целые ДНК динозавров.

– И ему это удалось?

– Да... Именно он основал компанию «ИнДжен», дабы и впредь заниматься разработкой своего гениального открытия. Хаммонд был прирожденным дельцом, и его истинный талант заключался в способности зарабатывать большие деньги. Джон сразу же прикинул, как ему заработать достаточное количество средств на финансирование всего процесса: от цепочки ДНК до воссоздания целого животного. Правда, источники денег поначалу оставались неопределенными.

Конечно, от мысли о возрождении вымерших ящеров захватывало дух, но, в конце концов, это же

не было лекарство от рака... И поэтому Хаммонд решил обогатиться за счет туристов. Все расходы на будущее возрождение он додумался компенсировать созданием своего рода зоопарка вымерших рептилий, куда бы пускали лишь за очень большие деньги...

— Ты шутишь?! — не поверил Торн.

— Нисколько. Джону и впрямь удалось его создать. Он устроил этот заповедник на острове Исла Нублар, к северу отсюда, и планировал открыть его для публичного обозрения в конце 1989 года. Я сам посетил сей зверинец незадолго до его открытия. Но у Хаммонда возникли проблемы... Охранные системы парка вышли из строя, и динозавры вырвались на свободу. Некоторые из посетителей погибли... В результате, парк и населявших его обитателей решили уничтожить...

Они прошли мимо окна, из которого открывался вид на долину и на пасшихся у реки рептилий.

— Но... если их всех уничтожили, — удивился бывший академик, — что же мы видим здесь?!

— Этот остров, — ответил Малкольм, — самая страшная тайна Джона Хаммонда.

Мужчины продолжали свой путь по коридору.

— Видите ли, — продолжал рассказ Малкольм, — посетителям парка Хаммонда на острове Нублар показывали довольно внушительную генетическую лабораторию с компьютерами и секвенсорами, короче говоря, всем необходимым для выживания молоденьких динозавриков. Гостям объясняли, что рептилий создают прямо здесь, на этой территории. И экскурсия по лаборатории доказывала сей факт более чем убедительно. Но, в действительности, обход научного комплекса упускал несколько важных этапов. В одной комнате, например, Хаммонд демонстрировал, каким образом получают ДНК ящеров. В другой уже

показывали яйца, готовые к отправке в инкубатор. Конечно, все это очень впечатляло, но как он умудрился получить из ДНК жизнеспособный эмбрион? Данного, самого важного, этапа никогда не показывали, а просто констатировали — это происходит на пути из одного помещения в другое.

Вся правда состояла в том, что показуха Джона была слишком безупречна... Например, вы попадаете в инкубатор, где можно наблюдать, как из яиц вылупляются маленькие динозаврики... Но в этом помещении почему-то никогда не возникало проблем, то есть никаких мертворожденных существ, никаких уродств... Хаммонд представлял дело так, будто бы у него вообще никогда не возникает никаких осложнений. Если хорошенько вдуматься, то становится абсолютно понятно: это не может быть чистой правдой. Джон утверждал, что производит вымерших животных, пользуясь самыми передовыми технологиями... Но вы сами знаете, каково иметь дело с чем-то досконально не проверенным. Одним словом, экспериментатору, чтобы получить один жизнеспособный эмбрион, необходимо выращивать не менее тысячи подобных зародышей. Для этого требовалось гигантское промышленное производство, а вовсе не та безупречная чистенькая лаборатория, которую показывали посетителям.

— Так вы имеете в виду... Место, где мы сейчас находимся... — от собственной догадки Торн никак не мог внятно выразить свою мысль.

— Да! Здесь, на другом острове, в обстановке полной секретности, подальше от любопытных глаз, Хаммонд мог производить какие угодно исследования и иметь дело с неприятной правдой, скрывающейся за фасадом милого парка. Крохотный генетический зоопарк Джона являлся лишь вывеской, за

которой скрывалось то, что мы видим сейчас: именно здесь делали динозавров.

— Но если в парке их всех перебили, — полюбопытствовал Эдди, — как же получилось тогда — здесь ящеры бродят стадами? Их не тронули?

— Крайне уместный вопрос, — согласился Малкольм. — И ответ на него мы получим в течение ближайших минут.

Он посветил фонариком вдоль тоннеля, луч отразился от стеклянных стен.

— Сейчас, если я не ошибаюсь, наша «скользкая дорожка» приведет нас в первый из производственных цехов.

АРБИ

Мальчик проснулся и уселся в кровати, щурясь от яркого солнечного света, струившегося сквозь окно трейлера. На соседней койке громко храпела Келли. Арби посмотрел на вход в огромное здание и увидел, что взрослых там уже нет. «Эксплоред» стоял у подъезда, но в кабине машины — пусто. Их трейлер одиноко стоял на поросшей травою поляне.

Бентон внезапно почувствовал себя чудовищно одиноким, и от охватившей его паники сердце бешено забилось в груди. Зря он сюда поехал... Ведь все это так глупо!

Хуже всего, что они с Келли осуществили его план; вместе спрятались в трейлере, а потом пошли в офис к Торну; Кертис болтала с доком, а Арби тем временем смог украсть ключ; даже послание для пейджера и то составлено им, чтобы Джек, приняв его, посчитал их оставшимися в Вудсайде. Тогда Бентон

удивлялся собственной сообразительности, но сейчас он сожалел о ней. Мальчик решил немедленно связаться с Торном, испытывая невероятное желание раскаяться в содеянном. Ему просто необходимо услышать хоть чей-нибудь голос...

Арби прошел в кабину трейлера и повернул ключ зажигания на приборной доске. Одев наушники, он включил рацию:

— Говорит Бентон... Эй, вы, там... Отзовитесь! Говорит Бентон...

Но никто ему не ответил. Через некоторое время мальчик включил монитор, фиксирующий работу всех систем. Связь не отмечалась... И тогда ему пришла в голову мысль, что выход в радиоэфир, вероятнее всего, задействован через компьютер, и он решил включить его. Разблокировав клавиатуру, Арби произвел подключение к общей сети. На мониторе тотчас же появилось меню, гласившее: «ПОЛЕВЫЕ СИСТЕМЫ ТОРНА». После этого заголовка следовал список имевшихся в машине подсистем. Одной из составляющих этого перечня оказалась радиосвязь. Арби сразу же нажал соответствующие клавиши. На экране появились следы статических помех со следующей комментирующей надписью: «Прием множественного частотного входа. Хотите воспользоваться автонастройкой?»

Арби не знал, что означает данное предложение, но понимал — компьютер чепухи не предложит. Слово «автонастройка» показалось ему любопытным, а потому, не думая долго, отпечатал «Да».

Статические помехи с экрана при этом не исчезли, но внизу побежали строчки каких-то цифр. «Наверное, это частоты в мегагерцах», — подумал мальчик, не будучи сильно уверенным в своем предположении. И вдруг совершенно неожиданно экран стал

чистым, а на нем появилось одно-единственное слово: «Пароль».

Бентон нахмурился... На всякий случай он попробовал набрать на клавиатуре «Торн».

Безрезультатно!

Подождав секунду, мальчик добавил к введенному слову инициалы.

Ничего...

Тогда он решил попробовать употребить «Ливайн».

Реакции не последовало.

Бентон снова отстучал слова «ПОЛЕВЫЕ СИСТЕМЫ ТОРНА». И снова безрезультатно.

«ПСТ»... Опять — ноль!

«Поле»... Ничего.

«Пользователь»... Все тот же результат!

И тогда Арби набрал слово «ПОМОЩЬ».

Стрелочка на изображении перешла в другую строчку... Последовала секундная пауза... Загудели провода от прилагаемого к ним напряжения...

— Действует!! — заорал Арби, потирая руки от удовольствия.

ЛАБОРАТОРИЯ

Глаза Торна привыкли к тусклому свету, и он увидел, что они находятся внутри огромного помещения, заставленного рядами прямоугольных ящиков из нержавеющей стали, каждый из которых буквально опутывали хитросплетения пластиковых трубок. Все вокруг покрывал толстый слой пыли. Многие из металлических коробок оказались перевернутыми.

— Первые ряды, — пояснил Малкольм, — это ген-

ные секвенсоры фирмы «Ниширара»... А за ними уже стоят автоматические синтезаторы ДНК.

— Так это же целая фабрика! — воскликнул Эдди. — Что-то вроде производства дрожжей или...

— Совершенно верно.

В углу цеха спасатели обнаружили принтер, заваленный пожелтевшими бумагами, свернутыми в рулоны. Профессор развернул один из них:

(ГАЛРЕРИФ 1 > фактор Галлимимус эритроидно-спецтранскрипция Эриф 1 mPHK, полный kqc/ ГАЛРЕРИФ)

1068 БП сс-м РНК ВРТ 15 дек. 1989 г.

Галлимимус Буллатус (мужск.) кровь эмбриона 9-го дня, от ДНК к mPHK, клон Е-120-1

Организм: Галлимимус Буллатус.

Анималия, Хордата, Вертебрата, Аркозаврия, Динозаврия, Орнитомимизаврия

ОТСЫЛКА 1 (базы с 1-го по 1418) Т.Р.Эванс 17 июля 1989 г.

ПРИЗНАКИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ / ОТК

замеч. Эриф 1 протеин гн. 212629

кодон-старт-1

перевод = "MEFVALGGPDAGSPTPFPDEAGAFLGLGGGERTEAGGLLA SYPPHJKUYFGGAATSJHGUYTBJKJHDUJIJLVNHJKUYTFRDSEXCVESDDHGYIJ HYGTFDRTUIYGSGHSTYUYTXGHJYGFTYUFDRTDACADFGHTFAUYGDCYUGVI UHYIOUHDQFLPFGNSGGFFGGAGGYTAPPGLPSQI"

— Это ссылка на компьютерную базу данных, — произнес математик. — Насчет какого-то фактора крови динозавров... Что-то, относящееся к красным кровяным тельцам.

— А это что, последовательность?

— Нет, — ответил Малкольм, перебирая бумаги, — последовательность должна представлять собою серию нуклеотидов... Да вот же она!

Он протянул очередной рулон.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ:

1	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
61	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
121	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
181	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	GAATTCCGGA
241	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA
301	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC	TACAGTTGGA	AGATAAGTCC
361	AGATAAGTCC	AGCGAGCAAG	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
421	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	AGATAAGTCC	TACAGTTGGA
481	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
541	GAATTCCGGA	GAATTCCGGA	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA
601	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC
661	TACAGTTGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA
721	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA
781	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
841	AGATAAGTCC	AGCGAGCAAG	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
901	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	GAATTCCGGA	GAATTCCGGA
961	TACAGTTGGA	AGCGAGCAAG	TACAGTTGGA	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC
1021	AGATAAGTCC	AGCGAGCAAG	GAATTCCGGA	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA
1081	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
1141	AGATAAGTCC	AGCGAGCAAG	AGATAAGTCC	AGATAAGTCC	AGATAAGTCC
1201	TACAGTTGGA	AGCGAGCAAG	TGGCATCFGF	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC
1261	GAATTCCGGA	AGCGAGCAAG	AATATATACC	GAATTCCGGA	TACAGTTGGA
1321	GAATTCCGGA	TGGCATCFGF	AGATAAGTCC	TGGCATCFGF	TACAGTTGGA
1381	TACAGTTGGA	AGCGAGCAAG	TACAGTTGGA	TGGCATCFGF	AATTC

Distribution [DiS]
Wu/HQ-Ops
Lori Ruso /Prod
Venn /LLv-1
Chang /89 Pen

PRODUCTION NOTE [PNOT]

«Последовательность окончательна и изменению не подлежит».

— Имеет ли это какое-то отношение к выжившим животным? — поинтересовался Торн.

— Не уверен, — ответил Малкольм.

Относился ли данный листок к последним дням работы промзоны? Или же его случайно обронили? Рядом с принтером лежала целая пачка каких-то картонок. Просмотрев их, профессор понял, что это своего рода памятки, причем, весьма краткие; все — голубого цвета.

От: Д.П.Дженкинса

Кому: Х.Ву

Избыточный допамин в Альфе 5 означает, что Рецептор Д1 все еще не действует с желаемой скоростью. Дабы уменьшить агрессивность завершенных организмов, мы должны опробовать альтернативный генофон. Необходимо заняться этим с сегодняшнего дня...

Или вот еще:

От: К.Ц./Д

Кому: Х.Ву/Суп.

Изолированная гликогеновая синтаза-киназа-3 из КСЕНОПУСА может действовать куда лучше, нежели используемая нами ГСК-3 альфа/бета млекопитающих. Применяйте большую дорсовентральную полярность и уменьшайте потери эмбрионов на ранних стадиях. Вы со мною согласны?

Малкольм прочитал еще одну подобную записку:

От: Бэкиса

Кому: Х.Ву/Суп.

Мелкие протеиновые фрагменты могут действовать в качестве прионов. Причину вряд ли удастся установить, но предлагаю вам прекратить введение экзогенного протеина хищникам до выяснения ситуации. Эта эпидемия не может дольше продолжаться!

Торн, прочитав это послание, резюмировал:

— Похоже, у них возникли проблемы?

— Вне всякого сомнения, — согласился Малкольм. — Было бы странно, если бы они отсутствовали. Но весь вопрос в том...

Он смолк, уставившись на очередную записку, которая выглядела куда длиннее, чем предыдущие:

ИНДЖЕН ПРОДАКШН 10/10/88

От: Лори Рузо

Кому: Всему персоналу

Предмет: Снижение производства

Последние случаи гибели живых особей в период от 24 до 72 часов в постинкубаторный период, как выяснилось, оказались следствием заражения бактериями Escherichia coli. Именно из-за них производство сократилось на 60%. Эпидемия стала возможной по причине грубого нарушения персоналом стерильности, в особенности, во время процесса Эйч4 (фаза высиживания яйца, повышение гормона 2Джи/Эйч). Были произведены замены механических рук на роботах 5А и 7Д, однако иглы, по-прежнему, надо менять ежедневно в соответствии с инструкцией по стерильности, §§ 5-9.

Во время следующего производственного цикла (10/12 — 10/26) мы должны пожертвовать каждым десятым яйцом на этапе Эйч4, проводя тесты на заражение вышеупомянутой бактерией. Так что можете немедленно приступать к отбору. Докладывайте обо всех нарушениях и ошибках. Останавливайте конвейер, если это необходимо для обеззараживания.

— У них возникли проблемы с какой-то инфекцией и загрязнением производственного конвейера, — сказал Малкольм. — И вполне вероятно, существовали и другие источники заражения... Вот... Посмотрите-ка на это...

Он протянул Торну следующую директиву:

ИНДЖЕН ПРОДАКШН 12/18/88

От: Х.Ву

Кому: Всему персоналу

Предмет: ДИ ЭКС Окольцовывание и выпуск.

Родившиеся особи отныне будут окольцовываться новыми полевыми бирками «Грумбах» на самых ранних этапах. Всякого рода питание отныне в лабораториях проводить не рекомендуется. Программа по выпуску теперь чисто операционна, и следящие цепи задействованы на монитор.

— Неужели это значит то, о чем я постоянно думаю?

— Да, — отозвался Малкольм. —. У них возникли проблемы с сохранением жизни новорожденным особям, а потому, окольцевав их, они тут же выпускали животных на волю.

— И отслеживали их через какую-то сеть?

— Да... Думаю, что так...

— Они выпускали динозавров на этом острове?! — воскликнул Эдди. — Да они, должно быть, с ума посходили!

— Скорее всего, отчаяние подтолкнуло экспериментаторов пойти на этот шаг, — промолвил Иан. — Только представьте себе весь этот чудовищно дорогой высокотехнологический процесс, и в конце конвейера — на тебе! — животные начинают болеть и умирать. Хаммонд, должно быть, выходил из себя от ярости... А потому они и решили убрать динозавров из лаборатории в джунгли.

— Но почему не нашли причин заболеваний? Почему они...

— Это был коммерческий процесс, — пояснил математик. — Значит, важен лишь конечный результат. И я уверен, экспериментаторы считали, что полностью контролируют перемещения животных при помощи радиобирок, а потому могли вернуть их обратно в любой момент. Не забывайте, судя по всему, это срабатывало... Они, должно быть, выпускали жи-

вых особей на волю, затем собирали вместе, когда ящеры подрастали, после чего переправляли в зоопарк Хаммонда.

– Очевидно, не всех...

– Мы ведь всего не знаем, – заметил Малкольм, – как не знаем того, что здесь произошло.

Мужчины немного прошли по небольшому коридорчику и оказались в пустой комнатенке с длинной скамьей и крючками для одежды на стенах. Сразу в глаза бросился предостерегающий плакат: «СОБЛЮДАЙТЕ СТЕРИЛЬНЫЕ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ! Придерживайтесь стандартов ЭСКЕЙ 4». В углу помещения стоял шкаф со стопками пожелтевших халатов и шапок.

– Скорее всего, это раздевалка, – сообщил Эдди.

– Похоже на то, – согласился Малкольм.

Профессор открыл одну из вмонтированных в стену кабинок. За исключением пары мужских туфель, там ничего не оказалось. Иан прошелся по другим отсекам. Пусто... Внутри одного шкафчика лежал лист бумаги со следующим текстом:

БЕЗОПАСНОСТЬ – ЭТО ЗАБОТА КАЖДОГО! ДОКЛАДЫВАЙТЕ О ГЕНЕТИЧЕСКИХ АНОМАЛИЯХ! ТЩАТЕЛЬНО УНИЧТОЖАЙТЕ БИОМУСОР! ОСТАНОВИМ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДИ ЭКС КАК МОЖНО СКОРЕЕ!

– Что же это за зверь, ДИ ЭКС? – заинтересовался Карр.

– Думаю, – произнес Малкольм, – это и есть название таинственного заболевания.

В противоположном конце раздевалки имелось две двери. Правая – пневматическая, приводимая в действие резиновой ножной панелью, вмонтированной в пол. Но она оказалась закрытой на замок, поэтому пришлось пойти через левую дверь, открывшуюся с легкостью.

И снова — длинный коридор со стеклянными панелями от пола до потолка вдоль всей правой стены. Стекло грязное и исцарапанное, но все же за ним удалось разглядеть находившееся там помещение. Ничего подобного Торн еще никогда не видел...

Перед ним расстилался зал размером не меньше футбольного поля. Конвейерные транспортеры пересекали его на двух уровнях. Первый начинался где-то на уровне пояса, второй — гораздо выше. На различных рабочих точках стояли хитроумные машины с различными трубочками и манипуляторами, имитирующими человеческие руки.

Торн посветил фонариком на конвейерную ленту.

— Сборочная линия, — констатировал он. — Но выглядит нетронутой, будто до сих пор готова к пуску... Правда, вон там, из-под пола, пробивается пара растений, а в остальном... здесь царит образцовый порядок. И, главное, чисто...

— Даже чересчур, — заметил Эдди.

Док пожал плечами.

— Если это так называемый «чистый цех», то, вполне возможно, он герметичен, а посему сохраняет свой прежний вид уже не один год.

Карр покачал головой, сомневаясь:

— Не один год?! Я так не думаю...

— Тогда как ты все это объяснишь?

Малкольм нахмурился, внимательно разглядывая находившееся за стеклом оборудование. Действительно, как мог цех на протяжении многих лет оставаться столь чистым? Логически объяснить это...

— Эй! — вскрикнул Эдди.

Профессор посмотрел в дальний угол помещения и увидел небольшой синий короб, наполовину утопленный в стену. Из него во все стороны змеились толстые электрические провода. «Наверное, распределительный щит», — подумал Иан. Но привле-

кало и пугало, одновременно, в этой находке то, что маленькая красная лампочка, установленная на верхней части короба, светилась... Светилась до сих пор!

— Так, значит, здесь есть источник электроэнергии!

Торн прильнул к стеклу.

— Но это же невозможно! Скорее всего, просто какой-то конденсатор или литиевая батарея...

— Пять лет в работе?! Док, да ни одна батарейка столько не выдержит, — рассмеялся Карр. — Уверяю вас, где-то помещается работающий источник электроэнергии!

* * *

Арби внимательно вглядывался в изображение на мониторе. Белые буквы вновь поползли по экрану:

«ВЫ ВПЕРВЫЕ ПОЛЬЗУЕТЕСЬ СЕТЬЮ?»

«ДА», — напечатал мальчик.

Последовала очередная пауза. Он ждал. На экране появилась новая фраза: «ВАШЕ ПОЛНОЕ ИМЯ?»

Арби, не мешкая, ответил, напечатав его полностью.

«ЖЕЛАЕТЕ, ЧТОБЫ ВАМ ПЕРЕДАЛИ ПАРОЛЬ?»

«Издевается», — подумал мальчик. Данная ситуация его даже несколько разочаровала... А ведь он считал доктора Торна умным человеком.

«ДА», — напечатал Арби.

Спустя мгновение экран выдал следующее:

«ВАШ НОВЫЙ ПАРОЛЬ VIG/&849. ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПИШИТЕ ЕГО».

«Само собой», — подумал Бентон. Бумаги на столе, как назло, не оказалось. Порывшись в карманах, мальчик все же отыскал какой-то клочок и сделал запись.

«ПОЖАЛУЙСТА, ТЕПЕРЬ ВВЕДИТЕ ВАШ ПАРОЛЬ В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ».

Арби исполнил приказание компьютера. Последовала еще одна пауза, после которой на экране появилась надпись. Правда, на сей раз это произошло с заметной задержкой; вполне возможно, система не смогла сработать более четко...

«СПАСИБО. ПАРОЛЬ ПОЛУЧИЛ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ».

Экран вспыхнул, став ярко-голубым, послышался электронный перезвон курантов. У Арби даже челюсть отвисла, когда он прочитал:

ИНТЕРНЭШНЛ ДЖЕНЕТИК ТЕХНОЛОДЖИЗ ПЛОЩАДКА «Б»
СЕТЕВЫЕ СЛУЖБЫ МЕСТНОГО УЗЛА

Логики в этом не присутствовало... Ну как здесь могла оказаться сеть Площадки «Б»? «ИнДжен» закрыл данную территорию уже много лет назад. Арби читал об этом в соответствующих документах. К тому же, самой фирмы тоже не существовало, она давно потерпела банкротство. О какой сети шла речь? И каким образом он на нее вышел? Ведь трейлер ни к чему не подключен! Никаких электропроводок и кабелей... Значит, речь идет о радиосети, уже существующей на острове... Каким-то образом он в нее внедрился! Но как она могла существовать, вернее, сохраниться?! Ведь необходим источник питания, а где он, здесь-то, на этом клочке суши?!

Арби ждал. Но ничего не происходило — надпись по-прежнему оставалась на экране. Мальчик ожидал, что вот-вот появится меню, но — увы! — оно так и затерялось где-то в электронных дебрях компьютера. Может быть, система вышла из строя? Или зависла? А может, от Арби требуется еще какое-то действие? Первое, что пришло мальчику в голову, так

это нажать клавишу «ВОЗВРАТ». Странно, но на экране возникла следующая таблица:

ДОСТУПНЫЕ УДАЛЕННЫЕ СЕТЕВЫЕ СЛУЖБЫ

ТЕКУЩИЕ РАБОЧИЕ ФАЙЛЫ	ПОСЛЕДНИЙ РАЗ МОДИФИЦИРОВАЛИСЬ
И/Исследование	10/02/89
П/Производство	10/05/89
П2/Полевые Зап.	10/09/89
У/Уход	11/12/89
В/Введение	11/11/89
ЗАЛОЖЕННЫЕ В ПАМЯТЬ ФАЙЛЫ ДАННЫХ	
И1/Исследование (АВ/АД)	11/01/89
И2/Исследование (ГД/99)	11/12/89
П/Производство (СРД/ФН)	11/09/89
ВИДЕОСЕТЬ	
А. 1-2 ССД	НДС 1.1

Так это и впрямь сохранилась старая система: файлы не модифицировались в течение нескольких лет. «Интересно, работает ли она до сих пор», — полюбопытствовал мальчик, набрав ВИДЕОСЕТЬ. К своему удивлению, он обнаружил, как видеоплоскость монитора стала заполняться изображениями видеоэкранов. Всего их оказалось пятнадцать, и демонстрировали они различные районы острова. Большинство телекамер, судя по всему, установили на деревьях, чтобы увеличить угол обзора.

В данный момент камеры демонстрировали... Арби глазам не поверил! Они... показывали... настоящих динозавров!! Не может быть!!! Похоже, он смотрит фантастический кинофильм, потому что в левом углу экрана монитора разгуливало целое стадо трицератопсов, а в соседнем квадратике какие-то ярко-зеленые ящерообразные прятались в высокой траве, только головы торчали поверх пожухлых стеблей. Другая видеокамера показывала одиноко шествующего стегозавра... Все-таки, это какое-то кино...

Телеканал про динозавров... Но вот в очередном квадратике изображения Арби увидел два сцепленных трейлера, стоящих посреди поляны. Четко просматривались черные панели фотоэлементов, поблескивающие на крыше... Ему даже показалось, что он видит самого себя, выглядывающего в окно фургона.

О, господи!

На другом кадре Торн, Малкольм и Эдди, быстренько забравшись в «Эксплоред», стали объезжать здание лаборатории...

И только тут Арби с ужасом понял, что все только что увиденное на экране монитора — чистейшая правда.

ЭНЕРГИЯ

Проехав главный корпус, «Эксплоред» направился к электростанции. По пути, по правую сторону от дороги, путешественники заметили небольшую деревушку. Торн насчитал шесть коттеджей в плантаторском стиле, над которыми возвышался особняк с надписью по фронтону «Резиденция менеджера». Все поняли, что когда-то эти дома окружали аккуратно подстриженные лужайки, но сейчас их уже почти скрыли разросшиеся джунгли. В центре этого жилого комплекса спасатели увидели теннисный корт, высохший плавательный бассейн, небольшую автозаправочную станцию и продуктовую лавку.

— Интересно, сколько же здесь проживало людей? — полюбопытствовал Торн.

— А откуда вам известно, что все они покинули остров? — спросил, в свою очередь, Эдди.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Док, ну у них же до сих пор вырабатывается электроэнергия! А ведь сколько лет прошло... Этому должно же быть какое-то объяснение.

Карр остановил машину прямо у электростанции, которая представляла собой безликое бетонно-блочное здание без окон. Единственное украшение строения — проржавевшая вентиляционная решетка. Эдди объехал бетонный куб кругом, отыскивая вход. Дверь оказалась с противоположной стороны; ее сделали из бронированной стали, и кто-то нанес на створки предупредительную надпись: «НЕ ВХОДИ! УБЬЕТ! ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ».

Эдди выпрыгнул из автомобиля, и все остальные последовали его примеру. Торн принюхался.

— Пахнет серой, — констатировал он.

— Причем, очень здорово, — согласился Малкольм.

Карр потянул дверь на себя.

— Ребята, у меня такое чувство...

Створки распахнулись совершенно неожиданно, громыхнув о бетонную стену, и механик шагнул в полумрак помещения. Торна поразило хитроумное сплетение трубок находившегося здесь агрегата. С пола поднимались струйки пара. Здесь царила ужасная духота, и слышался довольно громкий постоянный гул.

— Будь я проклят! — воскликнул Эдди, разглядывая многочисленные приборы, показания которых уже невозможно было разобрать: стекла покрылись густым желтым налетом. Стыки сложного трубопровода тоже подернулись плотной коркой осадков. Карр поскреб этот плотный слой ногтем.

— Удивительно!

— Сера?

— Да... Именно сера... Удивительно!

Механик двинулся к источнику постоянного шума и вскоре оказался рядом с турбиной. Быстро вращающиеся лопасти ротора также оказались тускло-желтыми.

— И это сера? — полюбопытствовал Торн.

— Нет, — ответил Эдди, — по идее, это золото... Лопасти изготовлены из золотого сплава...

— Золото?!

— Да, потому что металл должен быть чрезвычайно инертным, — он повернулся к Джеку. — Вы хоть понимаете, что это такое? Да все просто невероятно! Столь компактно и эффектно... Никто ведь еще не догадался, как именно соорудить подобную штуку... Технология заключается в том...

— Ты хочешь сказать, это геотермальная электростанция? — перебил его Малкольм.

— Именно! Они нашли здесь горячий источник, вероятнее всего, газа или пара, который посредством труб подают сюда прямо из-под земли. Тепло также используется для кипячения воды в закрытом цикле... этому же служит вот эта сеть трубок... Но вот что любопытно: геотермальные источники, как правило, агрессивны и вызывают быструю коррозию металлов. За подобными сооружениями требуется постоянный уход и контроль. Но здесь... Нет, вы посмотрите, станция продолжает работу, как ни в чем не бывало, хотя никто ее не обслуживает. Вот это-то и странно...

Вдоль одной из стен размещался распределительный щит, от которого энергия поступала на весь лабораторный комплекс.

— Наверное, уже много лет никто не заходил сюда, — продолжил Эдди. — Да и весь силовой агрегат работает на половину своей мощности. То, что он действует до сих пор и не ломается, — это-то и кажется мне невероятным.

Торн, раскашлявшийся от сернистых паров, направился к выходу. Проходя к двери, он обратил внимание, что один из силовых пультов находится в отличном состоянии, а второй – совершенно разрушен: стеклянные панели разбиты...

– Уж не животное ли здесь постаралось? – промолвил Малкольм, остановившись рядом с доком.

– Вы считаете, что оно способно произвести столь основательные разрушения?

Профессор кивнул.

– Некоторые из этих динозавров весят по сорокпятьдесят тонн, то есть одна особь равноценна по массе целому стаду слонов. Так что, вполне возможно... Видите во-он ту тропинку... Ящеры вполне могли протоптать ее.

– Но неужели экспериментаторы не предусмотрели подобного поворота событий, когда выпускали рептилий на волю? – удивленно спросил Джек.

– О, я абсолютно уверен: они планировали выпускать динозавров лишь на срок в несколько недель или месяцев, а потом вновь изолировать их, пока животные еще молоды. Сомневаюсь, что люди, создававшие все это, могли представить то...

Их разговор прервал громкий электрический треск, похожий на характерный шум помех во время работы рации. Звук исходил из салона «Эксплореда». Эдди с озабоченным видом заторопился к машине.

– Так и знал! – приговаривал он при этом. – Наша радиостанция, похоже, накрывается... Говорил же я – надо взять запасную!

Усевшись на пассажирское сидение, Карр взял в руки микрофон. Сквозь ветровое стекло он видел, как к автомобилю спешат Торн и Малкольм. И вдруг, перекрывая шум и треск помех, из динамика рации донеслось: «...в машину!»

– Кто это говорит?!

— Доктор Торн! Доктор Малкольм! Немедленно в машину!

Когда мужчины подбежали к «Эксплореду», механик промолвил:

— Док, похоже, в эфире — наш маленький чертенок?!

— Что?!

— Точно... Арби...

А тем временем голос мальчика сообщал им... Нет, приказывал им:

— Немедленно в машину! Оно уже совсем рядом!

— О чем он? — нахмурился Торн. — Его же здесь нет... Господи, он что, на острове?!!

— Но какого черта он...

— Доктор Торн! Немедленно в машину!

Джек побагровел от ярости, сжал кулаки, словно приготовился дать взбучку невидимому противнику.

— Как этому сукиному сыну удалось пробраться сюда?!

Он вырвал микрофон из рук Эдди.

— Арби, черт тебя дери!

— Оно уже рядом!

— О чем он? — удивился Карр. — Скорее всего, у мальчонки — истерика...

— Да я же вижу все на телеэкране!

Малкольм оглянулся по сторонам.

— Может, и впрямь нам стоит забраться в салон «Эксплореда»?

— Нет... Не пойму... Какое телевидение? — никак не мог сообразить Торн, перебарывая вспыхнувшую ярость.

— Не знаю, док, — ответил Эдди, — но если что-то транслируется на трейлер, мы тоже можем взглянуть.

Он включил находившийся на приборной доске автомобиля монитор. Экран замерцал...

— Чертов ребенок! — не унимался док. — Я ему шею сверну!

— А мне казалось, вам нравится этот мальчик, — заметил Малкольм.

— Да, но...

— Вот оно, одно из проявлений хаоса, — покачал головой Иан.

Эдди пристально всматривался в экран монитора.

— О, мать твою... — только и успел воскликнуть он.

На экране появился снятый крупным планом тираннозавр, направляющийся по тропе прямо в их сторону. Его шкура была рыжевато-бурой, как запекшаяся кровь. При ярком солнечном освещении рельефно выделялись мышцы его сильных ног. Животное быстро и решительно продвигалось вперед, не испытывая ни малейших признаков страха.

— Немедленно всем в машину! — скомандовал Торн.

Ящер исчез из поля зрения телекамеры, но сидевшие в «Эксплореде» уже чувствовали его приближение: земля вибрировала, да и автомобиль слегка покачивало.

— Иан? — обратился док. — Как ты думаешь, что нам сейчас следует предпринять?

Профессор не ответил; он словно окаменел, уставившись в одну точку ничего не видящими глазами.

— Иан?!

Рация опять заработала, и послышался голос Арби:

— Доктор Торн, чудовище исчезло из поля зрения камер... Вы видите его?

— О, господи! — прошептал Эдди.

Из густых зарослей, правее «Эксплореда», молниеносно выскочил тираннозавр. Животное имело

невероятные размеры, никак не меньше, чем трехэтажный дом. Из-за его громадного роста голову даже не удавалось рассмотреть. И для такой громадины передвигался он, пожалуй, очень быстро.

Торн не произнес ни слова, полностью покорившись судьбе. Автомобиль вздрагивал от каждого громоподобного удара ноги ящера. Эдди тихонько застонал. Однако тираннозавр не обратил ни них никакого внимания. Не сбавляя скорости передвижения, он прошествовал прямо перед «Эксплоредом». Путешественники даже не успели его как следует разглядеть, прежде чем рептилия вновь не укрылась в густых зарослях, теперь уже слева от машины. Им остался виден лишь мощный хвост, при помощи которого тираннозавр сохранял равновесие при ходьбе, длиной около семи футов, покачивавшийся во время каждого шага из стороны в сторону.

«Так быстро... — подумал Торн. — Так быстро...»

Гигант закрыл собою полностью ветровое стекло автомобиля, а в следующее мгновение его и след простыл. Не привык док к тому, чтобы такие громадины передвигались с такой скоростью и легкостью. Теперь уже из зарослей кустарника торчал лишь самый кончик хвоста тираннозавра. Но вдруг гибкое окончание тела ящера изогнулось и с гулким лязгом опустилось на радиатор машины. Из джунглей донесся низкий неуверенный рык, после чего рептилия остановилась. Хвост очень активно закачался из стороны в сторону. Спустя мгновение тираннозавр осторожно потерся хвостом о переднюю часть автомобиля. Листва слева от «Эксплореда» зашелестела, и гибкое окончание туши монстра исчезло в зарослях. «Господи! — мелькнула мысль у Торна. — Он же возвращается!» Появившееся из джунглей чудовище направилось прямо к автомобилю. Тираннозавр вновь зарычал, разглядывая странный и непонятный ему

предмет, покачивая головой. Когда ящер нагнулся, Джек смог рассмотреть, что из пасти зверюги торчали лапы какого-то небольшого животного. Мухи густым облаком кружили вокруг морды рептилии.

– ...твою мать! – простонал Эдди.

– Тише! – прошептал Торн.

Тираннозавр, продолжая разглядывать машину, фыркнул. Нагнув длинную шею, он принялся тщательно обнюхивать «Эксплоред». До дока дошло, что ящер изучает радиатор; затем зверь нагнулся еще ниже и стал обнюхивать колеса. Потом чудовище неторопливо подняло свою громадную голову, пока его глаза не поравнялись с капотом, и уставился на людей сквозь ветровое стекло холодным взглядом рептилии. У Торна возникло странное ощущение: он почувствовал себя бабочкой на булавке в коллекции любознательного натуралиста.

Тираннозавр попытался своей тупой мордой сдвинуть автомобиль с места. Он раскачивал машину из стороны в сторону, словно пытаясь определить силы противника. Торн вцепился в руль и затаил дыхание. И вдруг, совершенно неожиданно, ящер отошел прочь. Повернувшись задом к «Эксплореду», он поднял хвост и стал пятиться. Через мгновение гибкий придаток чудовища загремел по крыше «Форда». Задние ноги динозавра занимали все пространство обзора. В следующую секунду тираннозавр сел на капот, пригвоздив бампер машины к земле; зверюга принялась тереться задом о капот, причем, довольно активно и ощутимо.

– Какого черта! – воскликнул Эдди.

Рептилия привстала с передней части машины, оставив на полировке кузова какой-то белесый след наподобие пасты. Тираннозавр тут же пустился прочь по тропе и мгновенно растворился в джунглях.

Торн бросил взгляд на Эдди, который в ответ мотнул головой в сторону Малкольма. Профессор даже не посмотрел в их сторону.

— Иан?! — док потряс его за плечо.

— Он что, уже ушел? — поинтересовался математик.

— Да...

Малкольм мгновенно расслабился, плечи опустились... Тяжело вздохнув, он выдавил из себя:

— Вы должны признать — подобное не каждый день увидишь.

— С тобою все в порядке? — спросил Джек.

— Да... Само собой... Все прекрасно, — ответил профессор, потирая грудь в области сердца. — Конечно же, все нормально. Ведь, в конце концов, нас навестил совсем небольшой экземпляр.

— Небольшой?! — воскликнул Карр.

— Да, для тираннозавра он невелик... Их самки куда больше. Видишь ли, у этих ящеров сексуальный диморфизм — женские особи гораздо крупнее мужских... И считается, что именно они занимались охотой... Но теперь-то мы сами узнали истину.

— Минуточку, — перебил его Эдди. — А откуда вы... Ну, почему вы уверенно говорите: «К нам в гости приходил самец...»?

Малкольм молча указал на капот автомобиля, белая паста на котором уже начала распространять умопомрачительную вонь. Затем все-таки добавил:

— Он пометил свою территорию.

— Подумаешь, доказательство... Может, у них и самки помечают свои любимые места...

— Так-то оно так, — промолвил Малкольм, — да только лишь у мужских особей обнаружены пахучие анальные железы. И вы сами видите, как они сработали.

Почесав в затылке, Карр воззрился на капот.

– Думаю, нам удастся смыть эту дрянь... Я, конечно, прихватил с собой кой-какие растворители, но даже представить себе не мог, что нам придется иметь дело с так называемым «дино-мускусом»...

Рация снова заработала.

– Доктор Торн, – послышался голос Арби. – Доктор Торн, с вами все в порядке?

– Да... Большое спасибо.

– Тогда чего же вы ждете? Вы что, не видите доктора Ливайна?

– Нет, пока не видим.

Торн поднял с пола упавший радиоприемник, похожий на пейджер.

– О! Он, наверное, движется... Его координаты значительно изменились.

– Я прекрасно знаю об этом, док.

– Если не секрет, то – откуда?

– Потому что я вижу его на мониторе, док, – ответил Арби. – И в данный момент Ливайн едет на велосипеде.

* * *

Келли прошла в переднюю часть трейлера, позевывая и одновременно пытаясь расчесать свои длинные волосы.

– С кем это ты разговариваешь, Арб?

Она уставилась на монитор, присвистнув.

– Ничего себе!

– Я вышел на сеть площадки «Б», – похвалился мальчик.

– Какая еще сеть?

– Радиоуправляемая сеть следящих видеокамер, Кел... Сам не знаю, как, но она еще продолжает работать.

— Неужели? Но как же все...

— Дети, — донесся голос Торна из переговорного устройства, — если вы не против... Ведь мы, все-таки, ищем Ливайна.

— В данный момент, — сообщил Арби в микрофон, — доктор Ливайн едет на велосипеде по тропе в джунглях... По-моему, это та самая дорожка, по которой убежал тираннозавр.

— Кто?! Кто убежал? — не поверила своим ушам Келли.

* * *

Развернув автомобиль, Торн проехал мимо электростанции в направлении заводского корпуса. Вскоре позади уже остались бензозаправка и коттеджи. Док старался держаться тропы тираннозавра. Сделать это оказалось довольно легко, потому что звери протоптали ее основательно.

— Только нам и не хватало для полного счастья детского сада, — с мрачным видом изрек Малкольм. — Тут ведь и собственную безопасность нельзя гарантировать.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — констатировал Торн, включая передатчик. — Арби, ты все еще видишь Ливайна?

«Эксплоред» тряхнуло на том, что ранее называлось клумбой, и через мгновение они подъехали к «Резиденции менеджера», большому трехэтажному зданию, построенному в колониальном стиле, с балконами из красного дерева. Как и все остальные строения на острове, это сооружение уже давно заросло травой.

И вновь заработала рация.

— Доктор Торн, я вижу его...

— Где он?

– Следует за тираннозавром на велосипеде.

– Преследует ящера... – вздохнул Малкольм. – Мне ни в коем случае не следовало связываться с этим типом.

– Мы все согласны с вами, профессор, – подытожил Торн, увеличивая скорость у полуразрушенной стены заводского комплекса. Автомобиль углубился в джунгли, следуя по тропе.

И вновь раздался голос Арби:

– Вы его видите?

– Нет.

Тропа постепенно сужалась, петляя по спуску. За очередным поворотом искатели приключений внезапно увидели упавшее дерево, преградившее им путь. Ствол оказался переломан посередине, ветви, покрытые листвой, растоптаны. Видно, не одно крупное животное наступило на него.

Торн успел затормозить прямо перед самым деревом; вылез из машины и подошел к багажнику «Форда-Эксплореда».

– Док, – попросил Эдди, – позвольте это сделать мне.

– Нет, – отрезал Джек. – Если что-то случится, ты, как-никак, – единственный, кто сможет починить всю аппаратуру... Ты – самый ценный из нас... Учитывая, что теперь мы ответственны и за наших деток...

Открыв багажник, Торн вытащил оттуда мотоцикл. Проверив заряд его батарей, он подкатил странное для джунглей средство передвижения к упавшему дереву.

– Брось-ка мне ружье! – крикнул он Малкольму и, поймав оружие, перекинул его через плечо. Кроме того, док взял и одел наушники, лежавшие на приборной доске; прицепил миниатюрный футляр с батарейками к своему поясу и установил микрофон прямо у рта.

— Вы, двое, возвращайтесь в трейлер, — скомандовал он. — Позаботьтесь о детях!

— Но, док... — начал Эдди.

— Делайте то, что я сказал, — отрезал Торн, перетаскивая мотоцикл через упавшее дерево. Спустя секунду он уже оседлал «Харлей». И тут док, наконец, заметил все те же зловонные выделения секреции динозавров на стволе. Джек умудрился даже испачкать руки в этой гадости. Профессор вопросительно посмотрел на него.

— Не удивляйтесь, они так постоянно метят свою территорию.

— О, черт! Прекрасно... Просто великолепно!

Торн вытер руки о карманы своих джинсов, сел на двухколесного «зверя» и покатил по тропе.

* * *

Ветки деревьев хлестали по плечам и ногам дока, когда он ехал по выбитой и утрамбованной дорожке вслед за ящером. Животное, по идее, должно быть где-то впереди, но Торн все еще не видел его.

Вновь затрещала рация.

— Доктор Торн, — сообщил Арби, — теперь я вас очень хорошо вижу.

— Отлично, — отозвался Джек.

— Но зато я больше не вижу доктора Ливайна, — озабоченно сказал мальчик.

Электромотоцикл практически не издавал ни звука, в особенности, спускаясь по склону холма. Впереди тропинка делилась, разветвляясь надвое.

Торн остановился и стал размышлять, куда свернуть далее. Ага! Вот... Он увидел отпечаток ноги тираннозавра на тропке, уходящей влево. А рядом отчетливо просматривался след велосипедной шины.

Свернув налево, Джек значительно сбавил скорость. Через десять ярдов он увидел на обочине час-

тично обглоданную ногу какой-то твари. Судя по всему, она валялась здесь не первый день, так как кишела червями и ее облепили мухи. Вонь от нее стояла такая, что можно в обморок упасть.

Торн продолжил свой путь и вскоре наткнулся на череп крупного зверя; на костях еще осталось некоторое количество зеленой плоти, так же густо облепленной мухами.

— Тут вдоль дороги какие-то расчлененные трупы, — сообщил в микрофон док.

Рация вновь затрещала. Теперь уже раздался голос Малкольма:

— Именно этого я и боялся...

— Боялся?! Чего?

— Поблизости может оказаться гнездо, — продолжил профессор. — Вы заметили тушу, что держал в зубах тираннозавр? Обратили внимание, труп — не первой свежести? Тем не менее, ящер его не бросил, да и не сожрал... Скорее всего, он потащил его к себе в гнездо.

— Гнездо тираннозавра?

— Будьте поосторожнее, — посоветовал Малкольм.

Переключившись на нейтральную скорость, Джек покатил по склону холма. Остановившись, он почувствовал, как земля трясется у него под ногами. Внезапно из зарослей, прямо перед ним, раздался глухой утробный рык, подобный рычанию тигра, только более зловещий.

Торн посмотрел по сторонам — никаких признаков присутствия Ливайна. Док снял ружье с плеча и взял его наизготовку.

Рык стал громче, но в нем присутствовали какие-то странные нотки... Мужчина призадумался.

Звук доносился не с того места, как предполагал Торн. Создавалось такое впечатление, что, минимум, несколько монстров рыскали сейчас в густых зарос-

лях. Док наклонился, сорвал пучок травы и подбросил его в воздух. Зеленые былинки упали прямо к его ногам: значит, ветер дует не с его стороны.

Мужчина быстро юркнул в густой кустарник. Окружавшие его заросли оказались густы и непролазны, но где-то впереди пробивался солнечный свет. От рычания тираннозавров уже заложило уши. И вдруг послышался совершенно неожиданный скрип; звук был столь пронзительным и механическим, что казалось — вращается несмазанное колесо. Торн помедлил, затем осторожно раздвинул ветки и увидел...

ГНЕЗДО

В лучах полуденного солнца над ним возвышались два тираннозавра, каждый — не менее двадцати футов высотой. Их кожа имела ярко выраженный красноватый оттенок. Огромные головы производили ужасающее впечатление, особенно поражали мощные челюсти чудовищ и их острые клыки. Однако, как ни странно, по отношению к Торну животные не проявили ни малейшей агрессивности. Двигались они, как при замедленной съемке, поочередно наклоняясь над большой кольцеобразной стеной из высохшей грязи высотой не менее четырех футов. Оба взрослых ящера держали в зубах куски окровавленного мяса. Эта родительская забота приветствовалась пронзительным визгом, доносившимся из гнезда; тираннозавры в очередной раз опустили и подняли головы — и добычи в их зубах уже не оказалось. Бесспорно, перед глазами дока — гнездо... К тому же, Малкольм оказался прав: один хищник был куда крупнее другого.

Через некоторое время скрипоподобный писк повторился. Торну он чем-то напомнил голос голодных птенцов самых обычных птиц.

Взрослые продолжали опускать и поднимать головы, кормя невидимых человеку детенышей. Кусок кровавого мяса упал с ограждения из высохшей грязи, и тут же док заметил маленького тираннозаврика, вытянувшего шею над краем гнезда и попытавшегося через него перелезть. Выглядел этот «малыш» немного странно и отталкивающе: размером с индюшку, с огромной головой и очень большими глазами, тело покрывал алый пушок, колечко белого цвета окаймляло шею. Детеныш то и дело поскрипывал, пытаясь подобраться к мясу при помощи своих недоразвитых передних лапок. Но лишь только он достиг куска мертвечины, как тут же совершил молниеносный бросок, вонзаясь в плоть своими крохотными острыми зубками. Тираннозаврик настолько увлекся пищей, что не заметил, как стал сползать вниз по внешней стенке ограждающего гнездо вала. Почувствовав пустоту под ногами, он тревожно закричал. Тотчас же появилась голова самки, которая предотвратила падение и аккуратно перенесла своего «малыша» внутрь их «дома».

Торн поразился грациозности ее движений и той заботе, что она проявила к потомству. Тираннозавр-отец тем временем продолжал раздирать добычу на маленькие кусочки. Любопытно, что взрослые особи при этом не переставали утробно рычать, словно успокаивая своих деток.

У Торна стали затекать ноги, потому что все это время он простоял неподвижно, и мужчина решил поменять положение, сделав шаг в сторону. К несчастью, при этом под его ботинком довольно громко хрустнула сухая ветка. В ту же секунду тираннозавры повернули головы в его сторону. Затаив

дыхание, Торн застыл на месте. Ящеры внимательно оглядывались по сторонам; их тела напряглись; покачивая шеями, они то и дело моргали. Спустя секунду рептилии, похоже, успокоились и стали попеременно поднимать и опускать головы, касаясь при этом мордами друг друга. Это напоминало некий ритуальный танец. И лишь закончив свою непонятную процедуру с касаниями, они возобновили кормление потомства.

Когда ящеры успокоились, док потихонечку стал пятиться назад, к мотоциклу.

— Доктор Торн, я вас не вижу, — шептал в наушниках голос Арби, но мужчина не отвечал, а просто постучал по микрофону пальцем, давая тем самым знать, что он все слышал.

— Думаю, я знаю, где находится доктор Ливайн, — вновь зашелестел голос мальчика. — Он чуть левее вас.

Джек вновь постучал по микрофону и повернулся налево. Там, среди папоротников, он заметил покрытый ржавчиной велосипед, на котором красовалась сохранившаяся надпись: «СОБСТВЕННОСТЬ КОРПОРАЦИИ ИНДЖЕН».

* * *

«Неплохо», — подумал сидевший в трейлере Арби, выводя на дисплей все новые и новые видеоизображения. Одна из телекамер транслировала вид сверху на парочку тираннозавров, уединившихся на какой-то поляне. Солнце стояло в зените, сжигая затоптанную и покрытую грязью траву. В центре лесного пятачка отчетливо просматривалось слепленное из глины гнездо. Внутри него белело четыре яйца, каждое размером примерно с футбольный мяч. Здесь же валялись осколки скорлупы, среди которых сидели два маленьких тираннозаврика, с виду напоминаю-

щие голых пищащих птенцов. Раскрыв рты, они ждали пищи.

Посмотрев на экран, Келли сказала:

— Какие милашки... Вот бы сейчас там побывать... Потрогать их...

Арби не ответил: подобная перспектива его явно не прельщала. Всю свою маленькую жизнь он стремился к порядку. Это сказывалось даже и теперь, в том, как он расположил изображения с видеокамер на экране монитора. Четкое расположение вещей и явлений всегда успокаивало мальчика.

Но на этом острове все шло неведомым и непредсказуемым путем, нельзя даже предугадать, что именно случится в следующий момент. Это-то и беспокоило Арби больше всего. Келли, наоборот, испытывала чуть ли не эйфорию. Она без устали болтала о тираннозаврах; о том, какие они большие, и о том, какие у них зубы. Девочка, как никогда, находилась в прекрасном настроении и не испытывала и малейшего страха, чем очень раздражала Бентона.

— Кстати, — спросила она, — с чего это ты так уверен в определении местонахождения доктора Ливайна?

Арби указал на изображение гнезда на мониторе компьютера.

— Смотри...

— Да вижу я...

— Нет, смотри... Смотри внимательнее, Кел.

Пока она таращилась на экран, «картинка» слегка сместилась влево, затем вновь вернулась на место.

— Ну, что? Видела? — полюбопытствовал мальчик.

— Что с того? Может, просто ветер сдвинул камеру или еще что-нибудь подобное.

Арби отрицательно покачал головой.

— Нет, это — доктор Ливайн, Кел. Он сидит на дереве и двигает телекамеру...

— Быть того не может! — последовала пауза: девочка вновь рассматривала изображение на экране монитора. — А может... ты и прав.

Бентон усмехнулся — другого от Келли он и не ожидал.

— Но что же делает доктор Ливайн на дереве?

— Быть может, регулирует телекамеру?

Они прислушались к тяжелому дыханию Торна, раздававшемуся из динамика радиопередатчика.

Кертис следила за четырьмя видеоизображениями, каждое из которых поступало из отдельного, обособленного, района острова. Оторвавшись от экрана, девочка вздохнула:

— С нетерпением жду момента, когда я, наконец, выберусь из этого трейлера...

— Я тоже... — поддержал ее Арби, которому в душе очень не хотелось покидать надежное убежище.

Выглянув в окно, он увидел, как к их фургону подъезжает «Эксплоред» с Эдди и Малкольмом. Если уж говорить откровенно, мальчик радовался их возвращению.

* * *

Торн взглянул на вершину дерева. Он, конечно же, не мог разглядеть Ливайна сквозь густую листву, но верил, что тот находится где-то рядом. Ричард должен догадаться о присутствии человека, потому что бывший академик шумел, словно стадо диких обезьян. Время от времени Джек нервно посматривал в сторону поляны с гнездом. Он все еще слышал рычание динозавров; оно не прерывалось и звучало ровно и мощно.

Торн продолжал ждать. Опять какой-то шорох в ветвях на вершине дерева, затем — вновь тишина...

Рычание... И вновь куда более мощный шум... Неожиданно раздался голос Ливайна: «О... мать твою!» — после чего последовал хруст ломающихся веток и жалобный вскрик. Через секунду Ричард рухнул на землю прямо у ног Торна; приподнявшись, он сразу же схватился за плечо: «Проклятие!»

Перепачканное в глине «сафари» доктора оказалось разорвано в нескольких местах. Грязная трехдневная щетина покрывала лицо. Увидев Джека, мужчина улыбнулся и сказал:

— Вы как раз тот, кого я меньше всего ожидал увидеть здесь! Но пришли вовремя...

Торн протянул ему руку, и Ричард уже собрался пожать ее, как вдруг с поляны донесся столь мощный рык, что у людей уши заложило.

* * *

— О, нет! — прошептала Келли, взглянув на монитор: тираннозавры пришли в ярость.

— Доктор Торн, что там происходит?! — запросил по рации Арби.

Они услышали искаженный трансляцией высокий и трескучий голос Ливайна, однако не смогли разобрать ни слова. В трейлер тем временем уже вошли Эдди и Малкольм. Бросив взгляд на монитор, математик крикнул:

— Передайте им, чтобы они немедленно убирались оттуда!

На экране оба тираннозавра повернулись друг к другу спиной, приняв угрожающие позы. Детеныши находились под их защитой в центре гнезда. Хвосты ящеров со свистом рассекали воздух прямо над головами малышей. То был момент наивысшего напряжения... И вдруг взрослые рептилии, взревев, бросились в чащу леса.

— Доктор Торн! Доктор Ливайн! Немедленно уходите!

Док, вскочив в седло мотоцикла, вцепился в руль. Ричард уселся сзади, обхватив водителя руками. До слуха Торна вновь донесся леденящий душу рык; оглянувшись на звук, он увидел, как к ним, ломая деревья, мчится тираннозавр. Скорость его перемещения казалась невероятной. Ящер низко опустил голову и обнажил клыки. Вне всякого сомнения, он намеревался растерзать людей. Док включил питание, электродвигатель загудел, но заднее колесо намертво застряло в грязи.

— Вперед! — крикнул Ливайн. — Уходим!

Тираннозавр, рыча, несся прямо на них. Торн чувствовал, как трясется под его ногами земля. От жуткого рева начали болеть уши. Ящер уже оказался совсем рядом: огромная голова вытянута вперед, челюсти широко распахнуты...

Джек оттолкнулся каблуками от земли, пытаясь хоть как-то сдвинуть мотоцикл с места. Слава богу, заднее колесо, наконец-то, выскочило из грязевого плена. Ну, теперь... Взметая брызги, механический «скакун» понесся вперед по тропе. Сидевший сзади Ливайн что-то кричал, но Торн его не слышал. Сердце, казалось, сейчас выскочит у него из груди.

Мотоцикл подскочил на лежавшем поперек тропы стволе, и они чудом не перевернулись. Док вел свой транспорт на максимальной скорости, боясь оглянуться назад. Он чувствовал умопомрачительную вонь разложившегося трупа, слышал хриплое дыхание преследовавшего его гиганта.

— Док! Расслабьтесь! — прокричал Ливайн, но Торн проигнорировал его совет.

Они поднимались в гору... Ветки хлестали по рукам, грязь летела прямо в лицо. Джеку снова по-

чудился рык рептилии, но на сей раз более слабый...

— Док! — крикнул ему прямо в ухо Ричард. — Вы что, собираетесь угробить нас?! Док! Опасность давно миновала.

Торн, наконец-таки, рискнул посмотреть назад. Ливайн прав: теперь они остались на тропе одни. Никаких признаков преследующего их тираннозавра, хотя вдали по-прежнему слышался его грозный рев. Водитель сбросил скорость.

— Не принимайте все так близко к сердцу, — посоветовал, качая головой, Ливайн, лицо которого было белее мела. — Должен вам сказать, вы чертовски здорово водите мотоцикл... Прямо рокер какой-то! Вам прежде никто не говорил об этом? Вам следует записаться в какую-нибудь мотошколу... Мы ведь чудом остались живы... и угробить нас могли именно вы, док...

— Но он же атаковал! — сердито бросил Торн. Ему уже давно стала известна манера Ричарда критиковать других, но не в теперешней же ситуации... — Черт побери, ну и видик у этого монстра! Он, наверное, собирался сожрать нас с потрохами?

— Нет, нет, нет, — затараторил Ливайн, — он вовсе не нападал... Рекс, так сказать, защищал свое гнездо... А это большая разница...

— Не вижу отличий, — проворчал Торн. Нажав на тормоза, он бросил на Ричарда гневный взгляд.

— По правде говоря, — продолжал Ливайн, — если бы Рекс и впрямь нас атаковал, мы бы уже умерли... Но он почти сразу остановился.

— Неужели?! — иронизируя, спросил док.

— Вне всякого сомнения... — сообщил Ричард тоном академического педанта. — Тираннозавр лишь намеревался отпугнуть пришельцев, защищая свою территорию. Он ведь никогда бы не оставил гнездо

без охраны... Ну, разве что в случае, если бы мы что-нибудь похитили оттуда или вообще разорили жилище... Уверен, он уже рядом с самкой, и они оба сидят на яйцах, никуда не отлучаясь.

— В таком случае, нам повезло, что он — такой примерный родитель, — сказал Торн, включая двигатель.

— Конечно же, ящер — примерный отец, — продолжал Ливайн. — Любой бы дурак заметил это... Разве вы не обратили внимание на его худобу? Значит, Рекс сам недоедал, лишь бы прокормить потомство. И похоже, папаша соблюдал диету не одну неделю. Тираннозавры — весьма высокоорганизованные животные со сложным поведением охотников... и с не менее сложным инстинктом заботливого родителя. Я не удивлюсь, если узнаю, что у взрослого Рекса роль родителя может длиться многие месяцы... и он учит свое потомство охотиться. Например, мне это уже известно, он начинает с малого: притаскивает в гнездо слабых, раненых животных и позволяет детенышам самостоятельно их приканчивать. Ну, и еще что-то в этом роде... А чего мы здесь ждем?

В наушниках Торна раздался голос Малкольма:

— Ему даже в голову не пришло поблагодарить вас за то, что вы спасли ему жизнь...

— Судя по всему — нет, — проворчал в ответ док.

— С кем это вы разговариваете? Уж не с Малкольмом ли? Он... здесь?

— Да, — отозвался Торн.

— И он совершеннейшим образом согласен со мною? — поинтересовался Ричард.

— Не совсем, — ответил, покачав головой, Торн.

— Послушайте, док, мне жаль, если я чем-то расстроил вас... Но, видите ли, на то нет абсолютно никаких причин. Вся правда в том, что ничто не

угрожало нам... Ну, разве только... если бы мы свернули шеи из-за вашей отвратительной езды...

— Вот и отлично!

Сердце Джека по-прежнему выскакивало из груди. Тяжело вздохнув, он свернул влево и повел мотоцикл по дорожке, ведущей прямо к лагерю. Сидевший сзади Ливайн крикнул ему:

— Док! Я очень рад видеть вас. Нет, действительно...

Мужчина не ответил, внимательно следя за петлявшей в зарослях тропинкой. Спускаясь в долину, он увеличил скорость.

Вскоре показались трейлеры, припаркованные на поляне.

— Отлично! — заметил Ливайн. — Вы привезли с собою все необходимое... А как аппаратура? Работает? Ничего не сломалось?

— Пока, тьфу, тьфу, тьфу, все работает, как часы.

— Хорошо, — улыбнулся Ричард, — лучшего и пожелать нельзя.

— Возможно, не все так прекрасно, — дипломатично произнес Торн. Келли и Арби уже приветствовали его, размахивая руками за окном трейлера.

— Шутить изволите? — усмехнулся Ливайн.

Достигая грани хаоса, элементы вступают во внутренний конфликт. Крайне нестабильная и потенциально смертельно опасная точка...

Иан Малкольм

ЧЕТВЕРТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

ЛИВАЙН

Дети выбежали на поляну, вопя от радости:

– Доктор Ливайн! Доктор Ливайн! Вы живы! С вами все в порядке!

Они бросились обнимать его, и Ричард не смог удержать счастливого смеха. Затем он повернулся к Торну:

– Док, а вот это крайне легкомысленно...

– Почему же вы сами не объяснили им этого?! – перебил его Джек. – Они же все-таки ваши ученики...

– Только, ради бога, не злитесь, доктор Ливайн, – затараторила Келли.

– Просто это наше личное решение, – объяснил Арби Ричарду. – Мы сами сюда приехали.

– Сами?!

– Мы думали, вам нужна помощь, – продолжил мальчик. – Ведь вы в ней, действительно, нуждались.

Он повернулся к Торну, который одобрительно кивнул и произнес:

– Да, они и впрямь помогли нам.

– И мы обещаем не путаться у вас под ногами, – тараторила Келли. – Вы продолжаете делать все, что намечали, а мы просто...

– Дети так волновались за вас, – сказал подошедший к Ливайну Малкольм. – Они были уверены, что вы попали в беду...

— Так или иначе, но я так и не понял, к чему эта спешка, — заметил Эдди. — Вы так долго строили всю эту технику и вдруг сорвались с места, забыв о своем транспорте...

— Обстоятельства... — развел руками Ливайн. — Правительство Коста-Рики заявило о вспышке энцефалита... Оно решило, что эпидемия имеет прямое отношение к выброшенному на берег трупу динозавра... Конечно же, это полное идиотство, но как остановить их от уничтожения всех животных на этом острове? Лишь только они прознают об их существовании — все! — им конец... Так что я должен опередить чинуш из правительства! У нас не так уж много времени.

— Значит, вы прибыли сюда один? — удивился Малкольм.

— Чепуха, Иан... Прекрати подначивать меня... Я и впрямь хотел позвонить тебе, только лишь собирался уточнить положение этого острова. Да и не один я сюда приехал. Сопровождал меня проводник по имени Диего, местный; он клялся, что посещал этот остров еще много лет назад. Казалось, мужчина, действительно, мастак в своем деле... Без всяких проблем он вытащил меня сюда по прибрежным скалам, и все шло просто отлично, пока на нас не напали у ручья, и Диего...

— Напали?! — удивился Малкольм. — Кто?!

— Сказать по правде, я и не разглядел, — признался Ливайн. — Все произошло так быстро... Животное сбило меня с ног и растерзало мой рюкзак... Дальше... Дальше, честно говоря, даже не знаю, как все происходило... Может, вид моего вещмешка озадачил зверя, потому как я встал и побежал вперед... При этом, меня никто не преследовал.

— Тебе чертовски повезло, Ричард, — заметил математик.

— Да... Я бежал довольно долго... Оглянувшись назад, понял: никого нет, я — один среди непроходимых джунглей... и заблудился. Что делать? Решил забраться на дерево... Мне, почему-то, это показалось хорошей идеей... И тут... Ближе к ночи появились проклятые велосирапторы!

— Велосирапторы? — переспросил, не поняв, Арби.

— Ну, это такие мелкие хищники, — пояснил Ричард. — Телом — типичнейшие тераподы... Длинномордые, с бинокулярным зрением... Не более двух метров в высоту, весят приблизительно килограмм девяносто. Очень быстрые, сообразительные и... отвратительные. Одним словом, маленькие динозаврики, живущие стаями. Прошлой ночью их собралось восемь, и они прыгали вокруг дерева, пытаясь достать меня оттуда. Всю ноченьку напролет скакали, рыча жутким образом... Так что поспать мне не удалось...

— Это же надо! — притворно вздохнул Эдди.

— Послушайте, — рассердился Ливайн, — ведь я же не виноват в том, если...

— Вы провели все темное время суток на дереве? — поинтересовался Торн.

— Да... Под утро хищники ушли, и я спустился вниз, чтобы осмотреться... Почти сразу обнаружил лабораторию. Судя по всему, ее покинули в спешке и многих животных оставили... Я обошел все здание и узнал, что исследовательский центр до сих пор подключен к системе электропитания... Несмотря на то, что прошло столько лет, некоторые приборы все еще работали. И самое важное, здесь существовала целая сеть следящих видеокамер прежней службы безопасности. Это крупная удача. Я решил проверить эти камеры, чем и занимался до тех пор, пока вы меня не нашли и не помешали...

— Минуточку, — перебил его Эдди. — Мы прибыли сюда, чтобы вас спасти...

— Ну, не знаю... — искренне удивился Ливайн. — Я ведь вас об этом не просил.

— Судя по сообщению, полученному через спутниковый телефон, вы посылали сигнал бедствия, — заметил Торн.

— Просто вы меня неправильно поняли, — произнес Ричард. — Я просто испытывал временное разочарование из-за того, что не знал, как включить этот аппарат, и очень расстроился... Уж больно он сложный, док... Вот, в общем, и вся проблема... Итак, приступим к делу, друзья?..

Он замолк, заметив, что на него взирают весьма озлобленные лица.

Малкольм повернулся к Торну.

— О, великий ученый, — промолвил он. — Человек с большой буквы...

— Послушайте, — вновь начал Ливайн, — я не знаю, в чем ваша проблема... Так или иначе, но на этот остров должны были снарядить экспедицию. Рано или поздно... Это лишь вопрос времени. В данном случае, слава богу, все произошло раньше, чем предполагалось. Обстоятельства складываются, как нельзя лучше, и, честно говоря, я не вижу смысла в дальнейших обсуждениях. Сейчас не время для мелочных обид... Нам еще многое предстоит сделать и, думаю, пора браться за дело, потому что данный остров представляет нам невероятную возможность: исследовать жизнь древнейших обитателей Земли. Но вечно это продолжаться не будет...

ДОДЖСОН

Льюис Доджсон сидел, примостившись в темном уголке «Чесперито Кантина» в Пуэрто-Кортес, неторопливо потягивая пиво. Устроившись рядом с ним за столиком, доктор биологических наук из Стэнфордского университета Джордж Бэйселтон с энтузиазмом поглощал очередную порцию «гуэвос ранчерос»; желтки растекались по зеленой «салсе». От этого зрелища Льюиса потянуло на рвоту. Он отвернулся, но в ушах по-прежнему звучало громкое причмокивание доктора. Кроме них, в баре никого не было, если не считать нескольких кур, что-то клевавших на полу. То и дело к дверям подбегал мальчишка и, швырнув в кудахтающих птиц пригоршню камней, убегал прочь с идиотским смешком. Разбитейший стереопроигрыватель выдавал допотопные записи Элвиса Пресли через покрытые плесенью динамики. Доджсон автоматически стал напевать старый мотивчик «Влюбляюсь в тебя», одновременно пытаясь успокоиться. Он сидел в этом жутком сортире уже почти час...

Бэйселтон наконец-то дожрал свое излюбленное блюдо и отставил тарелку в сторону. После этого он извлек на свет божий крохотную записную книжку, которую постоянно носил с собой.

— Ну, а теперь послушай, Лью, — начал он. — Я вот тут все время размышлял, как разобраться с этим делом...

— С чем разобраться? — перебил его Доджсон. — Тут и разбираться не с чем, пока мы не окажемся на острове.

Произнося эту фразу, он постукивал пальцами по фотографии Ливайна, лежавшей на краю столи-

ка. Льюис перевернул ее вверх ногами... Внимательно посмотрел, затем перевернул, как положено; вздохнул и посмотрел на часы.

– Лью, – забрызгал слюной Бэйселтон, – вовсе не важно попасть на этот остров... Самое главное сейчас – как мы представим миру данное открытие.

Доджсон помедлил.

– Наше открытие... – медленно повторил он и пояснил:.

– Мне так больше нравится, Джордж... Так лучше звучит... Наше открытие...

– Значит, все это – правда? Не так ли? – с глупейшей улыбкой спросил доктор биологии. – «ИнДжен» – банкрот, а технология этой фирмы навсегда потеряна для человечества. Трагическая, очень трагическая, утрата, как я не раз уже сообщал по телевидению... Но в данных обстоятельствах всякий, вновь отыскавший ее, автоматически совершает открытие... Не знаю, право, каким еще словом вы сможете назвать это? Как сказал Анри Пуанкаре...

– О'кей, – бросил Доджсон. – Итак, мы сделали открытие... Что же дальше? Созовем пресс-конференцию?

– Вовсе нет... Ни в коем случае! – воскликнул в ужасе Джордж. – Конференции нужны нам меньше всего... Они выставят нас под огонь всеобщей критики. Нет, нет... Открытие подобной значимости должно быть обставлено соответствующе... О нем стоит сообщить, Лью...

– Сообщить?

– Да, да... Сообщить в каком-нибудь научном журнале... Например, в «Нэйчер»... По крайней мере, так я себе представляю.

Доджсон уставился на Бэйселтона.

— Вы хотите заявить об этом в академическом издании?

— А что? Ведь это лучший способ сделать открытие легитивным, — продолжил «телезвезда». — Надо же представить результаты наших совместных изысканий ученым пэрам должным образом... Конечно, начнутся дебаты. Но, простите меня, какова будет их суть? Так, академические склоки... Профессора станут поливать друг друга грязью, пока денька через три с передовиц научных газет их не вытеснит новейшая информация о последних достижениях в области косметических операций на женской груди... А за эти три дня мы как раз оформим официальную заявку на наше открытие.

— И вы его опишете?

— Безусловно, — ответил Бэйселтон, — а позднее я думаю опубликовать статью в «Американ Сколар» или, например, в «Нэйчерал Хистори». Ну... что-нибудь любопытное для читателей: мол, открытие особо ценно для человечества, так как много значит в будущем и немало говорит о прошлом...

Доджсон кивнул. Теперь он понимал, что его ученый друг прав; в очередной раз ему напомнили, как необходима поддержка Бэйселтона. Льюис никогда не думал об общественной реакции, а для доктора биологии — это главное...

— Ну, вот и отлично, — промолвил Доджсон. — Но все сказанное не имеет никакого значения до тех пор, пока мы не попали на остров.

Он вновь посмотрел на часы и, обернувшись, заметил, как за спиной у него открылась дверь, и в бар вошел его помощник, Говард Кинг, державший под руку толстого коста-риканца с крученными усами. «Джеймс Бонд от науки» повернулся на своем стуле.

– Это и есть он?

– Да, Лью.

– Как его зовут?

– Гандока.

– Сеньор Гандока, – Доджсон протянул усачу фотографию Ливайна, – вам знаком этот человек?

Взглянув на снимок краем глаза, коста-риканец согласно кивнул головой.

– Си... это сеньор Ливайн.

– Правильно. Это сеньор мудило Ливайн. Когда вы его видели здесь?

– Всего лишь несколько дней тому назад... Он ушел отсюда с Диегито, моим племянником, но обратно они до сих пор не вернулись.

– А куда направились эти господа?

– На Исла Сорна...

– Отлично, – промолвил Доджсон, опустошив свой бокал с пивом. – У вас лодка есть? – он повернулся к Кингу. – Есть у этого туземца лодка?

– Да... Ведь он – рыбак, – ответил помощник.

– Рыбацкая лодка, – кивнул Гандока. – Си, сеньор.

– Прекрасно... Я тоже хотел бы отправиться на этот остров.

– Си, сеньор... Но сегодня погода...

– Плевать мне на погоду, – отрезал Льюис. – Исправится... Мне срочно нужно попасть туда.

– Может быть, чуть-чуть позднее...

– Немедленно!

Гандока лишь руками развел.

– Мне очень жаль, сеньор...

– Покажите ему деньги, Говард, – приказал Доджсон.

Кинг открыл дипломат, наполненный пятитысячными банкнотами местной валюты. Коста-риканец

распечатал одну из пачек и внимательно посмотрел купюру на свет. Затем положил на место и стал нетерпеливо переминаться с ноги на ногу.

— Я хочу отправиться немедленно, — повторил Льюис.

— Си, сеньор... Отплываем, как только вы соберетесь.

— То-то!.. — помахал указательным пальцем перед носом аборигена Доджсон. — Как долго плыть до острова?

— Часа два, сеньор.

— Отлично! Лучшего и пожелать нельзя!

ПЛОЩАДКА ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ

— Начали! — скомандовал Торн.

Послышался щелчок, когда Ливайн подсоединил гибкий кабель к силовой лебедке «Эксплореда».

Трос стал медленно разматываться под палящим солнцем. К тому времени они уже переместились на широкую луговую равнину у подножия скал. Полуденное солнце стояло в зените...

Неподалеку паслось стадо гипсилофодонтов. Грациозные зеленые животные то и дело поднимали головы из травы, чтобы посмотреть на людей. Их настораживал металлический скрежет: Эдди и дети собирали какую-то конструкцию из алюминиевых балок, ту самую, вокруг которой было так много споров в Калифорнии. Сооружение сейчас напоминало высыпанную на траву гору сильно увеличенных зубочисток.

— Сейчас посмотрим, — сказал Ливайн, потирая руки.

Лишь только заработал двигатель, алюминиевые балки пришли в движение и начали медленно подниматься в воздух. Разворачивающаяся конструкция выглядела изящнее и легче паучьих тенет, но Торн знал — крестообразное крепление придает ей поистине удивительную прочность. Наблюдательная вышка поднялась на десять футов, затем на пятнадцать, после чего остановилась. Маленький домик-укрытие на ее вершине находился сейчас как раз над самыми нижними ветками ближайших деревьев, практически скрывавших его из виду. Однако само металлическое сооружение ярко сверкало под лучами палящего солнца.

— Это она и есть? — поинтересовался Арби.

— Да, — ответил Торн, заколачивая колышки для растяжек.

— Что-то она очень блестит, — заметил Ливайн. — Нам следовало покрасить ее в матово-черный цвет. Эдди, нам надо как-то замаскировать сей НП...

— Хотите побрызгать на нее из баллончика? Ради бога! Кажется, я прихватил с собой несколько емкостей с черной краской...

Ричард покачал головой.

— Нет, тогда вышка будет вонять на целый километр... А что, если использовать во-он те пальмы?

— Никаких проблем.

Карр подошел к ближайшим деревьям и принялся при помощи мачете рубить листья покрупнее. Келли разглядывала конструкцию из алюминиевых трубок.

— Здорово! — сделала вывод девочка. — Но что это?

— Так сказать, вышка для наблюдений, — ответил Ливайн. — Ну, с богом! — произнес он и стал карабкаться наверх по веревочной лестнице.

Наверху имелось нечто вроде небольшого домика, крыша которого поддерживалась алюминиевыми балками, находящимися на расстоянии четырех футов друг от друга. Пол также состоял из прутьев легкого металла, но установленных куда чаще, с интервалом не более шести дюймов. Сквозь такую решетку можно и провалиться, поэтому Ричард прихватил с собой охапку пальмовых веток и постелил их под ноги. Оставшиеся сучья с зелеными листьями он привязал к опорным балкам, замаскировав тем самым сверкающую на солнце конструкцию.

Арби и Келли следом за Ливайном поднялись на вышку и принялись наблюдать за животными. Это оказалось очень интересным занятием, тем более, что с высоты прекрасно просматривалась вся долина.

Вдали, на той стороне реки, виднелось стадо апатозавров. Группа трицератопсов паслась на севере. Приближаясь к воде, несколько утконосых динозавров с высокими гребнями на головах шествовали, скорее всего, на водопой. Их низкий утробный крик стоял над долиной, и что-то абсолютно неземное присутствовало в этом звуке. Спустя мгновение со стороны леса, окружавшего равнину, послышался ответный вопль.

— Что это? — спросила Келли.

— Паразавролофус, — пояснил Ричард. — Он трубит через костистую корону, расположенную в затылочной части его черепа. Сей низкочастотный звук переносится на большие расстояния.

На юге расположилось стадо темно-зеленых животных с огромными продолговатыми головами, украшенными кольцом мелких рожек. Издалека они напоминали бизонов.

— А как называются эти? — поинтересовалась девочка.

— Хороший вопрос, — отозвался с явным удовольствием Ливайн. — Они известны, как Gravitholus Albertae, хотя чаще употребляется термин Pachycephaloscurus Wyominqensis. Но я не могу быть уверен на сто процентов, так как полных скелетов таких животных пока еще не находили. У них очень мощные кости черепа, если судить по обнаруженным фрагментам... Но лишь сегодня мне удалось увидеть этих ящеров целиком.

— А зачем им такие головы? — заинтересовался Арби.

— Никто этого не знает... Ученые сходятся во мнении, что это — боевое оружие самцов... Видите ли, они пользуются ими, когда устраивают турниры между собой, чтобы завоевать ту или иную самку...

В это время наверх поднялся Малкольм.

— Что-то я не вижу, чтобы они скрещивали свои рога, — с кислым видом произнес он.

— Вполне возможно, их брачный период уже закончился, — парировал Ричард.

— А может, они сроду этого не делали, — сказал профессор, наблюдая за зелеными животными в мощный бинокль. — Мне, лично, сии твари кажутся вполне миролюбивыми.

— Да, — согласился Ливайн. — Но, на самом деле, это еще ничего не значит... Африканская антилопа гну тоже с виду кажется мирной... А в действительности же — весьма опасное и непредсказуемое животное. Мы все же должны признать, что столь страшные черепа им даны природой по какой-то определенной причине... Даже если причина и неизвестна нам...

Ученый повернулся к детям.

— Вот почему мы сделали эту вышку... Хочется начать круглосуточное наблюдение за животными... Нас интересует полная картина их ночной жизни.

— Почему? — не унимался Арби.

— Потому что этот остров, — ответил Малкольм, — предоставляет нам уникальную возможность изучить величайшую тайну в истории нашей планеты — Тайну Вымирания.

Видите ли, когда «ИнДжен» закрыла свои производственные мощности, то сделала все в спешке... Поэтому владельцы компании случайно оставили в живых несколько животных. Все это случилось пять или шесть лет тому назад... К настоящему дню первое поколение динозавров, выведенных в лаборатории, достигло половой зрелости и начало выводить второе поколение, но уже в условиях дикой природы. На острове теперь сложилась полная экологическая система с большим числом рептилий различных видов, живущих своими социальными группами. И это первый такой случай за последние шестьдесят пять миллионов лет.

— Так что же это за возможность? — не унимался Арби.

Профессор показал рукой в сторону долины.

— Ну, сам подумай... Вокруг проблемы вымирания ученые мужи ломают копья уже не первое столетие. Существует великое множество абсолютно противоположных друг другу теорий. Археологические данные фрагментарны... Эксперимент провести невозможно... Галилей мог, например, взобраться на Пизанскую башню и сбрасывать оттуда железные шары, чтобы проверить свою теорию гравитации. Он никогда этого, правда, не сделал, хотя, в принципе... Ньютон использовал призмы для проверки собственной теории света... Астрономы наблюдали затмения для того, чтобы проверить теорию относительности Эйнштейна... Тестирование присуще Науке. Но вот как проверить ту или иную теорию вымирания? Нет, просто невозможно...

– Но здесь... – начал мальчик.

– Да, – продолжил Малкольм, – здесь мы имеем целую популяцию вымерших животных, искусственно выведенную в закрытой среде. Такого никогда еще в истории не случалось! Мы же знаем, что однажды эти существа были истреблены... Но никто не знает, почему?

– И вы надеетесь установить причину? В течение нескольких дней?

– Да, – уверенно ответил Малкольм, – мы сделаем это!

– Но как? Вы же не ожидаете, что они начнут вновь вымирать?

– Хотите сказать, прямо на наших глазах? – рассмеялся Иан. – Нет, нет... Ничего подобного... Все дело в том, что сегодня мы не занимаемся изучением окаменелостей, а наблюдаем живых динозавров и, соответственно, можем отслеживать их поведение. У меня есть собственная теория, и думаю, очень скоро мы увидим реальные подтверждения ей...

– Какие подтверждения? – полюбопытствовала Келли.

– Какой теории? – не понял Арби.

Профессор рассмеялся.

– Подождите немного... Всему свое время.

КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

Апатозавры пришли на водопой под палящим солнцем; их грациозно изогнутые шеи отразились в водной глади, лишь только животные наклонились, чтобы напиться. Время от времени они пощелкивали своими длинными хвостами, отгоняя мух. В центре

стада резвилось несколько совсем молоденьких динозавриков.

— Не правда ли, милое зрелище? — не смог удержаться от комментариев Ливайн. — Как, все-таки, здесь все гармонично... Просто красота...

Он крикнул стоявшему внизу Торну:

— Где же все-таки моя установка?!

— Уже на подходе, — ответил док.

При помощи веревки они подняли на вышку тяжелую треногу с круглой вращающейся площадкой наверху, на которой конструкторы смонтировали пять видеокамер; торчащие во все стороны провода вели к солнечным батареям. Ливайн и Малкольм приступили к подготовке установки.

— А что же происходит дальше с видеосигналом? — полюбопытствовал Арби.

— Данные мультиплексируются и транслируются в Калифорнию при помощи спутника. Мы также подключились к местной видеосети службы безопасности... Так что у нас множество точек наблюдения.

— Выходит, нам не нужно находиться здесь?

— Верно.

— А то, что вы называете наблюдательной вышкой-укрытием? Что с ним?

— Да, так, по крайней мере, называют эту конструкцию ученые, подобные Саре Хардинг и...

Торн взобрался наверх. В маленьком укрытии теперь набилось полным-полно людей, но Ливайн, казалось, не замечал этого. Все его внимание отныне целиком сосредоточилось на динозаврах. Он наблюдал за ними при помощи бинокля.

— Как мы и предполагали, — обратился Ричард к Малкольму, — пространственная организация... Молодняк — в центре стада, взрослые особи — по периферии... И потом, апатозавры используют свои хвосты в качестве оружия.

— Похоже на то...

— Да тут и спору быть не может, — категорически заявил Ливайн...

Тем временем у подножия вышки Эдди распаковывал круглую металлическую клетку, точь-в-точь такую, как они видели в Калифорнии. Она возвышалась на шесть футов над лугом и имела диаметр около четырех футов. Внушительная конструкция состояла из титановых прутьев дюймовой толщины.

— Что вы хотите с этим делать? — поинтересовался Карр.

— Оставьте ее прямо здесь, — попросил Ричард. — Ей тут самое место...

Механик поставил клетку прямо у опоры наблюдательного пункта. Ливайн спустился вниз, за ним — Арби.

— А зачем она? — спросил мальчик. — Динозавров ловить?

— По правде говоря, для совершенно противоположных целей.

Ученый проверил исправность замка в дверце клетки.

— Это укрытие от хищников... Ну, все равно, как ограждение от акул... Например, если ты оказался внизу и что-нибудь случилось, можешь забраться внутрь этой клетки — и будешь в полной безопасности.

— А что может случиться? — спросил Бентон, явно беспокоясь.

— Ну... я не думаю о чем-то плохом, — ответил Ливайн, — потому что сомневаюсь... Одним словом, динозавры вообще нас могут не заметить.

— Считаете, они нас не увидят?

— Увидеть-то — увидят... — согласился Ричард, — но все-таки проигнорируют.

— А если учуят нас по запаху?

Ливайн отрицательно покачал головой.

— Мы установили укрытие так, что ветер дует на нас, а не наоборот. К тому же, ты, вероятно, заметил, — у здешних папоротников довольно сильный запах, почти как у эвкалиптов.

— А вдруг они решат пожевать этих самых папоротников?

— Не станут они их есть, — ответил Ливайн. — Это ведь Dicranopterus Cyatheoides. Слабоядовитые растения способны вызвать сильное раздражение ротовой полости... Кстати, существует теория об их токсичности, впервые проявившейся еще в Юрском периоде... Она служила своего рода защитой от динозавров. Ведь полчища гигантских травоядных пожирали астрономическое количество растений ежедневно и вполне могли истребить фауну мира, если бы та не пошла на ответные меры, применив в качестве оборонительного оружия отвратительный вкус, иголки, колючки или же химическую токсичность. Так что, судя по всему, Cyatheoides стали ядовитыми еще в те далекие времена. И нужно отметить эффективность этого приема: даже современные животные ни в коем случае не употребляют данные папоротники в пищу...

— Значит, и у растений есть способы защиты? — удивилась Келли.

— Конечно... Растения, как и все остальные формы жизни, приспосабливаются к окружающей среде... Следовательно, в процессе эволюции у них вырабатываются собственные формы агрессии, защиты и так далее. В девятнадцатом веке большинство теорий вращалось вокруг животного мира... Но лишь теперь, на грани двадцать первого века, лучшие умы планеты обратили внимание на ее зеленый покров. Мы осознали, что растения в своей беспрерывной борьбе за существование задействовали все: от комп-

лексного симбиоза с другими особями до сигнализирующих механизмов предупреждения соседствующих растений, даже — до прямой химической войны.

Келли нахмурилась.

— Сигнализируют? Но... каким образом?

— О, тому существует множество примеров, — ответил Ливайн. — Например, в Африке кусты акации в процессе эволюции вооружились длинными, по три дюйма, шипами, но это лишь спровоцировало жирафов и антилоп на удлинение языков. Выходит, длинные иголки не сработали... Тогда акация срочно стала обладательницей токсинов; она стала вырабатывать в своей листве огромное количество танина, вызывавшего смертельную метаболическую реакцию в желудках съевших ее животных. Одновременно этот кустарник создал нечто вроде системы оповещения в своей среде... Если, например, антилопа начинает обгладывать одно из растений в роще, этот куст акации выделяет в воздух химически чистый этилен, провоцирующий остальные кусты на немедленную выработку ядовитого танина в листве. Через пятьдесять минут вся листва в рощице становится смертельно ядовитой.

— И что же тогда происходит с антилопой? Она умирает?

— Ну, теперь-то этого не случается... — улыбнулся Ричард, — потому как эволюционная гонка вооружений пошла на очередной виток. Со временем животные поняли: обгладывать акацию можно лишь в течение короткого промежутка времени... Стоит только в листве появиться смертельному количеству танина, антилопы прекращают ее есть. Травоядные, кстати, тоже пошли на некоторые уловки... Жираф, например, обгладывая куст акации, старается выбрать такую позицию, чтобы ветер дул со стороны деревьев на него, после чего выбирает новое растение на

наибольшем удалении от первого. Так что животные тоже адаптируются к новым условиям...

— В теории эволюции это именуется феноменом Красной Королевы, — пояснил Малкольм, — потому что в книге Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» главной героине объясняют — она вынуждена бежать изо всех сил ради того, чтобы оставаться там, где сейчас находится. Это очень напоминает эволюционную спираль: все живое мутирует с чудовищной скоростью, лишь бы остаться в прежнем устойчивом положении.

— И это является общим законом? — спросил Арби. — Даже для растений?

— Само собой, — ответил Ливайн. — Ведь, по-своему, растения очень активны. Дубы, например, вырабатывают танин и фенол в качестве защиты, когда на них нападают гусеницы. Так вот, состав, химический состав, листвы целой рощи меняется, стоит только вредителям атаковать хоть одно дерево. Это, так сказать, способ защиты целой рощи — взаимокооперация между отдельными деревьями.

Арби понимающе кивнул и посмотрел из укрытия на апатозавров, по-прежнему находившихся близ реки.

— Итак, — подытожил мальчик, — именно поэтому динозавры не съели все деревья на этом острове? Ведь эти здоровенные апатозавры, должно быть, поглощают массу растительной пищи. У них длинные шеи, и они могут обгладывать листву даже с крон деревьев... Но растения выглядят нетронутыми...

— Очень хорошо, — кивнул Малкольм. — Я и сам это заметил.

— Выходит... у всех этих растений есть свой способ защиты?

— Вполне возможно, — ответил Ливайн. — Но, думаю, существует куда более простое объяснение...

— Какое же?

— Смотрите, — хитро прищурился Ричард, — оно у вас прямо перед глазами.

Арби поднес к глазам бинокль и посмотрел на пасшиеся вдали стада.

— Что же это за простое объяснение?

— Среди палеонтологов, — рассказывал Ливайн, — постоянно велся спор, почему у завроподов длинные шеи... У тех особей, что сейчас перед нами, они — не менее двадцати футов длины. Традиционно считалось, эти динозавры получили сей подарок от природы для поедания листвы, которую более низкорослые животные уничтожать не в состоянии.

— Так из-за чего же спор? — удивился Арби Бентон.

— Видишь ли, у большей части существ, населяющих нашу планету, шеи короткие... А длинная шея несет с собою кучу проблем... Ну, во-первых, структурные, то есть как организовать работу мускулов, чтобы они поддерживали такую массу... Затем проблемы с поведением — уж слишком долго́ нервные импульсы идут от мозга к телу... Опять же, трудности с питанием — пища очень долго движется к желудку. Дыхательные проблемы... Это же через какую трубку приходится воздух продувать! Задачка с кровообращением... Сердцу приходится качать кровь до далеко расположенной головы, иначе животное падает в обморок.

— Но жирафам это как-то удается, — заметил Арби.

— Конечно, хотя их шея куда короче, чем у этих рептилий. В процессе эволюции у жирафов сформировались очень мощные сердца и крайне сильные фасции вокруг шеи... По сути дела, их шеи работают, как высокопроизводительные насосы...

— И у динозавров тоже самое?

– Мы этого не знаем... Предполагается, что у апатозавров огромное сердце, не менее трехсот фунтов весом. Но существует еще одно вероятное решение проблемы перекачки крови в длинной шее...

– Какое же?

– В данный момент вы его наблюдаете...

Арби захлопал в ладоши и заулыбался.

– Как просто! Они же не поднимают головы!

– Правильно, – подтвердил Ливайн, – или, по крайней мере, делают это довольно редко... Конечно же, в данный момент они пьют, и потому их шеи опущены, но я предполагаю, если бы мы наблюдали за ними в течение длительного периода времени, то обнаружили бы, что ящеры стараются поменьше держать шею высоко поднятой.

– И именно поэтому они не объедают листву на деревьях!

– Верно.

Келли сморщила свой лобик.

– Но если их длинные шеи созданы не для добывания пищи, почему же они у них именно такие?

Ливайн улыбнулся.

– На то должна быть особая причина, – промолвил он. – И я считаю, это как-то связано с обороной.

– С обороной? Длинные шеи? – изумился мальчик. – Что-то я никак в толк не возьму...

– Откройте глаза, – сказал Ричард. – Ведь все так очевидно.

Бентон поднес к глазам бинокль.

– Ненавижу, когда говорят об очевидном, – буркнул он, обращаясь к девочке.

– Я понимаю тебя, – вздохнув, ответила Келли.

– Хвост, – подсказал Торн.

Арби видел, как ящеры помахивают длинными хвостами.

— Понял! — воскликнул он. — Хвостами апатозавры пользуются для обороны, а длинные шеи необходимы им для противовеса.

Ливайн внимательно посмотрел в глаза мальчика.

— А ты, я смотрю, сообразительный...

Док отвернулся, пряча довольную улыбку.

— Но я же прав... — засомневался Бентон.

— Да, — согласился Ричард, — наши взгляды совпадают... Длинные шеи существуют благодаря длинным хвостам... Совсем другое дело у тераподов, которым приходится стоять на двух ногах... Но вот у квадроподов имеется необходимость в противовесе, в противном случае, животное просто будет кувыркаться.

— По правде говоря, в этом стаде есть еще кое-что удивительное, — заметил Малкольм.

— Неужели? — удивился Ливайн. — Что же такое, если не секрет?

— Здесь нет ни одного по-настоящему взрослого экземпляра, — спокойно произнес Ian. — Животные, которых мы видим, хотя и кажутся нам крупными, на самом деле еще не достигли размеров зрелой особи. Меня это настораживает.

— Правда? А меня нисколько не беспокоит, — ответил Ливайн. — Бесспорно, это лишь потому, что у них просто не было времени достичь зрелости. Уверен, апатозавры растут куда медленнее, чем прочие динозавры. В конце концов, крупные млекопитающие, подобные слонам, развиваются менее интенсивно, чем маленькие...

Малкольм покачал головой.

— Это — не объяснение.

— Неужели? А что же, в таком случае?

— Ведь это же очевидно...

Дети захихикали. Ливайн зарычал от негодования.

— Мне очевидно лишь то, что ни одна из особей перед нами не достигла полной зрелости... Трицератопсы, апатозавры, даже паразавры чуть поменьше, чем предполагалось ранее. Наверняка, на то есть свои весомые причины: какой-нибудь элемент пищи... эффект изоляции на маленьком острове... Может быть, их неправильно реконструировали? Напутали что-то с генами? Но я лично не считаю это чем-то из ряда вон выходящим...

— Быть может, вы и правы, — произнес математик, — а может, и нет..

ПУЭРТО-КОРТЕС

— Так что, никаких авиарейсов? — спросила Сара Хардинг. — Что вы хотите этим сказать?

На часах — одиннадцать утра... Последние пятнадцать часов женщина провела в воздухе, по большей части, на борту американского транспортного самолета, доставившего ее из Найроби в Даллас.

Одежда пропиталась потом; ей срочно требовалось принять душ и переодеться. Вместо этого она ругалась с каким-то упрямым бюрократом в крысиной дыре на западном побережье Коста-Рики.

Дождь на улице уже кончился, однако небо оставалось мрачным, и низкие тучи висели над опустевшим аэродромом.

— Мне очень жаль, — сказал Родригес, — но никаких полетов мы сейчас организовать не можем...

— А как же насчет вертолета, забравшего совсем недавно мужчин?

— Да, вертолет у нас есть...

— Так где же он?

— Его здесь нет.

— Вижу... Но где он?

Пограничник развел руками.

— Улетел в Сан-Кристобаль.

— Когда вернется?

— Не знаю... Думаю, завтра или, может быть, послезавтра.

— Сеньор Родригес, — твердо сказала она, — мне необходимо попасть на этот остров сегодня.

— Понимаю, но ничем помочь не могу.

— Что же вы предлагаете?

Мужчина пожал плечами.

— Ума не приложу.

— Может, есть лодка, которая доставила бы меня туда?

— Про это мне ничего не известно.

— Но ведь здесь порт, — промолвила Хардинг, показав в окно, — и я вижу — полным-полно лодок, стоящих в гавани.

— Я знаю... Но не думаю, что сейчас кто-нибудь согласится плыть к островам: погода слишком плохая.

— А если бы я пошла и...

— Конечно, конечно... — вздохнул Родригес. — Вы можете спросить в порту.

И вот, именно таким образом, Сара оказалась на дощатом причале. Здесь стояли четыре провонявших рыбой лодки... Но людей поблизости не видно... Вся жизнь в данный момент кипела на другом конце пристани, куда пришвартовывались суда покрупнее.

Рядом с одинокой лодкой готовили к погрузке красный джип «Ренглер» вместе с бочками и ящиками, полными припасов. «Вот это машина!» — подумала Сара. Автомобиль специально модернизировали и увеличили до размеров «Лэндровера Дефендера», самого желанного из всех машин высокой проходимости. Такая техника могла быть по карману только очень богатым исследователям.

На пирсе стояли двое американцев в широкополых шляпах. Они что-то кричали, показывая руками на джип, который уже подняли в воздух и переносили на палубу лодки при помощи допотопного крана. Хардинг услышала, как один из мужчин прокричал: «Осторожнее! Осторожнее, черт побери!» В это время грузчики начали переносить поклажу на суденышко. Сара подошла поближе к стоявшему американцу и вежливо спросила:

— Простите, не могли бы вы мне помочь?

Тот смерил ее взглядом. Выглядел мужчина довольно нелепо: среднего роста, с красноватой кожей и простецким лицом, одетый в новенький, прямо с иголочки, костюм-сафари... В его манере держаться чувствовалась какая-то нервозность и напряжение.

— Сейчас я очень занят, — произнес краснолицый и отвернулся.

— Мануэль! Смотри! Это очень чувствительная аппаратура!

— Мне бы, конечно, не хотелось вас тревожить, — продолжала женщина, — но меня зовут Сара Хардинг, и я пытаюсь...

— А мне — все равно... Будь вы даже сама Сара Бернар.

— Мануэль! Черт побери! — мужчина замахал руками. — Эй, ты! Да, я тебе говорю! Держи этот ящик вертикально!

— Мне нужно добраться до Исла Сорна, — наконец-то закончила женщина.

При этих словах поведение мужчины радикально изменилось. Он, не спеша, повернулся к ней.

— Исла Сорна? — переспросил человек. — А вы, случайно, не имеете какого-либо отношения к доктору Ливайну?

— Да, разумеется...

– Отлично, черт меня дери! – воскликнул он, мгновенно заулыбавшись. – Ведь это же надо! – мужчина протянул ей руку. – Будем знакомы... Меня зовут Лью Доджсон, и я работаю на корпорацию «БиоСин», что в Купертино... А это мой помощник, Говард Кинг.

– Привет, – небрежно бросил Говард. Выглядел он помоложе, чем его шеф, и был гораздо выше Доджсона ростом. К тому же, красив... Этакий голливудский повеса. Сара сразу же распознала, что это за тип. Классический бета-самец... В его поведении присутствовало что-то странное: он явно сторонился Сары, чувствуя себя неловко в ее присутствии, в то время, как его начальник проявлял избыточную дружелюбность.

– А во-он там, – Доджсон показал на палубу, – находится наш третий товарищ, Джордж Бэйселтон.

Хардинг заметила толстяка, склонившегося над какими-то ящиками на борту судна. Его рубашка взмокла от пота.

– И что же, вы все – друзья Ричарда?

– Мы как раз собираемся повидаться с ним, – затараторил Льюис, – помочь ему...

Он вдруг запнулся и, нахмурившись, посмотрел на женщину.

– Но, к сожалению, о вас он нам ничего не говорил...

Она представила себе, как выглядит со стороны: небольшого росточка, ей – уже за тридцать, в мятой рубашке, шортах цвета хаки и тяжелых туристических ботинках. К тому же, одежда – грязна, а волосы торчат во все стороны после всех этих перелетов.

– Я знаю Ричарда через Иана Малкольма, – ответила она. – С профессором мы давно уже старые друзья...

– Понятно...

Он посмотрел на Сару, словно не знал, что ему предпринимать дальше. Женщина почувствовала крайнюю необходимость хоть что-то объяснить ему.

— Я находилась в Африке... И решила прилететь сюда в самый последний момент... Мне позвонил доктор Торн.

— Ну, кто же не знает доктора Торна! — заметно расслабился Доджсон.

— А с Ричардом все в порядке? — волнуясь, спросила Сара.

— Надеюсь, да... Ведь мы сейчас заняты переправкой ему всего самого необходимого.

— Так вы сейчас отправляетесь на Сорну?

— Да... Если погода не испортится, — произнес Льюис, поглядывая на небо. — Через пять-десять минут мы должны быть готовы к отплытию. Если вы хотите отправиться с нами, рады приветствовать вас на борту нашего судна... Где ваши вещи?

— У меня с собой лишь это, — сказала она, показывая на переброшенный через плечо рюкзак.

— Путешествие налегке? Ну, вот и прекрасно, мисс Хардинг... Добро пожаловать...

Сейчас Доджсон стал открытым и дружелюбным, в его поведении произошла заметная перемена. Но для Сары оставалось странным и непонятным, почему красавец Кинг не проявляет к ней никакого интереса. Он повернулся к Хардинг спиною и сделал вид, что крайне занят какой-то работой, покрикивая, при этом на грузчиков, таскавших ящики с эмблемой корпорации «БиоСин». У Сары сложилось впечатление какой-то таинственности. Тем более, женщина все еще не могла увидеть лица того, третьего, находящегося на борту.

— Вы уверены...

— Уверен, уверен! Мы просто будем счастливы! — не дал ей договорить Льюис. — Кроме того, как еще

вы собираетесь попасть туда? Самолеты не летают, вертолета нет...

— Знаю, уже спрашивала.

— В таком случае, если вы хотите попасть на этот остров, вам лучше отправляться с нами.

Посмотрев на джип, Сара сказала:

— Думаю, доку уже пора быть здесь со всем своим оборудованием...

Услышав имя Торна, Кинг в тревоге стал озираться по сторонам. Но Доджсон, успокаивающе кивнув, заметил:

— Да, я тоже так думаю... Он ведь, вероятно, вылетел еще вчера вечером?

— Конечно... По крайней мере, так он сказал мне по телефону.

— Вот и прекрасно... — успокоил женщину Льюис. — Уверен, док уже там.

С палубы донеслись крики на испанском, и капитан в грязной одежде сбросил трап.

— Сеньор Доджсон, мы готовы.

— Отлично, — бодро ответил Льюис. — Мисс Хардинг, поспешите на борт, мы отправляемся...

КИНГ

Выплевывая черный дым, рыбацкий катер вышел из гавани, направляясь в открытое море.

Говард Кинг чувствовал рокот двигателя судна у себя под ногами и слышал скрип рассохшегося дерева палубы. Матросы что-то кричали друг другу по-испански. Вдали остался городишко Пуэрто-Кортес — дюжина домишек, сгрудившихся у самого берега...

«Лишь бы с этим катером ничего не случилось...» — подумал Говард: ведь они вновь отплыва-

ют в полную Неизвестность. К тому же, Доджсон шел напролом и рисковал. Подобной ситуации Кинг боялся больше всего.

Он уже почти десять лет, как знал Льюиса... Еще с тех пор, когда молодым доктором медицины, выпускником университета Беркли, полным энергии и готовым завоевать весь мир, поступил на службу в корпорацию «БиоСин». В то время Кинг написал свою докторскую диссертацию на тему «Факторы свертывания крови» и стал работать в этой фирме. Это был особый период в науке: как раз тогда начали проявлять повышенный интерес к этим самым факторам, в которых, казалось, видели средство для рассасывания тромбов у сердечников. Началась настоящая гонка между корпорациями, занимавшимися биотехнологиями с целью разработки нового лекарства, способного спасти жизнь больным и баснословно обогатить его разработчиков. Говард полностью посвятил себя исследованиям по обещанному препарату, названному «Гемаглютин Ви-5» или «ЭйчДжиВи-5».

На ранних тестах он рассасывал тромбы с поразительной быстротой. Вскоре Кинг стал одним из наиболее обещающих молодых ученых «БиоСина». Его фотографии постоянно красовались в ежегодных отчетах корпорации. У Говарда появилась собственная лаборатория и рабочий бюджет почти в полмиллиона долларов. И вдруг, совершенно неожиданно, все пошло коту под хвост.

Во время предварительных испытаний на людях «ЭйчДжиВи-5» не удалось растворить тромб ни при инфаркте миокарда, ни при пульмонарных эмболиях. Хуже того, препарат проявил ужасающие побочные эффекты: гастроинтенстинальные кровотечения, чесотку, невралгические расстройства. После того, как

один из пациентов скончался от конвульсий, корпорация прекратила дальнейшие испытания.

Через несколько недель Кинг потерял свою лабораторию. Управление ею принял новоприбывший датский ученый, который занимался изучением выработки экстракта из слюны суматранской желтой пиявки и демонстрировал неплохие результаты.

Говард перебрался в лабораторию куда более скромных размеров, решив заниматься разработкой болеутоляющих средств. Скоро он получил любопытный препарат — Л-изомер, выделенный из тела африканской рогатой жабы, похоже, обладавший наркотическим эффектом. Но прежнее доверие было утеряно, и когда фирма проверяла его работу, то эксперты пришли к выводу, что его опыты недостаточным образом документированы, а его проект следует закрыть.

Кингу тогда исполнилось тридцать пять лет, и за эти прожитые годы он дважды терпел крупные неудачи; больше его фото в ежегодных отчетах не фигурировало... Поговаривали, что компания собирается уволить его. Когда ученый предложил начать новые исследования, ему сразу же отказали. Для него наступили тяжелые времена... И вот тут-то появился Льюис Доджсон и пригласил его отобедать.

Доджсона в научных кругах именовали не иначе, как «Вор-мошенник», «Джеймс Бонд от науки» и так далее, потому что он любил похитить у какого-либо ученого его научный труд и выдать за свой собственный. В первое время работы в «БиоСине» Кинг даже стыдился подать ему руку, но теперь, потеряв все, он позволил пронырливому «коллеге» сводить себя в самый дорогой ресторан Сан-Франциско.

— Научные изыскания — это вам не сахар, — сочувственно заметил Доджсон.

— Верно сказано, — согласился Говард.

— Они так трудны и рискованны, — продолжал Льюис. — Дело в том, что инновационный поиск редко можно заранее спланировать... Но разве менеджер это понимает? Нет. И если исследование провалилось, то все шишки сыпятся на вас... Ну, разве справедливо?

Доджсон впился зубами в клешню изысканно сервированного краба, а Кинг... Кинг решил промолчать и подождать продолжения монолога «Джеймса Бонда от науки».

— Лично я не люблю рисковать... А оригинальный труд всегда рискован. Большинство новых идей ни на что не годны, а потому оригинальные исследования всегда обречены на провал. Такова суровая реальность. Если вы чувствуете себя готовым к собственным экспериментальным разработкам, то можете сразу готовиться к худшему.

Одно дело, если вы занимаетесь этим в университете... Там неудачи приветствуются, а вот успехи, наоборот, ведут к остракизму.

Но в промышленности... Здесь выбирать оригинальное исследование, простите, более чем необдуманно. Конец карьеры, если не хуже. Впрочем, не мне вам объяснять, мой друг... Вы уже прошли через это.

— Так что же мне делать? — в отчаянии спросил Кинг.

— Ну-с, — Доджсон вытер салфеткою губы, — у меня есть своя собственная версия научного метода. Я именую ее «сфокусированным исследовательским развитием»: если всего лишь несколько гипотез окажутся плодотворными, то к чему их высиживать самостоятельно... Ведь это так трудно!.. Пусть другие люди совершают открытия, пусть рискуют, пусть им

достается так называемая слава... А я лучше подожду и доработаю идеи, оказавшиеся наиболее многообещающими. Принцип простой: бери все хорошее, чтобы сделать из этого самое лучшее. Или же видоизменяй так, чтобы можно было самостоятельно запатентовать. Вот и весь секрет... Через некоторое время, получив патент, вы становитесь владельцем открытия.

Кинга поразила та прямота, с которой Доджсон признался в своем воровстве. Похоже, он ничуть не стеснялся.

Говард для приличия поковырялся в салате.

— А почему вы мне все это рассказываете?

— Потому что кое-что вижу в вас, — ответил «пират». — Вижу честолюбие... Посрамленное честолюбие... И говорю вам, Говард: «Не стоит из-за этого так расстраиваться»... Вам даже не придется увольняться из компании, а ведь это вполне может произойти, друг мой... Сколько лет вашему ребенку?

— Четыре.

— Ужасно быть безработным с маленьким ребенком и с неработающей женой... И потом, ведь нелегко найти другую работу. Кто рискнет поставить сейчас на вас? К тридцати пяти ученый либо делает себе имя, либо навечно попадает в категорию неудачников. Я лично не считаю это справедливым, но так думает большинство...

Кинг знал, что думает это пресловутое «большинство»... В каждой биоинженерной компании Калифорнии существуют люди, которые решают судьбы молодых талантливых ученых, не спрашивая их согласия.

— Но, Говард, — прошептал Доджсон, перегибаясь через стол, — вас ждет удивительный мир, если вы начнете смотреть на вещи иначе. Можно ведь жить

по-другому... Думаю, вам следует принять во внимание все услышанное сегодня...

Через две недели Кинг стал личным ассистентом «Джеймса Бонда от науки» в отделе Перспективных Биогенных Направлений... Именно так корпорация «БиоСин» именовала собственный центр промышленного шпионажа. В последующие годы Говард вновь резко пошел по лестнице повышений и отличий. На сей раз потому, что Доджсон искренне симпатизировал ему.

Теперь у Кинга наличествовали все признаки жизненного успеха: «Порше», недвижимость, развод и ребенок, с которым он виделся по выходным. Все случилось быстро и вполне объяснялось одной, главной, причиной: молодой ученый и впрямь оказался незаменимым на вторых ролях; работая день и ночь, он разрабатывал планы Доджсона до мельчайших деталей, чтобы его скорый на подъем босс не попал в очередную беду. За это время Говард узнал своего шефа со всех сторон — и с харизматической, видимой, и с темной, безжалостной, стороны. Кингу казалось, что он всегда сможет справиться с тем страшным и неведомым, которое составляло сущность его начальника. Но порою молодой мужчина все же сомневался... Например, сейчас.

Причина?.. Вот они в какой-то ржавой рыбацкой посудине отплывают в океан из гавани при забытой богом коста-риканской деревушке... И в этот момент Доджсону вдруг захотелось повести какую-то темную игру, взяв с собой эту ничего не подозревающую женщину. Кинг не знал, что намеревается предпринять Льюис, но сатанинский блеск в его глазах говорил о многом. Этот зловещий отсвет во взгляде шефа постоянно вызывал тревогу.

Хардинг стояла на корме, пристально всматриваясь в морские просторы. Говард заметил, как Додж-

сон, укрывшийся за джипом, нервозно сигнализирует ему о чем-то.

— Послушай, — произнес, подходя к боссу, Кинг, — нам нужно переговорить...

— Само собой, — усмехнулся Льюис. — Выкладывай?

И его губы искривились в столь знакомой помощнику очаровательной улыбке.

ХАРДИНГ

Сара Хардинг смотрела на угрожающе серое небо. Катер уносило все дальше от берега. Канаты скрипели, не в состоянии удерживать раскачивающийся из стороны в сторону джип. Женщина пыталась усилием воли побороть тошноту, вызванную приступом морской болезни.

Вдали, на горизонте, вырисовывалась черная тонкая линия — горные очертания Исла Сорна. Она отвернулась и увидела поглощенных беседой Доджсона и Кинга. Говард, казалось, чем-то расстроен... Льюис слушал его, время от времени покачивая головой, потом похлопал своего помощника по плечу, явно пытаясь успокоить. Оба мужчины старались не обращать внимания на возню матросов вокруг джипа. «Странно, — подумала Сара, — ведь они так волновались за свою технику перед погрузкой».

Что касается третьего, Бэйселтона, то она, конечно, сразу узнала его, но встретить биолога здесь, на утлой рыбацкой посудине, никак не ожидала. Джордж автоматически пожал ей руку и скрылся в трюме, лишь только кораблик отошел от причала. С тех пор он так и не появлялся на палубе. Но, быть может, мужчина страдает морской болезнью?

Доджсон, наконец-то, отошел от Кинга. Оставшись один, Говард принялся проверять крепление ящиков и бочек с припасами. На каждой упаковке груза стояла эмблема «БиоСина». Хардинг прежде не слышала о такой корпорации...

Ей стало любопытно, какое же отношение имеют к этой фирме Иан и Ричард. Ведь насколько ей помнилось, Малкольм всегда критически и с презрением относился к разного рода биоинженерным компаниям. К тому же, эта парочка американцев отнюдь не напоминала близких друзей: они слишком напряжены и много кривляются...

Но, между тем, вспомнила Сара, у Иана всегда находились товарищи со странностями. Они совершенно неожиданно появлялись в его квартире, будь то японский каллиграф или индонезийская танцевальная труппа, либо жонглер в блестящей жилетке прямо из Лас-Вегаса, или же тот жуткий астролог из Парижа, уверявший ее в том, что Земля внутри совершенно пуста... Всех их связывала одна страсть — математика. Они и впрямь все были сумасшедшими... Или, может быть, это лишь казалось женщине. Но у всех столь безумные глаза, и они так путались в своих доказательствах!.. Страницы доказательств, порою, даже сотни страниц! Все это казалось слишком абстрактным для Сары.

Хардинг любила соприкасаться с землей, наблюдать жизнь диких животных, улавливать незнакомые запахи... Вот это — реальность, а все остальное — лишь очередная теория, причем, неизвестно еще — справедливая или нет.

Волны обрушивались на корму, и женщина отошла к камбузу, чтобы укрыться от многочисленных брызг. Сара постоянно зевала, так как за последние двадцать четыре часа ей так и не удалось хоть немного вздремнуть.

Доджсон, прекратив показушную возню с джипом, подошел к ней.

— Ну, как, все в порядке? — поинтересовалась Сара.

— Само собой, — ответил, добродушно улыбаясь, Льюис.

— А вот ваш друг Кинг, кажется, совершенно расстроился.

— Просто он не любит морские путешествия, мисс, — кивнул в сторону волн Доджсон. — Однако, осталось мучиться не так долго... Через час мы уже будем на месте.

— А вы не скажете мне, что представляет собой корпорация «БиоСин» — спросила Хардинг. — Я прежде ничего не слышала о ней...

— Это довольно небольшая компания, — пояснил мужчина. — Мы производим то, что называется «биопродукцией широкого потребления»... Например, разводим живых существ для спортивных видов охоты... Вывели новые виды форели. Производим новые породы комнатных собачек...

«Как раз именно то, что так глубоко ненавидит Иан», — подумалось женщине.

— А как вы познакомились с Ианом?

— О, для этого необходимо вернуться в прошлое, — ответил Доджсон.

— И на сколь большой срок? — поинтересовалась Хардинг.

— В те дни, когда еще существовал Парк.

— Парк? — удивленно переспросила Сара.

Мужчина кивнул.

— Он вам никогда не рассказывал, как покалечил свою ногу?

— Нет, — ответила она. — Предпочитал не говорить об этом... Впрочем, упоминал, что это произошло тогда... Хотя я не знаю, но он попал в какую-то беду. Неужели происшествие в парке?

— Отчасти, да... — рассеянно ответил Доджсон, вглядываясь в океанские просторы. Спустя мгновение он пожал плечами.

— А как же вы? Откуда его знаете?

— Он был одним из моих оппонентов во время защиты диссертации. Я ведь биолог... Изучаю крупных млекопитающих в экосистемах африканских саванн... Точнее, в восточной Африке. И занимаюсь я, в основном, хищниками.

— Хищниками?

— Да, изучаю поведение и жизнь гиен, — ответила женщина, — а прежде занималась львами.

— И долго?

— Почти десять лет... По крайней мере, шесть лет, с тех пор, как защитила докторскую.

— Любопытно,— промолвил Доджсон. — Неужели вы добирались сюда из Африки?

— Да, из Сероньеры, что в Танзании.

Льюис неопределенно кивнул и уставился на море.

— Похоже, погода исправляется...

Посмотрев вверх, Сара заметила голубые просветы в сером облачном покрове. Солнце пыталось пробиться сквозь тучи...

Океан успокоился, и, к своему удивлению, Хардинг увидела остров совсем близко. Она уже различала скалы, поднимавшиеся из воды.

— Значит, вы побывали в Танзании? — продолжил Доджсон. — И руководили большой исследовательской партией?

— Нет, я работала в одиночку.

— И никаких учеников? — поинтересовался Льюис.

— Да... Это потому, что в моей работе нет никакого блеска... Ведь крупные хищники африканских саванн, как правило, ведут ночной образ жизни... Так

что мои исследования по большей части проходят в темноте.

— Должно быть, вашему мужу приходится несладко?

— Что вы, я — не замужем! — аффектированно фыркнула Сара.

— Я крайне удивлен... В конце концов, такая прекрасная женщина, как вы...

— У меня никогда не находилось для этого времени, — отрезала Хардинг и, чтобы сменить тему разговора, спросила:

— А где же именно вы собираетесь высадиться на этом острове?

Мужчина повернулся в сторону Исла Сорна, до которого оставалось не более двух миль.

— Весьма необычный остров, — заметил Доджсон. — Весь Центрально-Американский регион по своей природе — вулканический. Между Мексикой и Колумбией около тридцати активных вулканов. Все эти прибрежные острова или были огнедышащими горами, или возникли вследствие вулканической деятельности... Клочки суши, короче говоря, являются частью Центральной вулканической гряды. Но, в отличие от материка, вулканы на островах спят. Они не извергались уже тысячу лет...

— Значит, мы видим перед собой внешние стенки кратера?

— Именно... Скалы — результат эрозии, вызванной тропическими ливнями. Правда, океан умудряется подтачивать основания этих гор...

— Так куда же, конкретно, вы решили высадиться?

— Существует несколько таких мест... Особенно, с ветреной стороны, где океанские волны вымыли гроты в скалах. И в двух местах сии пещеры переходят в реки, текущие из глубины острова. Так что

они вполне проходимы, — он показал рукой. — Вон там, видите... Один из таких тоннелей.

— Так вы намереваетесь провести катер прямо через этот грот?

— Если погода продержится, то — да, — произнес Доджсон и отвернулся. — Не волнуйтесь, все не так плохо, как может показаться. Кстати, что вы там рассказывали об Африке? Когда вы оттуда вылетели?

— Сразу же после того, как мне позвонил доктор Торн. Он сказал о срочном выезде вместе с Ианом... На помощь Ричарду... И спросил у меня, не хочу ли я присоединиться к ним?

— И что же вы ему ответили?

— Сказала, подумаю...

Доджсон нахмурился.

— Вы не сообщили ему о своем вылете?

— Нет, так как не знала, захочу ли я это сделать... Ведь у меня столько дел! Работа... К тому же, такой долгий путь...

— И все-таки вы решились... Ведь речь идет о встрече со старым любовником, — сочувственно произнес Льюис.

Сара вздохнула:

— Да, судя по всему, вы прекрасно знаете Малкольма...

— Конечно... Ну и тип, скажу я вам!

— Это лишь внешне, — промолвила Сара и замолчала. Наступила неловкая пауза. Доджсон откашлялся и, прерывая молчание, спросил:

— Так кому же именно вы сообщили о своем решении приехать сюда?

— Никому, — ответила женщина. — Я просто села на первый же самолет и прилетела сюда.

— А как же ваш университет, коллеги?

Она пожала плечами.

— У меня просто не оказалось времени... К тому же, я работаю одна.

Сара вновь взглянула на приближающийся остров. Над катером уже вздымались скалы. Они маячили совсем рядом, каких-нибудь несколько сотен ярдов от них. Грот теперь казался куда более внушительным. Но волны все еще взлетали слишком высоко и перекрывали вход в естественный тоннель. Хардинг покачала головой.

— Все-таки страшно смотреть на это...

— Не волнуйтесь, — успокоил ее Доджсон. — Видите? Капитан уже меняет курс... Мы будем в полной безопасности... И потом, это, должно быть, так волнующе...

Катер подбросило на крутой волне. Женщина вцепилась в оснастку. Стоявший рядом Доджсон усмехнулся.

— Ну, что я вам говорил? Не правда ли, даже дух захватывает...

Похоже, у него прибавились силы. Тело напряглось: мужчина то и дело нервно потирал руки.

— Не о чем беспокоиться, мисс Хардинг... Я не могу позволить, чтобы что-то случилось...

Она так и не узнала, о чем ей хотел сказать Льюис: лодку подбросило на волне, и Сара едва удержала равновесие. Доджсон попытался схватить ее за руку, но, наверное, поскользнулся, упав прямо под ноги женщине. В следующую секунду их окатила мощная волна... Мисс Хардинг почувствовала, как ее куда-то потащило, и, дико закричав, вцепилась в попавший под руки канат. Но все произошло слишком быстро, и через мгновение Сара уже потеряла всякую способность ориентироваться, ударившись головой о мачту. Она полетела прямо в морскую пучину, успев заметить облупленную краску на кор-

ме суденышка, а затем — только изумрудный океан... и больше ничего...

Внезапно Хардинг почувствовала себя крайне плохо от соприкосновения с холодной водой и начала терять сознание. Волны сомкнулись над ее головой, и женщина погрузилась во тьму...

ДОЛИНА

— Все идет, как по маслу, — заметил Ливайн, потирая руки. — Признаться, это превзошло все мои ожидания.

Он стоял на наблюдательной вышке вместе с Торном, Эдди, Малкольмом и детьми, осматривая простиравшуюся внизу долину. Находившиеся в тесном укрытии люди взмокли от пота: полуденное солнце припекало невыносимо. Расстилавшиеся вокруг заливные луга сейчас были пустынны. Большая часть динозавров переместилась под деревья, в прохладную тень.

Лишь стадо апатозавров вышло из рощи на водопой. Огромные твари облепили берег. Здесь же бродили рогатые паразавролофазавры. Эти куда более скромные по размерам ящеры расположились вблизи стада.

Утерев пот со лба, Торн заметил:

— Что же, если не секрет, вас так радует?

— То, что мы здесь видим, — неожиданно отозвался Малкольм. Он посмотрел на часы и тотчас что-то записал в своей записной книжке. — Мы получаем данные, о которых и мечтать не могли... Это невероятно...

Док зевнул; на жаре его всегда клонило в сон.

— Что уж тут такого? Ну, пьют себе динозавры... Эка невидаль!

— Пьют уже во второй раз, — исправил его Ливайн. — Второй раз в течение одного часа... В полдень... Такое потребление жидкости, вероятно, говорит о терморегуляторных стратегиях, которые эти гиганты задействуют.

— Вы хотите сказать, они так много пьют, чтобы не перегреться? — переспросил Торн, испытывавший особую неприязнь к научному жаргону.

— Да, верно... Много пьют... Но, мне кажется, их возвращение к реке может иметь совершенно другое значение.

— Какое же?

Ричард указал на стада.

— Обратите внимание на их пространственное расположение... Мы ведь видим то, что никому даже и в голову не приходило подозревать в среде динозавров. Это же свидетельство межвидового симбиоза!

— Неужели?

— Да! — продолжал Ричард. — Ведь апатозавры и паразавры держатся вместе... И вчера я видел их вместе... Могу поспорить, что они не разлучаются, когда находятся на открытой равнине. Вне всякого сомнения, вам любопытно, отчего же это происходит?

— Вне всякого сомнения, — повторил Торн.

— Причина, — объяснил Ливайн, — состоит в том, что апатозавры хоть и сильны, но очень плохо видят, в то время, как более мелкие паразавры обладают весьма острым зрением. Так что оба вида пасутся вместе, чтобы обеспечить общую защиту. Примерно так же зебры и бабуины проживают на африканских равнинах... У полосатых лошадок хороший нюх, а у обезьян — отменное зрение. Вместе они куда более

эффективны в противостоянии хищникам, нежели поодиночке.

– И вы считаете, это справедливо в отношении динозавров, потому что...

– Да это же просто очевидно, – продолжал Ричард. – Вы посмотрите на их поведение... Когда два стада паслись особняком, каждое из них держалось кучно. Но вот теперь они вместе – и паразавры разбрелись, нарушив строгий порядок, и сейчас организуют нечто вроде внешнего кольца вокруг апатозавров. Это означает лишь одно: отдельные особи более мелких ящеров защищены стадом более крупных... Это может быть только общей цепью защиты от хищников.

Тем временем один из паразавров поднял голову и посмотрел на ту сторону реки. Он жалобно взвыл; крик оказался грустнее и тоньше японской флейты. Остальные его сородичи тут же принялись всматриваться в неизвестность... Апатозавры продолжали спокойно пить воду, хотя пара крупных особей и подняла свои длинные шеи. В полуденном зное вокруг них роились тучи мух.

– Ну, так где же хищники? – полюбопытствовал Торн.

– А вот они, – Малкольм показал на рощицу на том берегу, спускавшуюся прямо к водной глади. Док присмотрелся, но так ничего и не увидел.

– Неужели вы их не видите?

– Нет.

– Присмотритесь получше... Они – маленькие, очень похожи на ящериц... Темно-бурые хищники...

Торн пожал плечами. Он по-прежнему ничего не видел... Стоявший рядом с ним Ливайн принялся активно поглощать питательный шоколадный батончик со спецначинкой. Поскольку руки у него зани-

мал бинокль, он уронил обертку на пол укрытия. Однако она, засверкав на ветру, полетела на землю.

— Ну, что? Можно их есть? — поинтересовался Арби.

— Ничего... Сладковаты, правда...

— А у вас еще есть?

Ричард порылся в карманах и извлек еще один питательный батончик. Мальчик разломил его пополам и отдал одну половинку Келли. Обертку он аккуратно свернул и спрятал в нагрудный карман.

— Вы понимаете, насколько это важно, — сказал Малкольм, — в особенности для решения проблемы вымирания... Уже очевидно: исчезновение динозавров — более сложная проблема, чем кто-либо предполагал прежде.

Представьте себе, все теории вымирания базируются на археологических данных... Но эти факты не говорят нам ничего о поведении, которое мы сейчас наблюдаем... Они не фиксируют сложности взаимоотношений различных групп.

— Потому что данные раскопок — всего лишь мертвые кости, — констатировал Арби.

— Правильно... А кости — это не поведение... Если хорошенько вдуматься, то результаты археологов более всего напоминают серию фотографий: застывших моментов того, что прежде двигалось и дышало. Изучение данных раскопок напоминает копание в семейном альбоме... Причем, вам известно: подборка снимков неполная, и жизнь проходит где-то между фотографиями. Но у вас нет никаких данных относительно того, что же происходило в этих промежутках... У вас есть только фотографии... А потому вы постоянно их анализируете. И довольно скоро начинаете думать об альбоме не как о серии мгновений, а как о самой реальности; начинаете объяснять все

чисто альбомными терминами, забывая о реальности, которая существует помимо альбома.

Среди создававших гипотезы об исчезновении ящеров принято было думать в терминах физических событий, то есть предполагалось, что какое-то внешнее физическое явление вызвало массовое вымирание.

Например, на Землю падает метеорит, вследствие чего погода радикальным образом меняется... Или же начинаются глобальные извержения вулканов, и климат тоже изменяется... Или вулканы начинают работать из-за падения космического тела, и опять же, все касается общих климатических условий... Может быть, меняется растительность... Особи начинают голодать и — вымирают. А может, приходит неведомая эпидемия и выкашивает динозавров, всех до одного. Или появляется какая-то новая ядовитая травка, объевшись которой, ящеры умирают...

Во всех случаях предполагается какое-то внешнее событие, но никто почему-то не думает о том, что животные могли сами измениться, причем — не физически, а поведенчески.

И когда смотришь на таких вот гигантов и видишь, сколь хитро переплетено их взаимное поведение, начинаешь понимать: изменение в групповом поведении вполне могло привести к вымиранию.

— Но отчего же изменилось групповое поведение? — полюбопытствовал Торн. — Если не существовало какой-то внешней катастрофы, способной его поменять, зачем ломаться существующему порядку?

— На самом деле, — продолжил профессор, — поведение постоянно меняется, каждую секунду. Наша планета — динамичная, активная среда... Меняется климат... Изменяется рельеф... Дрейфуют континенты... Океаны поднимаются и опускаются... Горы растут и разрушаются... И все организмы на Земле

постоянно приспосабливаются к этим переменам. Лучшие из них те, что способны адаптироваться, как можно быстрее.

Вот поэтому и трудно предположить: катастрофа, способная вызвать крупные физические изменения, может привести к вымиранию, поскольку и так немало перемен происходит здесь ежедневно.

— В таком случае, что же вызывает исчезновение? — поинтересовался Торн.

— Конечно, не только быстрое изменение окружающей среды, — произнес Малкольм. — Факты ясно говорят об этом...

— Какие?

— После каждого крупного изменения среды, как правило, следовала волна вымирания. Но не сразу! Исчезновение происходило тысячу, миллион лет спустя... Возьмите, к примеру, последнее оледенение в Северной Америке... Льды ползли, климат менялся самым суровым образом, но животные не вымирали. И лишь когда ледник стал отступать и все стало приходить в норму, как раз тогда и вымерла большая часть видов. Именно тогда жирафы, тигры и мамонты исчезли с лица этого континента. Типичная картина! Создается такое впечатление, что особи лишь ослабляются в результате крупных изменений среды, но вымирают гораздо позже. Это общепризнанный феномен.

— И чем же он объясняется?

— Объяснений, попросту, не существует... Это палеонтологическая тайна. Но я считаю, Теория Сложности способна многое нам об этом поведать, потому что если понятие жизни на грани хаоса верно, то тогда крупное изменение среды толкает животных к этой грани. А это дестабилизирует всяческое поведение... И когда среда приходит опять в норму, то это еще не говорит о возврате к первона-

чальному состоянию. В эволюционных терминах подобное явление — очередное большое изменение, и оно слишком велико, чтобы подстроиться под него. Считаю, новое поведение в какой-либо из популяций может проявляться совершенно неожиданно, и думаю, мне известно, отчего динозавры....

— Что это?! — воскликнул Торн.

Наблюдая за рощей, он увидел появившегося из зарослей динозавра, выглядевшего довольно изящно, который твердо стоял на задних лапах, держа равновесие при помощи неподвижно вытянутого хвоста. Был он шести футов в высоту, зелено-бурый, в темную красную полоску; ну, прямо, как тигр.

— Вот это и есть велосираптор, — прошептал Ливайн. Торн повернулся к нему.

— Выходит, такая тварь загнала тебя на дерево... Боже мой, какая мерзость!

— Крайне эффектные и экономичные создания! — напротив, восхищался Ричард. — Эти животные — просто идеально сконструированные машины для убийства. Вероятно, самые опасные из хищников, когда-либо существовавших на Земле. Тот, вышедший из зарослей, — альфа-особь, он возглавляет стаю.

Торн уловил какие-то движения в густой листве рощи.

— О! Да там их много!

— Верно, — согласился Ливайн. — Именно эта стая весьма велика...

Он поднес к глазам бинокль.

— Хорошо бы узнать, где их гнездо... Я весь остров обошел, но так его и не заметил. Конечно же, они — осторожные животные, но все же...

Теперь уже все паразавры пронзительно кричали, смыкаясь теснее вокруг стада апатозавров. Но огромные ящеры, казалось, относились к происходящему с относительным безразличием. Взрослые,

находившиеся ближе к воде, даже повернулись спиною к приближающемуся хищнику.

— Неужели им все равно? — удивился Арби. — Ведь они даже не смотрят в его сторону.

— Не обманывайся, — заметил Ливайн. — Апатозавры очень внимательны... Они и впрямь похожи на гигантских коров, но, на самом деле, ничего общего с ними не имеют. Эти хвосты, подобные бичам, достигают длины тридцати-сорока футов и весят несколько тонн. Обрати внимание, сколь быстро они ими машут... Один лишь вид такого оружия способен сбить атакующего хищника с ног...

— Выходит, их поворот означает готовность к обороне?

— Бесспорно... И вы можете видеть, как их длинные хвосты уравновешиваются при помощи шеи...

Гибкие задние части взрослых особей оказались столь велики, что протянулись через реку на другой берег. Лишь только они стали раскачиваться из стороны в сторону, а паразавры завопили — хищник-вожак повернул назад. Минуту спустя отступила и вся стая.

— Похоже, ты оказался прав, — промолвил Торн. — Хвосты явно обратили их в бегство.

— А сколько ты насчитал особей-агрессоров? — спросил Ричард.

— Не знаю... Десять... Хотя, подожди... Четырнадцать.

— Может, и больше... Некоторых я просто не заметил.

«Четырнадцать», — записал Малкольм в своем блокноте.

— Хотите за ними проследить? — спросил Ливайн.

— Не сейчас.

— Мы могли бы воспользоваться «Эксплоредом»...

– Быть может, чуть позже.

– Думаю, нам стоит узнать, где же находится их гнездо, – сказал Ливайн. – Это крайне важно, Иан, если мы собираемся установить отношения между хищниками и жертвами. Нет ничего важнее! И это прекрасная возможность отправиться за ними...

– Может, позже, – повторил, вновь посмотрев на часы, профессор.

– Ты уже сотый раз узнаешь время, – заметил Торн. Малкольм лишь руками развел.

– Приближаемся к обеду... Кстати, как насчет Сары? Разве она не должна вот-вот появиться?

– Может быть, – отозвался док.

Математик вытер вспотевший лоб.

– Ну и жара же здесь!

– Согласен... Душновато.

Они прислушались к гудению насекомых в плавящемся от солнца воздухе.

Хищники уже почти что скрылись из виду.

– Знаешь, о чем я думаю? – сказал Иан. – Может быть, нам стоит вернуться назад?

– Назад?! – удивился Ливайн. – Сейчас?! А как же наши наблюдения? Как быть с другими видеокамерами? Ведь мы собирались установить их!

– Не знаю... Может, лучше устроить перерыв?

Ричард непонимающе посмотрел на профессора. Торн и дети промолчали.

– Мне кажется, – заметил Малкольм, – что если Сара полетела сюда из самой Африки, то мы просто обязаны встретить ее. Проявим хотя бы элементарную вежливость...

– Мне как-то и в голову не приходило, – признался Торн.

– Нет, нет... Можете не беспокоиться, – занервничал математик. – Может, она вовсе не приедет. Сара ведь не говорила точно?

– Она сказала, что подумает.

Иан нахмурился.

– Тогда она – в пути. Если Сара так ответила, значит, уже летит... Я-то ее знаю... Ну, что, возвращаемся?

– Конечно же, нет! – отрезал Ливайн, подняв бинокль. – Меня отсюда ни за какие коврижки не вытащишь...

Малкольм отвернулся.

– Док? Не хотите вернуться?

– Само собой, – ответил тот, утирая пот. – Здесь очень жарко.

– Я слишком хорошо знаю Сару, – продолжил Иан, спускаясь с вышки. – Она появится на этом острове во всей своей красе и будет просто ослепительна!

ГРОТ

Она попыталась вынырнуть, и ее голова показалась на поверхности. Но вокруг – лишь вода... Огромные волны вздымались чуть ли не на пятнадцать футов. Океан бушевал во всей своей красе.

Ее бросало из стороны в сторону, и она не в состоянии была сопротивляться. Катера уже не стало видно, лишь пенящиеся волны окружали беспомощную женщину.

Сара попыталась побороть внезапно пришедший к ней панический ужас. Она старалась противостоять уносящему ее течению, но ботинки налились свинцом и жутко мешали. Хардинг вновь скрылась под водой и, вынырнув через некоторое время, принялась жадно ловить ртом воздух. Необходимо любым способом снять обувь.

Набрав побольше кислорода, она нырнула и начала развязывать шнурки под водой. Легкие горели огнем, пока Сара возилась с узлами. Океан нещадно трепал легкое тело женщины...

Сняв один ботинок, Хардинг отдышалась, запаслась воздухом и вновь погрузилась в воду. Мучаясь с завязанными шнурками второго ботинка, она почувствовала, как сильно окоченели ее пальцы, стали абсолютно непослушными. Саре показалось, что шнурок отнял у нее не менее часа.

Наконец ноги освободились... Волна подняла женщину на самый гребень и быстро опустила, так что Хардинг не успела разглядеть остров. Как следствие этого — вновь приступ паники.

Она решила лечь на спину и успокоиться. Пенистый вал снова подхватил ее и высоко поднял. Вот он, остров! Скалы оказались пугающе близко. Бурлящие волны с грохотом разбивались о вулканический базальт.

Сара находилась всего в пятидесяти ярдах от берега, и ее неумолимо несло на камни, выступающие из воды. Правее, в сотне ярдов, женщина заметила грот. Она попыталась подплыть к нему, но безрезультатно; у нее просто не хватало сил бороться с этим чудовищным прибоем. Хардинг ощущала лишь мощь океана, желавшего раздробить ее тело о камни.

Сердце выскакивало из груди. Сара понимала, что погибает.

Морская волна накрыла ее. Наглотавшись горько-соленой воды, женщина закашлялась. Взор затуманился... Ее тошнило от приступа животного ужаса. Собравшись с последними силами Сара вновь поплыла к берегу, а вернее, ко входу в грот. Посмотрев через некоторое время вперед, она увидела, что слегка приблизилась к желанной цели. Приободрив-

шись, женщина все равно никак не могла окончательно избавиться от страха. Сил практически не оставалось. Руки и ноги нестерпимо ныли от усталости, легкие горели... Дыхание стало тяжелым и прерывистым.

Сара вновь закашлялась, но все-таки решилась — набрав воздуха, нырнула под воду и продолжила движение вперед. Даже под поверхностью океана слышался грохот дробящихся о прибрежные скалы волн. Она била руками и ногами из последних сил... Подводные течения и прибой бросали ее из стороны в сторону... Надежда исчезала... Но женщина решила не сдаваться...

Постепенно покалывание в мышцах превратилось в постоянную тупую боль. У Сары возникло ощущение, что она всю жизнь прожила с этими мучительными судорогами... Вслепую Хардинг продолжала пробиваться к гроту.

Почувствовав, как прибой подбрасывает ее в очередной раз, она вынырнула, чтобы отдышаться. «О, господи, пещера совсем рядом! — поразилась женщина. — Ну, еще пару гребков! Еще! Я доплыву...» Ей казалось, что течение здесь, у устья грота, будет слабее. Но волны продолжали свое неистовство, дробясь о скалы и не давая приблизиться ко входу.

Катера нигде не видно... Сара вновь нырнула и изо всех сил стала пробиваться вперед. Она чувствовала, что ей приходит конец; прибой грохотал еще громче, и вдруг совершенно неожиданно гигантская волна подхватила хрупкое женское тело и понесла прямо на камни. Сил противиться этому уже не было...

Вынырнув, Хардинг увидела тьму, непроглядный чернильный мрак. Несмотря на боль и пережитое волнение, она все же сообразила, что находится в гроте. Слава богу, волна вынесла ее, куда надо.

Шум прибоя эхом отдавался от влажных сводов. Темно... Рассмотреть ничего невозможно... Сильное течение по-прежнему несло куда-то...

Сара жадно глотала ртом живительный воздух — и в этот момент ее тело ударилось о скалу. Мгновенная боль ослепила женщину, но в следующую секунду течение понесло Хардинг во тьму лабиринта.

Кое-что начало меняться: на сводах замерцал тусклый свет, и от воды, окружавшей ее, казалось, стало исходить сияние. Течение заметно ослабло, и теперь плыть было гораздо легче.

Где-то в конце грота вспыхнул яркий свет палящего солнца. И вдруг совершенно неожиданно Сару вынесло на открытый воздух. Она оказалась посередине широкой илистой реки, берега которой обступали непролазные джунгли. Неподвижный воздух напоен зноем; вдали слышались крики тропических птиц. За очередным поворотом русла Хардинг увидела корму пришвартованного к берегу катера Доджсона.

Людей поблизости нет, да и не хотела она их видеть... Собрав последние силы, женщина стала грести к берегу. Чтобы хоть немного передохнуть, Сара вцепилась в густо разросшиеся вблизи береговой линии водоросли.

Перевернувшись на спину, она перевела дыхание и увидела над собой бездонно-голубое небо. Хардинг не могла сказать, сколько прошло времени, но, почувствовав себя немного лучше, она стала подбираться к берегу, хватаясь за спускавшиеся к самой воде лианы, пока не оказалась возле крохотного просвета в листве, который вел к сильно заболоченной тверди.

Выбираясь на скользкий глинистый откос, Сара заметила в грязи несколько крупных следов неведомых ей зверей. Они имели странную, а главное, непривычную форму: трехпалые, причем, каждый из

пальцев оканчивался гигантским когтем. Она нагнулась, чтобы получше рассмотреть эти отпечатки, и тут же почувствовала, как завибрировала под ее ногами земля.

Огромная тень накрыла Хардинг. Недоумевая, она взглянула вверх и увидела белое кожистое брюхо твари невероятных размеров. Женщина настолько ослабла, что не смогла даже ничего предпринять в этой ситуации.

Последнее, увиденное ею, было каким-то видением из кошмарного сна: огромная лапа, опустившаяся рядом с ней в чавкнувшую грязь... Послышался тихий храп, и в следующее мгновение Сара Хардинг, потеряв сознание, упала на спину. Ее глаза закрылись... Женщина лежала, не подавая ни малейших признаков жизни.

ДОДЖСОН

Льюис сел в приготовленный джип и захлопнул за собой дверцу. Говард Кинг, сидевший рядом, в отчаянии ломал руки, переживая случившееся.

— Как ты мог так поступить с ней? — скрывая гнев, постарался спокойно спросить он.

— Как именно? — поинтересовался Джордж Бэйселтон с заднего сидения.

Доджсон не ответил... Его руки повернули ключ зажигания, загрохотал разбуженный двигатель. Машина рванулась вперед, к джунглям, прочь от берега и лодки, доставившей их сюда.

— Как ты мог? — вновь произнес Кинг, все еще волнуясь и переживая. — Боже мой, как?!

— Произошедшее — не более, чем несчастный случай, — отозвался Льюис.

— Несчастный случай? НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?!

— Именно... просто случайность... — спокойно подтвердил Доджсон. — Она нечаянно упала за борт.

— А я ничего не видел, — вставил Бэйселтон.

Говард покачал головой.

— Господи! А если кто-нибудь начнет расследование и...

— Ну и что? — перебил его Льюис. — Поднялась буря... Она стояла на носу лодки, и огромной волной ее смыло в океан... Кроме того, женщина плохо плавала... Мы искали некоторое время, но, вообще-то, потеряли всякую надежду... Весьма трагический случай... Итак, что же так беспокоит тебя?

— Что меня беспокоит?

— Да, Говард... Из-за чего, черт возьми, ты волнуешься?

— Как ты не поймешь?! Ведь я ВИДЕЛ ЭТО...

— Нет, ты ничего не видел, — произнес Доджсон.

— А вот я, действительно, ничего не видел, — поддержал Бэйселтон, — находясь внизу, в трюме...

— Тебе повезло, — подавленно сказал Говард. — Но что делать, если расследование все-таки начнется?

Джип мчался вперед, подпрыгивая на грязной ухабистой дороге, углубляясь все дальше в джунгли.

— Никакого расследования не будет, — возразил Льюис. — Она очень поспешно уехала из Африки, никого не предупредила и никому не сказала, куда направляется...

— Откуда тебе это известно? — продолжал скулить Говард.

— Потому что она СКАЗАЛА об этом мне... Вот так... А теперь вытаскивай карту и прекращай стонать и размазывать сопли... Ты прекрасно знал, на что идешь, когда согласился работать со мной.

— Но я даже предположить не мог, что ты станешь убивать людей!

— Говард, — сказал Доджсон, вздохнув, — ничего не случилось... Доставай карту.

— Почему ты так уверен в этом? — не унимался Кинг.

— Потому что я знаю, что делаю, — отозвался Льюис. — Просто я — не такой, как эти Малкольм и Торн, которые ползают по острову, занимаясь, черт их знает, какой-то белибердой в этих проклятых джунглях.

Упоминание «этих других» пробудило в Говарде новые сомнения и беспокойства. Он снова трусливо захныкал:

— А вдруг мы натолкнемся на них?!

— Не натолкнемся... Им даже неизвестно о нашем присутствии здесь. Помни, мы намерены пробыть на этом клочке суши четыре часа, не более. Высадились в час... Возвратились на судно к пяти... Вернулись в порт к семи. А к полуночи — уже снова в Сан-Франциско... Сделано! Все шито-крыто... Finito (кончено)... И после столь долгих лет я, наконец, получу то, чем должен был уже давным-давно обладать.

— Эмбрионы динозавров, — вставил Бэйселтон.

— Эмбрионы?! — удивленно переспросил Кинг.

— О, меня больше не интересуют эти жалкие эмбрионы, — сказал Доджсон. — Несколько лет тому назад я пытался добыть замороженный зародыш, но теперь в этом нет никакого смысла... Мне нужны оплодотворенные яйца... И через четыре часа они у меня будут! При этом, по яйцу каждого вида животных, обитающих на острове.

— Но как тебе удастся за какие-то четыре часа провернуть столь сложное дело?

— Мне уже известно точное расположение всех мест размножения динозавров... Карту, Говард!

Кинг развернул цветной лист бумаги. Это оказалась большая топографическая схема острова размерами два фута на три. Возвышенности отмечены голубоватым контуром... В нескольких местах, где изображались низины, кто-то расставил ярко-красные концентрические круги. В некоторых точках карты окружности образовывали целые гроздья.

— Что это? — поинтересовался Говард.

— Прочти сам, — ответил Доджсон.

Помощник повернул схему и посмотрел на легенду... Sigma data Landsatt Nordstadt mixed spektra VSFR/FASLR/IFFVR... А затем — набор цифр. «Нет, постой...» — Даты?

— Правильно, — со смешком откликнулся Доджсон. — Даты.

— Это... спутниковые данные... Суммарная схема, объединяющая точки, полученные во время нескольких облетов ?

— Верно.

Кинг нахмурился.

— И кажется... получены... при помощи радара видимого спектра и радара ложной апертуры... и...

— И инфракрасного... Одним словом, поработал широкополосный тепловой видеокодер, — улыбнулся довольно Доджсон. — Я сделал это примерно за два часа... Взял данные со спутников, обобщил их — и получил нужные мне ответы.

— Понял, — произнес Кинг. — Эти красные кружочки — инфракрасные отметки...

— Да, — подтвердил Льюис, — крупные животные оставляют заметные следы... Я получил все данные спутниковых облетов за последние несколько лет и отметил места расположения источников теплового излучения. Информация об их нахождении, по-

лученная во время разных облетов, часто совпадала... Результат – вот эта схема... Значит, животные находятся именно в этих точках. Почему? – он повернулся к Кингу. – Потому что здесь – места гнездования...

– Да, конечно... Само собой... – поддержал Бэйселтон.

– А может быть, это – пастбища, – заметил Говард.

Льюис раздраженно покачал головой.

– Совершенно очевидно – эти круги не могут обозначать места кормления животных.

– Но почему?

– Просто каждое из этих существ весит, в среднем, двадцать тонн, вот почему... Собери их вместе – и вот у тебя есть стадо из нескольких огромных особей с общей биологической массой более полумиллиона фунтов, движущихся по лесу. Такое множество животных сожрет немало растительной пищи за день. И единственный способ найти еду заключается для них в непрерывном движении. Так?

– Думаю, что...

– Ты думаешь? Оглянись вокруг, Говард... Ты замечаешь где-нибудь лишенные растительности участки леса? Нет... Они съедают всего лишь несколько листьев с дерева и продолжают движение. Поверь мне, этим животным, чтобы питаться, необходимо двигаться. Но вот что не перемещается никогда – так это гнездовья... Поэтому-то эти красные овалы отмечают не что иное, как места их гнезд, – он бросил взгляд на карту. – Если я не ошибаюсь, первое из них расположено как раз за этим холмом, на его противоположном склоне.

Джип с ревом и скрежетом рванулся вверх по взгорку, взметая за собой шлейф пыли и грязи.

БРАЧНЫЕ КРИКИ

Ричард Ливайн стоял в укрытии, расположенном довольно высоко, и рассматривал стада в бинокль. Малкольм вместе со всеми вернулся в трейлер, оставив Ричарда в одиночестве.

Ученый почувствовал даже некоторое облегчение, находясь на пустой наблюдательной вышке. Его вполне устраивало само созерцание этих необычных животных, и он прекрасно понимал, что Иан вовсе не разделяет его безудержного энтузиазма по этому поводу. Более того, у математика в уме складывалось какое-то свое, особое, мнение. И из него получился плохой наблюдатель... Малкольму хотелось анализировать данные, но никак не собирать их.

Они представляли собой два разных типа ученых.

Физика – характерный пример в этом смысле. Экспериментаторы и теоретики живут там в двух совершенно разных мирах, обмениваясь научными статьями в журналах, но во всем остальном абсолютно чужды друг другу. Иногда создается впечатление, что они, вообще, занимаются двумя разными науками.

Что касается Ливайна и Малкольма, то расхождения в их подходах к изучаемому предмету проявились довольно рано, еще в период их совместной деятельности в Санта-Фе. Обоих интересовала проблема вымирания, но Иан подходил к ней более широко, с чисто математических позиций. Его отрешенность, холодная точность формул завораживали Ричарда. Таким образом, завязывалось их неформальное общение и обмен информацией за ленчами, которые со временем сделались довольно частыми.

Ливайн наставлял Малкольма в области палеонтологии, а Иан, в свою очередь, учил Ричарда нели-

нейной математике. Шаг за шагом они стали приближаться к первым, поначалу весьма осторожным, выводам, которые сразу же взволновали их. Но у ученых, практически с самого начала, возникли и разногласия. Не раз их просили покинуть ресторан, и тогда мужчины выходили на раскаленные тротуары Гваделупе-стрит и шли по направлению к реке, продолжая кричать друг на друга, а попадавшиеся им навстречу туристы спешили перейти на другую сторону улицы.

В конце концов, они перешли на личности. Малкольм считал Ливайна суетливым педантом, слишком большое значение придающим мелким и незначительным деталям. Ричард, так думал Иан, никогда не способен представить картину в целом; его никогда не занимают последствия собственных поступков.

Ливайн, в свою очередь, не колеблясь, называл математика высокомерным и равнодушным, безразличным к значимости деталей.

— Бог пребывает в мелочах, — напомнил как-то ему Ричард.

— Может быть, твой бог и пребывает там, — огрызнулся Малкольм, — но не мой... Мой существует в самом ПРОЦЕССЕ.

* * *

Находясь в своем укрытии, Ливайн думал о том, что ответ как раз такой, какого можно ожидать от сухаря-математика... Самого его вполне устраивал постулат: «Деталь решает все...» По крайней мере, в биологии... Наиболее распространенной причиной неудач его коллег-биологов как раз и являлось их недостаточное внимание к подробностям тех или иных явлений.

Сам Ричард ради поиска этих составляющих огромного целого не мог позволить себе упустить ни одной из них. Например, то животное, что напало на них во время высадки на остров...

Диего... Ливайн часто вспоминал об этом вновь и вновь, перебирая в памяти все подробности произошедшего, заново переживая события тех дней. В них присутствовало что-то такое особенное, не позволяющее успокоиться; возникало впечатление какой-то логической «нестыковки».

Животное напало почти мгновенно, он сумел только разглядеть, что это действовала неизвестная ему разновидность терапода: задние лапы, широкий твердый хвост, крупный череп — все, как обычно... Но за то короткое мгновение, в течение которого исследователь наблюдал данную особь, он отметил и нечто необычное в форме глазных впадин, напоминавших другой вид, а именно Carnotaurus sastrei из Корро-Фриго в Аргентине. Кроме того, ему особенно странной показалась кожа с ярко-зеленой крапчатой поверхностью. В этом присутствовало что-то такое...

Ученый пожал плечами. Беспокоившая мысль зависла где-то в глубинах его сознания. Ливайн никак не мог до нее добраться. Никак...

* * *

Нехотя он переключил свое внимание на стадо паразавров, ощипывающих молодые побеги вдоль реки рядом с апатозаврами. Исследователь прислушался к отчетливым низким трубным звукам, издаваемым более мелкими ящерами. Биолог уже отметил для себя, что паразавры кричат коротко, словно гудят. Иногда несколько животных подавали такой сигнал одновременно или почти одновременно; со-

здавалось впечатление: звук — это способ указания, где находится стадо, всем его членам.

Затем раздавался значительно более продолжительный крик, скорее напоминавший звучание трубы. Его издавали редко, да и то только две самые крупные особи в стаде, которые поднимали головы и оглашали окрестности громким и долгим ревом. Но что означают эти звуки?

Поджариваясь под лучами яркого солнца, биолог решил провести небольшой эксперимент. Он сложил ладони рупором у рта и попытался сымитировать трубный возглас паразавра. Конечно, получилось не очень удачно, однако ящер-вожак поднял голову и принялся внимательно осматривать окрестности. Затем он издал низкий глухой рык, отвечая Ливайну.

Ричард повторил свою попытку. И вновь паразавр ответил. Исследователя обрадовала эта реакция животного, и он сделал пометку в своем блокноте. Но когда Ливайн снова взглянул на пастбище, то с удивлением заметил, что рептилии-паразавры отходят в сторону от апатозавров. Они сгруппировались, затем вытянулись в линию и начали двигаться по направлению к его укрытию.

Несмотря на жару, Ричарда прошиб холодный пот. Что он такого сделал? Где-то в глубине его сознания возникло предположение: а не сымитировал ли он, сам того не ведая, брачный призыв? Этого будет вполне достаточно, чтобы привлечь похотливого динозавра. Кто знает, как ведут себя эти животные во время спаривания? Со все возрастающим страхом и напряжением Ливайн наблюдал за движением ящеров. Может быть, ему следует позвать Малкольма и спросить у него совета? Но чем больше он думал над происходящим, тем отчетливее понимал, что, издав этот крик, он совершил грубое вторжение в

окружающую среду, привнеся в нее новую, непредвиденную, переменную величину...

Ричард сделал как раз то, от чего предостерегал остальных участников экспедиции. Да, весьма легкомысленно с его стороны... Однако, вряд ли это могло иметь сколько-нибудь серьезные последствия... Хотя, в любом случае, Малкольм обязательно задаст ему хорошую трепку.

Ливайн опустил бинокль и пристально осмотрелся вокруг. Глубокий трубный крик огласил окрестности, такой громкий и мощный, что у него даже в ушах закололо. Земля начала сотрясаться, а укрытие биолога — угрожающе раскачиваться из стороны в сторону.

«Боже мой, — подумал Ричард, — они направляются прямо ко мне». Он наклонился и дрожащими пальцами нащупал в рюкзаке передатчик.

ПРОСТЕЙШИЕ ЭВОЛЮЦИИ

Все собрались в трейлере.

Торн извлек из микроволновой печи регидрированную пищу и расставил тарелки на маленьком столике.

Малкольм воткнул вилку в содержимое своего блюда и поинтересовался:

— Что это такое?

— Обжаренная куриная грудинка со специями, — отозвался док.

Иан попробовал и неодобрительно покачал головой.

— Ну, не восхитительны ли достижения техники?! — воскликнул он. — С ее помощью удается придать курятине вкус окорока!

Математик взглянул на детей, сидевших напротив него. Келли подняла голову и указала вилкой на книги, стоящие на полке над столом.

– И все-таки одной вещи я не понимаю...

– Только одной? – улыбнулся Малкольм.

– Не понимаю я всех этих дел по поводу эволюции, – ответила она. – Дарвин написал свою книгу уже очень давно, не так ли?

– Он опубликовал «Происхождение видов» в 1859 году, – отозвался профессор.

– И все в это верят, так ведь?

– Полагаю, будет более правильно, если сказать, что все ученые в мире согласны в понимании эволюции, как одной из характерных особенностей жизни на Земле, – сказал Малкольм, – и в том, что нашими предками были животные... Вот так.

– Хорошо, – продолжала допытываться девочка, – но в чем же тогда состоит главная загвоздка?

Профессор снова улыбнулся.

– В том, что никто не отрицает реальность эволюции, но при этом никто не понимает ее механизма. Эта теория порождает массу проблем, и все больше ученых начинает признавать их наличие.

Он отодвинул от себя тарелку.

– Нужно проследить, – сказал Иан, – как развивались научные учения по этому вопросу на протяжении двух последних столетий... Начнем с барона Жоржа Кювье, известнейшего аналитика своего времени, жившего в интеллектуальной столице мира – Париже... Примерно в 1800 году из земли начали выкапывать какие-то древние кости, которые, как понял ученый, принадлежали животным, давно исчезнувшим. Это сразу же стало источником определенных проблем, так как тогда все незыблемо верили в божественное происхождение всех видов живых существ: сотворенные Богом, они обитают на плане-

те постоянно, никак не изменяясь и, уж тем более, не исчезая. Такое предположение выглядело вполне разумным, потому что считалось — возраст Земли равен всего нескольким тысячелетиям... Действительно, Творец, создавший все сущее, никогда не допустит вымирания ни одного из животных, поэтому исчезновение отдельных особей рассматривалось, как нечто невозможное. Кювье долго мучился с этими находками и, в конце концов, пришел к выводу: виноват в случившемся Господь Бог или нет, но многие живые существа, действительно, вымерли в результате, как он полагал, всемирных катастроф, подобных Ноеву потопу.

— Так...

— Постепенно и с большой неохотой ученый-аналитик поверил в возможность исчезновения отдельных видов, — продолжил Малкольм, — но он так никогда и не принял теорию эволюции. По мнению Кювье, никаких изменений нет. Некоторые живые особи вымерли, другие — эволюционировали, но ни одно из них не выжило при этом. С его точки зрения, животные не меняются... Затем появился Дарвин, заявивший, что представители живого мира все-таки изменяются и найденные в ходе раскопок кости принадлежат вымершим существам... Выводы Чарльза вызвали шок у очень многих ученых. Им не хотелось допускать, как тогда казалось, совершенно крамольной мысли: Божьи творения со временем изменяются, а, кроме того, ретрограды от науки никак не желали поверить в свое происхождение от обезьян, так как это звучало вызывающе и оскорбительно... Разгорелись ожесточенные споры... Но Дарвин собрал большой объем фактического материала, поэтому шаг за шагом его эволюционная теория стала приниматься как учеными, так и людьми, далекими от науки... Одним словом, всем миром в целом...

Но остался неразрешенным самый главный вопрос: а как же происходит эволюция? В этом случае Чарльз оказался бессильным – ответа у него не было...

– Естественный отбор, – заметил Арби.

– Да, именно этим все объяснял Дарвин: факторы окружающей среды оказывают определенное воздействие на все виды животных... При этом некоторые попадают в более благоприятные условия по сравнению с другими, что активизирует их размножение в последующих поколениях... Вот так и происходит эволюция. Это, как бы, своеобразное определение: если отдельный вид процветает, значит, он победил в ходе естественного отбора. Но какие особенности животного помогают ему достичь этого превосходства? И как все-таки работает сам механизм, определяющий жизнеспособность той или иной особи? Дарвин не имел на этот счет ни малейшего представления... И в течение следующих пятидесяти лет после него никто ничего нового по этому поводу сказать не мог.

– Но все дело – в генах, – заметила Келли.

– Ну что ж, – продолжил Малкольм, – прекрасно... Вот мы и пришли в век двадцатый... Заново открываются данные эксперимента Менделя с растениями... Фишер и Райт проводят исследования популяций... Очень скоро становится ясно, что гены управляют наследственностью, чем бы эти «пресловутые гены» не являлись.

Помните, в течение первой половины столетия, в эпоху Первой и Второй мировых войн, никто не имел даже представления по данному вопросу... И лишь после исследований Готсона и Крика, в 1953 году, становится ясно: гены – это нуклеотиды, закрученные в двойную спираль. Превосходно! Теперь мы знаем и такое явление, как мутация... Итак, к концу двадцатого столетия оформляется теория есте-

ственного отбора, по которой мутации спонтанно возникают в генах, а окружающая среда, в свою очередь, поддерживает благоприятные изменения... На этом и построен весь ход эволюции. Как видите, все достаточно просто и прямолинейно — Господь Бог в подобной работе не задействован... Здесь отсутствует какой-либо высший организующий принцип. В конечном итоге, совершенствование есть результат набора адаптационных изменений, продукт которых либо выживает, либо исчезает. Верно?

— Конечно, — согласился Арби.

— Но и эта идея порождает ряд проблем, — сказал Малкольм, — и, прежде всего, вопрос времени... Отдельная бактерия — самая древняя форма жизни — имеет две тысячи энзимов. Ученые подсчитали, сколько лет потребуется для того, чтóбы совершенно случайным образом из хаоса — «первобытного бульона» — собрать эти составляющие в определенную форму. Результаты варьируются от сорока до ста миллиардов долгих земных годов. Но нашей планете, всего-навсего, четыре миллиарда лет. Поэтому, если взять в качестве решающего фактора одну лишь случайность, эволюция становится слишком медленной. Кроме того, мы ведь знаем — бактерии появились на Земле только четыреста миллионов лет назад. Зарождение и формирование жизни происходило очень бурно... Вот почему многие ученые пришли к заключению: появление на нашей планете живых существ имеет внеземное происхождение. Хотя мне лично кажется — это просто попытка уйти от истинного решения вопроса.

— Хорошо...

— Во-вторых, существует еще одна проблема... Проблема координации. Если вы являетесь сторонником принятой в настоящее время теории, значит, вся необъятная сложность и разнообразие жизни для

вас не более чем результат совокупности случайных событий – узел генетических случайностей, связанных воедино. И все же, если мы внимательно посмотрим на живых существ, то убедимся, что многие составляющие в них, по-видимому, развивались одновременно.

Возьмите, к примеру, летучих мышей, обладающих способностью эхолокации... Чтобы возникла эта особенность организма, многое должно было развиваться в данном животном. Данным особям необходим специализированный биологический аппарат, чтобы издавать звуки в специфическом диапазоне волн; им нужны уши особой конструкции, воспринимающие отраженный сигнал; необходим специализированный мозг для интерпретации полученной информации; наконец, особо устроенное тело, удовлетворяющее двум требованиям: существо должно быть и летчиком, и охотником... Если названные характеристики не развиваются одновременно, то данный вид не получает никакого эволюционного преимущества. И делать вид, что все перечисленное может стать результатом чисто случайного совпадения, – полнейшая глупость! В таком случае и ураган, разметавший свалку металлолома, может сам собрать действующую 747-ю модель «Боинга»... А уж в это-то поверить нелегко!

– Хорошо, – произнес Торн. – Согласен...

– Следующая проблема... Эволюция далеко не всегда действует как некая слепая сила. Некоторые природные ниши остаются пустыми... Отдельные виды растений никто из животных не ест... А многие виды существ, в общем-то, не изменяются... Акулы не эволюционировали на протяжении ста шестидесяти миллионов лет. Опоссумы не менялись с тех самых пор, как вымерли динозавры, то есть шестьдесят пять миллионов лет. Окружающая среда,

в которой обитают эти существа, изменилась кардинальнейшим образом, а животные, практически, остались прежними. Может быть, поменялось что-то второстепенное, но в самом главном – они такие же, как и десятки миллионов лет назад. Другими словами, складывается впечатление, что данные особи никак не прореагировали на особенности окружающей среды...

– Возможно, они просто очень хорошо к ней приспособились, – предположил Арби.

– Может быть... Но, скорее всего, происходит что-то такое, чего мы понять не в силах...

– И что же?

– Природа играет по каким-то другим правилам, которые кардинально влияют на результаты.

– Хочешь сказать, эволюция – направленный процесс? – спросил Торн.

– Нет, – живо отозвался Малкольм. – Это уже креационизм, а он в корне не верен, что совершенно очевидно. Но я хочу сказать, что естественный отбор, основанный на генетической теории, вероятно, не включает в себя ряд других факторов. Действуют какие-то иные составляющие... Молекула гемоглобина представляет собой протеин, сложенный наподобие сэндвича вокруг центрального атома железа, связывающего кислород... Крошечная частица расширяется и сжимается, принимая и отдавая Oxygenium, подобно маленькому легкому. В настоящее время известна последовательность аминокислот, составляющих молекулу гемоглобина... Но мы не знаем, как «свернуть» ее соответствующим образом. К счастью, нам это и не нужно знать, так как искусственно созданная молекула сворачивается сама собой. Она сама себя организует... Снова и снова мы находим в природе свидетельства того, что живые существа наделены способностью самоорганизации...

Протеин складывается в нужную структуру... Энзимы взаимодействуют между собой. Клетки собираются в определенные органы, а органы – в определенный живой индивид; отдельные же особи организуются в сообщество. А популяции создают биосферу. Исходя из ТЕОРИИ СЛОЖНЫХ МНОЖЕСТВ, мы можем получить некоторое представление о том, как возникает этот феномен самоорганизации и что он означает. А сие предполагает решительное изменение нашего представления об эволюции...

– Но, – заметил Арби, – в конце концов, все изменения все-таки остаются результатом воздействия факторов окружающей среды на механизм наследственности.

– Думаю, этого недостаточно, Арби, – ответил Малкольм. – Необходимо нечто большее. Мне кажется, нечто большее необходимо и для объяснения, как возник на Земле человек...

Около трех миллионов лет назад какая-то разновидность африканских обезьян, жившая на деревьях, спустилась вниз. Эти животные не представляли собой ничего особенного: размер мозга – небольшой, и особо смышлеными их не назовешь. Они не располагали ни когтями, ни острыми клыками, которыми можно воспользоваться в качестве оружия; не обладали силой и не были особенно быстрыми при передвижении. Конечно, с леопардом эти существа сравниться не могли ни по каким статьям... Но так как обезьяны имели довольно высокий рост, то скоро встали на задние ноги и освоили прямохождение, что позволило им получить хороший обзор окрестностей над высокой африканской травой. Вот так, примерно, все и начиналось... Просто несколько самых обычных приматов, выглядывающих из зеленых зарослей...

Время шло, и обезьяны все чаще поднимались на задние ноги, а это высвобождало их передние лапы. Подобно всем другим своим сородичам, они легко научились пользоваться орудиями труда. Шимпанзе, например, вооружаются веточками для ловли термитов... Проходили годы, десятилетия, и наши обезьяны-предки создали более сложные инструменты. Это, естественно, привело к тому, что их мозг стал увеличиваться в объеме и усложняться. Возникла своеобразная спираль: орудия труда становились причиной совершенствования мозговой структуры, которая, в свою очередь, подталкивала к изобретению новых инструментов. Происходит, в буквальном смысле, взрыв в эволюционном развитии нашего мозга. За период около миллиона лет «наша ЭВМ», практически, удвоилась в размере. И это вызвало соответствующие проблемы.

— Какие?

— Например, проблемы с родами... Из-за большого объема черепной коробки младенец особи не проходил по родовому каналу, что приводило к гибели обоих — и матери, и ребенка... В этом, конечно, не наблюдалось ничего хорошего. Каков же оказался эволюционный ответ на подобное препятствие? Сделать так, чтобы человеческий детеныш рождался довольно рано, когда мозг еще не достигает большого размера, и голова свободно может пройти через тазовый отдел. Это решение принадлежит, в принципе, сумчатым, у которых рост младенцев происходит вне тела матери.

Мозг человеческого ребенка увеличивается в размере вдвое за первый год жизни. Конечно, это хорошее решение проблемы родов, но оно само по себе создает новые трудности. Например, это означает, что младенец в течение довольно долгого времени остается совершенно беспомощным. Дети многих

млекопитающих начинают ходить через несколько минут после рождения... Малыши других встают спустя десять-четырнадцать дней... Но человеческие отпрыски не могут ходить в течение целого года после появления на свет. Еще более длительное время они не в состоянии самостоятельно добывать пищу. Поэтому своеобразной платой за крупный мозг оказалось то, что нашим предкам пришлось создавать новую стабильную социальную организацию, которая позволила бы осуществлять длительный уход за новорожденными на протяжении многих лет. Эти совершенно беспомощные дети с крупным мозгом изменили общество. Но сие явление — отнюдь не самое важное следствие...

— Не самое важное?

— Да. Рождение в таком «незрелом» состоянии означало только одно: у человеческих детенышей мозг на момент рождения еще не сформирован окончательно, и они приходят в этот мир недостаточно развитыми. Что касается инстинктов, то новорожденный систематически сосет и хватает все попадающееся под руки — и это, пожалуй, все... Сложное поведение людей вовсе не заложено в них с момента рождения. Поэтому человеческим сообществам пришлось создавать общеобразовательные системы, чтобы развивать мозг своих детей, учить их способам выживания. Каждая популяция людей затрачивает массу времени и усилий на воспитание правильного поведения у молодого поколения. Взгляните на самые примитивные сообщества где-нибудь в тропических джунглях, и вы обнаружите, что каждый новорожденный ребенок попадает в сложную структуру взаимодействий взрослых членов этого общества, предназначенную для того, чтобы вырастить данного младенца. Не только родители, но и тетки, дядьки, бабки и вожди племени участвуют в этом процессе...

Кто-то учит ребенка охотиться, собирать плоды или ткать, другие разъясняют ему вопросы секса... Но ответственность каждого довольно четко определена, и если, скажем, у малыша нет сестры, брата, матери, чтобы обучить его какому-нибудь делу, члены племени собираются и совместными усилиями находят замену, так как именно благодаря воспитанию общество продолжает существовать. Это самое высокое достижение эволюции, вершина развития всего: орудий, языка и структуры. Со временем, через несколько миллионов лет, мы получаем детей, умеющих пользоваться компьютерами.

Ну, а теперь, если эта картина вам ясна, задумаемся над вопросом: на каком уровне действует естественный отбор? Затрагивает ли он тело, увеличивая размер мозга? А может, работает на одном из этапов формирования организма, заставляя младенцев покидать тело матери достаточно рано? Или отбор воздействует на социальное поведение, подталкивая индивидов к сотрудничеству и заботе о детях? А может быть, он затрагивает все уровни одновременно?

— Конечно, одновременно, — произнес мальчик.

— Я тоже так думаю, — сказал Иан, — но здесь могут быть и такие составляющие, которые возникают как бы автоматически, в результате самоорганизации. Например, младенцы животных практически всех видов имеют весьма характерную внешность: большие глаза, крупную голову, маленькое лицо, плохую координацию движений... Это относится и к человеческим детенышам, и к щенкам собаки, и к птицам... Создается впечатление, что подобные обстоятельства заставляют взрослых особей всех видов вести себя с особой нежностью по отношению к ним. Можно даже сказать — внешность детей «самоорганизует» поведение старших индивидов. И в нашем случае...

— Но какое отношение имеет все это к вымиранию динозавров?! — удивился Торн.

— Факторы самоорганизации могут действовать как в направлении улучшения, так и в направлении ухудшения... Эти процессы не только координируют видовые изменения, но и могут вести популяцию к упадку и утрате своего места в мире...

На этом острове, я надеюсь, мы увидим примеры самоорганизующей адаптации в поведении настоящих динозавров, и это, возможно, объяснит нам, почему они вымерли. Но, по сути дела, уверен: нам уже известна причина исчезновения ящеров...

Профессору пришлось прервать фразу, так как из динамика рации раздался голос Ливайна:

— Браво! Я бы не смог объяснить это лучше... Но, может быть, вам стоит взглянуть на происходящее здесь? Паразавры заняты чем-то весьма интересным, Иан...

— Чем же?

— Приходи и посмотри.

— Ребята, — сказал Малкольм, — вы остаетесь здесь и контролируете ситуацию с помощью мониторов.

Он нажал кнопку рации, вызывая наблюдательный пункт.

— Ричард? Мы идем...

ПАРАЗАВРЫ

Ливайн ухватился за перила, ограждавшие его наблюдательную площадку, и напряженно всматривался в лесные заросли.

Прямо перед ним возникла огромная голова, принадлежавшая «Паразавролофус валькери», с клю-

вом, напоминавшим утиный... Череп хадрозавра вытянут в длину на три фута, но его еще больше увеличивает гребень из ороговевшей ткани, поднимающийся высоко надо лбом ящера.

По мере приближения животного Ричард все более отчетливо различал зеленые пятнышки на его голове. Он видел длинную мощную шею, тяжелое тело с брюхом светло-зеленого цвета... Рептилия достигала двенадцати футов в длину, а величиной — примерно равна крупному слону.

Голова динозавра уже почти поднялась до уровня пола наблюдательного пункта. Животное продолжало неуклонно двигаться по направлению к нему, тяжело ступая по земле.

Чуть-чуть позже Ливайн заметил, что над холмом появилась голова второй твари, затем — третьей, четвертой... Ящеры издавали трубные звуки и продолжали единой линией перемещаться по направлению к нему.

Через несколько мгновений первое животное оказалось практически рядом с его вышкой. Ричард затаил дыхание.

Рептилия уставилась на него, ее огромные коричневые глаза неподвижно застыли, рассматривая ученого; затем она провела по губам языком темно-пурпурного цвета. После этого динозавр продолжил свой путь, направляясь к джунглям позади укрытия человека. За первым последовало и второе животное. Наблюдательная вышка зашаталась от их тяжелой поступи. Третье, проходя, слегка задело сооружение, и пол под ногами биолога заходил ходуном. Но возникало ощущение, что динозавр ничего не заметил, продолжая упорно двигаться вперед.

За ним последовали и все остальные особи. Одна за другой они исчезали в густых зарослях за холмом. Земля перестала содрогаться от их поступи.

Ливайн с облегчением вздохнул; напряжение постепенно покидало его. Он потихоньку приходил в себя. И в этот момент мелькнула запоздалая мысль: «Господи! Как это они не снесли вышку?! Куда же направляются эти твари?»

С его точки зрения, поведение паразавров представлялось крайне необычным... На пастбище они занимали место, хорошо защищенное от нападения извне, и держались довольно тесными группами, но, начав двигаться, животные выстроились в одну линию, разрушавшую традиционную сплоченность стада. Такая «цепочка» делала каждую особь довольно легкой добычей для хищников. И тем не менее, данное поведение динозавров, совершенно очевидно, имело организованный характер. Движение строем служило какой-то определенной цели.

Но какой?

Теперь, добравшись до джунглей, рептилии стали издавать низкие трубные звуки небольшой продолжительности.

И вновь у Ливайна появилось ощущение того, что животные пытаются сообщить о своем местонахождении остальным членам стада.

Но почему они меняют направление?

Куда направляются? Что делают?

Ни на один из этих вопросов Ричард не мог дать ответа... Да и как он может что-то понять, если «привязан» к своему укрытию?

Ученый долго раздумывал, вслушиваясь в звуки, издаваемые паразаврами; затем решился — перелез за ограждение и быстро спустился вниз по лестнице.

Она ощутила, как что-то жесткое царапнуло ее по лицу, словно провели наждачной бумагой. «Странно, – мелькнула мысль. – Где же это я?» Снова нечто шероховатое коснулось ее щеки.

Сара Хардинг осторожно откашлялась... Капелька какой-то жидкости упала ей на шею. Она почувствовала странный сладковатый аромат, подобный тому, который источает африканское пиво во время брожения. Послышалось глухое шипение... Вновь что-то царапнуло ее щеку...

Женщина медленно открыла глаза и увидела перед собой морду лошади. Большие, лишенные выражения глаза животного с мягкими ресницами всматривались в ее лицо. Существо облизывало ее языком. «Это довольно приятно, – подумала она, – это – успокаивает...»

Сара лежала на спине в грязи, и лошадь...

Но это была не лошадь!

Голова слишком узкая... морда довольно конусообразная... И все пропорции совершенно не такие, как у знакомого домашнего животного. Она повернулась и увидела поразительно толстую шею и тяжелое тело. Хардинг подскочила, неуклюжим движением поднимаясь на ноги.

– О, боже мой!

Внезапная перемена ее положения испугала «лошадь», и она встревоженно захрапела, отходя прочь. Животное сделало несколько шагов по грязному берегу и вновь повернулось к ней, бросив укоряющий взгляд.

Теперь Сара увидела его полностью: маленькая голова, толстая шея, огромное громоздкое тело с двойным рядом пятиугольных пластин вдоль спинного хребта, тяжелый хвост с шипами...

Хардинг заморгала.

– НЕТ! ЭТО НЕВОЗМОЖНО!!

В полной растерянности и изумлении она рылась в своей памяти, пытаясь припомнить название этого существа... И вот, откуда-то издалека, из очень далекого детства, всплыло...

– Стегозавр! Самый настоящий стегозавр!

Удивление не проходило. Память вернула ее в сияющую белизну больничной палаты, той, где она навещала Иана Малкольма, когда он в бреду твердил названия разных видов динозавров. У нее навсегда сохранились подозрения на этот счет...

Но даже сейчас, столкнувшись с живым стегозавром, Сара поначалу решила, что это, скорее всего, какой-то трюк. Хардинг критически рассматривала животное, пытаясь обнаружить «швы» в его «костюме», механические соединения под «кожей»... Но ничего подобного не наблюдалось. Существо передвигалось свободно и естественно; оно снова моргнуло глазами, а затем отвернулось от нее и направилось прямо к реке... остановилось и начало лакать воду своим большим шершавым языком темно-синего цвета.

«Господи, как это?.. Темно-синий цвет... из-за венозной крови? Или это холоднокровное животное?» Нет! Оно двигалось слишком плавно; в нем чувствовалась уверенность и... равнодушие теплокровного существа. Ящерицы и рептилии всегда обращают внимание на температуру окружающей среды... Но это животное вело себя совершенно иначе: оно стояло в тени и лакало холодную воду, не обращая внимания на разницу температур.

Женщина взглянула на свою рубашку и увидела, как с нее стекает пенистая жидкость... «Слюна этого существа...» Сара коснулась ее пальцами – теплая.

– Ну, конечно, оно – теплокровное...

«Стегозавр...»

Она пристально рассматривала его.

Поверхность кожи неровная, словно посыпанная галькой... Но не чешуйчатая, как у рептилий... Она более напоминала, как ей показалось, шкуру носорога или бородавочника, за исключением одного: шерсть отсутствовала, не наблюдалось даже признаков короткой поросячьей щетины.

Стегозавр передвигался очень медленно. Он выглядел довольно мирно и глуповато. «Да, скорее всего, это животное малосообразительно», — подумала она, взглянув на его голову. Даже на первый взгляд, черепная коробка меньше головы лошади и слишком мала для общего веса тела.

Сара поднялась на ноги и застонала от пронизывающей боли. Ныла каждая мышца ее измученного тела, ноги дрожали. Она глубоко вздохнула и осмотрелась.

На расстоянии нескольких метров от нее ящер прервал свое сосредоточенное занятие и вновь взглянул на женщину, как бы осмысливая ее изменившееся положение. Она не двинулась, и стегозавр вновь потерял к ней всякий интерес.

— Черт побери! — прошептала Хардинг и посмотрела на часы: — Половина второго...

Сара решила, что ей лучше отправиться в путь и попытаться разыскать Малкольма и Торна. С большим трудом, еле переставляя босые ноги, она двинулась в джунгли, в противоположную сторону от реки.

* * *

Проведя в дороге около получаса, она почувствовала жажду, но за долгое время работы в африканской саванне женщина научилась обходиться без воды в течение длительного времени.

Сара продолжала идти, стараясь не обращать внимания на подобные неудобства. Добравшись до вершины холма, она набрела на место, где совсем недавно прошло стадо каких-то животных, оставивших после себя широкий грязный след, уводивший в джунгли. Вдоль этой тропы идти стало намного легче...

Минут через пятнадцать где-то впереди послышался возбужденный лай. Это напомнило ей о собаках, и Хардинг продолжала свой путь с большей осторожностью.

Несколько мгновений спустя в подлеске раздался звук ломающихся веток, и внезапно какое-то темно-зеленое животное около четырех футов высотой, очень похожее на ящерицу, промчалось по зарослям с поразительной быстротой, издало резкий крик и прыгнуло через нее.

Сара инстинктивно пригнулась, но не успела опомниться, как появилась вторая тварь и пробежала мимо, ломая ветки. Через несколько секунд уже целая стая этих существ пронеслась через кустарник, издавая вопли ужаса. Одно из них задело ее, и Хардинг упала в грязь, а вокруг прыгали и падали эти странные животные.

В нескольких футах впереди она заметила большое дерево с низко свисавшими ветвями... Женщина действовала, почти не раздумывая: вскочила на ноги, схватилась за мощный сук, подтянулась и вскарабкалась по нему наверх. Таким образом, она оказалась в относительной безопасности именно в тот момент, когда динозавр с когтистыми лапами промчался по грязи прямо под нею, преследуя убегающих от него зеленых существ. Хардинг заметила темную тушу в шесть футов высотой с красноватыми полосами, словно у тигра. Вслед за первым «полосатиком» появилось еще одно подобное животное, за-

тем – третье... Стая хищников с шипением и кровожадным рычанием преследовала тех, зеленых, ящеров.

Сара почти инстинктивно пересчитала животных, пробегающих мимо нее. По ее подсчетам, полосатых хищников оказалось десять, причем, они очень быстро исчезли из поля зрения.

Происходящее пробудило любопытство биолога. Как только последний преследователь скрылся, Хардинг спустилась с дерева и поспешила за динозаврами. На мгновение ей показалось, что она совершает глупость, но интерес ученого-исследователя одержал верх.

Еще не добравшись до вершины холма, Сара поняла по характерному рычанию и храпу, что охота завершилась удачно. Наконец она увидела и саму жертву хищников.

Но сцена пожирания добычи оказалась не похожей ни на что из увиденного в Африке. В саванне место поедания добытого характеризовалось особой организацией, которая вполне предсказуема и, в каком-то смысле, даже величественна. Наиболее крупные хищники, львы и гиены, находятся ближе к убитому животному и совершают трапезу вместе со своими детенышами. Чуть дальше, в ожидании своей очереди, собираются грифы и марабу, а еще дальше жадно крутятся шакалы и другие мелкие пожиратели падали. После того, как заканчивают есть крупные особи, наступает черед сидящих поблизости. Различные животные пожирают разные части добычи: гиены и грифы – кости, отдельные сочные куски мяса, а шакалы объедают все оставшееся, дочиста обгладывая скелет жертвы. Такова схема любой трапезы хищников, и, как результат, во время нее редко случаются драки и стычки между особями из-за еды.

Здесь же она увидела истинный ад — безумное, остервенелое пожирание добычи. Погибшее животное быстро исчезало прямо на глазах у потрясенной женщины. Полосатые твари жадно сдирали мясо с костей жертвы, часто останавливаясь для грозного рычания и драк друг с другом. Эти стычки носили откровенно жестокий характер: один из хищников вонзил клыки в своего соседа, оставив на его боку глубокую и опасную рану. Тотчас же несколько других особей набросились на раненого собрата по стае, и ему пришлось, прихрамывая, отскочить в сторону. Но, оказавшись на задворках общей трапезы, раненый динозавр решил взять реванш: он шустро подкрался к рычащей массе плоти и укусил за хвост одного из ящеров, нанеся ему серьезную травму.

Молодая особь, достигшая примерно половины среднего размера взрослого хищника, попыталась пробраться к добыче, чтобы ухватить свою долю, но старшие собратья не пропускали ее. Напротив, они рычали и разъяренно лязгали на нее зубами. Молодому динозавру приходилось то и дело отскакивать назад и держаться на расстоянии от острых клыков старших. Хардинг вообще не видела там детенышей. Перед ней было сообщество злобных, жестоких и эгоистичных взрослых рептилий.

Рассматривая крупных хищников, их головы и тела, испачканные кровью, Сара заметила у них на шее и боках множество крестообразных заживших шрамов. Это, несомненно, сообразительные и разумные животные; тем не менее, они постоянно дерутся. Неужели таким образом развивалось их сообщество? Если это так, то эти особи представляют собой крайне редкое явление среди живых существ.

Представители многих видов дерутся за пищу, территорию и самок, но подобные столкновения ча-

сто имеют лишь показной характер и являются ритуалом агрессии. В ходе таких стычек животные редко получают серьезные ранения. Конечно, случаются и исключения из правил. Например, когда самцы гиппопотамов сражаются за власть над гаремом, то часто наносят тяжелые раны своим соперникам. Однако это не идет ни в какое сравнение с тем, что она наблюдала сейчас.

Сара заметила, как раненый ящер рванулся вперед и укусил другую взрослую особь, которая с рычанием набросилась на него и вонзила когти. В мгновение ока нападавший был буквально выпотрошен, через широкое рваное отверстие на брюхе вывалились его внутренности. Животное с воем упало на землю, и тотчас же три хищника, забыв об общей трапезе, набросились на него и начали с невероятной жадностью разрывать на части тело своего собрата.

Хардинг закрыла глаза и отвернулась.

Оглушенная увиденным кошмаром, она стала спускаться с холма, стараясь передвигаться как можно тише и осторожнее, держась подальше от места жуткой трапезы.

ШУМ

«Форд» тихо скользил по джунглям, придерживаясь следа стаи по верху холма и направляясь в сторону наблюдательного пункта. Машину вел Торн.

Неожиданно он обратился к Малкольму, как бы продолжая прерванный разговор:

— Ты говорил, что знаешь причину, по которой вымерли динозавры...

— Знаю, — отозвался профессор. — Если разобраться, то все довольно просто... — он поерзал на своем сиденье, устраиваясь поудобнее. — Они появились в Триассовый период, около двухсот миллионов лет назад, но особенно размножились и прижились на Земле в Юрский и Меловой периоды. Динозавры оставались доминирующей формой жизни на нашей планете в течение полутора сотен миллионов лет... Одним словом, довольно длительный промежуток времени...

— А если принять во внимание, что мы населяем Землю всего лишь три миллиона лет... — вставил Эдди.

— Давай не будем важничать, — перебил его Малкольм. — Действительно, несколько жалких обезьян населяли наш «шарик» около трех миллионов лет назад... Но не мы! Те, кого с полным основанием можно назвать человеческими существами, обитают на этой планете всего каких-нибудь тридцать пять тысяч лет. Именно столько прошло времени с тех пор, как наши предки создали фрески в пещерах Франции и Испании, изобразив на них картины охоты, чтобы сделать ее более успешной. По сравнению с общей историей Земли — это ничто. По сути дела, мы только что появились на свет.

— Пожалуй...

— И уже в те далекие времена люди активно помогали вымиранию целых видов животных. Пещерные люди убивали такое их количество, что некоторые особи полностью исчезли с территории нескольких континентов. В Европе когда-то обитали тигры и львы... В Лос-Анджелесе существовали жирафы и носороги... И ведь, черт возьми, десять тысяч лет назад представители коренных американцев полностью уничтожили всех мамонтов. Это, конеч-

но, не ново, поскольку является человеческой особенностью...

— Иан!

— Да, да... Это бесспорный факт, хотя современные пустомели пытаются утверждать, что все происходящее...

— Иан, ты же говорил о динозаврах!

— Ну, да... Что бы там не случилось, но в течение ста пятидесяти миллионов лет жизни на Земле ящеры оказались более удачливы, чем многие представители животного мира... С наступлением Мелового периода их насчитывалось около двадцати с лишним видов. Несколько групп, например, камаразавры и фаброзавры, — вымерли... Но огромное большинство этих групп рептилий прекрасно просуществовали на протяжении всего Мелового периода, и затем внезапно, около шестидесяти пяти миллионов лет назад, все они исчезли. Остались только птицы... Вот так! Невольно возникает вопрос: что же случилось?

— А я думал, ты знаешь, — разочарованно произнес Торн.

— Нет. Извини, я имел в виду совершенно другое... Слышал какой-то странный звук?

— Звук?

— Останови машину, — попросил математик.

Док нажал на тормоза и выключил двигатель. Люди опустили окна, и в салон ворвалась тихая полуденная жара. Какое-то время они напряженно прислушивались.

Наконец Джек пожал плечами:

— Я ничего не слышу... Тебе, наверное, показалось.

— Ш-ш-ш... — остановил его Малкольм. Он сложил ладонь рупором, приложил к уху и высунулся в

окно, внимательно слушая. Спустя мгновение Иан произнес:

– Могу поклясться, что слышал шум мотора.

– Мотора?! Ты имеешь в виду двигатель внутреннего сгорания?

– Совершенно верно, – он указал на восток. – Такое впечатление, что звук доносится оттуда.

Мужчины снова внимательно прислушались, но кругом стояла мертвая тишина.

Торн покачал головой.

– Не могу представить себе в этих местах бензиновый двигатель, Иан... Здесь же для него даже горючего не достанешь.

Из динамика рации раздался голос Арби, оставшегося в трейлере:

– Доктор Малкольм?

– Да...

– Кто еще есть на острове, кроме нас?

– Что-что?

– Включите свой монитор.

Торн нажал клавишу на приборном щитке. На телеэкране появилось изображение с одной из камер слежения. Это оказался вид на узкую восточную долину у крутого холма. Они увидели склон горы, темный из-за тени множества деревьев. Большую часть видеокартины закрывали зеленые ветки, но ее ничто не нарушало: никаких признаков движения.

– Что ты заметил, Арби?

– Просто посмотрите более внимательно.

Сквозь листву док заметил, как что-то мелькнуло. Затем это повторилось снова. Он понял, что перед ним человек, который то шел, то скользил вниз по крутому склону, пробираясь через джунгли к подножию. Хрупкая фигурка, короткие темные волосы...

– Будь я проклят! – воскликнул Иан, улыбаясь.

– Ты знаешь, кто это?

– Конечно! Это – Сара!

– Тогда нам следует подъехать и забрать ее с собой.

Торн потянулся к рации и нажал кнопку.

– Ричард?

Ответа не последовало.

– Ричард? Ты читаешь?

Тишина.

Математик вздохнул.

– Прекрасно... Он не отвечает. Возможно, решил немного пройтись. Занимается своими исследованиями.

– Это как раз то, чего я боюсь больше всего, – произнес Торн. – Эдди, возьми мотоцикл и поезжай посмотри на занятия Ливайна... Да, прихвати с собой ружье. А мы отправимся за Сарой.

СЛЕД

Ливайн шел по следу стада, все более углубляясь во тьму джунглей. Паразавры находились где-то впереди и пробирались сквозь заросли папоротников и пальм, производя при этом страшный шум. Теперь-то он, наконец, понял, почему они выстроились в одну линию: просто не существовало другого способа продраться через эту тропическую растительность.

Динозавры не перестали время от времени издавать крики, но Ричард заметил, что характер этих звуков изменился. Они стали более пронзительными и возбужденными.

Ученый поспешил вперед, пробираясь сквозь влажные сплетения листьев молодых пальм и стараясь идти по проторенной стадом тропе. Внезапно

он стал ощущать какой-то отчетливый запах, острый и, одновременно, сладковато-кислый; казалось, что впереди что-то происходит.

Вопли рептилий сделались отрывистыми, похожими на лай. Ливайн почувствовал в них явное и очень сильное возбуждение. Но что могло ввести в подобное состояние столь огромные существа?

Любопытство взяло верх над всеми остальными эмоциями Ричарда. Он рванулся вперед, отмахиваясь на бегу от широких пальмовых листьев и перепрыгивая через стволы упавших деревьев. В зарослях ученый уже слышал какое-то шипение, своеобразный «брызжущий» звук, и затем один из паразавров издал протяжный низкий крик.

* * *

Эдди Карр подъехал на мотоцикле к наблюдательному пункту и остановился — наверху никого не было. Механик взглянул на землю вокруг вышки и заметил множество глубоких отпечатков ног животных... Следы... Очень широкие, около двух футов в диаметре... Они уходили все дальше в джунгли, пересекая площадку, расчищенную людьми.

Эдди более внимательно осмотрел истоптанную почву вокруг наблюдательного пункта и, наконец, заметил несколько отпечатков обуви, в которых узнал следы ботинок Ливайна. «Человек отправился за животными... Туда, в глубь леса... — мелькнула догадка. — Нужно отправляться за ним! Причем, немедленно».

Механик выругался. Меньше всего ему хотелось лезть в джунгли. От одной мысли об этом у мужчины мурашки пробегали по телу. Но выбора не оставалось. Он должен найти и вернуть Ричарда. «С этим парнем мы еще хлебнем горя», — подумал Эдди, решительно снял с плеча мощную винтовку и положил

ее поперек руля мотоцикла. Включив зажигание, Карр потихоньку покатил в темную глубину тропических зарослей.

* * *

Сердце Ливайна учащенно билось от волнения и быстрого бега, когда он раздвинул перед собой последние пальмовые ветки...

И тут же человеку пришлось резко остановиться: прямо перед ним возвышался хвост паразавра, закрывая небо над головой отчаянного исследователя. Задняя часть животного неожиданно оказалась повернутой к нему, и мощный поток мочи хлынул на землю, заливая обширную площадь вокруг. Ричард отскочил назад, едва не попав под струю.

За ближайшим к нему животным он увидел какую-то поляну, вытоптанную бесчисленным количеством лап. Ящеры разместились на этом пятачке в самых разнообразных позах, и все одновременно мочились.

«Итак, эти особи имеют коллективное отхожее место — latrine animals. Поразительно! Вот уж никак не ожидал», — подумал ученый.

Многие современные животные, включая носорогов и оленей, предпочитают облегчаться в определенных местах. Во многих случаях поведение целых стад в такой ситуации является хорошо скоординированным; акты дефекации и мочеиспускания рассматриваются обычно и как способ отмечать свою территорию. Но какова бы ни была причина, никто не смог бы предположить, что динозавры ведут себя подобным образом.

Через какое-то время рептилии перестали мочиться, и вся группа особей отошла на несколько футов в сторону. Здесь они начали испражняться, и снова — все одновременно. Каждый паразавр оставил

большую кучу цвета соломы. Акт дефекации сопровождался низкими трубными криками, которые издавали все животные, и выделением огромного количества кишечных газов с сильным запахом метана.

За спиной замершего ученого чей-то голос прошептал:

— Миленькое зрелище...

Он обернулся и увидел Эдди Карра, восседающего на мотоцикле. Тот размахивал рукой у себя перед лицом и морщился.

— Вот это да! Не рекомендую пользоваться спичками, иначе все кругом взлетит на воздух...

— Ш-ш-ш... — злобно зашипел Ричард, качая головой. — «Господи, в такой момент мне мешает этот молодой придурок!»

Несколько животных опустили головы и начали лизать лужи мочи. «Без сомнения, им необходимо восстановить утраченные минеральные вещества, — подумал он. — Может быть, соль... Или — гормональные добавки... Возможно, это имеет какое-то отношение к сезонным изменениям в обменных процессах. А может...»

Ливайн попытался подобраться поближе, чтобы лучше видеть происходящее на поляне.

Им так мало известно об этих существах... Не знакомы с самыми фундаментальными вещами, касающимися их образа жизни: как они питаются, каким образом удаляют шлаки из организма, как спят и размножаются. У этих животных должен существовать целый мир сложных взаимосвязанных форм поведения. Чтобы понять их сейчас, необходимо нескольким десяткам ученых посвятить свою жизнь исследованиям динозавров вообще. Но это, возможно, никогда не случится.

Единственное, на что мог рассчитывать сейчас Ричард, — это сделать несколько простых умозаклю-

чений, которые отражали бы лишь самые поверхностные стороны существования динозавров.

Паразавры издали общий трубный клич и начали углубляться еще дальше в лес. Естественно, ученый последовал за ними.

– Доктор Ливайн, – спокойно сказал Эдди, – садитесь на заднее сиденье... СЕЙЧАС ЖЕ!

Ученый никак не отреагировал на эти слова, поглощенный появлением на поляне крошечных зеленых динозавров, издававших своеобразное чирикание. Он сразу же понял, кто это: Procompsognathus triassicus, мелкие существа, питавшиеся падалью. Их открыл в 1913 году исследователь Фраас, обнаружив останки этих рептилий в Баварии. Пораженный Ричард с изумлением рассматривал их. Конечно, он хорошо знал это животное, но знал только по реконструкциям, так как нигде в мире не существовало полных скелетов данных рептилий. Наиболее полно их исследовал Остран, но и ему пришлось работать с сильно поврежденными и неполными останками; его описания отличались неполнотой из-за отсутствия некоторых частей костяка динозавров.

И вот перед ним множество прокомпсогнатидов, полностью сформировавшихся и очень активных. Они прыгали по поляне, словно цыплята. На глазах у Ричарда эти существа начали поедать свежий навоз и пить из луж, оставленных паразаврами.

Ливайн нахмурился и удивился про себя: «Неужели подобное поведение характерно для обычных животных, питающихся падалью? Что-то сомнительно...» Ученый решил подойти еще ближе и осторожно шагнул вперед.

– Доктор! – прошептал Эдди.

Самым интересным оказалось то, что мелкие динозавры пожирали только свежие фекалии и не трогали засохшие, которые во множестве валялись на

поляне. Каковы бы ни были питательные вещества, они, видимо, содержатся лишь в свежем навозе. Это навело Ливайна на мысль о каком-то особенном белке или гормоне, который быстро разрушается, окисляясь на воздухе. «Нужно взять немного этих остатков испражнений для анализа», — подумал ученый, доставая из кармана рубашки пластиковый мешочек.

Ричард прошел среди мелких особей, которые, казалось, не обращали на него никакого внимания, и присел на корточки у ближайшей навозной кучи.

— Доктор Ливайн!

Он раздраженно оглянулся, и в этот момент одно маленькое создание прыгнуло к нему и мгновенно укусило за руку. Другое вскочило ему на плечо и впилось в ухо.

Ученый взвыл от неожиданности и подскочил. Динозаврики, испугавшись, отскочили от человека и разбежались по поляне.

Эдди подъехал к Ливайну на мотоцикле.

— Хватит, — произнес он. — Садитесь на заднее сиденье! Мы уезжаем отсюда.

ГНЕЗДО

Красный джип резко остановился.

Прямо перед машиной тянулся широкий и грязный след стада, утрамбованный ногами множества животных. Он уходил через заросли, выводя на обширную поляну, откуда доносился сейчас низкий гортанный звук, похожий на гоготание огромных гусей.

— Так... — произнес Доджсон. — Дайте-ка мне коробку.

Кинг ничего не ответил, а Бэйселтон поинтересовался:

— Что вы имеете в виду?

Не отводя глаз от пятачка в зарослях, Льюис сказал:

— На сиденье рядом с тобой черная коробка и батарейки... Подай мне их.

— Тяжелая, — промычал Джордж, протягивая непонятный для него предмет.

— Из-за конического магнита...

Доджсон взял своеобразную «шкатулку», изготовленную из темного анодированного металла. Выглядела она, словно коробка для обуви, но одна из стенок заканчивалась небольшим выпуклым конусом; снизу прикреплена ручка, наподобие приклада.

«Джеймс Бонд от науки» пристегнул футляр с батарейками себе на пояс и подключил провода к коробке. Затем поднял ее за приклад и повернул к себе. На задней части оказалась еще одна выпуклость, на которую создатели этого предмета нанесли градуированную шкалу.

Льюис поинтересовался:

— Заряд полный?

— Естественно, — ответил Кинг.

— Хорошо... Я пойду к их логову первым, настрою эту штуковину и разделаюсь со зверями... А вы, двое, последуете за мной и, как только твари разбегутся, возьмете по яйцу из гнезда. Затем перенесете их в машину. Я возвращаюсь последним... После этого мы уезжаем. Поняли?

— Конечно, — ответил Бэйселтон.

— Хорошо, — отозвался помощник. — Но что это за динозавры?

— Откуда мне знать, черт побери! — огрызнулся Доджсон, выбираясь из машины. — И вообще, какое это имеет значение в данный момент? Выполняйте то, что вам сказано без всякой болтовни! — и он тихо прикрыл за собой дверцу автомобиля.

Остальные также бесшумно вылезли из салона и стали медленно продвигаться вперед по влажному следу. Их ноги утопали в чавкающей грязи. Звуки, доносившиеся с поляны, не прекращались. Казалось, там находится огромное количество животных.

Льюис раздвинул заросли папоротников и увидел... большое гнездовье с четырьмя или пятью земляными холмиками, покрытыми травой, возвышавшимися почти равномерно по свободному от зарослей пространству. Вокруг них копошилось около двадцати взрослых особей бежевого цвета. Одним словом, целое стадо динозавров окружало свое место гнездования. Зрелые особи выглядели очень внушительно: десяти футов высотой и тридцати футов — длиной. Все они издавали звуки, напоминавшие гогот и хрюканье.

— Боже мой! — воскликнул пораженный Бэйселтон, уставившись на эту картину.

Доджсон покачал головой и прошептал:

— Майязавры... Плевое дело...

* * *

Эти животные получили свое название от палеонтолога Джека Хорнера. До него ученые полагали, что динозавры, отложившие яйца, забывали о них, как большинство рептилий. Данная гипотеза вполне вписывалась в старое представление о ящерах, как холоднокровных пресмыкающихся. Динозавры считались одиночками, потому что на древних наскальных рисунках редко изображалось более одной особи каждого вида. Вот перед нами бронтозавр, а вот — стегозавр или трицератопс, пробирающийся через заболоченные джунгли.

Но раскопки Хорнера в труднодоступных районах Монтаны представили исследователям четкие и недвусмысленные доказательства того, что, по край-

ней мере, один вид хадрозавров характеризовался сложными формами поведения, связанного с рождением и воспитанием потомства. На основании своих выводов ученый дал название этим существам: майязавр означает «ящерица — хорошая мать».

Наблюдая за ними теперь, Доджсон убедился в правильности этого названия. Крупные взрослые особи ходили рядом с гнездами, ступая очень осторожно, чтобы случайно не коснуться земляных холмиков.

Майязавры бежевого цвета относились к числу динозавров с утиными клювами. Они имели крупную голову, заканчивающуюся широким сплющенным рылом, напоминающим нос известной птицы.

Рептилии брали пастью пучки травы и накрывали ею яйца внутри холмиков. Это, как догадался Льюис, предназначалось для регулирования температуры внутри гнезда. Вполне понятно, если такое крупное животное начнет заниматься высиживанием потомства, то, конечно же, все передавит. Поэтому ящеры накладывали на яйца толстый травяной слой, сохранявший тепло и, более или менее, постоянную температуру. Особи спокойно и методично занимались своим делом.

— Они огромные, — заметил Бэйселтон.

— Не больше, чем коровы-переростки, — резко сказал в ответ руководитель операции. И хотя динозавры выглядели, действительно, великанами, но, будучи травоядными, своим покорным и глуповатым поведением напоминали безобидных домашних животных. — Ну, как, готовы? Тогда... Пошли...

Он поднял коробку, как оружие, и сделал шаг вперед, попадая в поле зрения рептилий.

* * *

Доджсон ожидал бурной реакции динозавров, но таковой не последовало. Они вообще не замечали его. Лишь одна или две взрослые особи подняли голову, тупо уставившись на него, а затем отвели взгляд.

Животные продолжали бросать пучки травы на яйца бледного цвета, практически белые. Каждое из них превышало размером раза в два страусиное и походило на небольшой пляжный мяч. Из них пока не вышло еще ни одного детеныша.

Кинг и Бэйселтон тоже выбрались из укрытия и остановились рядом со своим «командиром» на поляне. Но майязавры продолжали игнорировать присутствие людей.

— Поразительно! — произнес Джордж.

— Очень удобно для нас, — заметил Доджсон и включил свой прибор.

Долгий, предельно высокий, пронзительный звук обрушился на поляну. Динозавры моментально повернулись, подняли головы и загоготали. Казалось, это взволновало их и повергло в замешательство.

Льюис покрутил ручку на коробке, и писк стал еще выше, еще пронзительнее, сделавшись совершенно невыносимым.

Майязавры, качая головами, начали отходить от источника неприятного звука и сгруппировались в дальнем конце своего места гнездования. Некоторые из них бросились в заросли, будто забыв о потомстве и его безопасности. Все животные пришли в сильнейшее возбуждение, но никто из них не смел приблизиться к непонятной «пищалке».

— Теперь идите! — приказал Доджсон.

Кинг подошел к ближайшему гнезду и с кряхтением поднял большое яйцо. Он едва смог обхватить его руками.

Рептилии тревожно загоготали, но ни одна взрослая особь не сдвинулась с места. Затем и Бэйселтон взял свою добычу и последовал за Кингом к машине.

Доджсон уходил, повернувшись лицом к поляне и продолжая направлять коробку на майязавров. На самом краю гнездовья он выключил звук. Тотчас же динозавры вернулись на свои места, издавая громкое и частое гоготание. Но как только они остановились у своих гнезд, возникло впечатление, что взрослые особи совершенно забыли о произошедшем. Через несколько мгновений рептилии перестали кричать и продолжили прежнее занятие – стали укрывать яйца травой. Они совершенно никак не реагировали на удалявшегося человека, который возвращался к автомобилю по вытоптанной динозаврами тропе.

«Глупые животные», – подумал Льюис, приближаясь к машине. Его коллеги уже укладывали яйца в большие пенопластовые контейнеры, осторожно оборачивая их поролоном.

– Это превосходно!

– Великолепно! Фантастика!

– А что я вам говорил? – произнес Доджсон. – Сущий пустяк, – он бросил взгляд на часы. – С такой скоростью мы закончим все свои дела меньше чем за четыре часа.

Руководитель экспедиции сел за руль и включил зажигание. Бэйселтон залез на свое заднее сидение; Кинг – на место пассажира и вынул карту.

– К следующему, – сказал Доджсон.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

– Говорю тебе, все нормально! – воскликнул Ливайн раздраженно, исходя потом в страшной

духоте под алюминиевой крышей наблюдательного пункта. — Посмотри, он даже не повредил кожный покров.

Ричард вытянул руку, на которой просматривался красный полукруг в том месте, где его укусил зверек. Стоявший рядом Эдди сказал:

— Ну, хорошо... Зато ухо у вас кровоточит.

— Я не чувствую боли. Это — мелочи...

— Согласен, — подтвердил Карр, открывая аптечку. — Но все-таки рану следует обработать.

— Лучше бы я продолжил свои исследования, — огрызнулся недовольный Ливайн.

Динозавры находились на расстоянии какой-нибудь четверти мили от него и были прекрасно видны. В практически неподвижном полуденном воздухе он различал шум их дыхания. ОН РАЗЛИЧАЛ ШУМ ИХ ДЫХАНИЯ. Или, по крайней мере, мог бы это сделать, если бы сей молодой человек оставил его в покое.

— Послушай, мне хорошо известна цель моего пребывания здесь... Ты появился тогда, когда я завершал один весьма интересный и успешный эксперимент. Сымитировав крик динозавров, мне удалось добиться, чтобы они приблизились ко мне...

— Неужели? — удивился Эдди.

— В том-то и дело! Вот что, прежде всего, привело их в лес. Поэтому, я полагаю, вряд ли так необходима твоя помощь...

— Дело в том, — сказал Карр, — что ваше ухо испачкано калом динозавра и немного прокушено... Нужно его промыть, — он смочил губку дезинфектантом. — Будет немного щипать...

— Меня это не интересует! У меня другие... О-о-о!!

— Не двигайтесь, — попросил Эдди. — Всего несколько секунд...

— В этом нет никакой необходимости!

— Если вы просто постоите немного спокойно, я быстро все закончу. Ну, вот...

Механик убрал губку. Ливайн увидел на ней нечто коричневое и едва заметную полоску красного цвета. Как он и ожидал, рана оказалась незначительной. Ричард поднял руку и коснулся уха. Прикосновение не вызвало боли.

Пока Эдди упаковывал свою аптечку, ученый внимательно всматривался в раскинувшуюся перед ним долину.

— Черт, а здесь жарковато! — заметил Карр.

— Верно, — согласился Ливайн, недоуменно пожав плечами.

— Прибыла Сара Хардинг, и, я думаю, ее уже доставили в трейлер. А вы... поедете?

— С какой стати? — отозвался Ричард.

— Просто мне казалось, вы захотите повидаться, поговорить или что-то в этом роде...

— Здесь — моя работа, — подчеркнуто твердым голосом ответил ученый и отвернулся, поднеся к глазам бинокль.

— Итак, вы не хотите возвращаться?

— Меньше всего мне хотелось бы уйти отсюда... Даже через миллион лет... Даже через шестьдесят пять миллионов лет!

ТРЕЙЛЕР

Келли Кертис прислушивалась к звуку льющейся воды из ванной комнаты, с трудом веря происходящему. Вытаращив глаза, девочка смотрела на грязную одежду, разбросанную на кровати... Шорты и рубашку с короткими рукавами цвета хаки... ПЕРЕД

НЕЙ ЛЕЖАЛ РАБОЧИЙ КОСТЮМ САРЫ ХАРДИНГ.

Келли протянула руку и коснулась «наряда» женщины, почувствовав, как износилась и местами протерлась ткань. Пришиты новые пуговицы... Они совсем не подходили к костюму. Рядом с карманом она рассмотрела несколько красноватых полос, которые, наверное, были пятнами засохшей крови.

— Келли? — позвала ее Сара из ванной.

«ОНА ПОМНИТ МОЕ ИМЯ».

— Да, — нервно откликнулась девочка.

— Шампунь есть?

— Сейчас посмотрю, доктор Хардинг, — сказала она и начала поспешно открывать ящики. Все мужчины перешли в другой отсек, оставив ее наедине с Сарой, пока та принимала душ. Кертис отчаянно искала пузырек, производя ужасный шум.

— Послушай, — крикнула женщина, — не беда, если ты ничего не найдешь.

— Я ищу...

— Есть ли хоть какая-нибудь жидкость для мытья посуды?

Девочка остановилась и осмотрелась. Рядом с раковиной стояла зеленая пластмассовая бутылочка.

— Да, доктор Хардинг, но...

— Дай ее мне... В принципе, это одно и то же. Не вижу особой разницы.

Из-за занавески душа протянулась ее рука. Келли вложила в нее флакон с жидкостью.

— Меня зовут Сара.

— Да, доктор Хардинг.

— Сара.

— Да, Сара.

«САРА ХАРДИНГ — ОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК... ОЧЕНЬ НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ И НОРМАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА».

Девочка, словно в каком-то трансе, уселась на табурет посреди кухни и ждала, болтая ногами, не понадобится ли доктору Хардинг... Саре что-нибудь еще. Она прислушивалась, как женщина напевала песенку «Я вымою голову и выброшу из нее этого парня»... Через несколько мгновений шум воды прекратился, появилась рука и сняла с крючка полотенце... Наконец ее божество появилось само, закутанное в купальный халат.

Исследовательница пригладила свои короткие волосы.

— Так-то лучше... Это просто великолепный трейлер! Док проделал огромную работу, — она улыбнулась девочке. — Сколько же тебе лет, Келли?

— Тринадцать.

— Наверное, учишься в восьмом классе?

— В седьмом.

— В седьмом, — задумчиво повторила Сара.

— Доктор Малкольм оставил для вас здесь кое-что из одежды, — заметила маленькая хозяйка. — Он сказал, это должно подойти вам.

Девочка указала на пару шортов и на майку.

— А чьи они?

— Наверное, Эдди.

Женщина взяла одежду.

— Вполне сойдет.

Она зашла за перегородку спального отсека и начала переодеваться.

— Чем ты будешь заниматься, когда вырастешь? — раздался ее вопрос из-за тонкой стенки.

— Не знаю.

— Хороший ответ.

— Неужели?

Мать Келли постоянно донимала ее своими уговорами найти работу хотя бы на несколько часов в день и как-то определиться с будущей профессией.

— Да, — сказала Сара, — никто по-настоящему не знает, чем он хочет заниматься до тех пор, пока ему не исполнится двадцать или даже тридцать лет.

— О!

— А что бы ты хотела изучать?

— Ну-у... Гм... Мне нравится математика, — немного виноватым голосом ответила девочка.

Женщина, должно быть, заметила эти нотки в ее голосе и спросила:

— Что же дурного в таком увлечении?

— Знаете ли, девочкам она обычно не дается.

— Нет, не знаю, — резко ответила Сара.

Келли охватила паника. Она только что ощутила эту душевную теплоту, исходившую от женщины, и вдруг почувствовала, как волны добра начинают иссякать. Так случается, когда учитель с явным неодобрением и неудовольствием реагирует на твой ответ. Девочка решила больше ничего не говорить, а просто молча ждать продолжения.

Через несколько секунд Сара вышла из-за перегородки. Одежда Эдди сидела на ней немного мешковато, но это ее нисколько не смущало.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь о трудностях с математикой у девочек?

— Я слышу это от всех...

— А от кого именно?

— От своих учителей.

Хардинг вздохнула.

— Великолепно, — произнесла она, покачав головой. — Твои учителя.

— А многие ребята обзывают меня занудным головастиком... Ну, вот так... Знаете ли...

У Келли эти слова вырвались непроизвольно. Она не могла поверить, что все происходит на самом деле, и Сара Хардинг, знаменитая исследовательница, бе-

седует с ней, незнакомой ей девочкой, на очень личные темы, которые так всегда мучали ее.

Женщина весело улыбнулась.

– Если они так говорят, значит, у тебя действительно очень хорошие успехи в данной науке. А?

– Думаю, да.

– А разве это плохо, Келли?

– Но вся беда в том, что мальчикам не нравятся слишком сообразительные девочки.

Сара удивилась.

– Неужели?

– Ну, так все говорят.

– Кто?

– Например, моя мама.

– Ага... И, возможно, она говорит неспроста?

– Не знаю, – пожала плечами Келли. – Но дружки у нее – болваны, все, как один.

– Может быть, поэтому она и ошибается? – спросила женщина и взглянула на девочку.

– Думаю... да.

– Что касается моего жизненного опыта, то мне хорошо известно, что есть мужчины, которым нравятся умные женщины, а есть – наоборот. Здесь складывается точно такая же ситуация, как и со многим другим в этом мире: одни – любят, другие... – она поднялась и прошлась по комнате. – Тебе известно что-либо о Георге Шаллере?

– Ну, конечно... Он занимался изучением жизни панд.

– Верно... Панд, а до этого – снежных барсов, львов и горилл. Он является одним из самых известных зоологов двадцатого века. Знаешь, как работал этот ученый?

Келли отрицательно покачала головой.

– Перед тем, как приступить к непосредственным исследованиям, Георг прочитывал все, что ког-

да-либо писалось о данном виде животных: популярную литературу, газетные статьи, научные работы... Затем он выезжал на место обитания особей и сам наблюдал за ними. И ты знаешь, он обнаружил одну интересную вещь... Практически выходит, все написанное ранее – неверно. Ну, вот как в случае с гориллами. Шаллер уже занимался изучением горных обезьян данного вида до того, как Дайану Росси пришла в голову эта идея. И Георг обнаружил, что все материалы о жизни и поведении горилл есть либо преувеличение, либо – чистейшей воды выдумка. Например, считалось: нельзя брать в подобные экспедиции женщин, так как якобы обезьяны их обязательно изнасилуют. Совершенная ерунда! Все... абсолютно... ложь!

Поэтому, Келли, даже в твоем возрасте можно уже кое в чем разбираться... Все люди, с которыми ты будешь встречаться в жизни, станут говорить самые разные вещи. И вполне возможно, сказанное на девяносто пять процентов может оказаться абракадаброй.

Девочка промолчала, так как почувствовала горькое разочарование.

– Такова жизнь, – продолжала Сара. – Человеческие существа буквально нафарширована ложной информацией. Поэтому трудно бывает понять – кому же верить? Понимаю, что ты сейчас чувствуешь...

– Вы понимаете?!

– Конечно. Моя мама частенько говорила мне: «Ничего толкового из тебя не выйдет», – Хардинг улыбнулась. – То же самое произносили многие мои профессора...

– Неужели?

Это показалось девочке уже совсем невероятным.

– О да! – ответила Сара. – По сути дела...

Из другого помещения трейлера послышался голос Малкольма:

– Нет! Нет! Эти идиоты все погубят!!

Хардинг мгновенно повернулась к двери и поспешила в соседнюю комнату. Келли, естественно, отправилась следом.

* * *

Все мужчины собрались у монитора и шумели, перебивая друг друга.

– Это ужасно! – кричал профессор. – Ужасно!

– Смотрите! Джип! – вторил ему Торн.

– Да, у них автомобиль красного цвета, – произнесла Хардинг, подходя к экрану.

– Тогда... это... Доджсон, – более спокойно произнес Иан. – Черт его побери!

– Что он здесь делает?

– Могу себе представить, что.

Девочка пробралась поближе к монитору, где транслировалось изображение зарослей и мелькающий среди них автомобиль черно-красного цвета.

– Где они сейчас находятся? – поинтересовался Малкольм у Арби.

– Полагаю, в восточной долине, – ответил мальчик. – Причем, неподалеку от того места, где мы нашли доктора Ливайна.

В динамике рации раздался щелчок и послышался голос Ричарда:

– Вы хотите сказать, на острове есть какие-то другие люди?

– Совершенно верно.

– Вам бы следовало их остановить до того, как они успеют все здесь поставить вверх дном.

– Знаю. Ты собираешься возвращаться?

– Только если возникла острая необходимость в этом.

После этого рация отключилась.

Хардинг всматривалась в изображение на экране монитора, наблюдая за джипом.

— Да, это, наверняка, они... Твой друг Доджсон.

— Он — не мой друг, — гневно отозвался Малкольм, резко вставая и морщась от боли в ноге. — Пошли! Мы должны остановить этих подонков. Времени терять нельзя!

ГНЕЗДО

Красный джип «Ренглер» мягко затормозил перед стеной из густых зарослей. Но сквозь переплетенные ветви деревьев просматривалась обширная поляна, спрятавшаяся в чаще.

Доджсон сидел молча и вслушивался в тишину джунглей. Кинг повернулся к нему, собираясь что-то сказать, но шеф поднял руку, жестом приказывая сохранять покой.

Наконец он отчетливо расслышал это: низкий рокочущий звук, похожий на мурлыканье. Создавалось впечатление, что подает голос самая большая тропическая кошка на свете. Время от времени Льюис чувствовал вибрацию, едва заметную, но ее силы хватало, чтобы раскачать ключи в замке зажигания. Постепенно пришло понимание причины этого. ОНО ИДЕТ! Что-то очень крупное... Идет...

Рядом с Доджсоном Кинг уставился взглядом в приборную доску, раскрыв рот от изумления. Бэйселтон, находясь на заднем сидении, вцепился побелевшими пальцами в спинку и напряженно ловил отголоски этого звука.

Прямо перед ними через папоротники метнулась тень. Судя по ней, животное было около двадцати

футов в высоту и сорок — в длину. Оно передвигалось на задних ногах, имело огромных размеров тело и очень большую голову.

Тираннозавр!

Доджсон заколебался, с опаской посматривая на темную фигуру. Сердце бешено заколотилось в груди. Он уже подумывал отправиться к другому гнездовью, но уверенность в своем «оружии» одержала верх.

Он произнес:

— Справимся и с этим. Дайте мне коробку!

Джордж послушно протянул ему темный предмет уже привычным жестом.

— Заряжена? — поинтересовался Льюис.

— Батареи в норме, — ответил Кинг.

— Хорошо... Идем... Поступаем точно так же, как и в прошлый раз. Я — первый, вы — за мной... И так далее, по плану... Готовы?!

— Готов, — отозвался Бэйселтон.

Кинг промолчал, продолжая смотреть на огромную тень.

— Что это за разновидность динозавров?

— Тираннозавр.

— О, Боже! — воскликнул помощник.

— Тираннозавр? — переспросил биолог.

— Не имеет никакого значения, что это такое! — раздраженно заорал Доджсон. — Делайте все по плану... Вот и все! Готовы?!

— Одну минутку, — попросил Джордж.

— А если «штука» не сработает? — спросил Кинг.

— Мы уже убедились, что все пройдет, как по маслу, — холодно сказал шеф.

— Совсем недавно о тираннозаврах стал известен один довольно странный факт, — заметил биолог. — Палеонтолог Рокстон провел исследование черепной коробки этого динозавра и пришел к выводу: у него

имелся мозг, похожий на лягушачий, хотя, конечно, намного превосходящий его по размеру. Но суть в том, что нервные системы обоих животных приспособлены только к реакции на движущийся объект. Поэтому, если вы остановитесь, он перестанет видеть вас. Неподвижные предметы для них — невидимы.

— Ты в этом уверен? — поинтересовался Кинг.

— Так говорилось в статье, — ответил Бэйселтон. — Предположение вполне обоснованно. Ведь не стоит забывать: динозавры, при всех их устрашающих размерах, обладали весьма примитивным интеллектом. Вполне логично сравнить разум тираннозавра с...

— Не пойму, зачем мы в это впутываемся, — нервно заметил Кинг, пристально всматриваясь в заросли. — Он же гораздо больше всех виденных нами рептилий.

— Ну и что? — удивился Доджсон. — Ты слышал, о чем рассказывал Джордж... Это — просто большая лягушка. Давайте-ка начинать. Вылезайте из этой чертовой машины... И не хлопайте дверцами!

Биолог Бэйселтон даже зауважал себя еще больше после того, как вспомнил эту статью из научного журнала, ныне всеми забытую. Он играл свою привычную роль поставщика информации тем, у кого ее недоставало.

Но теперь, приближаясь к гнезду, Джордж не переставал удивляться дрожи в коленях. Ноги стали, словно ватные, хотя ему всегда казалось, что это — не более чем метафора. Но теперь Бэйселтон убедился, насколько сие выражение верно. Он прикусил губу и огромным усилием воли взял себя в руки. «Ни при каких обстоятельствах я не покажу свой страх, — сказал он себе. — Я владею ситуацией...»

Доджсон уже шел впереди, взяв прибор наперевес, по типу оружия. Биолог бросил взгляд на по-

мощника, смертельно бледного, с каплями холодного пота на лице. Казалось, еще одно мгновение, и он лишится чувств. Тем не менее, Кинг медленно продвигался вперед.

Льюис оглянулся в последний раз и сделал жест рукой, приказывая догнать его.

Джордж неожиданно увидел тираннозавра. Нет, их оказалось двое! Они стояли с обеих сторон грязного земляного холмика, две взрослые особи, двадцати футов в высоту, мощные, темно-рыжеватого цвета, мотая крупными оскаленными мордами.

Подобно майязаврам, какое-то мгновение животные тупым взглядом всматривались в Доджсона, словно пораженные тем, что кто-то посмел вторгнуться на их территорию. Затем один из тираннозавров издал рев ярости. Невероятный, громовыми раскатами разлетевшийся над окрестностями ужасающий рев.

Льюис поднял коробку и направил конус на рептилий. Тотчас же поляну заполнил высокий неприятный звук.

В ответ оба ящера зарычали, наклонили головы, вытянули шеи и, лязгнув челюстями, приготовились к нападению. Они оказались слишком велики, и звуковая волна не производила на них никакого впечатления. Рептилии начали обходить холмики, приближаясь к возмутителю их спокойствия. От мощных и уверенных шагов гигантов дрожала земля под ногами.

— О, черт! — воскликнул Кинг.

Но Доджсон сохранял хладнокровие и решил увеличить силу колебаний, излучаемых его прибором. Он повернул регулятор, и биолог зажал уши руками: звук сделался еще выше, громче, причиняющим боль.

Реакция животных последовала незамедлительно. Тираннозавры отступили, будто получили физический отпор. При этом они пригибали головы,

моргая бессмысленно глазами. Казалось, вибрирует сам воздух.

Зверюги снова зарычали, но теперь гораздо тише, словно утратили уверенность в собственных силах. Зато из гнезда неожиданно раздались жуткие вопли.

Доджсон продвинулся вперед, направив излучатель непосредственно на животных. Тираннозавры отошли, взглянув вначале на свое гнездилище, а потом — на преследователя. Уходя, они покачивали и трясли головами, будто хотели прочистить уши.

Льюис спокойно настраивал прибор, увеличивая мощность излучения. Звук сделался абсолютно непереносимым.

Доджсон начал взбираться на грязевой холмик гнезда. Его коллеги карабкались вслед за ним. Бэйселтон, заглянув внутрь, обнаружил четыре белых крапчатых яйца и двух детенышей, похожих на костлявых индеек очень большого размера. Другими словами, на каких-то гигантских птенцов птицы.

Два взрослых тираннозавра находились на самом краю поляны, удерживаемые там страшным для них звуком. Подобно майязаврам, они мочились от возбуждения, топали ногами, но ближе не подходили.

Пытаясь перекричать оглушительный свист излучателя, Доджсон приказал:

— Берите яйца!

Кинг спустился в гнездо и схватил ближайшее. Он нес его дрожащими руками, и круглый белый предмет выскользнул из человеческих ладоней, но помощник сумел подхватить его, качнувшись назад. При этом охотник наступил на лапу одного из детенышей, и тот взвыл от ужаса и боли.

Родители попытались снова продвинуться вперед, привлеченные этими воплями. Кинг поспешно выбрался из гнезда и, пригнувшись, стал пробираться сквозь заросли. Биолог наблюдал за ним.

— Джордж! — крикнул шеф, не отводя прибор от чудовищ. — Забирай второе яйцо!

Бэйселтон повернулся и взглянул на взрослых рептилий. Увидев их возбуждение и гнев, наблюдая за их щелкающими челюстями, он вдруг понял: даже этот жутковатый звук не остановит этих тварей, если еще кто-то попытается залезть внутрь холма. Кингу повезло, а вот биологу так не повезет... Он сам чувствовал это и...

— Джордж! Ну же!

— Я не могу!

— Тупой идиот!

Подняв «оружие» вверх, Доджсон сам начал опускаться в гнездо. Но почти на самом краю он резко дернулся, удерживая равновесие, — и футляр с батарейками отцепился от пояса.

Звук внезапно прекратился.

На поляне воцарилась тишина.

Бэйселтон застонал.

Тираннозавры в последний раз качнули головами и зарычали.

Биолог увидел, что Льюис буквально окаменел; казалось, что он превратился в соляной столб. Да и сам Джордж застыл неподвижно. Даже его колени перестали дрожать.

«Господи, что же будет?!»

На противоположной стороне поляны ящеры задвигались и направились в их сторону.

* * *

— Что они делают?! — крикнул Арби, не отрываясь от экрана монитора. — Они, что, с ума сошли? Почему они не двигаются?

Стоявшая рядом Келли промолчала, не отводя глаз от изображения.

– Ну, как? Кел, тебе не хотелось бы сейчас побывать там? – поинтересовался мальчик.

– Заткнись! – послышалось в ответ.

– Нет, не так уж они и безумны, – произнес Малкольм по рации, посматривая на монитор, расположенный на приборной доске «Эксплореда». Машину вел Торн, а Сара и профессор устроились сзади. Автомобиль направлялся по тропе в сторону восточного сектора острова.

– Ему бы следовало попытаться починить свою звуковую машинку, – заметила Хардинг. – Неужели они так и собираются стоять без движения?

– Да, – ответил математик.

– Но почему?

– Они получили ложную информацию...

ДОДЖСОН

Льюис наблюдал за тем, как первый из тираннозавров приближается к нему. Для такого крупного животного он вел себя слишком осторожно. Только один из двух родителей двигался к ним. Сделав несколько шагов, он остановился, чтобы издать угрожающий рев. Его движения казались неуверенными, будто животное озадачено тем, что человек стоит на месте, а не спасается бегством. «Может, он, действительно, не видит нас?» – мелькнула мысль у охотника. – Возможно, я и Джордж исчезли из его поля зрения?»

Другая взрослая особь остановилась позади и, покачивая головой от сильного возбуждения, раздумывала, как поступить дальше.

Почему они не нападают?

Без сомнения, рев приближающейся твари страшен, кровь стыла от него в жилах. Доджсон даже не осмеливался бросить взгляд на биолога, находящегося почти рядом с ним. «Бэйселтон, должно быть, намочил штаны от страха. И все-таки не побежал и не повернулся, — подумал Льюис. — Если же он начнет двигаться, то — гибель неминуема... Ладно, все будет в порядке... будет в порядке... в порядке...»

Сохраняя полную неподвижность, командир операции держал излучатель на уровне пояса, придерживая его левой рукой. Правой он очень медленно присоединял к прибору провод. Через несколько мгновений... Главное, нащупать разъем, и тогда соединение шнура — дело одной секунды.

Все это время Льюис не сводил глаз с приближающегося тираннозавра, чувствуя, как земля вздрагивает у него под ногами. Он слышал крики детеныша, на которого недавно наступил Кинг. Создавалось впечатление, что эти вопли тревожат родителей, еще больше усиливая их волнение.

«Ерунда! Еще несколько секунд... Я снова подключу батареи...»

И тут...

Ящер находился уже слишком близко, и Доджсон ощущал специфический запах гниения, исходящий от хищника. Монстр зарычал, и человек почувствовал его горячее дыхание. Тираннозавр стоял прямо перед биологом. Льюис повернул немного голову, чтобы наблюдать за происходящим.

Джордж застыл неподвижно. Ящер подошел к нему и наклонил свою огромную голову, затем обвел Бэйселтона своим мутным взглядом и... вновь поднял свою уродливую башку, словно озадаченный чем-то.

«Он и в самом деле не видит его», — подумал Доджсон.

Тираннозавр заревел невероятно свирепо. Но Джорджу удавалось, тем не менее, сохранять полную неподвижность. Тварь наклонилась, опустив свою невероятных размеров голову. Щелкнули челюсти... Человек смотрел прямо перед собою, даже не моргая. Огромными раздувающимися ноздрями ящер обнюхивал его, и ветер, поднимающийся от дыхания чудовища, раздувал одежду Бэйселтона.

Затем динозавр осторожно коснулся незнакомого существа носом. И только в это мгновение Доджсон понял: животное все-таки видит окружающий мир и, причем, довольно неплохо.

Вдруг тираннозавр ударил биолога своей страшной башкой в бок, и тот повалился на землю.

Джордж истошно завопил, потому что огромная лапа рептилии опустилась и пригвоздила его к истоптанной почве.

— Ты! Сукин сын!

Голова твари с широко раскрытой пастью опустилась, и челюсти сомкнулись на теле человека. Движение не казалось резким, оно, скорее, выглядело «нежным», но в следующую секунду почти мгновенно шея чудовища выпрямилась, и Льюис услышал вопль. Доджсон увидел, как что-то маленькое и мягкое повисло в пасти тираннозавра. И вдруг до него дошло: рука Бэйселтона, свободно раскачивающаяся в зубах рептилии; металлический браслет ручных часов сверкал рядом с глазами животного.

Биолог вопил, издавая непрерывный и какой-то неопределенный звук. Слушая его, Доджсон почувствовал, что ему становится дурно, его прошибает пот. Льюис повернулся и побежал назад к машине, назад к безопасности, назад к своему времени...

* * *

Келли и Арби почти одновременно отвернулись от монитора, чтобы не наблюдать происходящее в джунглях.

Девочке стало плохо.

Но из динамика рации все еще доносились режущие слух вопли человека, лежавшего на спине, в то время, как тираннозавр разрывал его на части.

— Выключи это, — попросила Кертис.

Щелчок выключателя.

Келли вздохнула, ее плечи опустились.

— Спасибо.

— Не за что... Я ничего особенного не сделал, — тихо отозвался мальчик.

Она бросила взгляд на экран и быстро отвернулась, содрогнувшись: чудовище перемалывало челюстями какие-то куски красного цвета.

В трейлере повисла тягостная тишина.

Девочка слышала щелканье электронных приборов и реле, глухое ворчание водяных насосов под полом жилого отсека. Снаружи доносился шорох высокой травы...

Келли внезапно ощутила себя страшно одинокой и чужой на этом острове.

— Арби, — спросила она, — что мы будем делать?!

Мальчик ничего не ответил и, зажав рот ладонями, бросился в ванную комнату.

* * *

— Я так и знал, — произнес Малкольм, глядя на монитор приборного щитка машины. — Знал, что это случится! Ведь они попытались украсть яйца... А теперь посмотрите: тираннозавры уходят... Оба! — он включил радиопередатчик. — Арби... Келли... Вы там?

— Мы не можем говорить, — прозвучал голос девочки.

В этот момент «Эксплореd» продолжал двигаться вниз по холму к гнезду тираннозавров. Торн мрачно вцепился в руль:

— Что они там наделали, черт побери?!

— Келли... Вы слушаете? Мы не видим происходящего у вас. Тираннозавры покинули свое гнездо! Келли?! Что происходит?!

* * *

Доджсон что есть мочи мчался к джипу. Футляр с батарейками снова сорвался с пояса, но он не обращал никакого внимания на это.

Впереди, в машине, Льюис видел своего помощника, бледного и напряженного.

Командир всей этой заварухи бросился за руль и завел двигатель. Чудовища рычали где-то рядом.

— Где Бэйселтон? — напряженно спросил Кинг.

— Он не справился...

— Что ты хочешь этим сказать?!

— ОН НЕ СПРАВИЛСЯ, ЧЕРТ БЫ ЕГО ПОБРАЛ!! — заорал Доджсон и резко бросил автомобиль вперед. Джип рванулся вверх по холму, подпрыгивая на ухабах. Рев динозавров слышался где-то сзади.

Помощник держал яйцо, оглядываясь на дорогу.

— Может, нам от него избавиться? — предложил он.

— Только посмей!

Кинг всматривался в мелькающие заросли.

— Наверное, он просто хочет, чтобы мы вернули похищенное...

— Нет... Нет!

Доджсон потянулся через место пассажира к помощнику, пытаясь одновременно справиться с ним

и не потерять управление машиной; тем более, тропа оказалась узкой и неровной, и джип бросало и раскачивало.

Внезапно один из тираннозавров появился из-за деревьев перед ними. Животное встало прямо на пути, дико рыча и не давая двигаться дальше.

— О, Боже! — воскликнул Льюис, резко нажимая на тормоза. Машина с тошнотворным скрежетом завиляла по грязи и остановилась.

Чудовище бросилось к ним.

— Поворачивай! — заорал Кинг. — Поворачивай!

Но его шеф поступил иначе: он дал задний ход и поехал обратно.

— Ты совсем свихнулся! — кричал помощник. — Собрался угробить нас?!

Доджсон молча повернулся и резко ударил его по лицу.

— Заткни свою пасть!

Все свое внимание Льюис сосредоточил сейчас на том, чтобы вести джип по извилистой и узкой дороге. При этом он прекрасно понимал: как бы быстро они ни ехали, тираннозавр все равно передвигается стремительнее. Все бессмысленно! Они находятся в этой чертовой машине с проклятым матерчатым верхом, и им теперь, наверняка, суждено погибнуть.

— Нет! — закричал Кинг.

Краем глаза Доджсон увидел сзади второго динозавра, бегущего к ним. Он взглянул вперед — первый также двигался к машине. Они оказались в ловушке!

В панике Льюис повернул руль, автомобиль съехал с дороги и стал продираться сквозь заросли густых кустарников. Затем их сильно тряхнуло. Задний мост машины беспомощно опустился, и водитель понял, что колеса повисли над краем холма. От перегрузки

двигатель надсадно ревел... Джип медленно опускался назад, все глубже в густые заросли. Ветки абсолютно перекрыли обзор из кабины. Ясно одно: они находятся на краю пропасти.

Рядом с ним всхлипывал Кинг.

Рев тираннозавров раздавался совсем близко.

Доджсон распахнул дверцу джипа и выпрыгнул. Он нырнул в заросли, упал, ударившись о ствол дерева, и покатился вниз по крутому склону холма. Где-то на полпути Льюис ощутил резкую боль во лбу, искры посыпались из глаз... Полная и непроницаемая тьма окутала все вокруг... Он потерял сознание.

РЕШЕНИЕ

Они сидели в «Форде» на самом верху гряды холмов. Отсюда хорошо просматривалась заросшая джунглями восточная долина. Окна машины были опущены. Все прислушивались к реву тираннозавров, продирающихся сквозь кустарник.

— Оба животных оставили свое гнездо, — произнес Торн.

— Да-а... Те ребята, должно быть, что-то стащили у них, — вздохнул Малкольм.

Какое-то время они молча прислушивались, ловя каждый шорох.

Раздалось легкое жужжание электродвигателя, и рядом с машиной затормозил мотоцикл, за рулем которого сидел Эдди.

— Мне показалось, вам нужна помощь... Вы собираетесь спускаться вниз?

Профессор отрицательно покачал головой.

— Ну, конечно же, нет. Это слишком опасно... Мы ведь не знаем, где ОНИ находятся.

– Почему Доджсон оставался стоять, не двигаясь? – задала вопрос Сара. – Так не ведут себя с хищниками. Когда человек оказывается, например, среди львов, ему следует, как можно больше, шуметь, размахивать руками, бросать в них различные предметы... Попытаться испугать их... Но стоять просто вот так неподвижно – это же безумие.

– Возможно, он прочел какую-нибудь не ту научную статью, – предположил Иан, качая головой. – Существовала теория, что тираннозавры способны видеть только движущиеся объекты. Один парень по имени Рокстон сделал гипсовые слепки черепной коробки тираннозавра и пришел к выводу: они имели мозг лягушки.

Раздался щелчок в динамике рации, и все услышали голос Ливайна:

– Рокстон – идиот! Он настолько плохо разбирался в анатомии, что не мог даже спать с собственной женой. Его статью нужно воспринимать, как шутку, не более.

– Какую? – поинтересовался Торн.

– Рокстон, – продолжил Ричард, – считал: у тираннозавров органы зрения функционировали примерно так же, как у земноводных типа лягушки. Она различает движущиеся предметы и не замечает неподвижных. Но совершенно абсурдно полагать – хищник, подобный этому динозавру, может обладать системой зрения, которая работала бы подобным образом. Это совершенно невероятно... Ибо наиболее распространенный вариант защитного поведения у жертв – неподвижность... Олень или нечто ему подобное, почуяв опасность, застывает на месте... А хищнику нужно продолжать видеть их. Тираннозавры, без всякого сомнения, обладают такой способностью.

В динамике рации послышалось недовольное и возмущенное сопение Ливайна. Казалось, сейчас он начнет плеваться от возмущения.

— Это похоже на другую столь же идиотскую теорию, которую выдвинул Брант несколько лет назад. Гипотеза звучит так: тираннозавра может сбить с толку сильный ливень, так как это животное якобы не приспособлено к сырому климату. Но это же не менее абсурдно, чем первое! Меловой период не отличался особой сухостью, и, в любом случае, наши объекты обсуждения обитали только в Северной Америке... Их останки находили лишь в США и Канаде. Они жили на берегах огромного внутреннего моря, к востоку от Скалистых гор. А на горных склонах грозы — весьма частое явление. Я совершенно убежден, тираннозаврам приходилось иметь дело с дождями, и они научились как-то справляться с ними.

— Итак, существует ли какая-нибудь причина, благодаря которой этот динозавр мог бы отказаться от нападения? — спросил Малкольм.

— Да, конечно. И она весьма очевидна, — отозвался Ливайн.

— Ну, и?..

— Сытость. Если он успел до этого сожрать какое-нибудь животное. Любое существо, размерами превосходящее козу, способно утолить его голод на несколько часов. Нет, нет... Тираннозавры видят все прекрасно... И то, что движется, и все остальное.

* * *

Они прислушивались к реву, доносившемуся снизу, из долины.

Вдруг все заметили, как что-то огромное продирается сквозь кустарник на расстоянии полумили к

северу от них. Донеслось еще более громкое рычание. Казалось, животные окликают друг друга.

– Что у нас есть с собой? – спросила Хардинг.

– Три боевых шведских ружья... С полным зарядом, – ответил Торн.

– Хорошо, – произнесла Сара. – Пошли...

Снова включилась радиосвязь.

– Я – не с вами, – раздался голос Ливайна. – Но посоветовал бы вам подождать.

– Черт бы побрал твое ожидание! – воскликнул Малкольм. – Сара права. Пошли, посмотрим, насколько сложна ситуация.

– И увидите собственные похороны, – прокомментировал Ричард.

* * *

Арби возвратился к монитору, вытирая подбородок. Его лицо все еще сохраняло зеленоватый оттенок.

– Что там теперь происходит?

– Доктор Малкольм и другие направляются к гнезду.

– Ты что, издеваешься?! – переспросил мальчик в ужасе.

– Не беспокойся, – ответила Келли. – Сара справится.

– Ты так уверена?

ГНЕЗДО

Они остановили машину у самой поляны. Эдди следом подъехал на мотоцикле и прислонил его к стволу дерева, ожидая, когда остальные выйдут из «Форда».

Сара почувствовала привычный кисловатый запах гнилого мяса и экскрементов, по которому сразу можно узнать логово хищников. Из-за полуденной жары вонь сделалась невыносимой. В неподвижном воздухе жужжали мухи.

Хардинг взяла одну из винтовок и перекинула ремень через плечо. Она взглянула на троих мужчин, сопровождавших ее. Все они застыли в напряжении.

Лицо Малкольма побледнело, особенно вокруг плотно сжатых губ. Это напомнило ей то время, когда ее старый преподаватель, профессор Коффманн, посетил свою ученицу в Африке. Профессор принадлежал к тому типу мужчин «хемингуэевского склада», которые известны пьянством, обилием любовниц и бесконечным количеством историй об экзотических приключениях. Коффманн прославился своими исследованиями жизни орангутангов на Суматре и кольцехвостых лемуров на Мадагаскаре. Она взяла его с собой для осмотра места в саванне, где обычно питались хищники. Он упал там в обморок. Мужчина весил более двухсот фунтов, и Саре пришлось тащить его за воротник, а львы тем временем бегали вокруг и рычали на нее. Этот случай стал для Хардинг неплохим уроком.

Поэтому сейчас женщина наклонилась к своим спутникам и прошептала:

— Если вам это неприятно и вызывает отвращение, то лучше не ходите. Просто подождите здесь. Мне не хотелось бы переживать еще и за вас... А с ЭТИМ я могу справиться и сама.

И отважная исследовательница двинулась вперед.

— Ты уверена, что...

— Да. А теперь помолчите и сохраняйте тишину.

Она направилась прямо в сторону поляны. Остальные поспешили за ней. Сара раздвинула кусты и вышла на открытое место.

Тираннозавров не было, опустел и земляной холм-конус. Справа Хардинг заметила ботинок с куском оторванной ноги. Это все, что осталось от Бэйселтона.

Из гнезда доносилось жалобное тонкое подвывание. Женщина взобралась по грязному склону наверх, за ней следом — Малкольм. Заглянув внутрь, Сара увидела двух скулящих детенышей хищников. Рядом с ними лежали три больших яйца. Повсюду в грязи виднелись отпечатки обуви человека.

— Они взяли одно из яиц, — произнес математик. — Вот черт!

— Ты ведь так боялся, что какая-нибудь дурацкая случайность выведет из равновесия твою маленькую экосистему... Теперь, кажется, это случилось.

Малкольм как-то странно улыбнулся.

— Да-а-а... Я надеялся...

— Действительно, очень жаль, — посочувствовала Хардинг и быстро прошла по краю ямки. Затем наклонилась и принялась рассматривать детенышей. Один из них съежился от страха и втянул шею. Но второй вел себя совершенно иначе. Он даже не пошевелился, когда они приблизились, а лежал на боку, вытянувшись и часто дыша. Его глаза начинали стекленеть.

— Этот ранен, — констатировала исследовательница.

* * *

Ливайн оставался на своем наблюдательном пункте, поддерживая связь с группой спасателей по рации. Сейчас он требовательно произносил в микрофон:

— Мне нужно описание.

Ему ответил Торн:

— Здесь их двое. Примерно два фута в длину... Вес, возможно, около сорока фунтов. Размером с

небольших казуаров. Крупные глаза. Короткие носы. Бледно-коричневого окраса. На шее имеется пушок в виде кольца.

— Они могут стоять?

— Гм... Если и могут, то не очень хорошо. Они ковыляют, словно утки. Кстати, много пищат...

— Да, это, действительно, детеныши, — сказал Ливайн. — Может быть, им всего несколько дней от роду, и они еще ни разу не вылезали из гнезда. Необходимо соблюдать крайнюю осторожность.

— Почему?!

— При столь юных чадах родители не станут отлучаться надолго, — ответил Ричард.

* * *

Хардинг подошла поближе к раненому детенышу. Тот попытался подползти к ней, не переставая скулить. Младенец-тираннозавр неуклюже тащил свое громоздкое тело, при этом одна нога выворачивалась под неестественным углом.

— Я думаю, у него повреждена левая конечность.

Подошел Эдди и стал рядом с ней, чтобы получше рассмотреть происходящее.

— Она сломана?

— Возможно, но...

— Эй! — вдруг вскрикнул Карр.

Детеныш ринулся вперед, и его челюсти сомкнулись на голени мужчины. Карр отдернул ногу, за ней потащился и маленький хищник, вцепившийся в сапог механика мертвой хваткой.

— Эй, ты! Отпусти!

Он поднял ногу, потряс ею, но детеныш не разжимал челюстей. Эдди предпринял еще одну попытку стряхнуть звереныша и понял — бесполезно. Тот лежал на земле, часто дыша, и, тем не менее, не отпускал сапог человека.

– Вот те на! – удивился Карр.

– Агрессивный парнишка, не так ли? – заметила Сара. – Заметь, чуть ли не с первого дня жизни.

Эдди взглянул на крошечные, но необычайно острые клыки. Им не удалось прокусить обувь. Правда, они не отпускали сапог, свою «добычу». Мужчина прикладом оружия несколько раз ткнул «охотника» в голову. Но и это не возымело воздействия. Детеныш продолжал лежать, часто дыша и посматривая вверх своими большими глазами. Как видно, он и не собирался отдавать свою добычу.

Откуда-то с севера доносился отдаленный рев взрослых животных.

– Пойдемте-ка отсюда, – посоветовал Малкольм. – Мы и так увидели многое. Теперь нам нужно выяснить, куда направился Доджсон.

– Мне кажется, я заметил автомобильный след на склоне холма, – произнес Торн. – Возможно, они как раз и поехали в ту сторону.

– Стоит проверить.

Все направились к машине.

– Подождите минутку, – попросил Эдди, указывая на свою ногу. – А мне-то что делать?

– Пристрели его, – бросил Малкольм через плечо.

– Хочешь сказать, что я должен убить детеныша?

– У него сломана лапа, – заметила Сара. – Он, в любом случае, погибнет.

– Да, но...

– Мы направляемся назад по тропе, Эдди, – крикнул Торн, – и если не найдем Доджсона, поедем по горной дороге к лаборатории. А уже оттуда – к трейлеру...

– Хорошо, док. Я последую за вами.

Карр поднял винтовку и покрутил ее в руках.

— Сделай это сейчас, — сказала Сара, забираясь в «Эксплоред». — Ты же не хочешь повстречаться здесь с его папой и мамой.

ПРОИГРЫШ ИГРОКА

Когда машина ехала по тропе через джунгли, Малкольм не отводил взгляда от монитора на приборном щитке. Изображения с разных видеокамер сменяли друг друга. Профессор искал Доджсона и остатки его группы.

Заработала радиосвязь, и раздался голос Ливайна:

— Неужели все так серьезно?

— Они забрали одно яйцо, — ответил Иан. — И нам пришлось пристрелить одного детеныша тираннозавра.

— Итак, в общей сложности, двое... Из какого выводка? Из шестерых?

— Да, совершенно верно.

— Откровенно говоря, думаю, это не так уж и страшно, — прокомментировал Ричард. — Если, конечно, нам удастся положить конец действиям этих людей.

— Мы как раз и занимаемся их поиском, — произнес угрюмо Малкольм.

— Это должно было случиться, Иан, — заметила Сара. — Невозможно наблюдать за животными без того, чтобы хоть немного не нарушить равновесие среды их обитания. С научной точки зрения, это просто немыслимо.

— Ну, конечно, — огрызнулся математик. — В этом и заключается величайшее открытие науки двадцатого века. Невозможно исследовать что-то, не из-

меняя объект изучения самим процессом исследования.

Со времен Галилея ученые исходили из того, что они являются объективными наблюдателями мира природы. Это ощущалось во всех аспектах их поведения, даже в том, как они писали научные статьи, постоянно употребляя обороты типа «...наблюдалось...» Как будто при этом отсутствовал человек! На протяжении трех столетий безличностный подход являлся характерной особенностью науки. То есть она сама (наука) — объективна, а наблюдатель не имеет никакого влияния на результаты, которые описывает.

Подобная объективность и стала главной отличительной чертой наук естественных от гуманитарных и от религии — тех областей, где точки зрения наблюдателей весьма существенны, а человек неразрывно связан с наблюдаемым и результатом наблюдения.

Но в двадцатом столетии эта грань исчезает. Научная объективность уходит в прошлое даже на самых фундаментальных уровнях. В настоящее время любому физику известно, что невозможно измерить параметры любой субатомной частицы, не воздействовав на нее.

Если вы начнете измерять параметры положительной частицы, вы тем самым измените ее скорость. А если занимаетесь ее скоростью, то меняете положение в определенном пространстве.

Эта фундаментальная истина вылилась в принцип неопределенности Гейзенберга: какой бы объект вы ни изучали, вы неизбежно изменяете его.

В конце концов, стало ясно, что все ученые — лишь участники в жизни Вселенной, которая никогда не позволяет оставаться посторонним наблюдателем.

– Я знаю, объективность – невозможна, – произнес Малкольм немного раздраженно. – Меня это меньше всего волнует!

– А что же тебя заботит, в таком случае?

– ПРОИГРЫШ ИГРОКА, – произнес профессор, не отрывая глаз от монитора.

* * *

«Проигрыш игрока» – пресловутый статистический феномен, вызвавший массу споров, который, как считалось, имеет серьезное воздействие как на эволюцию, так и на повседневную жизнь.

– Предположим, ты – игрок, – сказал Иан. – И тебе пришлось сыграть в «орла и решку». Каждый раз, когда твоя монета падает «орлом», ты получаешь доллар... А выпадает «решка» – отдаешь доллар.

– Ну, так...

– Что произойдет через какое-то время?

Хардинг пожала плечами.

– Шанс выпадания «орла» или «решки» практически одинаков... Поэтому, возможно, ты выиграешь, а может быть, и проиграешь... Но, в конце концов, ты придешь к нулю.

– Ошибаешься, – улыбнулся математик. – Если ты будешь играть достаточно долго, то обязательно проиграешь: азартный человек в конечном итоге всегда остается в проигрыше. Именно по этой причине и существуют казино... Но вопрос остается: что произойдет через какое-то время? Что происходит в тот промежуток времени, который предшествует окончательному разорению игрока?

– Ну, хорошо, – согласилась Сара. – Так что же происходит?

– Если ты составишь схему выигрышей и проигрышей человека за определенный отрезок времени, то поймешь: часть времени – только чистый выиг-

рыш, а часть — наоборот. Другими словами, все в этом мире идет полосами. Это — реальный феномен... Его можно наблюдать повсюду: в атмосферных явлениях, в разливах рек, в спортивных играх, в сердечных ритмах, в биржевых курсах... Как только дела начинают катиться под гору, они идут стабильно плохо в течение определенного промежутка времени. Не зря в народе говорят: беда не приходит одна... Статистические теории лишь подтверждают эту мудрость. Беды и неудачи имеют тенденцию собираться вместе. Все валится в тартарары одновременно. Таков этот мир.

— И что же ты хочешь сказать всем этим пространным объяснением? У нас все пошло прахом?

— Возможно. Причем, не без помощи Доджсона, — ответил Малкольм, продолжая хмуро всматриваться в изображение на мониторе. — Кстати, а что случилось с этими подонками?

КИНГ

Послышалось жужжание, подобное тому, которое издает пчела, пролетающая где-то вдали. Этот звук постепенно достигал сознания Говарда Кинга по мере того, как он приходил в себя.

Он открыл глаза и увидел перед собой лобовое стекло машины и ветки, закрывающие его.

Жужжание становилось громче.

Кинг не знал, где находится, как попал сюда и что случилось с ним. Говард чувствовал боль в плечах и бедрах. В висках стучало. Он попытался вспомнить хоть что-нибудь, но... Последнее, что запомнилось, — тираннозавр, стоящий на дороге прямо перед ним... Затем Доджсон оглянулся и...

Мужчина повернул голову и не смог сдержать крика от внезапной острой боли, пронзившей его от шеи до затылка. Это случилось так неожиданно, что у него перехватило дыхание и судорога перекосила лицо. Кинг закрыл глаза, переждал и медленно скосил их в сторону...

Доджсона в машине не было. Дверца рядом с сиденьем водителя распахнута настежь... Ключ зажигания на месте... Но Льюиса нет...

В верхней части рулевого колеса виднелись полоски крови. Черный ящик-«оружие» валялся на полу. Открытая дверь заскрипела, немного качнувшись.

И снова вдали Говард услышал какое-то жужжание, подобное звуку, издаваемому гигантской пчелой. Но теперь-то он понимал, что «насекомое» — творение рук человека.

Это навело его на мысль о яхте. Сколько времени их будут ждать на реке? Кстати, который сейчас час? Взглянул на свои часы — стекло разбито, стрелки показывают 1:54.

Кинг снова услышал жужжание. И оно приближалось!

Сделав над собой усилие, Говард приподнялся с сиденья в сторону приборной доски. Приступы жуткой боли, подобные ударам электрического тока, пронзали его позвоночник. Он подождал, пока немного отпустило, и глубоко вздохнул.

«Я жив... Со мной все в порядке», — подумал Кинг.

Он бросил взгляд на открытую дверцу: солнце стояло еще достаточно высоко. «Должно быть, около полудня... Но когда же отплывает судно? В пять часов? Или...» Кинг никак не мог вспомнить, но был уверен, что испанские рыбаки не станут ждать их после наступления темноты. Они просто покинут остров.

А ему так хочется оказаться на судне! Это — самое главное для него сейчас. Морщась от боли, он перебрался на водительское место. Там Говард постарался принять сидячее положение, глубоко вдохнул, наклонился и выглянул наружу через открытую дверь.

Машина висела над пустотой, поддерживаемая только мощными ветками нескольких деревьев. Кинг увидел крутой склон холма, заросшего джунглями, почти отвесно обрывающийся чуть ниже его джипа. За листвой — пустота... У него закружилась голова от одного взгляда вниз. Он, вероятно, находится на расстоянии двадцати-тридцати футов над землей. Говард рассмотрел несколько отдельных темно-зеленых папоротников между крупными валунами.

Он решил немного передвинуться, чтобы лучше видеть.

И тут помощник «встретился» со своим шефом.

Доджсон лежал на спине на склоне холма. Его руки и ноги приняли какое-то странное положение, тело будто съежилось. Льюис не двигался. Кинг не мог разглядеть подробности из-за густой листвы деревьев, но, скорее всего, он — мертв.

Жужжание неожиданно стало очень громким, звук быстро нарастал, приближаясь с каждым мгновением. Говард бросил взгляд вперед, сквозь заросли, и увидел движущуюся машину на расстоянии всего в каких-то десять метров. Машину!

Но через мгновение она исчезла, прокатив мимо. По звуку работающего двигателя Кинг определил, что автомобиль работает на электротяге. Итак, это, скорее всего, Малкольм.

В каком-то смысле его успокоила мысль, что на острове есть и другие люди, кроме него. Он ощутил приток сил и энергии, несмотря на острую боль во

всем теле. Кинг потянулся вперед и повернул ключ зажигания — мотор загрохотал, нарушая тишину леса.

Осторожным движением ноги он нажал на педаль акселератора.

Задние колеса закрутились. Тогда Говард включил передний мост. Тотчас джип рванулся вперед, продираясь сквозь цепкие ветви тропических деревьев. Через несколько мгновений он уже оказался на дороге.

Теперь Кинг вспомнил: если ехать вправо, то доберешься до гнезда тиранозавров... «Нет уж! Хватит прежнего!» Машина Малкольма отправилась влево... За ней!

Он пытался вспомнить, как добраться до реки, чтобы попасть на судно. Смутно в памяти всплыло: вершина холма, развилка... Что ж, Говард доберется до этого перекрестка, спустится вниз... И пропади он пропадом, этот чертов остров!

Теперь его единственной целью стало убраться отсюда подобру-поздорову.

Причем, убраться как можно быстрее, пока еще не поздно.

ПЛОХИЕ НОВОСТИ

«Эксплоред» выехал на вершину холма, и Торн перегнал машину на дорогу, шедшую через гряду. Широкая тропа извивалась змейкой, порою врезаясь вглубь каменной стены скалы. Временами спуск оказывался почти отвесным, но отсюда открывался великолепный вид на весь остров.

В конце концов, автомобиль подъехал к месту, с которого можно было обозреть всю долину.

Слева виднелся наблюдательный пункт, а чуть ближе — поляна с двумя трейлерами. Дальше, направо, располагался лабораторный комплекс, за ним — рабочие мощности.

— Я нигде не вижу Доджсона, — озабочено заметил Малкольм. — Куда он мог деться?

Торн включил радиосвязь.

— Арби?

— Да, док.

— Ты их видишь?

— Нет, но... — чувствовалось, мальчик чего-то не договаривает.

— Ну, что?

— Вам не хотелось бы вернуться сюда? Есть кое-что интересное.

— Что такое? — поинтересовался Торн.

— Эдди... Он только недавно вернулся... И привез с собой детеныша.

Малкольм резко подался вперед.

— ЧТО он сделал?!

На краю хаоса имеют место совершенно неожиданные последствия. Риск погибнуть становится чрезвычайно велик.

Иан Малкольм

•

ПЯТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

ДЕТЕНЫШ

В трейлере все собрались вокруг стола, где на листе нержавеющей стали лежал детеныш тираннозавра. Он закрыл глаза, а на нос ему одели пластмассовый овал от кислородной маски, которая почти точно подходила по размеру к тупому рылу звереныша. Слышалось негромкое шипение кислорода.

— Я не мог его бросить просто так, — оправдывался Эдди. — Мне показалось, мы сможем вылечить его.

— Но послушай! — воскликнул Малкольм, качая головой.

— Поэтому я всадил в него шприц морфия из аптечки и привез сюда. Посмотрите! Маска почти в точности подходит ему.

— Эдди, — произнес профессор, — ты поступил неправильно.

— Но почему?! С ним все в порядке. Мы просто немного его подлечим и отвезем обратно.

— Вы же вмешались в систему! — возразил Иан.

В динамике рации зазвучал голос Ливайна:

— Это в высшей степени неразумно! Неразумно.

— Спасибо, Ричард, — произнес Торн.

— Я самым серьезным образом возражаю против того, чтобы в трейлер привозились какие-либо животные.

— Слишком поздно устраивать дискуссии по этому поводу, — сказала Сара.

Она подошла поближе к детенышу и начала прикреплять к его груди электроды кардиографа. Послышались частые удары сердца, около ста пятидесяти в минуту.

— Сколько морфия ты ввел ему?

— М-м-м... Я просто... ну... Целый шприц.

— А сколько это? Десять кубических сантиметров?

— Думаю, да. Хотя... возможно, и двадцать.

Малкольм взглянул на Хардинг.

— Время действия данного количества?

— Не знаю, — ответила Сара. — Мне приходилось вводить седативы львам и шакалам во время полевых исследований, когда я метила их. У тех животных существует приблизительная корреляция между дозой препарата и весом тела. Но с молодыми особями это совершенно непредсказуемо. Возможно, несколько минут... А может быть, и несколько часов. Что же касается детенышей тираннозавров, мне вообще ничего не известно. Ведь все зависит от скорости обмена веществ... У них он довольно быстрый, как у птиц. В принципе, сердечный ритм весьма учащенный... Все, что могу сказать, давайте постараемся вывести его из этого состояния как можно быстрее.

Женщина взяла небольшой ультразвуковой преобразователь и приложила его к лапе детеныша, посматривая на экран монитора. Келли и Арби закрывали от нее изображение.

— Пожалуйста, посторонитесь немного, — попросила она, и дети отошли. — У нас совсем немного времени. Пожалуйста...

Когда ей полностью освободили место у экрана, Сара увидела очертания лапы и ее костей. Странно, но она не походила на птичью. Ну, только если уж

очень большой, типа какого-нибудь стервятника или журавля. Хардинг убрала прибор.

— Ну-с, так... Плюсна... Большая берцовая кость и малая берцовая нижней части ноги...

— Почему эти кости дают такие разные тени? — поинтересовался Арби.

На снимке конечности виднелись отдельные участки густо-белой окраски внутри бледно-зеленых очертаний.

— Потому что это детеныш, — объяснила биолог. — Его лапы, в основном, состоят из хрящей, в них мало отвердевшей костной ткани. Полагаю, он еще не умеет ходить... По крайней мере, хорошо ходить. Ну, вот... Посмотрите на коленную чашечку. Здесь можно увидеть, как кровь поступает в joint capsule.

— Откуда такие познания в анатомии? — удивилась Келли.

— Я обязательно должна ее знать, — ответила исследовательница. — Ведь мне пришлось заниматься изучением жизни хищников, а следовательно, и местами их кормежки. Я часто осматривала кости, оставшиеся после трапезы животных, и пыталась по ним выяснить, каких же особей они предпочитают. Чтобы заниматься этим, нужно хорошо знать сравнительную анатомию, — Сара провела преобразователем вдоль ноги маленького ящера. — Кстати, мой отец был ветеринарным врачом.

Малкольм пристально взглянул на нее.

— Твой отец?

— Да. В зоопарке Сан-Диего... Он специализировался на птицах. Но я не вижу... Не могли бы вы увеличить это?

Мальчик щелкнул переключателем. Изображение выросло вдвое.

— Ага! Хорошо... Вот так... Видите?

— Нет.

— В средней части малой берцовой кости... Видите? Тонкая черная линия. Это перелом.

— Вот эта черточка? — переспросил Арби.

— Верно... Эта маленькая черная черточка — смертный приговор для этого малыша, — сказала Сара. — Кость не срастется прямо, и поэтому, когда он будет вставать на задние лапы, голеностопный сустав не будет поворачиваться. Этот детеныш не сможет бегать и, вполне вероятно, вообще не сможет ходить. Он будет инвалидом, и любой хищник уничтожит его еще до того, как ему исполнится несколько недель.

— Но ведь мы можем вылечить его, — проговорил Эдди.

— Хорошо, — кивнула Сара. — Ну, а что ты предлагаешь использовать вместо гипса?

— Диэстеразу, — ответил механик. — Я привез целый килограмм этой штуки в тюбиках по сто кубиков каждый... Собирался использовать для склеивания... Названное вещество — полимерная смола, способная застывать и делаться твердой, словно сталь.

— Великолепно! — прокомментировала Хардинг. — Но это его тоже убьет.

— В самом деле?

— Он РАСТЕТ, Эдди. Через несколько недель детеныш станет намного больше... Нам необходимо нечто достаточно плотное, но что бы изнашивалось или ломалось... По крайней мере, к тому времени, когда его лапа заживет. Этак, недель через пять... Есть у тебя что-нибудь такое?

Механик нахмурился.

— Не знаю...

— У нас мало времени, — напомнила Хардинг.

— Док, — взмолился Карр, — это так похоже на один из ваших тестовых вопросов... Как же наложить гипс на тираннозавра, имея только суперклей?

— Я знаю, — отозвался со смехом Торн. Он почувствовал несколько парадоксальный и ироническкий характер ситуации. На протяжении трех десятилетий он давал своим студентам задачи, подобные этой. Теперь же сам столкнулся с ней.

— Может быть, нам удастся каким-то образом размягчить смолу, — предложил Эдди, — например, смешивая ее с чем-то вроде сахарного песка?

Док покачал головой.

— Гидроксильные группы в сахарозе сделают ее слишком хрупкой. Она хорошо затвердеет, но рассыплется, подобно стеклу, при первой нагрузке.

— А что, если соединить смолу с тканью, вымоченной в сахарном растворе?

— То есть, сделать так, чтобы бактерии разрушили материал?

— Ну, да...

— И когда это случится, гипс сам собой распадется?

— Да.

Торн пожал плечами.

— Это может сработать, — согласился он. — Но без соответствующего испытания мы не сможем точно узнать, сколько продержится наша повязка. Возможно, несколько дней, а может, несколько месяцев.

— Это слишком долго, — заметила Сара. — Животное растет очень быстро. Если гипс будет сдерживать развитие, то оно останется калекой.

— Нам необходима, — заключил Карр, — органическая смола, из которой можно изготовить саморазрушающуюся повязку... Что-то вроде резины.

— Жевательная резинка, например, — предложил Арби. — У меня ее много.

— Нет... Я как раз имел в виду другую разновидность... Говоря на языке химиков, диэстеразовую смолу.

— Мы никогда не решим эту проблему химическим путем, — заметил Торн. — У нас нет соответствующих веществ.

— А что еще можно сделать? Где выход из...

— А если вы сделаете такую штуковину... ну... Крепкую в одном отношении... И слабую — в другом, — предложил мальчик.

— Невозможно, — оборвал Эдди. — Это — однородная смола. Однородное клейкое вещество, при высыхании застывающее, как камень, и...

— Нет, подожди-ка минуточку, — произнес Торн, поворачиваясь к мальчику. — Что ты хотел нам сказать, Арби?

— Ну, Сара говорит, нога растет... Значит, она вытягивается в длину... Это не имеет никакого значения для повязки... И в ширину, что очень важно... А если сделать гипс довольно малого диаметра?

— Он прав, — резюмировал док. — Мы сможем решить проблему структурным методом.

— Как? — удивился Эдди.

— Просто необходимо закрепить место перелома. Возможно, воспользуемся для этого алюминиевой фольгой... Типа продуктовой...

— Слабовата... Не выдержит, — возразил механик.

— А если мы покроем ее тонким слоем смолы? — Торн повернулся к Хардинг. — Можно сделать такую повязку, можно. Это простая инженерная задача... Детеныш сможет спокойно передвигаться, опираясь на нее, и все будет в порядке до тех пор, пока давление на гипс прилагается по вертикали. Но как только конечность вырастет, она сломает нашу конструкцию и станет свободной от сдавливания со стороны.

– Да, – кивнул мальчик, соглашаясь.

– Это сложно сделать? – поинтересовалась Сара.

– Нет. Довольно легко. Вы просто делаете своеобразный обшлаг из фольги и покрываете его смолой.

– А что его станет удерживать, пока наносится клейкое вещество? – ехидно спросил Карр.

– Так как все-таки насчет жвачки? – поинтересовался Арби.

– Превосходно! – засмеялся Торн.

В это мгновение детеныш тираннозавра зашевелился, его лапы задергались. Он поднял голову, кислородная маска свалилась с нее при пробуждении. Раздался негромкий писк.

– Быстро, – приказала биолог, – еще морфия.

Малкольм, державший шприц наготове, вонзил его в шею детеныша.

– Всего пять кубиков, – прокомментировала Хардинг.

– Но ведь можно ввести и больше...

– Он получил шок от сильного ушиба, Иан. Слишком большая доза может убить его. А если остановится дыхание? Да и его железы, вырабатывающие адреналин, скорее всего, тоже перенапряжены.

– Если они у него существуют, – заметил Малкольм. – Вообще, у тираннозавров Рекс есть какой-нибудь гормональный аппарат? Факт состоит в том, что мы ничего не знаем об этих представителях животного мира.

Снова ожила долго молчавшая рация, и, конечно, раздался ехидный голос Ливайна.

– Говори только за себя, Иан. Я подозреваю, что мы скоро наверняка установим присутствие гормонов в организме динозавров. Существуют весьма основательные причины полагать это. Но раз уж вам взбрела в голову эта блажь с лечением детеныша

тираннозавра, так возьмите у него несколько пробирок крови для анализов. Кстати, док, не соизволите ли взять телефонную трубку?

Математик вздохнул.

— Этот парень начинает действовать мне на нервы.

* * *

Торн прошел по трейлеру до коммуникационного отсека в передней его части. Просьба Ричарда прозвучала весьма странно: везде стояли микрофоны. Ливайн прекрасно знал об этом, потому что сам разрабатывал систему связи.

Док взял трубку:

— Да?

— Перехожу прямо к делу... Доставка детеныша в трейлер — возмутительная ошибка! Вы сами себе создаете проблемы и навлекаете беду...

— Подожди... Какую беду?!

— Нам это неизвестно, в том-то и суть... И мне не хотелось бы сеять среди вас тревогу. Но почему бы тебе не перевезти ребятишек сюда, на наблюдательный пункт? Да и тебе с Эдди не мешало бы подъехать.

— Ты намекаешь на то, чтобы мы убирались отсюда? Ты в самом деле так считаешь?

— Одним словом — да! Я так думаю...

* * *

Как только детенышу ввели морфий, послышался хриплый вздох, и он повалился на стальную пластину. Сара снова приладила кислородную маску на морду маленького хищника. Затем бросила взгляд на монитор, проверяя частоту сердечного ритма. Арби и Келли опять прилипли к экрану, мешая считывать показания, и она обратилась к ним:

— Ребята, пожалуйста, отойдите.

Появившийся недавно Торн сделал шаг вперед и хлопнул в ладоши.

— Эй, молодежь! Исследовательская поездка! Вперед.

— Прямо сейчас? — удивился мальчик. — Но нам хотелось понаблюдать за детенышем.

— Нет, нет, — ответил док. — Доктору Малкольму и доктору Хардинг необходимо место для работы. Наступило время для поездки на нашу площадку. Можем до вечера заняться наблюдением за динозаврами.

— Но...

— Не спорьте... Мы здесь только мешаем.

Торн повернулся к Эдди.

— Молодой человек, ты тоже поедешь с нами. Пусть эти два голубка делают свое дело.

Через несколько минут они покинули трейлер.

Сара услышала негромкое урчание «Форда», отъезжавшего от места основной стоянки экспедиции.

Наклонившись над детенышем и поправляя на нем кислородную маску, она повторила:

— Голубки... Голубки?

Иан пожал плечами.

— Ливайн...

— Это идея Ричарда? Увезти всех отсюда?

— Возможно.

— Ему известно что-то такое, чего не знаем мы?

Малкольм весело рассмеялся.

— Нисколько не сомневаюсь, именно так Ричард и считает.

— Ну, пора начинать работу, — произнесла она. — Необходимо выполнить ее как можно скорее и отвезти этого малыша домой.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

К тому времени, когда они достигли вышки, солнце уже скрылось за низко нависшими облаками.

Вся долина погрузилась в нежное море света, изливаемого заходящим светилом.

Эдди припарковал машину под алюминиевыми опорами, и все вместе, дети и взрослые, забрались под маленький навес. Там их поджидал Ливайн, хотя по внешнему виду этого человека нельзя было сказать, что он рад видеть их у себя.

— Прекратите топтаться по площадке! — раздраженно воскликнул Ричард вместо приветствия.

Из-под навеса открывался величественный вид на долину. Где-то на севере слышались раскаты грома. Воздух наполнялся прохладой и казался наэлектризованным.

— Будет гроза? — спросила тихонько Келли.

— Скорее всего, — отозвался Торн.

Мальчик с сомнением взглянул на металлическую крышу над головой.

— Сколько мы пробудем здесь?

— Немного, — ответил док. — Это всего лишь наш первый день на острове... А уже завтра утром нас увезут отсюда вертолетами. Я подумал, что вы, ребята, заслужили возможность увидеть динозавров в их естественной среде обитания еще раз.

Арби с нескрываемым сомнением посмотрел на него.

— И все-таки, какова истинная причина? Зачем вы привезли нас сюда?

— А я знаю, — деланно равнодушным голосом сказала девочка.

— Да-а? И что же?

— Доктор Малкольм хотел остаться наедине с Сарой, дурачок.

– Но зачем?

– Они – старые друзья, – отозвалась Кертис.

– Ну и что? Мы ведь просто хотели понаблюдать за детенышем тиранозавра.

– Нет, ты понимаешь, – возмутилась девочка. – Я хочу сказать, что они – СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ.

– Понимаю, – заметил, соглашаясь, Арби. – Я не такой уж дурак, как тебе кажется.

– Ладно, оставьте эту тему, – прервал их Ливайн, не отрываясь от бинокля. – Вы упускаете очень интересные вещи.

– Какие?!

– Вон те трицератопсы... Внизу... на реке... Что-то беспокоит их.

Действительно, стадо ящеров, мирно пасшихся на берегу, внезапно зашумело. Для столь крупных животных их крики звучали просто смешно: они больше напоминали завывания маленьких собачонок.

Арби повернулся и взглянул в ту сторону.

– Там... среди деревьев... ну, во-о-н за рекой... что-то чернеет. Какая-то тень...

Стадо трицератопсов задвигалось и начало сбиваться в общую массу, пока не образовался круг, ощетинившийся изогнутыми рогами, направленными на какую-то еще невидимую опасность. Одинокий детеныш находился в самом центре, завывая от ужаса. Одна из взрослых особей, возможно, его мать, повернулась к нему и ткнула мордой. Крик сразу же утих.

– Я их вижу, – сказала Келли, не отрывая глаз от небольшой рощицы. – Это – велосирапторы. Вон там...

Трицератопсы повернулись мордами к хищникам, взрослые ящеры издавали лающие звуки, покачивая рогами. Они создали своеобразный барьер из колючих шипов. Возникло совершенно определенное ощу-

щение скоординированности движений всех животных, коллективного характера защиты от хищников.

Ливайн радостно заулыбался.

– До сих пор не существовало доказательств этого, – произнес он, указывая рукой в направлении грозного «оборонительного сооружения». – По сути дела, большинство палеонтологов не верит в подобное...

– Не верит... во что? – поинтересовался мальчик.

– Вот в такой коллективный способ защитного поведения... Особенно это касается трицератопсов... Они немного походят на носорогов, поэтому и сделали вывод, что данные животные вели одиночный образ жизни. Но теперь мы видим... А-а... Да.

Из-за деревьев на открытое пространство выпрыгнул один велосираптор. Он быстро передвигался на задних лапах, удерживая равновесие при помощи плотного и упругого хвоста.

Стадо грозно зашумело при появлении хищника. Остальные велосирапторы продолжали прятаться в зарослях. Одинокий охотник медленно скользил вокруг грозного круга и вошел в воду. Он быстро и без усилий переплыл реку и выбрался на противоположный берег. Теперь одиночка-ящер находился на расстоянии пятидесяти ярдов вверх по течению от «лающих» трицератопсов, которые единым монолитным фронтом повернулись в его сторону. Все их внимание сконцентрировалось на единственном хищнике.

Очень медленно и осторожно другие велосирапторы стали выходить из своего укрытия. Они шли, пригнувшись, высокая трава надежно прятала их.

– Ух, ты! – воскликнул Арби, не в силах сдерживать себя. – Они вышли на охоту.

— Да, и, причем, целой стаей, — подтвердил Ливайн. — Основная часть находилась с подветренной стороны, поэтому стадо не учуяло их.

Ричард вновь поднес бинокль к глазам.

— Полагаю, сейчас мы станем свидетелями жестокой расправы.

Все, затаив дыхание, наблюдали, как велосирапторы окружали сгрудившихся травоядных рептилий.

Совершенно неожиданно молния прорезала пространство над побережьем острова, ярко осветив всю долину.

Один из медленно передвигавшихся хищников застыл на месте, словно от удивления. Его голова едва виднелась над высокой травой.

Мгновенно все стадо трицератопсов развернулось в другую сторону, перегруппировавшись для отпора новой угрозы. Все велосирапторы сразу же остановились, будто для того, чтобы пересмотреть свой план нападения.

— Что случилось? — спросил Арби. — Почему они прервали охоту?

— У них проблемы.

— Какие?

— Посмотри на них... Основная часть стаи все еще на том берегу... То есть слишком далеко, чтобы принять участие в нападении.

— Хочешь сказать, они решили отказаться от атаки?

— Похоже на то, — ответил Ливайн.

Один за другим хищники подняли головы и сразу стали видны. Появление каждого нового велосираптора вызывало взрыв негодования и «лая» травоядных. Казалось, нападающие поняли — ситуация безнадежна. Они начали двигаться в сторону деревьев. Увидев, как отступает опасность, трицератопсы зашумели еще громче.

И тут одинокий хищник, стоявший у самого края воды, рванулся вперед. Он несся с невероятной скоростью и огромными прыжками, подобно гепарду, преодолел те пятьдесят ярдов, что отделяли его от остального стада. Взрослые трицератопсы не успели перестроиться — и детеныш оказался без защиты. Он верещал от ужаса, видя приближающуюся опасность.

Велосираптор подпрыгнул, оттолкнувшись от земли мощными задними ногами. Вновь молния осветила долину, и в ее ярком свете наблюдатели увидели две изогнутые лапы с когтями, вытянутыми вперед. В последнее мгновение одна взрослая рептилия повернулась, качнув своей огромной головой с рогами и широким костистым гребнем, и нанесла охотнику мощный удар, от которого тот отлетел на берег реки. Сразу же за этим взрослые трицератопсы бросились вперед, высоко подняв морды. Впереди — тот, первый, что предпринял решительные действия. Вот он достиг велосираптора, резко остановился и опустил голову, направив рога в сторону упавшего животного. Но хищник отреагировал очень быстро: с шипением вскочил на ноги — и острое оружие трицератопса вонзилось в прибрежную грязь.

Велосираптор отпрыгнул в сторону и нанес нападавшему на него животному удар в морду своими изогнутыми когтями. У травоядного сразу же хлынула кровь. Он взвыл, но к этому времени еще две взрослых особи из стада подоспели к месту схватки. Остальные трицератопсы продолжали охранять детеныша.

Хищник, видя преимущество противника, начал отступать, пытаясь укрыться в высокой траве.

— Вот это да! — воскликнул мальчик, хлопая от восторга в ладоши. — Настоящее сражение! Здорово!

Кинг вздохнул с облегчением, как только достиг развилки дорог и повернул свой джип налево, выехав на широкую грязную тропу. Он сразу же узнал ее — это был путь, проходивший по гряде холмов. Теперь-то он уж точно доберется до места, где причаливало судно.

Он бросил взгляд налево, и перед ним открылся великолепный вид на восточную долину. Моторка все еще стояла на приколе! Прекрасно! Говард издал радостный вопль, резко увеличивая скорость. Его переполняло чувство невероятного облегчения. «Домой! Домой!» — пела душа.

Кинг уже различал на палубе фигурки испанских рыбаков, посматривающих на небо. Несмотря на угрозу шторма, они, казалось, вовсе не собирались торопиться с отправлением. «Может быть, они ждут Доджсона, — подумал Говард. — Ну, что ж... И это неплохо...»

Через несколько минут он будет там. Выбравшись из густых джунглей, можно дышать свободно.

Дорога, проходившая по хребту, располагалась довольно высоко и вела вдоль вулканической гряды. По сторонам тропы заросли отсутствовали, и, несмотря на все ее изгибы и повороты, с любой точки прекрасно просматривался весь остров. На востоке темнел большой овраг и судно у берега. На западе видна лаборатория и два трейлера Малкольма, похожие друг на друга, как две капли воды, стоящие у самого края безлесного пространства.

«Нам так и не удалось выяснить, какого черта притащился сюда этот проклятый математик, — подумал Кинг. — Но теперь... А... Какое это имеет значение...»

Говард уносил ноги с острова. Он уже почти чувствовал под ногами твердую палубу лодки. «Может, у кого-нибудь из рыбаков есть пиво... Холодное, приятное пиво... И я выпью баночку-другую, пока мы станем спускаться вниз по реке... Выпью за себя и за Доджсона...» — размечтался Кинг.

* * *

Он выехал из-за поворота и увидел большое стадо животных, перекрывших дорогу. Какие-то зеленые динозавры в четыре фута высотой с большими куполообразными головами и множеством мелких рогов стояли на его пути. Они напоминали ему зеленых водяных буйволов. Рептилий столпилось огромное количество. Говард резко нажал на тормоза, машина свернула на обочину и остановилась.

Динозавры взглянули на его автомобиль, но не сдвинулись с места. Стадо лениво продолжало блокировать его движение. Кинг ждал, барабаня пальцами по рулевому колесу. Бесполезно! Он принялся отчаянно сигналить и мигать фарами.

Но животные только тупо уставились на непонятную для них штуку. Теперь Говард смог более внимательно рассмотреть их: забавные существа с гладким выступающим изгибом на лбу и маленькими рожками вокруг него. Они бессмысленно взирали на человека своими пустыми коровьими глазами.

Кинг завел машину и медленно повел ее вперед, полагая, что сможет таким образом пробиться сквозь стадо. Но ящеры не сдвинулись ни на дюйм. В конце концов, автомобиль уткнулся бампером в ближайшую тварь. Рептилия замычала, отступила на несколько шагов, опустила голову и нанесла ею сильный удар по передней части джипа. Раздался громкий металлический звук.

«Боже мой! — подумал Говард. — Эта зверюга может пробить радиатор!» Он снова остановил машину и стал ждать с выключенным двигателем. Животные вновь успокоились.

Некоторые из них улеглись прямо на дороге. «Не могу же я переехать их», — мелькнула у него мысль.

Кинг взглянул на реку и увидел судно, от которого его отделяло расстояние не более четверти мили. «Даже и не предполагал, что до него так близко». Но чем больше он смотрел на большую лодку, тем более убеждался — рыбаки готовились к отплытию.

«К черту ожидания!» — решил Говард, открывая дверцу и вылезая из джипа. Оставив автомобиль в самом центре стада, он сделал шаг вперед. Тотчас же животные вскочили на ноги, а ближайшее бросилось на него. Кинг оставил дверцу автомобиля открытой, и динозавр нанес удар по ней, отчего она захлопнулась, а на поверхности металла осталась заметная вмятина.

Он осторожно пробрался к краю холма и обнаружил, что находится наверху отвесного вертикального обрыва высотой более ста футов. Ему никогда не спуститься... По крайней мере, здесь. Немного дальше склон становился более пологим.

Но теперь еще несколько животных двигалось к нему. Выбора не оставалось. Говард обежал вокруг джипа. В этот момент еще один динозавр ударил по задним фонарям автомобиля, разбив вдребезги пластик.

Третья рептилия устремилась прямо к заднему бамперу машины. Кинг ухватился за запасное колесо, и в ту же секунду животное с огромной силой врезалось в «Ренглер».

Говард упал на землю и покатился к обрыву, а зеленые твари недовольно ворчали вокруг него, но не трогали. Он вскочил на ноги и бросился на про-

тивоположную сторону дороги, где виднелся небольшой подъем, быстро взобрался наверх и скрылся в зарослях.

Животные не стали преследовать его. Но... теперь стадо отрезало ему путь к реке. Каким-то образом Кингу все-таки придется перебираться через тропу.

Он поднялся на самый верх холма и затем снова стал спускаться, проклиная все и вся на свете. «Нужно идти вперед вдоль этой стороны дороги еще футов сто... Идти до тех пор, пока эти твари не скроются из виду, а затем уже вернуться к прежнему направлению... Если мне это удастся, значит — я доберусь до судна», — размышлял Говард, приближаясь к густым зарослям.

Оказавшись в кустарнике, он поскользнулся, упал и покатился по крутому склону, а когда поднялся, то уже не знал, куда двигаться. Кинг оказался на дне какого-то рва, где пальмы разрослись очень густо, закрывая даже небо над головой. На мгновение его охватила паника. Говард стал продираться сквозь влажную листву в надежде снова отыскать дорогу.

* * *

Дети продолжали наблюдать за удаляющимися хищниками...

Торн отозвал Ливайна в сторону и тихо спросил:

— Зачем ты вызвал нас сюда?

— Обычная предосторожность, — ответил Ричард. — Детеныш находится в трейлере... А это может привести к самым непредсказуемым неприятностям.

— Но что может случиться?

Ученый пожал плечами.

— Суть в том... Я не знаю, как ответить на твой вопрос... Но родителям обычно не нравится, когда у

них забирают детей. У этого «ребенка» очень крупные папа и мама.

С другой стороны площадки послышался голос Арби:

— Смотрите! Смотрите!

— Что случилось? — поинтересовался Ливайн.

— Человек!

* * *

Задыхаясь, Кинг выбрался из зарослей и направился в долину. Наконец-то до него дошло, где он находится. Измученный человек остановился, чтобы перевести дух и определиться: куда идти дальше.

С глубочайшим разочарованием Говард понял, что до судна сейчас еще очень далеко. Он, скорее всего, по-прежнему находился на противоположной стороне дороги.

Перед ним простиралась широкая, поросшая травой равнина, по которой протекала река. Долина практически пустынна, за исключением нескольких динозавров, пасшихся вдалеке, на речном берегу. Они выглядели возбужденно. Крупные взрослые особи мотали головами и издавали при этом лающие звуки.

Очевидно, ему придется идти по течению до тех пор, пока он не доберется до места стоянки судна. Да и продвигаться нужно осторожно: впереди — трицератопсы.

Говард порылся в карманах и вытащил шоколадный батончик, снял с него обертку, продолжая посматривать на рептилий и мечтая, чтобы они убрались куда-нибудь подальше. Сколько же времени займет путь до судна?

Наконец Кинг принял решение: двигаться вдоль реки, независимо от того, как поведут себя трицератопсы. Он протянул руку, чтобы раздвинуть густые заросли травы...

И тут же раздалось шипение пресмыкающегося. Оно неслось откуда-то слева. Затем Говард почувствовал специфический запах гнилого мяса. Он остановился в ожидании... Шоколадный батончик почему-то сразу утратил свой вкус.

В эту секунду за его спиной раздался плеск, донесшийся от реки. Кинг повернулся, чтобы взглянуть в ту сторону.

* * *

— Это один из тех людей, что ехали в джипе, — сказал Арби. — Но чего он ждет?

С площадки хорошо просматривались очертания велосирапторов, двигавшихся сквозь заросли травы на другой стороне реки. Неожиданно два хищника вышли на чистое прибрежное пространство и прыгнули в воду. Они направлялись прямо к человеку!

— О нет... — прошептал мальчик.

* * *

Говард увидел двух темных полосатых ящеров, пересекавших реку. Они передвигались на задних лапах прыжками. Их тела четко отражались в речном потоке. Динозавры щелкали своими длинными челюстями и угрожающе шипели на него.

Он бросил взгляд выше по течению и заметил еще одну подобную тварь, форсирующую водную преграду... За ней — еще, еще... Первые животные уже подплывали к берегу.

Кинг начал отступать, углубляясь в высокие заросли травы, затем повернулся и побежал, задыхаясь от недостатка воздуха и страха.

Вдруг голова еще одной рептилии с шипением и рычанием выросла прямо перед ним. Он увернулся, меняя направление, но ближайший к нему динозавр неожиданно подпрыгнул в воздух так высоко, что

показалось — он парит над землей. Две задние когтистые лапы приготовились схватить добычу.

Говард снова повернул, и ящер издал пронзительный визг, приземлившись позади него; рептилия сразу же метнулась в траву. Кинг продолжал бежать, страх придавал ему силы. За спиной слышалось рычание этих мерзких тварей. Впереди расстилалось примерно ярдов двадцать пустого пространства, а затем снова начинались джунгли. Он залезет на высокое дерево — и будет спасен.

Слева Говард увидел еще одно животное, которое двигалось, пересекая поляну по направлению к нему. Оно стремительно приближалось. В голове стучала одна-единственная мысль: «Я НЕ УСПЕЮ».

И все-таки нужно попытаться.

На последнем дыхании Кинг рванулся к деревьям. Каких-нибудь десять ярдов! Кровь бешено стучала в висках, ноги дрожали, дыхание стало прерывистым...

И тут что-то тяжелое ударило его сзади, сбило с ног... Говард почувствовал острую боль в спине и сразу понял — когти, вонзившиеся глубоко в его тело. Он пытался сбросить с себя напавшее животное, но оно крепко вцепилось и не давало двинуться с места. Его буквально пригвоздило к земле, причем лицом вниз. Боль усиливалась, становилась невыносимой, перед глазами все поплыло...

Затем Кинг ощутил горячее дыхание твари на своей шее, услышал ее жадный хрип и ворчание. Ужас обуял его... Внезапно охватила какая-то слабость и безразличие... Пришла неожиданная и приятная сонливость. Словно во сне, он увидел перед собой стебли травы. Они предстали с какой-то удивительной яркостью, и ему стала почти безразлична острая боль в спине и то, что в него вонзаются клыки зверя. «Наверное, это происходит с кем-то другим...» На мгновение Говарда охватило удивление, когда он

почувствовал громкий хруст костей в своей собственной шее.

И затем все окутал мрак... Мир поглотило ничто...

* * *

— Не смотри, — попросил Торн, поворачивая Арби от ограждения наблюдательного пункта.

Мужчина притянул мальчика к себе, прижал к своей груди, но Бентон раздраженно оттолкнул руки друга и снова повернулся.

Док сделал предостерегающий жест, обращаясь к Келли, но та отступила от него, продолжая пристально всматриваться в происходящее.

— Не смотрите! — умолял и просил бывший академик. — Не смотрите!

Но дети... Дети на этот раз не послушались своего друга и учителя... Они смотрели... Молча.

* * *

Ливайн наблюдал всю трагедию, разыгравшуюся в долине, через окуляры мощного бинокля.

Теперь тело человека окружало уже пять велоцирапторов, с жадностью отрывая от него куски мяса. Вот один из хищников резко поднял голову, держа в зубах кусок пропитавшейся кровью рубашки. Другой мотал оторванную голову жертвы, бросив ее, в конце концов, на землю. Гремели раскаты грома, высоко в небе сверкали молнии. Темнело...

Ливайну все труднее становилось наблюдать за происходящим. Ясно только одно: какую бы иерархическую организацию не принимали эти твари на время совместной охоты, они тут же отказывались от нее, как только достигалась цель.

Сейчас каждое животное было само по себе. Обезумевшие от жадности хищники подпрыгивали и снова ныряли в траву, отрывая куски мяса. При этом

они постоянно кусали друг друга и вступали в короткие стычки. Вот из зеленой поросли появилось одно из адских созданий, держа в зубах какой-то предмет коричневого цвета. На морде динозавра появилось странное выражение, когда он начал пережевывать это. Затем ящер отвернулся от всей остальной стаи и осторожно взял непонятный для наблюдателя предмет в передние лапы.

В сгущавшейся темноте Ливайн не сразу понял, что делает тварь.

— О, Господи! — воскликнул Ричард, когда, наконец, разобрался, в чем дело.

Динозавр поедал шоколадный батончик! И создавалось впечатление: ему очень нравится эта добыча.

Хищник вновь повернулся к жертве и погрузил морду в окровавленные останки. По долине мчались другие велосирапторы, спеша присоединиться к трапезе. Они передвигались то бегом, то большими упругими прыжками. С остервенелым рычанием животные бросались на свою долю в этом кровавом пиршестве.

Ливайн опустил бинокль и взглянул на Арби и Келли.

Они спокойно и молчаливо взирали на жуткую сцену, лишь руки, вцепившиеся в перила ограждения, выдавали их волнение, страх и переживания.

ДОДЖСОН

Льюис пришел в себя от шумного чириканья, словно около него собрались сотни маленьких птичек. Казалось, все свободное пространство заполнено ими. Постепенно он начал понимать, что лежит на спине на влажной покатой поверхности.

Он попытался сделать какое-либо движение, но тотчас ощутил острую боль и тяжесть во всем теле. Огромный груз придавил ему ноги, живот и руки; дышать почти невозможно.

Доджсону хотелось спать. Вернее, ужасно хотелось впасть в забытье. Сознание начало медленно оставлять его...

Вдруг он почувствовал, как что-то дергает его руку, тянет за пальцы, трогая каждый из них поочередно, будто старается вернуть его в реальную действительность. Медленно, очень медленно Льюис открыл глаза...

Рядом с его рукой стоял маленький динозавр; он наклонялся и покусывал пальцы своими крохотными зубами. Ногти уже кровоточили, с кончиков пальцев свисали кусочки мяса.

Мужчина с удивлением отдернул руку... Внезапно чириканье стало громче. Он скосил глаза и обнаружил, что эти крохотные рептилии стоят у него на груди, на ногах... Они, словно цыплята, клевали его, покусывали живот, бедра...

С отвращением Доджсон вскочил на ноги, сбросив с себя этих мерзких созданий, которые тотчас же запрыгали прочь, раздраженно посвистывая. Маленькие существа отбежали на несколько шагов, остановились и, повернувшись, уставились на него, не выказывая ни малейших признаков страха. Напротив, они словно чего-то ожидали.

И тогда Льюис понял — это прокомпсогнатиды, «компи», динозавры, питающиеся падалью.

«Боже мой, — подумал он, — ОНИ РЕШИЛИ, ЧТО Я МЕРТВ».

Передвигаясь с огромным трудом, Доджсон пошел вперед, почти теряя равновесие. Он снова почувствовал боль и приступы головокружения. Малень-

кие твари чирикали, наблюдая за ним, словно совещаясь о своих дальнейших действиях.

— Прочь! — заорал он, взмахивая руками. — Убирайтесь прочь отсюда!

Динозаврики, продолжая стоять на месте, и не подумали сделать хотя бы попытку скрыться.

Льюис наклонился и осмотрел себя: рубашка и брюки — все в дырах, кровь сочилась из сотен мелких ран, и ее капельки попадали на одежду. Ему стало дурно; он присел и положил руки на колени, наклонив голову и делая глубокий вдох.

«Господи! — подумал он и еще раз сделал глубокий вдох. — Спаси меня! Ведь так недолго и кровью истечь...»

Увидев, что человек не двигается, крошечные создания начали медленно и осторожно приближаться к нему. Он встал — они тотчас же отступили. Но через какое-то мгновение снова двинулись в его сторону.

Один из «цыплят» подошел совсем близко. Доджсон злобно пнул его ногой, и маленькое тельце взлетело высоко в воздух. Животное испуганно заверещало, но приземлилось, подобно кошке, точно на лапы, нисколько не пострадав при этом. Остальные даже не двинулись с места.

Они ждали.

* * *

Льюис оглянулся и понял — наступили сумерки. Часы показывали 6:40. Через несколько минут совсем стемнеет, ведь в джунглях ночь наступает мгновенно.

Ему нужно найти безопасное место для ночлега, и как можно скорее. Он бросил взгляд на наручный компас и отправился в южном направлении. Почему-то в нем жила уверенность, что река

расположена именно там. А там – судно... Там – безопасность.

Как только Доджсон сделал первый шаг, «компи» зачирикали и последовали за ним. Они держались на расстоянии пяти-семи футов позади него и, пробираясь сквозь заросли, устроили совершенно невероятный шум. Мужчина понимал, что его «эскорт» составляют десятки, если не сотни, этих маленьких дьяволов. Темнота сгущалась, и их глаза начали светиться ярко-зеленым огнем.

Каждая клеточка тела ныла и протестовала против движения, каждый шаг причинял страдание. Кроме того, он не совсем уверенно держался на ногах. Человек истекал кровью, и ему страшно хотелось спать.

Доджсон начинал понимать, что не доберется до реки. В лучшем случае, он сможет пройти еще сотни две футов... Льюис упал, зацепившись за корень дерева; медленно поднимаясь, он чувствовал, как грязь налипает на его пропитавшуюся кровью одежду.

Мужчина оглянулся на множество зеленых глаз позади и заставил себя продолжать путь. «Я смогу... – подумалось ему, – ... пройти... еще... немного... Еще...»

И тут прямо перед собой, сквозь густую листву, он увидел свет. «Неужели это – судно?!» Человек стал пошевеливаться, слыша шум мелких тварей позади себя...

Продравшись сквозь заросли, Доджсон прямотаки наткнулся на небольшой сарай, похожий на склад инвентаря или на караульное помещение. Здание выстроили из бетона, покрыли жестяной крышей... Из небольших квадратных окон лился поток света.

Льюис снова упал, встал на колени и оставшуюся часть пути прополз на коленях; дотянулся до двери, ухватился за ручку и открыл ее.

Внутри — пусто... Из пола выходят какие-то трубы. В прошлом они, вероятно, связывали что-то... наверное, механизмы... Но теперь здесь остались только ржавые пятна в тех местах, где стояли эти устройства.

В помещении горел электрический свет. Фонарь снабдили фотореле, которое включало его с наступлением сумерек. Именно этот свет и увидел Доджсон.

«Неужели на острове есть электричество? Откуда?» — мелькнула мысль и тут же исчезла. Его не интересовало сейчас ничего на свете.

Мужчина ввалился в помещение, плотно закрыл за собою дверь и обессилено опустился на бетонный пол. Сквозь грязное стекло окна он видел «компи», оставшихся снаружи. Они бились в стекло, нервно и растерянно прыгали вокруг здания. Но в данный момент Доджсон чувствовал себя в безопасности.

Конечно, ему придется продолжить путь: каким-то образом надо выбраться с этого чертова острова. Но не теперь...

Позже.

Обо всем он побеспокоится позже.

Льюис улегся на влажный бетон пола, положил руку под голову и уснул.

ТРЕЙЛЕР

Сара Хардинг обвязала раненую ногу детеныша алюминиевой фольгой. Он все еще находился в бессознательном состоянии, но дышал легко и не дергался. Тихо шипел подаваемый в маску кислород.

Биолог с помощью небольшой кисточки начала наносить смолу на металлическую манжету.

— Сколько там велосирапторов? — спросила она, продолжая свою работу. — Не могу сказать точно... Когда я их видела, не успела сосчитать. Но, кажется, не более девяти.

— Думаю, больше, — отозвался Малкольм. — Скорее, одиннадцать или двенадцать.

— Двенадцать? На таком маленьком острове?

— Да.

От смолы исходил резкий запах, похожий на клей. Сара наносила ее ровным слоем на фольгу.

— Знаешь, о чем я думаю? — спросила она.

— Да. Что велосирапторов слишком много.

— Даже слишком много, Иан, — женщина не прерывала своего занятия. — И это нелогично. В Африке активные хищники, например, львы, охотятся на достаточно больших территориях. Примерно одна особь на каждые десять квадратных километров. Иногда — даже на пятнадцать... Это экологически оправдано. На клочке суши такой величины может обитать не более пяти подобных охотников... Подержи...

— Ага... Но не забывай, добыча здесь довольно значительного размера. Некоторые из животных весят по двадцать-тридцать тонн.

— Не уверена, что это играет какую-либо роль, — заметила биолог. — Ну, хорошо... Примем данное предположение в качестве аргумента. Увеличив свои расчеты вдвое, мы получаем не более десяти хищников на острове. Но ты говоришь — их двенадцать... Кроме них есть еще и другие любители свежего мяса... Да еще более внушительного размера. Как, например, тираннозавр...

— Да... Есть.

— Их слишком много, — произнесла она, покачав головой.

— Да, здесь высокая плотность животных, — согласился Малкольм.

– И все же не такая высокая, – заметила Сара. – В общем, исследования хищников – будь это тигры в Индии или львы в Африке – показывают: один хищник может прокормиться при наличии двухсот потенциальных жертв в районе его обитания. А это значит, что для того, чтобы пропитать двадцать пять «охотников», нам необходимо иметь здесь около пяти тысяч особей – объектов нападения. Но есть ли на острове такое количество животных?

– Разумеется, нет.

– Каково общее число существ, обитающих на этом клочке суши?

Он пожал плечами.

– Пара сотен... Ну, самое большее, пятьсот.

– Ну, вот... Сам же видишь... По количеству никак не подходит... Подержи, я возьму лампу.

Сара подсушила повязку, чтобы смола побыстрее отвердела, затем поправила кислородную маску на морде детеныша.

– Остров не сможет обеспечить существование всех этих хищников, – произнесла она задумчиво, – и все же, несмотря на данное обстоятельство, они не вымирают.

– И как же ты объяснишь сей процесс? – ехидно спросил Иан.

– Значит, существует какой-то источник питания, о котором нам ничего не известно.

– Хочешь сказать, нечто искусственное, – заинтересовался математик. – Сомневаюсь...

– Нет, – ответила женщина. – Искусственные источники питания делают животных ручными, а эти... Единственное другое объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что среди потенциальных жертв смертность носит иной характер... Если они очень быстро растут или рано умирают, то это

может дать больший источник пищи, чем предполагалось.

– Я уже обратил внимание, что даже самые крупные представители здешнего животного мира выглядят слишком мелкими, – прокомментировал Малкольм. – Создается впечатление – они не достигают зрелости... Возможно, существа слишком рано погибают.

– Может быть, – произнесла Сара. – Но если мое предположение верно, и здесь наблюдается другой характер смертности, то мы должны находить массу останков, множество скелетов мертвых особей. Ты видел это?

Профессор отрицательно покачал головой.

– Нет. Более того, теперь, когда ты сказала об этом, я вдруг подумал – здесь вообще не видно никаких скелетов.

– Вот-вот... – она отложила лампу в сторону. – Остров полон парадоксов, Иан.

– Знаю, – согласился математик.

– Неужели?

– Да... Я подозревал об этом с самого начала.

* * *

Загрохотал гром. Долина, расстилавшаяся перед наблюдательным пунктом, погрузилась во тьму и тишину; только где-то далеко рычали хищники.

– Возможно, нам следует вернуться, – тревожно сказал Эдди.

– Почему? – удивился Ливайн.

Он вооружился биноклем с прибором ночного видения. Сквозь его окуляры мир представал в оттенках бледно-зеленого цвета. Ричард отчетливо видел велосирапторов на месте трапезы, высокую вытоптанную траву и кровь повсюду. От жертвы

практически ничего не осталось, хотя до их слуха все еще долетал хруст костей, догрызаемых хищниками.

– Я просто подумал, – произнес Карр, – что с наступлением темноты мы будем в большей безопасности, если возвратимся в трейлер.

– Почему?

– Да потому! – рассердился механик. – Он укреплен, прочен и довольно надежен. Там есть все необходимое нам... Мне кажется, нам следует вернуться в трейлер... Ведь мы же не собираемся торчать здесь всю ночь?

– Конечно, нет, – спокойно ответил Ливайн. – Ты думаешь, я – фанатик?

Эдди в ответ промычал что-то нечленораздельное.

– Но давайте еще немного побудем здесь, – попросил Ричард.

Механик повернулся к Торну.

– Док? Что вы скажете? Я чувствую, скоро начнется дождь...

– Ладно, чуть-чуть... И все вместе двинемся обратно.

* * *

– На этом острове динозавры живут уже пять лет, а может, и больше, – продолжал Малкольм, – но в других местах они так и не появились. Совершенно неожиданно в прошлом году останки мертвых животных обнаружились на побережье Коста-Рики, а, по некоторым сообщениям, также и на отдельных клочках суши Тихого океана.

– Их туда вынесло течением?

– Не исключено. Но остается вопрос: почему именно сейчас? Почему так неожиданно? Через пять

лет? Что-то изменилось, но мы не знаем... Подождика минутку...

Он отошел от стола к компьютерной консоли и повернулся лицом к экрану.

— Что ты делаешь?

— Арби подключил нас к старой компьютерной сети, а в ней еще остались исследовательские файлы с восьмидесятых годов, — Иан воспользовался «мышью». — Мы их не просмотрели...

На мониторе появилось меню с перечислением рабочих и исследовательских файлов. Малкольм принялся «прогонять» текст.

— Несколько лет назад у них возникли серьезные трудности с каким-то заболеванием, — сказал он. — В лаборатории оказалось множество записей по этому поводу.

— Что за болезнь?

— Они не знали, — отозвался Малкольм.

— В джунглях часто возникают медленно развивающиеся заболевания, — заметила Сара. — Иногда первые симптомы проявляются только через пять или десять лет после заражения. Вызываются они вирусами или ПРИОНАМИ... Осколками протеинов, как ты знаешь... Это такие болезни, как почесуха или болезнь «бешеной коровы».

— Но они возникают только вследствие приема в пищу зараженных продуктов...

Ученые задумались. Наконец Хардинг спросила:

— И чем же, по твоему мнению, они их тогда кормили? Если бы я выращивала детенышей динозавров, меня бы это очень интересовало... Что они едят? Полагаю, молоко?

— Да, — ответил профессор, считывая текст на экране. — Первые шесть недель... Козье молоко...

– Довольно логичный выбор, – заметила биолог, – козье молоко всегда используют в зоопарках, так как оно гипоаллергенно... А что потом?

– Минуточку, – попросил Иан.

Хардинг держала лапу детеныша в руке, ожидая, пока затвердеет смола. Она критически посмотрела на свою работу. Повязка все еще издавала довольно сильный запах.

– Надеюсь, все будет в порядке, – наконец сказала женщина. – Иногда, в тех случаях, когда от ребенка начинает исходить какой-то незнакомый запах, взрослые животные не принимают их. Но, возможно, он исчезнет, когда состав отвердеет. Сколько прошло времени?

Малкольм взглянул на часы.

– Десять минут... Еще десять – и порядок.

– Мне бы хотелось отвезти этого парнишку обратно в гнездо, – произнесла Хардинг.

Послышался удар грома.

Они выглянули в окно – со всех сторон их окружала темная ночь.

– Может быть, еще не поздно возвратить его сегодня вечером, – задумчиво произнес Малкольм, продолжая работать с компьютером. – Итак... чем же их кормили? В период с 1988 по 1989 годы... травоядные получали размоченную растительную пищу три раза в день... А хищники получали...

Он сделал паузу.

– Так что там хищники? – поинтересовалась Сара.

– Создается впечатление... По-моему, их кормили перемолотым экстрактом животного протеина...

– Из чего? Обычным источником подобного корма являются индейки или куры с добавлением антибиотиков.

— Сара, — обратился изумленный математик, — они пользовались овечьим экстрактом.

— Нет! Это невозможно!

— И тем не менее... Продукт поступал от их поставщика, использовавшего измельченную баранину.

— Шутишь?! — не поверила биолог.

— Боюсь, мне не до шуток... Теперь дай-ка я посмотрю, нельзя ли что-нибудь выяснить...

Зазвучал негромкий сигнал тревоги. Через мгновение автоматически включилось внешнее освещение, залив поросшую травой поляну светом галогеновых ламп.

— Что случилось? — спросила встревоженная женщина.

— Сработали сенсорные датчики...

Малкольм отошел от компьютера и выглянул из окна, но не увидел ничего, кроме высокой травы и темных деревьев по периметру. Вокруг царила тишина.

Хардинг, продолжая возиться с детенышем, спросила:

— Что-то серьезное?

— Не знаю... Ничего не видно. Но что-то ведь воздействовало на сенсоры?

— Ветер?

— Его и в помине нет, — отрезал он.

* * *

Наблюдательный пункт. Темнеет.

— Эй, посмотрите! — закричала Келли.

Торн повернулся... С их вышки еще хорошо различался утес и два трейлера на заросшей травой поляне.

Над фургонами ярко сияли галогеновые лампы, освещая периметр стоянки.

Док отстегнул рацию с пояса и нажал кнопку «Передача».

— Иан? Ты там?

— Да.

— Что происходит?

— Не знаю. Включилось освещение при срабатывании сенсорных датчиков... Но вокруг — тихо.

— Воздух быстро остывает, — заметил Эдди. — Возможно, конвекционные потоки заставили сработать охранную систему.

— Иан? Все хорошо? — поинтересовался Торн.

— Да. Не беспокойтесь.

— Я всегда считал, мы установили сенсоры слишком высоко... В этом все дело.

Ливайн, услышав весь этот разговор, нахмурился, но ничего не сказал.

* * *

Сара закончила заниматься детенышем и, завернув его в простыню, привязала ремнями к столу. Затем она подошла к Малкольму и остановилась рядом.

— Ну, и что ты думаешь?

Математик пожал плечами.

— Эдди говорит, что система слишком чувствительна...

— Неужели?

— Не знаю. Ее раньше никто не проверял.

Он взглянул на деревья на краю лужайки, но не заметил ничего необычного. Затем ему показалось, что доносится какой-то хриплый звук, почти рычание. В ответ на это хрипение откуда-то издалека раздался подобный, едва различимый отголосок.

Малкольм перешел на другую сторону трейлера, чтобы оценить обстановку всесторонне.

Люди в фургоне напряженно всматривались в ночную мглу.

Через минуту Хардинг вздохнула и произнесла почти шепотом:

— Иан, я ничего не вижу.

— Скорее всего, ложная тревога.

Затем мужчина почувствовал вибрацию и глухие резонирующие удары, отдававшиеся в основании их убежища. Он взглянул на свою спутницу. Она лишь широко открыла глаза в ответ.

Малкольм понял...

Вибрация повторилась.

Сомнений больше быть не могло!

Хардинг выглянула в окно и прошептала:

— Иан, я его ВИЖУ.

Математик повернулся и подошел к ней. Женщина показывала на ближайшие к окну деревья.

— Что? Кого?

И тут профессор сам увидел огромную голову, высовывающуюся из листвы; она поворачивалась из стороны в сторону, словно животное прислушивалось к чему-то. Итак, перед ними — собственной персоной сам Tyrannosaurus Rex.

— Иан, посмотри! Их — два!

Справа он увидел второе животное, вышедшее из-за деревьев. Оно выглядело крупнее. Вероятно, самка. Твари рычали, оглашая ночь громоподобным ревом, и медленно выходили на поляну. Резкий свет ламп слепил их.

— Родители?

— Не знаю... Скорее всего.

Мужчина взглянул на детеныша, который все еще не пришел в себя, но дышал ровно и спокойно; простыня мерно опускалась и поднималась.

— Что они здесь делают? — прошептала Сара.

– Если бы я знал...

Животные продолжали стоять на самом краю поляны, рядом с деревьями. Казалось, они что-то выжидают.

– Тираннозавры ищут детеныша?

– Сара, прошу тебя!

– Теперь я понимаю... Это вполне серьезно.

– Да это же смешно!

– Почему же? Должно быть, они каким-то образом выследили его.

Ящеры подняли свои головы, и стали видны их устрашающие челюсти. Затем твари начали крутить мордами влево и вправо. Повторяя это движение, они каждый раз делали шаг по направлению к трейлеру.

– Сара, – произнес Малкольм, – мы находимся на расстоянии пяти миль от их гнезда. Они не могли проследить, как Эдди вез их детеныша.

– Откуда тебе это известно?

– Сара...

– Ты же сам сказал: «Мы ничего не знаем о жизни тираннозавров... Ни об их физиологии, ни о биохимии их организма, ни об их нервной системе... Тем более, о поведении». И мы, действительно, абсолютно незнакомы с работой их органов чувств.

– Да, но...

– Они – хищники, Иан! У них превосходное зрение! Скорее всего, слух и чутье не уступают зрению.

– Не сомневаюсь.

– Но мы и другого о них не знаем, – произнесла Сара.

– Чего именно? – удивился Малкольм.

– Иан, ведь СУЩЕСТВУЮТ и другие сенсорные модальности... Змея способна воспринимать инфракрасные лучи... Летучие мыши обладают приборами эхолокации... Птицы и черепахи снабжены

органами, чувствительными к магнитным полям, — они очень точно воспринимают характеристики магнитного поля земли, и на этом основаны их миграции.

Динозавры могут обладать чем-то таким, о чем мы и не подозреваем.

— Сара, это же смешно!

— Неужели?! Тогда ты попробуй объяснить: что они здесь делают?

А снаружи, рядом с деревьями, неожиданно наступила тишина. Тираннозавры больше не рычали, а просто продолжали поворачивать головы влево и вправо.

Малкольм нахмурился.

— Такое впечатление... что... они оглядываются...

— При таком ярком освещении? Нет, Иан. Их, скорее всего, ослепили лампы.

И как только Сара произнесла эту фразу, он сразу же понял, что его подруга сделала верный вывод. Головы рептилий равномерно поворачивались из стороны в сторону.

— В таком случае... что делают животные? Вынюхивают?

— Нет. Морды подняты слишком высоко, и ноздри не движутся.

— Прислушиваются?

Она кивнула.

— Возможно.

— Но к чему?

— Вернее, к кому... К детенышу.

Он снова внимательно посмотрел на нее.

— Сара, но ведь он совершенно неподвижен.

— Знаю.

— Он не издает никаких звуков.

— Звуков, слышных нам...

Хардинг пристально взглянула на тираннозавров.

— Но они что-то делают, Иан. Поведение, которое мы сейчас наблюдаем, имеет какой-то смысл. Просто оно непонятно для нас.

* * *

Ночь на наблюдательном пункте...

Ливайн смотрел в свой бинокль ночного видения на поляну, где два тираннозавра стояли у самого выхода из джунглей на чистое пространство и производили головами странные круговые синхронные движения.

Вот они сделали несколько неуверенных шагов к трейлеру, подняли морды, повернули их направо, затем налево и, кажется, приняли какое-то решение. Животные двигались быстро, почти агрессивно.

По радиосвязи донесся голос Малкольма:

— Это прожектора! Их свет привлекает этих тварей!

Секундой спустя внешнее освещение выключили, и поляна погрузилась во тьму. Профессор произнес:

— Вот так...

Торн обратился к Ричарду:

— Видишь что-нибудь?

— Ничего.

— Что они делают?

— Просто стоят.

Через свой бинокль ученый заметил, что хищники остановились, как по команде, словно перемена в освещении ввела их в заблуждение. Даже здесь, на вышке, слышалось рычание чудовищ, но чувствовалось — им не по себе. Они качали своими огромными головами и лязгали зубами.

— Что случилось? — поинтересовалась Келли.

— Они ждут, — ответил Ливайн. — По крайней мере, в данный момент.

У Ричарда сложилось однозначное впечатление: тираннозавры чем-то озадачены. Трейлер, вероятно, представлял для них значительное и весьма устрашающее изменение в их структурной среде. «Возможно, они повернутся и уйдут, — подумал ученый. — Несмотря на свои грандиозные размеры, динозавры — довольно осторожные, почти робкие животные».

Ящеры снова подали голоса. Затем они двинулись вперед, к погруженному в темноту трейлеру.

* * *

— Иан, что происходит?!

— Будь я проклят, если знаю! — шепотом отозвался Малкольм.

Они сидели рядом на корточках в проходе, пытаясь оставаться незамеченными через окна.

Тираннозавры неумолимо приближались. Теперь каждый их шаг отдавался отчетливой вибрацией в фургоне; два десятитонных создания двигались по направлению к ним.

— Они идут прямо на нас!

— Я уже это заметил.

Первое животное настолько приблизилось к убежищу людей, что его тело полностью закрыло окно. Малкольм видел только мощные мускулистые ноги и нижнюю часть брюха. Голова находилась намного выше, вне поля зрения.

Затем с противоположной стороны появился второй динозавр. Оба ящера начали обходить вокруг трейлера, рыча и всхрапывая. Их тяжелые шаги сотрясали землю. Малкольм и Сара через вентиляционные отверстия почувствовали специфический едкий запах, исходящий от хищников. Один из тиранно-

завров коснулся своим боком стенки фургона, и люди услышали скрежещущий звук чешуйчатой кожи, прошедшей по металлу.

Иана охватила паника. Ее спровоцировал запах, который так внезапно возник в его памяти, запах из прошлого. Мужчину прошиб пот. Он взглянул на Хардинг и увидел, что та напряженно наблюдает за движениями животных.

– Хищники не ведут себя так во время охоты, – прошептала она.

– Не знаю, – отозвался также тихо Малкольм, – возможно. Но это ведь не львы, знаешь ли.

Один из тираннозавров огласил ночь страшным ревом.

– Эти звери не охотятся, – сказала Сара. – Они ИЩУТ, Иан.

Через мгновение второй динозавр ответил первому. Затем огромная голова наклонилась, и глаза уставились в окно трейлера. Малкольм пригнулся и вытянулся на полу, Хардинг повалилась на него, носком обуви попав ему в ухо.

– Все будет хорошо, Сара.

Они слышали, как снаружи рычат и всхрапывают монстры.

– Подвинься чуть-чуть, пожалуйста, – прошептал математик.

Приподнявшись на локтях, мужчина бросил взгляд в окно и увидел большой глаз тираннозавра, уставившийся на него. Челюсти ящера открывались и закрывались. От горячего дыхания зверя стекло запотело.

Голова рептилии откинулась назад. Казалось, животное отошло от трейлера, и Малкольм облегченно вздохнул. Но морда ящера дернулась назад и, словно молотом, с глухим стуком ударилась о стенку фургона, который весь заходил ходуном.

— Не беспокойся, Сара. Все сделано на совесть.

— Господи! Как же ты меня успокоил! — зло прошептала она.

С противоположной стороны раздался рев другого динозавра, и затем последовал страшный удар. Послышался треск.

С этого момента оба хищника-гиганта начали поочередно колотить по фургону с обеих сторон. Малкольма и Сару бросало взад-вперед. Они перекатывались по внутренним помещениям, словно футбольные мячи.

Биолог попыталась ухватиться хоть за что-нибудь, но следующий толчок отбросил ее к противоположной стене. Пол страшно содрогался от каждого нового сотрясения. Лабораторное оборудование летело со столов. Хрустело разбитое стекло.

И вдруг... наступила тишина.

Чертыхаясь, Малкольм приподнялся на одну ногу и осторожно выглянул в окно: перед ним маячила спина тираннозавра, отходившего от убежища людей.

— Что будем делать? — прошептал математик.

Из динамика рации раздалось:

— Иан, вы там? Иан?!

— Ради бога, выключи! — умоляюще произнесла Сара.

Профессор потянулся к микрофону, прошептал:

— С нами все в порядке.

Затем нажатием на кнопку отключил связь.

Хардинг на четвереньках проползла в биологический отсек.

Он последовал за ней и сразу же увидел, как громадный тираннозавр рассматривает сквозь оконное стекло детеныша, привязанного к лабораторному столу. Затем динозавр издал негромкий хрюкающий звук и снова уставился в окно. После паузы снова раздалось хрюкание.

— Ей нужен ее детеныш, Иан, — прошептала Сара.

— Бог ее знает, — отозвался математик, — но я — не против.

Люди скорчились на полу, стараясь оставаться незамеченными.

— Но каким образом нам возвратить его?

— Не знаю... Может, вытолкнуть за дверь?

— Мне бы не хотелось, чтобы они на него наступили, — твердо произнесла Хардинг.

— КАКОЕ ЭТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?! — воскликнул Малкольм.

Тираннозавр у окна издал ряд тихих хрюкающих звуков, за которыми последовало долгое угрожающее рычание. Конечно, это — самка.

— Сара...

Но женщина уже поднялась и смотрела на динозавра, приговаривая тихим умиротворяющим голосом:

— Все хорошо... Теперь все в порядке... С детенышем все благополучно... Я сейчас освобожу его от ремней... Наблюдай за мной...

Голова полностью закрыла оконный проем.

Хардинг видела, как перекатываются под кожей шейные мышцы. Челюсти едва заметно двигались. Поглядывая на тираннозавра, Сара дрожащими руками продолжала возиться с ремнями.

— Все хорошо... С детенышем все благополучно... Посмотри, все прекрасно...

Сидя у ее ног, Малкольм шептал:

— Что ты делаешь? С ума сошла!

А женщина продолжала говорить своим спокойным тихим голосом:

— Знаю, это звучит глупо... Но подобное проходило со львами... иногда... Ну вот... Твой детеныш свободен...

Биолог развернула простыню, сняла кислородную маску, не переставая приговаривать:

— Ну, вот... Все, что мне нужно сделать...

Она подняла детеныша на руках.

— ... это передать его тебе.

Внезапно голова самки откинулась назад и со всего размаху ударилась в окно, отчего стекло с резким звоном превратилось в паутину осколков. Хардинг ничего не видела сквозь эту сетку, кроме движущейся тени. Но тут второй мощный толчок смел осколки из рамы.

Сара положила детеныша на стол и отпрыгнула назад, как только морда тираннозавра протиснулась в трейлер. Струйки крови текли по коже животного из многочисленных порезов. Но почему-то возникло ощущение, что ее первоначальная ярость прошла, и рептилия стала более осторожной в движениях.

Самка обнюхала детеныша, начав с головы и медленно передвигая ноздри по всему тельцу. Не обошла своим вниманием и повязку, облизав ее. Наконец она опустила нижнюю челюсть прямо на малыша. В таком положении самка тираннозавра оставалась довольно долго, абсолютно не двигаясь. Только медленно мигали глаза, уставившиеся на Сару.

Малкольм, лежавший на полу, видел, как кровь капает с края стола. Он начал было подниматься, но женщина резким движением руки пригнула его голову.

— Ш-ш-ш, — прошептала биолог.

— Что происходит?

— Она прислушивается к его пульсу.

Самка издала свой обычный храп, открыла рот и осторожно взяла детеныша в зубы; затем медленно, очень медленно, начала убирать голову назад, сквозь разбитое стекло, унося с собой детеныша.

Она положила малыша, но где-то вне их поля зрения; наклонилась над ним — и ее голова исчезла.

— Он проснулся? — прошептал Малкольм. — Детеныш не спит?

— Ш-ш-ш!

Откуда-то снаружи донесся повторяющийся чмокающий звук. Он чередовался с негромким гортанным ревом.

Профессор увидел, как Хардинг наклонилась вперед, пытаясь что-то рассмотреть через окно.

— Ну, что там? — тихонько спросил он.

— Она облизывает его и толкает мордой.

— И?

— И все... Только это и делает.

— А что же детеныш?

— Ничего. Перекатывается из стороны в сторону, словно мертвый. Сколько морфия мы ввели ему в последний раз?

— Не помню... Да и откуда мне знать?

Малкольм продолжал лежать на полу, прислушиваясь к доносившемуся извне чмоканию и реву. Наконец, когда прошла, казалось, целая вечность, донесся тоненький писк.

— Он просыпается, Иан! Детеныш просыпается!

Математик подполз на коленях к окну и выглянул наружу: взрослый тираннозавр уносил малыша в зубах, двигаясь к границе поляны.

— Что она делает?!

— Полагаю, уносит его в гнездо.

Показалась и вторая взрослая особь и последовала за самкой.

Люди наблюдали, как тираннозавры уходят от стоянки в джунгли.

Плечи математика бессильно обвисли.

— Нам едва удалось избежать самого страшного.

— Да... Нам едва удалось избежать самого страшного.

Она вздохнула и стерла кровь с руки.

* * *

На наблюдательном пункте Торн сходил с ума, стараясь связаться с трейлером.

— Иан?! Ты — там? Иан?!

— Может быть, они выключили рацию? — предположила Келли.

Начался мелкий дождь, капли забарабанили по металлической крыше навеса.

Ливайн продолжал свои наблюдения при помощи прибора ночного видения.

Сверкнула молния, и Торн поинтересовался:

— Ты видишь, что делают звери?

Неожиданно отозвался Эдди.

— Кажется... Кажется, они уходят...

У всех сразу же изменилось настроение.

Только Ричард продолжал сохранять молчание, всматриваясь в темноту. Торн повернулся к нему:

— Это так? Все в порядке?

— Думаю, по сути дела, нет... Боюсь, мы совершили серьезную ошибку.

* * *

Малкольм наблюдал за удаляющимися динозаврами сквозь разбитое окно. Стоявшая поодаль Сара молчала, не сводя глаз с животных.

Начался дождь, вода стекала по осколкам стекла. Вдалеке грохотал гром, с резким электрическим треском молнии разрывали темноту, освещая гигантских динозавров, уходивших от трейлера.

У ближайших высоких деревьев они остановились и положили детеныша на землю.

— Почему рептилии сделали это? — задумалась Сара. — По идее, им нужно уходить домой, к гнезду.

— Не знаю... Возможно, они...

— А если детеныш мертв?

Следующий разряд молнии осветил группу тираннозавров, и малыш двигался. Значит, жив. Люди слышали его тонкий писк, когда кто-то из взрослых взял его в зубы и осторожно положил между ветвей дерева.

— О, нет! — сказала Сара, покачав головой. — Все не так, Иан. Наши предположения абсолютно неверны!

Самка несколько мгновений оставалась рядом с детенышем, устраивая его поудобнее. Затем она повернулась, раскрыла пасть и зарычала. Самец повторил этот клич.

Вслед за этим оба животных побежали по поляне в сторону трейлера.

— Боже мой! — закричала женщина.

— Соберись с силами, Сара! — громко и твердо сказал Малкольм. — Это будет действительно страшно.

* * *

Удар чудовищной силы!

Их сбило с ног, и они разлетелись по сторонам.

Сара, что-то бессвязно вопя, кувырком покатилась по полу. Малкольм ударился головой о стол и упал; перед глазами поплыли темные круги. А под ними раскачивался трейлер.

Снова раздался рев тираннозавра — последовал еще один ужасный толчок.

Профессор услышал крик Хардинг:

— Иан! Иан!

Не выдержав натиска обезумевших тварей, трейлер опрокинулся на бок. Вокруг людей валялись ос-

колки стекла и лабораторного оборудования. Все поменялось местами. Прямо над ними находилось теперь окно, разбитое тираннозавром.

Капли дождя падали на лицо Малкольма, когда он пришел в себя. Сверкнула молния, и он увидел огромную голову и светящиеся глаза, уставившиеся на него. Динозавр злобно ревел и царапал в неистовой ярости металлическую обшивку фургона. Затем его морда исчезла.

Мгновение спустя рептилии, рыча без перерыва, принялись толкать убежище людей по грязи.

Профессор увидел Сару, хотел ободрить ее, но в это время мир перевернулся еще раз — трейлер с грохотом опустился на крышу. Малкольм пополз по бывшему потолку, пытаясь дотянуться до Хардинг.

Он поднял голову вверх и взглянул на лабораторное оборудование, оказавшееся теперь над ними. Отовсюду на него капали какие-то жидкости. Что-то обожгло плечо. Затем послышалось шипение, и до него дошло, что пролилась кислота и вступила в реакцию с каким-то веществом.

Где-то в темноте, прямо перед ним, стонала Сара. Снова сверкнула молния, и Иан увидел ее. Женщина лежала, скорчившись, рядом с переходом, соединявшим два фургона. Тамбур, представлявший собой резиновую гармошку, практически полностью перекрутило. Значит, второй трейлер стоит по-прежнему. Совершенное безумие! Но здесь все — полное безумие!

Снаружи раздалось рычание тираннозавра, и Малкольм услышал приглушенный взрыв. «Господи! Они прокусывают шины... — подумал математик. — Как жаль, что они не додумались перекусить кабель... Вот был бы сюрприз для них!»

Внезапно ящер снова ударил по фургону, повалив его на другой бок. Затем оба зверя одновремен-

но толкнули металлическую коробку трейлера, заставив ее поменять положение в пространстве.

К этому моменту Малкольм добрался до Сары. Она обняла его.

— Иан!

Вся левая сторона ее лица казалась темной. А когда сверкнула молния, мужчина понял — это кровь.

— Ты в порядке?

— Да, все хорошо...

Ладонью Хардинг стерла красную влагу с глаза.

— Ты видишь, что происходит там? — она указала на окно.

В следующем отблеске профессор рассмотрел крупный осколок стекла, вонзившийся ей в лицо на уровне лба. Он аккуратно вытащил его и закрыл образовавшуюся рану ладонью, так как кровь хлынула потоком. В это время они находились на кухне, и Малкольм быстро нашел полотенце для посуды, чтобы перевязать Сару. Ткань быстро потемнела.

— Больно? — участливо спросил Иан.

— Ничего... Нормально...

— Думаю, это еще не самое плохое из того, что могло произойти.

Снаружи тираннозавры оглашали ночь своим ревом.

— Что они делают? — поинтересовалась Сара совершенно безразличным голосом.

В ту же секунду динозавры нанесли еще один удар. После этого трейлер, казалось, окончательно сорвался с места и начал куда-то скользить. Скользить куда-то вниз...

— Они толкают нас, — напряженно произнес Малкольм.

— Куда, Иан?

— К краю поляны, — чудовища нанесли еще

удар – и фургон сдвинулся немного дальше. – Рексы пытаются столкнуть наше убежище со скалы.

Высота утеса составляла около пятисот футов чистого камня без единого деревца. Им просто не выжить при подобном падении.

Сара потуже затянула полотенце на ране и оттолкнула его руку.

– Сделай что-нибудь...

– Да, да... Конечно... – растерянно пробормотал мужчина.

Малкольм отодвинулся от нее, приготовившись к очередному толчку. Он просто не знал, что предпринять в данный момент: трейлер стоял вверх ногами. «Безумие! Совершенное безумие!» – бормотал Иан тихонечко себе под нос. Ему жгло плечо. По запаху математик определил, что кислота разъедает рубашку, а может быть, и тело, которое горело так, словно поджаривалось на медленном огне.

Трейлер погружен во тьму, так как электричество отключено; повсюду валяются осколки стекла.

«Электричество отключено...»

Малкольм попытался подняться на ноги, но очередной удар отбросил его в сторону, и он упал, ударившись головой о холодильник. Дверца распахнулась, и коробки с холодным молоком, стеклянные бутылки и прочая мелочь посыпались на него. Но свет в морозильной камере тоже не горел.

«Электричество отключено...»

Лежа на спине, Иан выглянул из окна и увидел огромную ногу тираннозавра в траве. Сверкнула молния и высветила вторую конечность зверя, занесенную для очередного удара. Бам! Трейлер сразу сдвинулся с места. Теперь ясно ощущалось его скольжение, слышался скрежет металла обшивки по земле. Затем вся конструкция накренилась вниз.

— О, черт!! — воскликнул в отчаянии математик.

— Иан...

«Слишком поздно...» — мелькнула мысль у профессора.

Весь фургон стонал и скрипел, словно всеми своими металлическими частями и суставами выражал протест против ужасной действительности. Затем Малкольм увидел, как дальний край трейлера опустился — и все сооружение стало соскальзывать со скалы. Вначале оно перемещалось довольно медленно, но постепенно набирало скорость, и они чувствовали, что потолок, на котором лежали, уходит из под них. Все куда-то падало. Сара обняла Иана.

А тираннозавры оглашали округу торжествующим ревом.

«Нас опрокидывают через край скалы», — подумал Малкольм. Не зная, как поступить, он ухватился за дверцу холодильника и повис на ней. В это время трейлер накренился и упал; металл громко заскрипел.

Иан почувствовал, как его руки скользят по белой эмали дверцы... скользят... скользят... Очень медленно все уплывало из рук и падало... падало... падало... И сам он беспомощно полетел в сторону противоположного края фургона.

Малкольм увидел, что на него несется водительское сиденье. Прежде чем он успел ухватиться за него, его ударило обо что-то в темноте. На какое-то мгновение тело пронзила острая боль и свернула его в позу эмбриона.

Вслед за этим очень медленно и плавно все погрузилось в мягкую приятную мглу.

* * *

Дождь барабанил по крыше навеса и непрерывным потоком лился по стенкам.

Ливайн протер линзы бинокля и поднес его снова к глазам, всматриваясь сквозь темноту в сторону скалы.

— Ну, что?! Что произошло?! — спросил Арби.

— Не могу сказать точно, — отозвался Ричард.

При таком ливне невозможно было разобрать хоть что-то. За несколько мгновений до этого они с ужасом наблюдали, как два тираннозавра толкали трейлер к краю скалы. Огромные животные делали это очень легко. Ливайн прикинул, что общая масса динозавров составляет около двадцати тонн, а фургон весит всего лишь две. И как только животные перевернули его на крышу, он легко заскользил по влажной траве, а твари подталкивали всю конструкцию брюхом и пинали ее своими мощными ногами.

— Зачем они это делают? — спросил Торн Ливайна, подходя поближе.

— Подозреваю, — ответил тот, — что мы изменили воспринимаемую территорию.

— В каком смысле?

— Ты не должен забывать, с кем мы имеем дело, — пояснил Ричард. — Тираннозавры могут демонстрировать очень сложное поведение, но большая его часть абсолютно инстинктивна, то есть бессознательна, запрограммирована... И чувство территории — составная часть программы. Динозавры метят свои границы, защищают их... Конечно, опять же бессознательно... Они не могут похвастаться величиной мозга, и поступают таким образом только благодаря инстинкту. Но любое запрограммированное поведение имеет свой механизм включения, то есть то, что является фактом, вызывающим этот «щелчок тумблера». Боюсь, забрав детеныша, мы изменили структуру их территории, включив в нее и нашу поляну, так как именно на ней рептилии нашли свое «дитя».

Поэтому тираннозавры теперь и защищают свое место, выбрасывая оттуда железные коробки.

Сверкнула молния, и все стали свидетелями кошмара с трейлерами. Первый из фургонов опрокинулся через край скалы и висел вверх ногами над пропастью, потому что его удерживал гибкий переход ко второму, остававшемуся пока еще на поляне.

– Переход не выдержит! – закричал Эдди. – Он не может долго держаться в таком состоянии!

В отблеске молний они увидели тираннозавров на поляне. Те с завидным упорством продолжали толкать второй трейлер к краю скалы.

Торн повернулся к Эдди:

– Я еду!

– Я вместе с вами! – крикнул механик.

– Нет. Оставайся с детьми!

– Но вам же нужен...

– Оставайся с детьми! Мы не можем оставить их одних!

– Ливайн может...

– Нет, ты остаешься! – настаивал Торн.

Док спустился по лестнице, ставшей скользкой из-за дождя и направился к «Эксплореду». Он видел, как его провожают глазами Келли и Арби.

Он забрался в машину и включил зажигание, раздумывая над расстоянием, которое нужно преодолеть по раскисшей от дождя дороге. Три мили... Может быть, и побольше... Даже если ехать на предельной скорости, все равно потребуется семь-восемь минут, чтобы добраться до места стоянки.

«Можно не успеть», – подумал Торн.

Но ему стоит попытаться при любых обстоятельствах.

* * *

Сара Хардинг услышала ритмичный скрип и открыла глаза.

Вокруг темно; она потеряла представление о времени и пространстве.

Неожиданно сверкнула молния, и Сара увидела на расстоянии пятиста футов внизу долину, которая почему-то медленно раскачивалась взад-вперед. Женщина, наконец, сообразила, что смотрит сквозь ветровое стекло трейлера, повисшего над пропастью. Они больше не падали, а зависли, удерживаясь буквально на волоске.

Сама она лежала на водительском сиденьи, оторвавшемся со своего места. Кресло шофера разбило панель управления в стене и оттуда торчали оборванные провода, поблескивали раздробленные индикаторы... Всю картину разгрома трудно охватить взглядом, да еще мешает запекшаяся на лице кровь. Сара оторвала кусок ткани от рубашки и разделила его на две половинки. Из одной женщина сделала компресс и приложила к ране на лбу, а второй обвязала голову. На какое-то мгновение боль усилилась, но потом начала уходить.

Откуда-то сверху раздавались глухие удары, вызывающие сильную вибрацию во всем сооружении. Хардинг обернулась и посмотрела вверх. Она поняла, что трейлер стоит вертикально. Десятью футами выше нее находился Малкольм, зацепившись за лабораторный стол. Он не двигался.

— Иан?!

Тишина. Никакого движения.

Фургон вновь задрожал и затрещал от сильного удара.

И тут Сара поняла происходящее... Первый трейлер свешивался со скалы, свободно раскачиваясь в

пространстве. Но его все еще соединял переход со вторым, находящимся на поляне. Теперь тираннозавры сталкивают вниз и верхний фургон.

– Иан?! Иан!

Она поднялась на ноги, забыв на время о боли. Внезапный приступ головокружения подсказал ей, что потеряно довольно много крови.

Женщина начала карабкаться вверх, встав вначале на спинку водительского сиденья и схватившись за ближайший лабораторный столик. Придерживаясь за него, она поднялась еще выше и дотянулась до ручки в стене. Трейлер продолжал раскачиваться.

Держась за выемку в стене, Хардинг вцепилась другой рукой в корпус холодильника и запустила пальцы в плетеную полочку над ним. Повиснув на ней, Сара подняла ногу и поставила ступню в холодильную камеру. Таким образом ей удалось подняться еще выше, выпрямиться и дотянуться до ручки плиты.

«Я занимаюсь альпинизмом в этой чертовой кухне... Кому бы подобное пришло в голову?!» – подумала с горечью женщина.

Очень скоро она оказалась рядом с Малкольмом. Снова сверкнула молния, и Хардинг увидела его лицо, покрытое синяками и кровоподтеками. Он стонал. Сара подползла к нему поближе, чтобы определить, насколько серьезно его ранило.

– Иан?

Его глаза были закрыты, но веки задрожали, и послышалось:

– Извини...

– Ничего.

– Это из-за меня...

– Иан... Ты можешь двигаться? С тобой все в порядке?

Мужчина застонал:

– Нога...

– Иан, нам нужно что-то предпринять.

С поляны над ними она услышала рев тираннозавров. Ей показалось, что они рычат уже на протяжении всей ее жизни. Трейлер сдвинулся еще на немного и закачался. Ноги Сары соскользнули с холодильника, и она повисла на пустотой. Лишь на расстоянии двадцати футов под ней просматривался дальний край помещения трейлера.

Хардинг понимала, что в таком положении она долго не выдержит. Раскачав свое тело, Сара в отчаянии зацепилась за что-то ногами. Посмотрев, женщина увидела, что стоит на раковине из нержавеющей стали. Она сделала движение пальцами ног и совершенно случайно открыла кран, из которого хлынул поток воды.

Тираннозавры продолжали рычать и наносить удары, продвигая трейлер все дальше.

– Иан, у нас совсем мало времени... Что-то нужно предпринимать.

Он поднял голову и уставился на нее пустыми глазами. Его губы еле заметно шевельнулись:

– Ток...

– Не понимаю...

– Ток отключен.

Она никак не могла вникнуть в то, о чем хочет ей сказать Иан. Конечно, электричество отключили... И тут Сара вспомнила: Малкольм отключил его сам, еще до начала страшных событий, когда тираннозавры только еще приближались к трейлеру. Свет тогда вызвал у них беспокойство. Возможно, сейчас он снова отпугнет ящеров.

– Хочешь, чтобы я снова включила?

Математик едва заметно кивнул.

– Да.

– Как, Иан? Я не знаю...

— Там — панель...

— Где?

Он не ответил, впадая в забытье. Сара протянула руку и тряхнула его за плечо.

— Иан, где панель?

Мужчина указал вниз.

Хардинг взглянула и увидела порванные провода.

— Невозможно! Все поломано.

— Наверху...

Сара почти не слышала его. Смутно она припомнила, что во втором трейлере есть еще одна панель управления. Если ей удастся пробраться туда, тогда, возможно, все получится.

— Хорошо, Иан. Я попробую.

Биолог начала пробираться вверх. Пол фургона находился теперь тридцатью футами ниже нее.

Тираннозавры зарычали и в очередной раз дружно толкнули трейлер. Он закачался, но, несмотря на данное обстоятельство, женщина упорно продвигалась вперед.

Она намеревалась пролезть во второй фургон через гибкий переход, но, как только Хардинг приблизилась к нему, поняла — это невозможно. При ярком блеске молнии Сара увидела, что переход перекручен настолько, что сделался практически непроходимым.

Они — в ловушке, в первом трейлере.

Снова — рычание чудовищ и удары по второму фургону.

— Иан?!

Он не двигался.

Повиснув здесь, у самого тамбура, Сара вдруг очень отчетливо и окончательно поняла: «Обречены! Еще один удар, может, два — и все кончено...» Не-

проницаемая темнота окружала людей, электричество отключено, и нет ничего...

«А может, есть выход из создавшейся ситуации?» Хардинг услышала электрическое потрескивание где-то рядом... Может быть, в этом конце трейлера есть дублирующая панель управления? Вполне возможно, конструкторы предусмотрели двойное включение.

Женщина оглянулась в поисках второго щита, чувствуя жгучую боль от напряжения в плечах и руках. Если в этом конце существует подобное устройство, значит, оно где-то рядом. При блеске молнии она посмотрела через одно плечо, затем — через другое.

И не увидела никакой панели.

Руки отказывались выдерживать вес тела.

Никакой панели!

Не может быть... Сара продолжала слышать это характерное потрескивание электрического разряда. Здесь должен быть щит! Она раскачивалась на руках направо и налево, вглядываясь в кромешную тьму. Неожиданно сверкнула молния, отбросив на стену причудливый отблеск, — и Хардинг увидела панель управления!

Она располагалась всего на расстоянии каких-то шести дюймов у нее над головой. Щит перевернулся, но женщина прекрасно видела все кнопки и переключатели. Если бы теперь вычислить, где какой...

Но черт с ними!

Сара освободила правую руку и, повиснув на одной левой, стала нажимать все кнопки подряд. В тот же миг трейлер заполнился ярким светом, включились все внутренние лампы.

Она продолжала перебирать все кнопки подряд. Возникло короткое замыкание: полетели искры и пошел дым.

Но ее рука не останавливалась.

Неожиданно включился боковой монитор. Всего в нескольких сантиметрах от ее лица по туманному экрану побежали полосы. Через несколько секунд изображение сфокусировалось. И хотя все воспринималось несколько сбоку, Сара увидела тираннозавров на поляне. Они возвышались над вторым трейлером, касались его передними лапами, а задними — наносили удары и толчки.

Хардинг никак не могла оторваться от кнопок пульта. На последней из них была серебристая защитная крышка. Она сорвала ее и коснулась пальцем клавиши.

И тотчас на экране монитора тираннозавры исчезли во внезапном фейерверке ярких искр, послышался их яростный рев. Вслед за этим изображение исчезло, вокруг раздался треск электрических разрядов, летящих во все стороны. В трейлере все снова отключилось, и помещение погрузилось во тьму.

Наступила долгая и тягостная тишина.

Затем удары возобновились с новой силой.

ТОРН

Дворники на ветровом стекле метались из стороны в сторону. Несмотря на ливень, док ехал быстро, почти не сбрасывая скорость на поворотах.

Он взглянул на часы. Прошло три минуты... Может быть, чуть больше. Теперь Торн ни в чем не был уверен.

Дорога превратилась в какую-то грязную кашу, скользкую и опасную. Он пробирался по глубоким лужам, и каждый раз, форсируя очередную водную преграду, док глубоко задерживал дыхание, словно

старался этим помочь машине. Автомобиль считался водонепроницаемым, но никогда нельзя быть уверенным в том, что в самую критическую минуту что-то вдруг не случится. Каждая новая лужа оказывалась очередным испытанием. Но пока все шло хорошо.

Прошло три минуты...

По крайней мере, три...

Дорога повернула. Торн выехал на прямой отрезок пути. И тут при блеске молний он заметил почти маленькое озеро. На всей скорости водитель попытался преодолеть это препятствие, вздымая высокие волны по обе стороны от «Форда». Уф! Все прошло благополучно: мотор не залило, машина мчалась вперед!

Но когда «Эксплоред» стал подниматься вверх по холму, док заметил, как неистово закачались стрелки приборов, и услышал шипение, которое означало фатальное электрическое замыкание. Под капотом что-то взорвалось, и едкий дым повалил из щелей моторного отсека. Машина остановилась.

Четыре минуты...

Он сидел в салоне «Форда» и слушал, как дождевые капли барабанят по металлической крыше. Торн повернул ключ зажигания — ничего не изменилось.

Ни звука...

Дождь сошел с ума.

Док откинулся на спинку сиденья, вздохнул и уставился на дорогу перед собой. Заработала радиосвязь:

— Док? Ты уже почти там?

Торн взглянул на дорогу, пытаясь понять, где же он все-таки находится. По его подсчетам, машина остановилась примерно на расстоянии мили от трейлера на поляне. Может быть, и больше... Слишком далеко, чтобы идти пешком. Мужчина выругался и ударил кулаком по сиденью.

– Нет, Эдди. У меня авария – короткое замыкание.

– Что?

– Мотор остановился. Я...

Торн осекся.

Нечто необычное бросилось ему в глаза.

На повороте впереди он заметил слабое мерцающее свечение. Мужчина попытался всмотреться попристальнее, чтобы удостовериться – это не ошибка. Да, глаза не подвели его. Перед ним, действительно, светилось красным нечто...

– Док? Вы уже там?

Торн не ответил, а схватил рацию, винтовку, выпрыгнул из машины и, пригнув голову, побежал вверх по холму, к месту пересечения с дорогой, шедшей по гряде холмов. Обогнув поворот, он увидел прямо посередине дороги красный джип с включенными задними фарами, одна из которых оказалась разбита.

Док подбежал поближе и заглянул внутрь – салон пуст. Дверца водителя распахнута, на ней мужчина заметил множество вмятин. Он влез на место шофера, протянул руку к рулю... Ключи в замке зажигания! Мгновение... Мотор заработал!

Джип рванулся вперед, выехал на главную дорогу и помчался по направлению к поляне. Несколько поворотов, и показалась зеленая крыша лаборатории... Торн повернул налево, и очень скоро передние фары осветили заросшую травой поляну и динозавров, упорно толкающих трейлер.

Заметив новый источник света, тираннозавры одновременно повернулись и заревели на машину. На какое-то время они забыли о фургоне и приготовились атаковать автомобиль. Торн включил задний ход и попытался отогнать джип подальше от поляны, но вдруг понял: животные не преследуют его.

Вместо этого они побежали, пересекая открытое пространство, к дереву неподалеку от стоявшей машины. Они остановились под лиственным шатром и подняли морды вверх.

Док потушил фары и стал ждать. Теперь он видел ящеров только время от времени, когда вспыхивали молнии. В момент одной из вспышек мужчина заметил, как они сняли с дерева детеныша и принялись обнюхивать его. Совершенно очевидно, его прибытие вызвало этот неожиданный приступ беспокойства родителей за свое чадо.

Следующая вспышка... Тираннозавров уже под деревом нет... Поляна опустела. Неужели они ушли? Может, просто спрятались? Торн опустил стекло, высунул голову под дождь и тут же услышал странный, низкий, скулящий звук. Он напоминал очень долгий крик какого-то животного, но тянулся слишком ровно и непрерывно.

Мужчина прислушался повнимательнее и понял — скрипит что-то металлическое. Он включил фары и проехал немного вперед. Тираннозавры исчезли. В круге света появился второй трейлер.

С непрерывным металлическим скрипом он медленно скользил по мокрой траве, направляясь к краю скалы.

* * *

— Что он делает? — крикнула Келли.

— Едет, — ответил Ливайн, не отрывая глаз от бинокля. С наблюдательного пункта они хорошо видели, как фары автомобиля освещают поляну. — Он приближается к трейлеру и...

— Что... что?

— Док колесит вокруг одного дерева, — ответил Ричард. — Большого дерева на краю поляны.

— Но зачем?

– Должно быть, он крепит трос на стволе, – заметил Эдди. – Это единственная причина подобных действий...

Наступило долгое молчание.

Арби, наконец, не выдержал:

– А сейчас, что делает док?

– Вылез из джипа и бежит к трейлеру.

* * *

Торн стоял на четвереньках в грязи и держал в руках большой крюк лебедки джипа. Фургон продолжал скользить, но ему удалось залезть под него и зацепить трос за заднюю ось. Остановленный трейлер резко сдвинулся по траве в сторону, его колеса прошли как раз по тому месту, где только что лежал док, успевший вовремя откатиться вбок.

Металлический трос лебедки туго натянулся. Все основание фургона протестующе заскрипело. Но конструкция все-таки удерживалась и не двигалась.

Мужчина отполз от фургона и критически окинул взглядом дело своих рук. Затем внимательно осмотрел колеса джипа, который тоже стоял неподвижно. Учитывая, что трос обмотан вокруг дерева, веса машины вполне хватало, чтобы удержать второй трейлер на краю скалы.

Док вернулся к автомобилю, влез в салон и закрепил рычаг ручного тормоза.

Из динамиков рации раздался голос Эдди:

– Торн? Док?

– Слушаю...

– Вам удалось остановить его?

– Да. Все в порядке.

В громкоговорителе что-то щелкнуло.

– Великолепно! Но послушайте... Вы же знаете, переход представляет собой пятимиллиметровую сет-

ку на прутьях из нержавеющей стали. Он не предназначен...

— Знаю, Эдди... Попытаюсь что-нибудь сделать.

Торн открыл дверцу машины и побежал к трейлеру. Он распахнул боковую дверь фургона и вошел внутрь. Со всех сторон его окружала непроницаемая тьма. Ничего невозможно разглядеть... Все перевернуто вверх дном. Под ногами хрустит стекло.

Док нажал кнопку рации.

— Эдди!

— Да.

— Мне нужна веревка.

Торн знал, что у механика в разных местах запасена масса нужных вещей.

— Док...

— Ну, говори...

— Она — в другом трейлере.

Торн в темноте ударился о край стола.

— Великолепно!

— Но, вполне возможно, в шкафчике есть какой-нибудь нейлоновый тросик, — предположил Карр. — Я, правда, не совсем уверен, что его будет достаточно.

Интонация механика не вселяла надежды.

Док начал пробираться в темноте к встроенным шкафам. Они оказались плотно закрытыми. Некоторое время он дергал ручки, потом понял — бессмысленно. Сразу за ними располагался маленький, дополнительный шкафчик. Именно его имел в виду Эдди. Может быть, там есть веревка? Во что бы то ни стало ее нужно найти!

ТРЕЙЛЕР

Сара Хардинг по-прежнему висела наверху опрокинутого трейлера. Она постоянно посматривала на перекрученный гибкий переход, соединявший их со вторым фургоном. Удары тираннозавров прекратились, и второй трейлер больше на двигался. Но теперь женщина почувствовала, как холодные капли воды стали стекать ей на лицо: обшивка соединительного рукава начала протекать.

Она взглянула вверх и заметила отверстие, образовавшееся в сетчатом материале и обнажившее стальные спирали — основу конструкции. Разрыв пока невелик, но он очень быстро начнет увеличиваться. Тогда сетка порвется, стальные прутья не выдержат и лопнут.

У них осталось всего несколько минут до того, как повисший фургон оторвется и рухнет вниз.

Сара спустилась вниз, к Малкольму, нашла точку опоры и позвала:

— Иан...

— Я знаю, — отозвался мужчина.

— Иан, нам необходимо как-то выбраться отсюда.

Она схватила его под мышки и приподняла.

— И ты пойдешь со мной.

Математик отрицательно и безнадежно покачал головой. Саре и раньше приходилось видеть этот жест, этот знак отчаяния и отказа от борьбы. Она всей душой ненавидела сей знак, потому что сама никогда не сдавалась. И никогда не сдастся!

— Я не... могу... — прохрипел Малкольм.

— Ты должен! — настаивала женщина.

— Сара...

— Я не желаю этого слышать, Иан! Здесь не о чем говорить! Пошли!

Она потянула его. Мужчина застонал, но все-таки выпрямился. Кое-как ей удалось вытащить его из-за стола. Сверкнула молния, которая, казалось, мобилизовала в нем какие-то скрытые запасы энергии. Малкольму удалось встать на край сиденья, лицом к стене. Он нетвердо держался на ногах, но все же...

— Что будем делать дальше?

— Не знаю... Но нужно выбираться отсюда... Здесь есть какая-нибудь веревка?

Мужчина едва заметно кивнул.

— Где?

Он указал вниз, на носовую часть трейлера.

— Вон там... Под приборным щитком.

— Ну, пойдем.

Сара наклонилась вперед и стала нащупывать ногой следующую точку опоры. В это мгновение она напоминала альпиниста, лезущего по трубе. В двадцати футах от нее, ниже, находился приборный щит.

— Хорошо, Иан. Пошли...

— Я не могу, Сара... Серьезно...

— Тогда обопрись на меня. Я помогу тебе...

— Но...

— Ладно, хватит слов!

Малкольм сделал усилие над собой и поднялся, ухватившись за какой-то выступ в стене дрожащей рукой. Правая нога почти не слушалась. И тут Сара почувствовала, как Иан всем своим весом тяжело навалился на нее, едва не сбив вниз. Его руки сдавили ее шею так, что перехватило дыхание. Тем не менее, Сара потянулась назад, взяла его за бедра и приподняла, а он обнял ее так, чтобы не мешать двигаться. Теперь Хардинг смогла дышать нормально.

— Извини, — произнес Малкольм.

— Все в порядке... Ну, вот мы и движемся.

Сара начала продвигаться вниз по проходу, хватаясь за все, что попадало под руку. Иногда это ока-

зывались какие-то ручки шкафов, ящиков, когда же их не было, она цеплялась за ножки столов, оконные переплеты, просто за выступающие углы ковровых покрытий на полу, отрывая их. Повисший на ней Малкольм тяжело и с хрипом дышал: его руки, обнимавшие шею Сары, дрожали.

— Ты очень сильная, — прошептал он.

— Но все-таки женщина, — мрачно ответила Хардинг.

До приборной доски оставалось всего десять футов... Затем — пять... Она нащупала на стене очередную ручку и повисла на ней, болтая ногами в воздухе. Наконец Сара опустилась еще ниже и помогла математику сойти на приборный щиток. Иан опустился на него, тяжело дыша.

В трейлере что-то хрустнуло, заскрипело, и он закачался.

Хардинг порылась под щитком, нашла коробку и открыла ее. Оттуда посыпались всякие инструменты и с грохотом упали вниз. Но нашлась и веревка — полудюймовый тросик длиной не менее пятидесяти футов.

Сара поднялась, посматривая вниз сквозь ветровое стекло на долину. Прямо рядом с ней находилась дверь водителя. Сара повернула ручку, распахнула ее и почувствовала, как ей на лицо упала капля дождя. Она высунулась наружу и осмотрела боковую часть трейлера. Гладкая металлическая поверхность без каких-либо выступов... Но в нижней части фургона должны располагаться всякие оси, коробки, выступы, за которые можно зацепиться.

Вцепившись в ручку дверцы, Хардинг постаралась разглядеть низ фургона. И тут до нее донеслось бряцание металла, и она услышала, как кто-то произнес:

— Наконец-то!

Очертания крупной фигуры вдруг нависли над ней. Это оказался не кто иной, как Торн, повисший на шасси трейлера.

— Ради бога! — воскликнул док. — Чего вы ждете? Особого приглашения?! Идемте!

— Все дело в Иане, — отозвалась Сара. — Он ранен.

* * *

«Как это типично, — думала Келли, глядя на Арби. — Когда возникают трудности, он не может с ними справиться... Слишком много эмоций, слишком сильное напряжение — и его с ног до головы пробирает дрожь, а мысли путаются...»

Мальчик давно уже отвернулся от скалы и смотрел в совершенно противоположную сторону, будто ничего не произошло. «Как это похоже на него!» — снова отметила про себя Кертис.

Девочка повернулась к Ливайну.

— Что там происходит?

— Торн только что вошел туда, — ответил Ричард, не отрываясь от окуляров бинокля.

— Вошел?! Вы хотите сказать, он вошел в трейлер?

— Да. А сейчас... кто-то выходит из фургона.

— Кто?!

— Думаю, Сара.

Келли напряженно всматривалась в ночную темноту, пытаясь хоть что-то рассмотреть. Дождь почти прекратился; лишь немного моросило. А в конце долины трейлер все еще свисал со скалы. Ей показалось, что она различает там какую-то фигурку, ухватившуюся за шасси. Но девочка не могла сказать точно — это на самом деле или только кажется ей.

— Что она делает?

— Взбирается наверх.

– Одна?

– Одна, – машинально ответил Ливайн. – Как одна?!

* * *

Хардинг вылезла через дверь. Она не смотрела вниз, зная, что долина находится на расстоянии пятисот футов внизу, и чувствовала, как раскачивается трейлер. Веревку женщина перекинула через плечо. Она перелезла через нижний край фургона, опустила ногу и оперлась на коробку передач. Качнувшись на тросике, Сара оказалась вновь рядом с дверцей водителя.

Торн находился внутри и крикнул:

– Нам не удастся поднять Малкольма без веревки... Сама ты сможешь влезть по ней?

Сверкнула молния, и помогла женщине сориентироваться.

– Сара, ты сможешь это сделать?

– Да, – отозвалась она, вытянула руку и начала подтягивать свое тело вверх.

* * *

На наблюдательном пункте Келли, не переставая, задавала вопрос за вопросом.

– Где она? Что происходит? С ней все в порядке?

Ливайн посмотрел в бинокль.

– Она поднимается.

Арби отчужденно прислушивался к их голосам. Он стоял спиной к ним, всматриваясь в далекую реку и ожидая следующей вспышки молнии, чтобы точно удостовериться в том, что сейчас, как ему показалось, увидел.

* * *

Сара не знала, как ей это удалось, но, скользя и вновь цепляясь за мокрую веревку, она все-таки до-

бралась до вершины холма и перевалилась через его край. Теперь нельзя терять ни минуты!

Она развязала тросик и забралась на второй трейлер. Затем крепким узлом прихватила его за кронштейн и сбросила вниз.

— Док! — предупреждающе крикнула она и приготовилась к дальнейшим действиям.

* * *

Находясь около дверцы трейлера, Торн поймал веревку и обвязал ею Малкольма, который сразу же застонал.

— Пошли! — приказал док, обхватывая Иана рукой. Оба резко качнулись и оказались на коробке передач.

— О, Боже! — воскликнул математик, взглянув вверх. Но веревка уже предельно натянулась — Сара тащила его наверх.

— Помогай себе руками! — крикнул Торн.

Малкольм начал подниматься; через несколько секунд он уже оказался на десять футов выше своего спасителя.

Хардинг находилась на вершине скалы, но док не видел ее; тело Иана закрывало весь обзор. Торн тоже начал подъем, его ноги лихорадочно искали точки опоры.

Нижняя часть трейлера была жутко скользкой. В голове мелькнула странная и неуместная мысль: «Мне следовало бы что-то предусмотреть здесь против скольжения...»

Краем глаза он видел, как растет разрыв в гибком переходе... Медленно расширяется... и теперь уже зияет огромной дырой.

Торн продолжал взбираться по веревке... Фут за футом... Дюйм за дюймом.

Сверкнула молния, и он понял — цель близка.

* * *

Сара стояла на самом краю обрыва; она наклонилась, чтобы поддержать Малкольма, который помогал себе руками. От ног никакого проку — они висели неподвижно и беспомощно. Но он упорно продолжал ползти вверх. Еще несколько футов... Хардинг схватила Иана за воротник и оставшиеся несколько сантиметров буквально протащила его сама. Оказавшись на траве, он выскользнул из ее рук и откатился куда-то в сторону.

Торн продолжал подъем. Ступни его ног скользили, руки ныли от напряжения...

Сара протянула ему ладонь.

— Ну, давай, док, давай...

Пальцы почти касались его.

И тут сетчатая оболочка с металлическим звоном разорвалась, стальные спирали растянулись, и трейлер сразу опустился на целых десять футов.

Торн стал подниматься еще быстрее, видя перед собою лицо Сары. Ее рука протянута к нему...

— Ну же, ну, док...

Он полз, закрыв глаза, просто полз, держась за веревку. Ноющая боль охватила все мышцы тела... Неожиданно руки отказали, и Торн заскользил вниз. Будто огнем охватило голову, особенно в области корней волос...

— Извините за невежливость, — услышал он голос Хардинг, которая, оказывается, успела схватить его за шевелюру и теперь тащила вверх. Боль пронизывала череп, но Торн не обращал внимания на подобную мелочь при данных обстоятельствах.

Тем более, он сейчас находился рядом с гибким переходом и мог наблюдать, как лопаются стальные спирали, подобно слишком тесному корсету, а трейлер опускается все ниже.

Сара продолжала тащить его вверх... Неожиданно его пальцы коснулись влажной травы, и он перевалился через край скалы.

Спасены!

А под ними раздавались звуки рвущегося металла. Бонг! Бонг! Бэнг! Металлические спирали рвались одна за другой... Наконец прощальный стальной визг известил их о том, что порвались последние витки проволоки. Трейлер устремился вниз, быстро уменьшаясь в размерах, ударился о землю и разлетелся вдребезги. В свете молний сверху он выглядел, как выброшенный на свалку бумажный пакет.

Торн повернулся и взглянул на Сару.

— Спасибо!

Женщина тяжело опустилась на траву рядом с ним. Кровь падала с ее повязки и смешивалась с капельками дождя. Она разжала кулак, из него выпал клок седых волос и влажным комком упал возле ее ног.

— Жуткая ночь, — произнесла Хардинг.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Наконец Ливайн, не отрываясь от окуляров бинокля, произнес:

— Им удалось!

— Всем?! — спросила Келли.

— Да! Они выкрутились!

Девочка от радости запрыгала по площадке.

Арби повернулся и выхватил прибор ночного видения из рук Ричарда.

— Эй! — удивился ученый. — Что это ты...

— Мне нужно...

Мальчик резко повернулся на сто восемьдесят градусов и воззрился на долину, погруженную в ночную мглу. В течение какого-то времени он ничего не видел, кроме зеленого тумана. Затем Арби нащупал кнопку фокусировки, быстро настроился — и перед глазами предстала довольно четкая картина.

— Что там такое важное, черт побери?! — раздраженно воскликнул Ливайн. — Это очень дорогой инструмент, предназначенный для научных исследований...

И тут они услышали страшный рев, который приближался к ним.

В бледных оттенках светло-зеленого цвета Арби очень хорошо рассмотрел велосирапторов. Группа из двенадцати особей двигалась в траве, строго соблюдая определенное расстояние друг от друга. Хищники явно направлялись в сторону их вышки.

Одно из животных, выполняющее роль лидера, опережало на несколько ярдов основную массу; однако, нельзя было сказать, что в этой стае имеется хоть какая-то определенная структурная организация.

Велосирапторы рычали, слизывая остатки крови с морд. Причем терли их передними лапами; от этого жеста они казались разумными, поступающими почти по-человечески. Сквозь окуляры бинокля ночного видения их глаза выглядели, словно маленькие прожекторы, излучающие ярко-зеленый свет.

Складывалось впечатление, что не люди наблюдают за ними, а совсем наоборот — ящеры пристально рассматривают странных для них двуногих созданий.

Внезапно прибор ночного видения исчез из рук мальчика.

— Извини, — произнес Ливайн, — полагаю, этим лучше заняться мне самому.

— Но вы бы ничего не знали, если бы не я, — обиженно возразил Арби.

— Успокойся...

Ричард поднес бинокль к глазам, сфокусировал его и... задохнулся от ужаса. Двенадцать рептилий находились на расстоянии двенадцати ярдов от наблюдательного пункта.

— Они нас видят? — спокойно спросил Эдди.

— Нет. Тем более, мы — на подветренной стороне, поэтому им никак не учуять нас. Думаю, они следуют по своей обычной охотничьей тропе, которая проходит мимо нашей вышки. Если будем сохранять тишину, велосирапторы пройдут спокойно дальше...

В динамике рации раздался щелчок. Эдди поторопился отключить ее. Все пристально всматривались в долину.

Тихая и спокойная ночь... Дождь уже прекратился, и свет луны пробивался сквозь рассеивающиеся облака. Несущиеся животные зловеще вырисовывались на фоне серебристой травы.

— Они могут добраться до нас? — поинтересовался механик.

— Каким образом? — прошептал Ливайн. — Мы находимся в двадцати футах от поверхности земли. Думаю, все будет в порядке.

— Но вы же сами говорили: они могут лазить по деревьям.

— Щ-ш-ш... Вышка не дерево... А теперь все замолчите!

* * *

Малкольм сморщился от боли, когда Торн положил его на стол во втором трейлере.

— Мне все как-то не везет в этих экспедициях, не правда ли?

— Может быть, — ответила Сара. — Не принимай это близко к сердцу, Иан.

Док светил фонариком, пока биолог разрезала ножом брюки раненого. На правой ноге оказалась глубокая рана, из которой вытекло много крови.

— У нас есть аптечка? — поинтересовалась Хардинг.

— Скорее всего, она где-то снаружи... Около мотоцикла, — ответил Торн.

— Принеси ее.

Док отправился за медикаментами. Иан и Сара остались одни в фургоне. Она, освещая рану фонариком, осматривала ее.

— Это серьезно? — спросил Малкольм.

— Могло быть и хуже, — произнесла женщина, стараясь не выдавать своего волнения. — Переживешь...

На самом деле рана была угрожающе глубокой и проникала почти до кости. К счастью, артерию не задело; в этом отношении ее другу просто повезло. Но грязь покрывала всю рану, комья земли и куски листьев смешались с красными обрывками мышц. Ей предстоит промыть все это, но прежде нужно дождаться начала действия морфия.

— Сара, я обязан тебе жизнью.

— Ерунда, Иан.

— Нет, нет... В самом деле...

— Иан, — произнесла женщина, глядя прямо ему в глаза, — подобная искренность совсем несвойственна тебе.

— Это пройдет, — ответил мужчина и улыбнулся.

Хардинг понимала, что он, должно быть, испытывает мучительную боль.

Вернулся Торн и принес аптечку. Сара сразу же сделала укол в плечо раненого.

— О-о-о, — проворчал Малкольм, — сколько же ты мне влепила?

— Много.

— Зачем?

— Потому что мне нужно промыть рану, Иан. Не думаю, что ты получишь большое удовольствие от этого процесса.

Мужчина вздохнул, повернул голову в сторону дока.

— Всегда что-нибудь не так... Ну, давай, Сара, начинай свою пытку.

* * *

Ливайн продолжал наблюдение за приближающимися хищниками.

Они двигались нестройной группой своей обычной подпрыгивающей походкой. Ричард всматривался в них, пытаясь разглядеть в этой стае хоть какие-то признаки организации, хоть какую-то структуру, хотя бы незначительную деталь наличия иерархии с разделением на доминирующих и подчиненных особей. Велосирапторы казались смышлеными существами, и, по идее, у них должна быть определенная структура, которая проявлялась бы и в размещении животных внутри видового единства. Но ученый так и не увидел никаких признаков этого. Твари напоминали банду мародеров, бесформенную, состоящую из злобных, шипящих и огрызающихся друг на друга особей.

Эдди и дети сгруппировались около Ричарда на площадке. Карр обнял ребят, пытаясь успокоить их. Особенно перепуган мальчик, девочка выглядела гораздо спокойнее.

Ливайн не мог понять, чего все так боятся. Здесь, наверху, они — в полной безопасности.

Он наблюдал за приближающимися динозаврами с чисто академической отстраненностью, пытаясь отыскать хоть какие-то признаки упорядоченности в этой быстро передвигающейся хаотической группе.

Не оставалось никакого сомнения в том, что хищники движутся по своей обычной охотничьей тропе. Направление их перемещения полностью совпадало с тропой паразавров: от реки, через небольшую возвышенность, а затем — мимо наблюдательного пункта. Велосирапторы не обращали никакого внимания на вышку. Казалось, их больше занимает взаимодействие друг с другом.

Животные обошли конструкцию сбоку и совсем уже миновали ее, когда вдруг ближайший из ящеров остановился. Он отстал от остальных и начал принюхиваться. Затем нагнулся и принялся что-то выискивать мордой в траве у самого основания наблюдательного пункта.

«Что он там делает?» — заинтересовался Ливайн.

Одинокий велосираптор зарычал, продолжая рыться у опоры конструкции. Затем выпрямился, что-то удерживая в передней лапе, крепко сжимая когти. Ричард всматривался, пытаясь определить характер его находки.

«Господи! — ахнул ученый. — У него в лапах — кусочек обертки от шоколадного батончика!»

Велосираптор устремил взгляд вверх, его глаза засверкали. Он смотрел прямо на человека и злобно рычал.

МАЛКОЛЬМ

— Ты хорошо себя чувствуешь? — поинтересовался Торн.

— С каждой минутой все лучше и лучше, — отозвался математик, вздохнув. Его тело словно парило от ощущения необычной легкости в каждой клеточке. — Все-таки не зря многие любят морфий, знаешь ли...

Сара накладывала ему на ногу надувную пластиковую шину.

— Когда прилетит вертолет? — спросила она у дока.

— Меньше чем через пять часов, то есть завтра, на рассвете.

— Точно?

— Абсолютно.

Хардинг кивнула.

— Хорошо. Тогда с ним все будет в порядке.

— Я и сейчас чувствую себя нормально, — откликнулся Малкольм немного мечтательным голосом. — Мне просто очень жаль, что эксперимент окончен... А ведь так прекрасно все начиналось! Такой эксперимент! Элегантный... Уникальный... Дарвину никогда бы такое не пришло в голову...

— Нужно очистить рану, — сказала женщина. — Подержи ему ногу...

И несколько громче она произнесла:

— Так что же не пришло бы в голову Дарвину, Иан?

— Что жизнь — сложная система, — ответил он. — Да и вообще все, что отсюда логически вытекает: адаптивные ландшафты... булевы сети... самоорганизующее поведение... Бедняга!.. У-у-у! Что ты там делаешь?!

— Ну-ну, говори, — попросила Сара, наклоняясь над раной. — Дарвин не имел ни малейшего представления... о...

— ... о том, что жизнь так невероятно сложна, — продолжил Малкольм. — И никто того по-настоя-

щему не представляет. Хочу сказать вот что: в одной оплодотворенной яйцеклетке имеется сто тысяч генов, работающих в поразительной координации друг с другом, вступая в действие и «отключаясь» в нужное время с тем, чтобы достичь главной цели — превратить эту одну-единственную клетку в завершенное, целостное существо. Она начинает делиться, но возникающие ее собратья — уже совершенно другие... Они специализируются... Некоторые становятся нервными ячейками... Другие — формируют кишечник... Третьи — конечности. Каждая группа клеток начинает следовать своей собственной программе, развиваясь и взаимодействуя с соседними. Со временем возникают двести пятьдесят различных типов, и все они развиваются совместно, причем, в строго определенных пределах. В тот момент, когда у организма возникает потребность в системе кровообращения, в работу включается сердце, начиная перекачивать кровь. Как только возникает необходимость в гормонах, начинают действовать надпочечники. Неделя за неделей продолжается этот невообразимо сложный процесс развития с невероятным, потрясающим совершенством и точностью. В это трудно поверить... Это — чудо! Ни один вид человеческой деятельности ни в малейшей степени не способен приблизиться к этому совершенству.

Строили ли вы когда-нибудь дом? Но здание предельно просто по сравнению с организмом. Даже при этом условии часто случается, что строители неправильно сделают лестницу, не так приладят раковину, облицовщик не придет вовремя... Все идет не так, как надо. И в то же время, муха, которая садится на завтрак строителя, — само совершенство... О-о-у! Ну, поосторожнее!

— Извини, — сказала Сара, продолжая промывать рану.

— Но суть состоит в том, — отдышавшись, заговорил Иан, — что весь этот прихотливый и запутанный клеточный процесс мы, практически, не способны даже описать, не говоря о том, чтобы разобраться в нем. Вы представляете себе предел нашего понимания? Математически мы можем описать взаимодействие двух объектов подобно взаимодействию двух небесных тел в пространстве. Когда контактируют три предмета, это уже становится сложнее. Отношения между пятью и более объектами — уже не поддаются нашим силам и воображению... А внутри клетки мы имеем дело со взаимодействием СТА ТЫСЯЧ составляющих! Остается только развести руками... Это настолько сложно, что невольно возникает вопрос: как при таких условиях вообще могла появиться жизнь?

Некоторые полагают — из-за самоорганизации... Мол, жизнь сама творит свой собственный порядок примерно так же, как в ходе процесса кристаллизации... Другие считают — жизнь кристаллизуется, и таким образом решают все проблемы...

Но если вы не знакомы с основами физической химии, вы посмотрите на кристалл и начнете задавать многочисленные вопросы... Вы увидите эти восхитительные шпаты, геометрически совершенные грани и поинтересуетесь: а что же управляет данным процессом? Почему кристаллы, в конце концов, получаются столь совершенными и столь похожими друг на друга? Оказывается, это всего лишь результат действия молекулярных сил, строящих из отдельных молекул твердое тело. И никто сим процессом не управляет. Он происходит сам собой. Задавать вопросы по поводу совершенства кристалла — значит не

понимать тех действий, которые приводят к его образованию.

Итак, живые организмы — это тоже разновидность кристаллизации. Возможно, жизнь как бы происходит сама по себе... Кто знает, может быть, живым объектам присущ особый, характерный для них, порядок, который создается взаимодействием составляющих его элементов... Хорошо...

Одна из важнейших вещей, которую можно узнать, наблюдая за процессом кристаллизации, — это то, что порядок возникает довольно быстро. Только что перед вами была жидкость с беспорядочным движением молекул... Прошло совсем немного времени — и сформировался кристалл, все молекулы выстроились в совершенно упорядоченную структуру... Верно?

— Верно.

— Ну, вот... А теперь задумайтесь над отношениями между собой живых организмов на этой планете, организующих экосистему. Это даже еще более сложная вещь, чем отдельные животные... все структуры крайне сложны... Как в случае с растением юкка... Вы знаете об этом?

— Расскажи.

— Существование этого растения зависит от определенной породы мушек, собирающих пыльцу в шарик и переносящих этот груз на другую зеленую особь (а не на другой цветок того же растения), где втирают этот шарик в листья и другие части, оплодотворяя таким образом юкку... Лишь после этого мушка откладывает яйца. Как видите, растение этого вида не может существовать без своей маленькой помощницы, но и крошечная летунья не может выжить без юкки.

Сложные взаимодействия, подобные этому, на-

водят на мысль, что различные формы поведения – это своеобразная разновидность кристаллизации...

– Это – метафора? – уточнила Хардинг.

– Нет, я говорю о существовании порядка в мире природы, – сказал Малкольм, – и о том, почему он может так быстро возникать благодаря механизмам, сходным с механизмами кристаллизации. Высокоорганизованные живые организмы способны быстро изменять и совершенствовать свое поведение. Причем, изменения могут возникать почти мгновенно.

Человеческие существа преображают планету, и никто не знает, опасны эти перемены или нет. Поэтому подобные поведенческие процессы могут развиваться быстрее, чем мы привыкли считать, рассуждая о различных проявлениях эволюции. За десять тысяч лет мы прошли путь от примитивной охоты и собирательства до развитого сельского хозяйства, до многомиллионных городов и сложных кибернетических систем... Поведенческие феномены изменяются с потрясающей скоростью, и, возможно, сами эти изменения носят неадаптивный характер. Никто не сможет сказать... Хотя лично я полагаю – появление кибернетического пространства означает уход со сцены нашего биологического вида...

– Вот как?! Почему?

– Потому что это означает конец нововведений, – ответил математик. – Идея, заключающаяся в том, чтобы связать весь мир компьютерными сетями, знаменует массовую гибель. Каждый биолог прекрасно знает, что небольшие группы, находящиеся в изоляции, эволюционируют быстрее... Поместите тысячу птиц на острове посередине океана, и они начнут изменяться с невероятной скоростью... Поместите десять тысяч на большой континент, и их эволюция замедлится.

Что же касается нашего биологического вида, то изменения в нас проявляются прежде всего через наше поведение. Мы изобретаем новые формы общения с целью адаптации. И все на свете знают, что любые изобретения и нововведения рождаются лишь в самых малых группах. Создайте комитет из трех человек, и, вполне возможно, они чего-нибудь добьются. Но при десяти членах это уже сложнее... Тридцать участников — и вся работа пройдет без толку. При тридцати миллионах она становится просто невозможной.

Вот — следствия деятельности средств массовой информации: они мешают развитию. Эти средства нейтрализуют любое разнообразие и индивидуальность. Они все унифицируют, стирают лицо... Бангкок, Токио, Лондон... «МакДональдс» на одном углу, «Беннетон» — на другом, «Гэп» — на противоположной стороне улицы... Исчезают региональные различия... вообще, все различия... В мире масс-медиа нет практически ничего, кроме первой десятки книг, дисков, фильмов, идей...

Людей беспокоит утрата межвидовых различий в тропических лесах... Но как быть с интеллектуальной разницей — самой необходимой нам из ресурсов? Она исчезает быстрее деревьев... Но мы как будто не чувствуем этого, и потому планируем соединить пять миллиардов человек в рамках единой кибернетической цепи... Мы не понимаем одного, самого главного — это заморозит наше развитие в качестве вида. Все остановится и замрет... Все станут думать одинаково и в одно и то же время. Глобальное единообразие... О, как больно! Скоро закончится это?!

— Скоро, скоро... — ответила женщина. — Продолжай.

— И поверь мне, это произойдет очень скоро. Если вы разместите сложные системы на биоландшафтной карте, то обнаружите, что поведение меняется с огромной скоростью, а приспособляемость угрожающе снижается. И не нужно никаких астероидов, болезней или чего-то в этом роде...

Моя гипотеза состоит в том, что динозавры, будучи сложными организмами, претерпели значительные поведенческие изменения, и это привело их к вымиранию...

— Абсолютно всех видов?

— Все начинается с малого, — произнес математик. — Какой-то вид ящеров поселяется среди болот вокруг внутреннего моря и, сам того не замечая, начинает воздействовать на водообмен, разрушает экологию растительного мира, от которой зависят двадцать других видов... Бац! И их больше нет! А это, естественно, вызывает дальнейшие нарушения. Вымирают хищники, и их потенциальные жертвы начинают плодиться... Экосистема выходит из равновесия. Все идет не так, как нужно... Возможно, именно так и случилось.

— Гм... Просто поведение...

— Да, — сказал Малкольм. — В любом случае, такова моя гипотеза... И я лелеял мечту, что мы сумеем ее доказать... Но теперь все кончено. И нам нужно отсюда выбираться. Вам следует сообщить об этом решении остальным.

Торн согласно кивнул головой и включил рацию.

— Эдди? Это — док...

Тишина.

— Эдди?!

Динамик рации щелкнул.

Они услышали шум, который поначалу показался им чем-то непонятным. Прошло мгновение, прež-

де чем находившиеся в трейлере поняли — это пронзительный человеческий вопль.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Первый из велосирапторов начал подпрыгивать, зловеще шипя и ударяя телом по опорам, отчего вся конструкция вышки сотрясалась. Когти цеплялись за металл и соскальзывали, животное падало на землю и снова начинало штурмовать наблюдательный пункт.

Эдди удивило, насколько силен этот зверь — он мог подпрыгнуть на восемь футов в высоту несколько раз подряд, не делая никаких перерывов между попытками. Его скачки привлекли и других хищников, которые не спеша возвратились и окружили прибежище людей.

Вскоре вышка оказалась в окружении прыгающих и ревущих полосатых тварей. Она раскачивалась из стороны в сторону по мере того, как динозавры со всего маху налетали на нее, царапали металлические опоры, пытаясь дотянуться до добычи, и снова падали вниз.

Самым страшным оказалось то, что животные очень быстро учились на собственных ошибках. Некоторые из них уже пользовались своими передними лапами, чтобы хвататься за различные части конструкции, крепко удерживаясь на них, пока задние лапы искали опору для тела. Одному из хищников удалось приблизиться на расстояние всего нескольких футов от их маленького укрытия, прежде чем он, в конце концов, сорвался. Казалось, постоянные падения не причиняют рептилиям ни малейшей боли. Они сразу же вскакивали на ноги и снова принимались за прыжки.

Эдди и любопытные ребятишки приподнялись, чтобы получше рассмотреть нападающих.

— Назад! — скомандовал Ливайн. — Не высовываться!

И Ричард оттолкнул детей в центр наблюдательной площадки.

Механик склонился над своим рюкзаком и достал из него петарду. Он зажег ее фитиль и перебросил через край укрытия. Два велосираптора сразу же рухнули вниз. Искры с шипением разлетелись по мокрой траве, отбрасывая резкие красноватые тени. Но это не остановило хищников. Тогда Эдди вырвал из настила одну из алюминиевых перекладин, перегнулся через борт и начал ею отбиваться от наглых ящеров, словно дубиной.

Один из «полосатиков» к этому времени взобрался достаточно высоко, чтобы совершить завершающий прыжок и вцепиться когтями в глотку механика. Пораженный и напуганный такой близостью хищника, Эдди издал вопль и отшатнулся; тварь промахнулась, но ее челюсти сомкнулись на рубашке Карра. После неудачной попытки велосираптор начал падать вниз, увлекая за собой молодого мужчину. Челюсти животного крепко сомкнулись на его одежде, и вес тела зверюги грозил перетянуть Эдди через перила.

— Помогите! — закричал он, когда ящер уже почти увлек его за собой. Ливайн обхватил механика руками и стал тащить назад. Через плечо спасаемого Ричард взглянул на хищника, повисшего в воздухе и злобно рыкающего. Карр бил динозавра перекладиной по морде, но тот упорно сжимал зубы, подобно бульдогу. Мужчина мог в любую секунду упасть вниз.

Эдди ткнул велосираптора металлической палкой в глаз, и тот совершенно внезапно разжал челюсти. Оба человека упали на пол вышки. Когда же они

поднялись на ноги, то с ужасом увидели, как полосатые твари довольно легко взбираются по металлическим распоркам наблюдательного пункта. Вот они появились у ограждения, и Карр сумел сбросить их при помощи алюминиевой перекладины, действуя ею, словно рычагом.

— Быстро! — крикнул он детям. — На крышу! Быстро!

Келли мгновенно поднялась по одной из подпорок и уселась на блестящей поверхности, словно на теннисном столе. Мальчик оставался стоять на площадке. Она перегнулась через край, свесилась вниз и закричала:

— Ну же, Арби! Залезай!

Но тот не реагировал; глаза наполнились ужасом из-за происходящего. Ливайн бросился ему на помощь, а Эдди продолжал орудовать алюминиевым шестом, избивая им хищников.

Один из велосирапторов ухватился зубами за металлический стержень и дернул его на себя. Эдди потерял равновесие, качнулся, упал на спину и перелетел через ограждение площадки.

— Не-е-е-е-ет!!!

Тотчас же все животные спрыгнули вниз на землю.

Ливайн и дети слышали, как несчастный механик оглашает ночную темноту своими криками. Хищники зловеще рычали...

Ужас охватил Ричарда. Он все еще держал за руку Арби, толкая его на крышу.

— Ну, иди, — не переставая, повторял ученый. — Иди... Иди...

Сверху мальчика подбадривала Келли:

— У тебя получится, Арб!

Бентон ухватился за край кровли, попытался подтянуться и тут же панически заболтал ногами в воз-

духе, при этом он сильно ударил Ливайна в лицо. Тот выпустил его.

Мужчина с ужасом увидел, как заскользили пальцы мальчика по гладкому металлу и как он падает на землю.

— О, Боже! — только и смог выдохнуть Ричард. — О, Боже!

* * *

Торн лежал под трейлером и отцеплял трос.

Он снял его, выбрался из-под фургона и побежал к джипу. Краем глаза мужчина заметил, что Сара уже оседлала мотоцикл и отправляется в путь, вооружившись винтовкой Линдштрадма.

Док сел за руль, включил зажигание и с нетерпением ожидал, пока намотается трос на барабан лебедки. Казалось, время остановилось. Он взглянул вслед Хардинг и отметил про себя, что свет фары ее двухколесного «коня» быстро исчезает среди деревьев, направляясь в сторону наблюдательного пункта.

Наконец Торн смог также выехать с поляны.

Уже в движении он включил рацию.

— Иан...

— Не беспокойся обо мне, — отозвался тот немного сонным голосом. — Со мною все в порядке.

* * *

Келли лежала, распростершись на крыше укрытия, и смотрела вниз. Она видела, что Эдди и Арби упали на землю по разные стороны вышки. Создавалось впечатление, что мальчик сильно ударился. Но Кертис так и не узнала дальнейшего, потому что ей пришлось повернуться, чтобы устроиться поудобнее на мокрой и скользкой крыше. Когда же девочка снова взглянула вниз, Арби уже там не было.

* * *

Сара Хардинг на предельной скорости мчалась по грязной дороге сквозь джунгли. Она не представляла в точности, где находится. Но дорога начала спускаться вниз, и женщина сделала для себя вывод, что скоро выедет в долину. По крайней мере, она надеялась на это.

Хардинг прошла поворот и внезапно увидела большое дерево, преградившее ей путь. Она нажала на тормоза, обошла с мотоциклом преграду и вновь понеслась вперед.

Засверкали фары машины Торна, и Сара последовала за джипом.

* * *

Совершенно онемев от ужаса, Ливайн стоял в центре площадки наблюдательного пункта; велоцирапторы больше не прыгали и не пытались вскарабкаться на вышку. Он слышал их рев, долетавший оттуда, с земли, слышал жуткий хруст костей.

Ричарда прошиб холодный пот.

Совершенно неожиданно он услышал крик Арби:

— Назад! Назад! Прочь!

* * *

Келли ерзала на крыше, пытаясь разглядеть, что происходит на другой стороне от вышки. В угасающем свете сигнальной петарды она увидела, как Арби сумел забраться в клетку. Ему удалось закрыть дверь, и мальчик протягивал руку через решетку, чтобы повернуть ключ в замке. Рядом с ним находились три велоцираптора. Они наперегонки прыгнули вперед, увидев его пальцы снаружи, и Арби быстро убрал их.

— Прочь! — крикнул он.

Хищники принялись кусать прутья решетки, пытаясь перегрызть их. Нижняя челюсть одного из них запуталась в эластичной петле, свисавшей с головки ключа. Динозавр отдернул голову, растянув при этом эластик, и внезапно металлическая отмычка вылетела из гнезда и звучно ударила тварь по зубам.

Ящер взвыл от удивления и отступил. Теперь шнурок туго обмотался вокруг его челюсти, а ключ торчал, слабо мерцая в слабых отблесках света, словно диковинное оружие. Велосираптор начал царапать его передними лапами, пытаясь стянуть с себя эластичную петлю, но она прочно зацепилась за изогнутые задние клыки. Все попытки животного приводили только к тому, что ключ хлестал его по морде. В конце концов, оно совершенно отчаялось и начало возить рылом по грязи, стараясь таким образом отделаться от навязчивой ленты.

Тем временем другим хищникам удалось оторвать клетку от всей основной конструкции вышки. Они повалили ее на землю и просовывали головы между прутьями, пытаясь достать мальчика. Когда же до них дошло, что толку нет, динозавры начали, не переставая, колотить по клетке. Вскоре уже семь хищников окружали решетчатое сооружение. Они пинали его, таскали, катили прочь от наблюдательного пункта. Из-за их тел Келли никак не могла рассмотреть Арби.

И тут она услышала отдаленный звук... Взглянув в ту сторону, девочка заметила свет фар. К ним шла помощь!

К вышке приближался автомобиль.

* * *

Арби чувствовал себя, словно в аду, находясь в клетке, окруженной темными, издающими страшный рев тенями.

Велосирапторы не могли просунуть голову между прутьями решетки, но их горячая слюна капала на мальчика, а когда они толкали клетку, когти проникали внутрь, царапая ему руки и плечи. Все тело уже покрылось синяками и ссадинами. Голова нестерпимо болела от ударов о прутья решетки. Мир превратился для него в жуткую, непрерывно вращающуюся преисподнюю. И сейчас он думал только об одном, о том единственном, что знал наверняка...

Велосирапторы катили его куда-то от наблюдательного пункта.

* * *

Когда подъехал автомобиль, Ливайн подошел к ограждению и посмотрел вниз. В свете красных подфарников он увидел, как трое хищников тащат останки Эдди в сторону джунглей. Они часто останавливались и устраивали потасовки из-за добычи, кусая друг друга. Тем не менее, им удавалось продвигаться вперед.

Затем Ричард увидел еще одну группу динозавров, которая пинала и толкала клетку. Они катили ее по своей охотничьей тропе в глубь леса.

Наконец Ливайн разглядел внизу Торна, и ему очень захотелось, чтобы у дока оказалась мощная винтовка. Нужно уничтожить этих проклятых тварей... Всех! До единого!

* * *

С крыши Келли наблюдала за тем, как велосирапторы толкают клетку и катят ее куда-то прочь. Один из хищников отстал и, подобно покалеченной собаке, крутился на одном месте.

Девочка поняла — это тот самый ящер, нижняя челюсть которого запуталась в петле из эластика.

Ключ все еще болтался у его морды, мерцая на свету; динозавр мотал головой вверх и вниз, пытаясь освободиться.

В гущу событий ворвался джип, и показалось, что одинокий хищник пришел в смятение, пораженный внезапным и ярким светом фар.

Торн увеличил скорость и попытался сбить его машиной. Велосираптор повернулся и бросился наутек по направлению к долине.

Девочка слезла с крыши н начала спускаться вниз.

* * *

Док распахнул дверцу, и Ливайн вскочил в салон.

— Они схватили мальчишку! — закричал он, указывая на тропу.

Келли продолжала спускаться. При этом она отчаянно кричала:

— Подождите! Подождите!

— Возвращайся наверх, — приказал Торн. — Сейчас приедет Сара. А нам нужно спасать Арби!

— Но...

— Мы не можем его потерять!

Док включил передачу и покатил по охотничьей тропе вслед за хищниками.

* * *

В трейлере Малкольм напряженно вслушивался в голоса, звучавшие из маленького динамика рации. В них явно звучали паника и смятение.

«Помехи, — подумал он. — Все сразу покатилось ко всем чертям! Взаимодействуют сто тысяч самых разных причин...»

Иан вздохнул и закрыл глаза.

* * *

Торн ехал очень быстро.

Джунгли все более густой стеной окружали машину со всех сторон. Тропа стала сужаться, высокие пальмы подступали все ближе к автомобилю, шлепая по нему своими широкими влажными листьями.

– Проедем мы дальше? – поинтересовался он.

– Здесь достаточно широко, – ответил Ливайн. – Я уже ходил по этой тропе... Если уж паразавры умещаются на ней...

– Как же могло случиться такое? – спросил Торн. – Ведь клетка прикреплена к лесам...

– Не знаю... Как-то оторвалась...

– Как? КАКИМ ОБРАЗОМ?

– Я не видел... Здесь, вообще, случилось много всего...

– А Эдди? – мрачно спросил док.

– Это произошло очень быстро.

Джип все дальше углублялся в джунгли, подпрыгивая на грязных ухабах. Мужчины ударялись головой о холщовую крышу при каждом неожиданном толчке.

Док вел машину с каскадерской дерзостью.

А там, впереди, велосирапторы тоже двигались с удивительной скоростью. Люди едва различали фигурки отставших животных среди темных контуров деревьев.

* * *

– Они не слушали меня! – кричала Келли, когда Сара подъехала к вышке.

– По какому поводу?

– Велосираптор взял ключ... Арби закрылся в клетке, а велосираптор взял ключ!

– Где?

– Там! – сквозь слезы девочка указала в сторону долины. В свете луны они видели темные очертания убегающего животного. – Нам нужен ключ!

– Пошли! – произнесла решительно Сара, снимая винтовку с плеча. Келли села на мотоцикл за ее спиной. Женщина сунула ей в руки оружие. – Ты умеешь стрелять?

– Нет... То есть я хочу сказать...

– Умеешь управлять мотоциклом?

– Нет, я...

– В таком случае придется стрелять, – жестко сказала женщина. – Вот посмотри... Это – спусковой крючок... Поняла? Это – предохранитель... Поверни его вот так. Понятно? Нам предстоит трудное путешествие, поэтому оставь пока оружие на предохранителе... когда мы подъедем ближе...

– Ближе к чему?

Но Хардинг уже не слышала ее.

Она включила двигатель и рванулась вперед, в сторону долины, прямо по следу убегающего хищника. Келли постаралась держаться как можно крепче, чтобы не мешать Саре.

* * *

Джип мчался по лесной тропе, вздымая веер жидкой грязи.

– Не припомню другой подобной езды, – сказал Ливайн, сжимая ручку, за которую держался изо всех сил. – Может быть, стоит немного сбросить скорость...

– Черт побери, нет! – заорал Торн. – Если мы потеряем его из виду, все будет кончено. Мы ведь не знаем, где расположено гнездо велосирапторов. И в этих джунглях, ночью... А, черт!

Впереди хищники покидали тропу, устремляясь в густой подлесок. Клетка уже скрылась из виду.

Док не мог достаточно точно определить рельеф местности, но, казалось, они подъехали к крутому склону холма, почти отвесно обрывавшемуся вниз.

— Мы здесь ничего не сможем сделать, — растерянно сказал Ливайн, — слишком круто...

— Но мы должны! — резко произнес Торн.

— Это сущее безумие... Взгляните в лицо фактам... Мы потеряли мальчика, док! Очень жаль... Мы потеряли его...

Водитель джипа свирепо уставился на Ричарда.

— Он тебя не предавал! И мы его не предадим.

Торн резко повернул руль, и автомобиль начал спускаться с обрыва, набирая скорость и двигаясь, казалось, почти вертикально.

— О, дьявол! — взревел Ливайн. — Ты же убьешь нас!

— Заткнись, нытик!

Подпрыгивая, джип устремился вниз, в темноту.

Порядок исчезает одновременно в нескольких районах. Выживание теперь маловероятно как для индивидов, так и для целых групп.

Иан Малкольм

ШЕСТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

ПОГОНЯ

Мотоцикл летел вперед по поросшей травой долине.

Келли одной рукой крепко держалась за Сару, а другой — сжимала винтовку. Оружие оказалось довольно тяжелым и оттягивало ладонь; пальцы постепенно начинали уставать и разжимались. Волосы, раздуваемые ветром, мешали ей.

— Держись! — подбадривала девочку Хардинг.

Свет луны пробивался сквозь облака, и трава серебрилась в этих отблесках.

Велосираптора отделяло от них каких-нибудь сорок ярдов, и он попал в полосу света фар мотоцикла. Расстояние медленно сокращалось... Вокруг Келли не замечала никаких животных, кроме стада апатозавров, пасшихся в отдалении.

«Железный конь» неуклонно настигал хищника. Тварь двигалась проворно, ее хвост едва виднелся из высокой травы. Сара резко повернула налево, как только они поравнялись с динозавром.

Женщина откинулась назад, так что ее рот оказался на уровне уха Кертис и прокричала:

— Приготовься!

— Что мне делать?

Теперь мотоцикл ехал параллельно с ящером, почти рядом с его хвостом. Сара увеличила скорость, оказываясь практически рядом с ним.

— В шею! — крикнула опытная исследовательница. — Цельсь в шею!

— Куда?

— В любое место! В шею!

Келли вертела в руках винтовку.

— Стрелять?

— Нет! Подожди! Подожди!

Велосираптора охватила паника, когда он заметил преследователей, заставив себя бежать еще быстрее.

Девочка пыталась отыскать предохранитель, но винтовка подпрыгивала в ее руках на ухабах. Наконец ее пальцы коснулись нужной кнопки и тут же соскользнули. Она снова стала перебирать пальцами, отыскивая предохранитель. Ей хотелось воспользоваться двумя руками, но тогда нечем держаться и можно сорваться с сиденья.

— Приготовься! — скомандовала женщина,

— Но я не могу...

— Ну, стреляй! Ну же!

Сара развернула мотоцикл, оказавшись почти рядом с хищником, на расстоянии каких-нибудь трех футов от него. Кертис даже почувствовала специфический запах, исходивший от животного. Велосираптор повернул голову и угрожающе рявкнул на преследователей. Келли выстрелила. Винтовка подпрыгнула у нее в руках, и девочка крепко ухватилась за спину водителя. Полосатая тварь продолжала бежать.

— Что случилось?

— Ты промахнулась!

Девочка покачала головой.

— Ничего страшного! — прокричала Хардинг. — У тебя получится! Я подъеду поближе!

Она снова повернула мотоцикл к животному и стала приближаться к нему. На этот раз хищник по-

вел себя иначе: когда преследователи оказались в опасной близости от него, динозавр неожиданно бросился на мотоцикл, по-бычьи наклонив голову. Сара с возгласом раздражения отвернула в сторону, увеличив тем самым расстояние между ними.

– Хитрый ублюдок! – закричала она. – Не дает приблизиться! Отбирает второй шанс!

Несколько секунд велосираптор преследовал их, затем изменил направление своего движения и побежал прямо по равнине.

– К реке! – указала винтовкой Келли.

Хардинг мчалась сейчас на предельной скорости.

– Она очень глубокая?

Девочка не отвечала.

– Очень глубокая?

– Не знаю, – отозвалась Кертис.

Девочка пыталась представить себе, как выглядели велосирапторы, когда форсировали реку во время охоты на стадо. Ей казалось, она видит их, переплывающих водную преграду. А это значит, что глубина должна быть, по крайней мере...

– Больше трех футов? – спросила Сара.

– Да!

– Это плохо...

Теперь расстояние между ними и хищником равнялось примерно десяти футам, и они начинали отставать. Тварь добралась до местности, сплошь поросшей густыми древовидными папоротниками. Шероховатые стволы растений царапали их. Рельеф – сплошные неровности; мотоцикл болтало и раскачивало на ухабах и промоинах.

– Не вижу! – крикнула Сара. – Держись крепче!

Она повернула налево, удаляясь от динозавра, бежавшего к реке. Животное постепенно исчезало из виду, теряясь в траве.

– Что ты делаешь? – прокричала Кертис.

— Мы должны перерезать ему дорогу!

Стайка птиц с пронзительными криками взлетела прямо у них из-под колес. Хардинг пришлось буквально продираться сквозь пелену хлопающих крыльев, а Келли — пригнуть голову. Винтовка дернулась у нее в руках.

— Будь осторожна! — предупредила Сара.

— Что случилось?

— Она выстрелила!

— Сколько у меня еще осталось?

— Только два заряда! Стреляй метко и будь внимательна!

Впереди простиралась река, мерцая в лунном сиянии.

Мотоцикл вылетел из зарослей травы на грязный берег. Хардинг повернула, машина заюзила и резко наклонилась, сбрасывая их с себя. Келли упала в холодную грязь, женщина рухнула на девочку, но сразу же вскочила и побежала к «лошадке» с криком: «Пошли!»

Плохо соображая, что происходит, Кертис последовала за ней. Винтовку в руках всю облепило грязью. У девочки возникли довольно обоснованные сомнения: а можно ли из нее стрелять?

Сара уже оседлала мотоцикл и махала ей рукой. Келли заняла свое место позади — и преследователи устремились вперед, по берегу.

Велосираптор бежал на расстоянии двадцати футов от них, приближаясь к воде.

— Он уходит!

* * *

Джип Торна мчался вниз по холму, почти полностью неуправляемый. Пальмовые листья хлестали по ветровому стеклу; видимости — никакой, и ощущалась лишь крутизна склона. Машина угрожающе

качнулась набок и нырнула куда-то в сторону. Ливайн взвыл от испуга.

Торн ухватился за рулевое колесо, пытаясь выправить положение, затем схватился за ручку тормоза. Автомобиль выровнялся и продолжил движение вниз по склону.

Сквозь просветы в пальмовых листьях док увидел поляну с маячившими на ней черными булыжниками. Велосирапторы перебирались через камни. Может быть, если повернуть налево...

— Нет! — закричал Ливайн. — Нет!

— Заткнись! — прорычал водитель, круто поворачивая руль. Автомобиль боком заскользил вниз. Они ударились о первый булыжник и разбили фару. Джип резко развернулся и снова с чем-то столкнулся. Торн подумал, что разбился кожух коробки передач, но автомобиль каким-то образом продолжал движение по склону холма, немного отклоняясь влево. Вторая фара брызнула осколками, соприкоснувшись с веткой дерева.

Теперь они ехали в полной темноте сквозь заросли пальм. Вдруг джип сильно тряхнуло, и они почувствовали под колесами ровную поверхность.

Машина катилась по мягкой земле.

Док остановил автомобиль.

Тишина.

Мужчины выглянули из окон, пытаясь понять, где находятся. Но было слишком темно, чтобы хоть что-нибудь разглядеть. У них возникло впечатление, что машина находится на дне глубокого оврага с густыми зарослями деревьев у них над головой.

— Аллювиальный контур поверхности, — заметил Ливайн. — Должно быть, мы находимся в высохшем русле реки.

Немного присмотревшись, Торн понял — Ричард прав. Велосирапторы бежали по центру русла, об-

рамленного с обеих сторон крупными камнями-скатышами. Но сама бывшая река оказалась с песчаным и достаточно широким дном, так что автомобиль спокойно мог двигаться вперед. Они последовали за хищниками.

— Ты можешь сказать, где мы находимся? — поинтересовался Ливайн, не сводя глаз с динозавров.

— Нет, — отрезал док.

Джип продвигался все дальше и дальше. Русло реки расширилось, и машина оказалась на плоской поверхности когда-то существовавшего здесь водоема. Валуны исчезли; по сторонам бывшей речки росли деревья. Лунный свет просачивался сквозь густую листву.

Полосатые твари словно испарились.

Торн остановил машину, опустил стекло и прислушался. Откуда-то слева донеслись шипение и рев велосирапторов.

Док включил зажигание, съехал с песчаной поверхности, и автомобиль помчался среди папоротников и редких сосен.

— Думаешь, мальчик смог пережить падение с такого обрыва? — тихо спросил Ричард.

— Не знаю, — отозвался Торн. — Я просто стараюсь не думать об этом.

Он медленно вел машину вперед, приближаясь к большому просвету между деревьями, за которыми находилась поляна с вытоптанными папоротниками. За этим открытым пространством мужчины увидели берег полноводной реки, в которой отражалась луна. Каким-то непостижимыми образом джип выехал в речную долину.

Но их внимание привлекла поляна. На обширной площадке выделялись огромные скелеты нескольких апатозавров. Гигантские ребра, полукружия белых костей отливали серебром в лунном свете.

В центре на боку лежала темная громадина наполовину съеденных останков какого-то животного. Тучи мух со звоном кружили над ней в ночной тишине.

— Что это за место? — спросил Торн. — Напоминает кладбище...

— Да. Но это — не кладбище, — тихо произнес Ливайн.

Велосирапторы сгрудились в одном углу поляны и устроили драку из-за останков Эдди. На противоположной стороне площадки мужчины заметили три невысоких земляных холмика; их стенки во многих местах отмечены дырами. Рядом с этими «возвышенностями» валялись куски яичной скорлупы. В воздухе стоял сильный запах гниения.

Ричард наклонился вперед, уставившись на открывшуюся перед ними картину.

— Господи! Это же — гнездо велосирапторов! — изумленно произнес он после долгого молчания.

* * *

Во тьме трейлера Малкольм привстал, сморщившись от боли, и схватился за рацию:

— Вы его нашли? Гнездо?

В динамике рации раздался щелчок.

— Да... Думаю, да, — ответил Ливайн.

— Опишите его, — попросил Иан.

* * *

Ричард говорил спокойно, подробно описывая характерные черты увиденного, оценивая размеры.

Ученому гнездо велосирапторов показалось неряшливым, грязным и неудобным. Это его очень удивило, так как гнездилища динозавров обычно демонстрировали безупречное чувство порядка. Ливайну не раз приходилось убеждаться в данном заключении,

участвуя в раскопках от Монтаны до Монголии. Яйца в гнездовьях располагались аккуратными концентрическими кругами. Часто в одном месте находилось более тридцати яиц; это указывало на то, что один грязевой холмик служил своеобразным сборным пунктом для многих самок. Обычно рядом ученые обнаруживали многочисленные костные останки взрослых особей, а это говорило о многом... Скорее всего, динозавры совместно заботились о выведении потомства. В ходе целого ряда раскопок исследователи сталкивались даже с очевидными признаками четкой пространственной дифференциации с гнездом в середине. Взрослые особи располагались обычно по краям окружности, чтобы случайно не повредить яйца. Эта четкая структура делала динозавров похожими на их потомков — птиц, которые также характеризуются строго организованной процедурой ухаживания, брачным периодом и высиживанием.

Но поведение велосирапторов совершенно иное. Перед Ливайном развернулась хаотическая беспорядочная картина: неудобные, наспех построенные гнезда; дерущиеся между собой взрослые животные; несколько детенышей и молодых особей; разбитая скорлупа яиц; растоптанные земляные холмики. Вокруг — разбросанные мелкие кости, которые, по всей видимости, являлись останками новорожденных.

На поляне Ливайн не увидел ни единого живого, недавно появившегося на свет детеныша. Там находилось лишь три молодых велосираптора. По всему было видно, что им приходилось уже бороться за собственное существование: на теле виднелись многочисленные шрамы. Эти молодые особи выглядели тощими и голодными. Тыча мордами в останки трапезы взрослых, они постоянно находились начеку, тут же отступая, как только кто-то из больших животных рычал на них.

— А как насчет апатозавров? — спросил Малкольм. — Как насчет этих останков?

Ричард насчитал четыре туши на различных стадиях разложения.

— Тебе следует обо всем увиденном рассказать Саре, — заметил Иан.

Но Ливайн размышлял сейчас над совершенно другой проблемой. Его заинтересовало, как такие огромные останки могли попасть сюда, на поляну. Эти животные не могли погибнуть случайно в этом месте. Наверняка, все избегают это гнездо. Их невозможно также заманить сюда... Да и притащить нельзя — уж слишком они огромны. Но как же они, в таком случае, попали в это место?

Какая-то мысль проклевывалась в его сознании. Ричард чувствовал, что ответ заключается в чем-то совершенно очевидном.

— Они приволокли сюда Арби? — спросил Малкольм.

— Да; — подтвердил предположение Иана ученый. — Я вижу следы...

Он пристально всматривался в место гнездования, пытаясь найти объяснение увиденному. И тут Торн толкнул его локтем.

— Вон клетка...

В дальнем конце поляны поблескивали алюминиевые перекладины, наполовину прикрытые листьями папоротника. Но мальчика не видно...

Хищники не обращали внимания на решетчатое сооружение, продолжая драку из-за останков Эдди. Торн вытащил винтовку, открыл патронташ. В его распоряжении оказалось шесть пуль.

— Не хватит, — произнес он и с досадой захлопнул коробку.

На открытой площадке находилось, по меньшей мере, семь динозавров.

Ричард пошарил на заднем сиденье, нашел рюкзак, валявшийся на полу. Открыв его, он вытащил оттуда маленький серебряный цилиндр размером с бутылку от «Кока-колы», на которой красовался череп с перекрещенными костями, а под рисунком помещалась надпись: «Осторожно! Ядовитый метахолин (мивакурий)».

— Что это такое?! — удивился Торн.

— Продукт из Лос-Аламоса, — ответил ученый. — Это — несмертельный нейтрализатор пространства. Здесь содержится аэрозольная холинэстераза с небольшим сроком действия. Парализует все живые организмы на период до трех минут. Эта штука выведет из строя велосирапторов.

— А как насчет мальчика? — спросил Торн. — Ведь его тоже парализует.

Ливан показал в сторону поляны.

— Если мы бросим баллончик справа от клетки, газ будет распространяться в направлении велосирапторов и минует его.

— Это только предположение, — заметил Торн. — А кроме того, возможно, он уже и сейчас находится в тяжелом состоянии.

Ричард кивнул и положил цилиндр назад, в рюкзак.

— Итак, что же нам предпринять?

Док взглянул на алюминиевую клетку, частично скрытую от них зарослями папоротника. И тут он увидел нечто такое, что заставило его насторожиться: конструкция едва заметно задвигалась, в лунном свете возникло впечатление движения решетки.

— Ты видел? — спросил Ливайн.

— Нужно вытащить мальчишку оттуда, — отозвался Торн.

— Но каким образом?

— Гм... Самым старомодным... — произнес док и вылез из машины.

* * *

Сара, увеличивая скорость, мчалась по грязному берегу реки.

Велосираптор бежал впереди, по диагонали срезая путь к воде.

— Ну же! Ну! — кричала Келли.

Хищник заметил их и изменил направление. Он попытался, свернув, увеличить разрыв между ними, но мотоцикл мчался быстрее, пользуясь преимуществами открытого пространства берега.

Они нагнали животное, некоторое время ехали рядом с ним, а затем Хардинг оставила чистое место, устремившись на поросшую травой равнину. Полосатая тварь продолжала прыжками передвигаться вглубь долины, удаляясь от реки.

— Получилось! — обрадованно закричала девочка.

Сара не снижала скорость, медленно приближаясь к хищнику. Казалось, он уже напрочь забыл о реке, и теперь несся вперед без всякого конкретного плана; просто бежал по равнине.

Они медленно, но неуклонно настигали его.

Келли разволновалась и попыталась стереть грязь с винтовки, готовясь к стрельбе.

— Черт! — воскликнула женщина.

— Что?

— Посмотри.

Девочка наклонилась вперед и взглянула через плечо своего водителя. Прямо перед ними паслось стадо апатозавров. Они находились на расстоянии каких-нибудь пятидесяти ярдов от ближайшей группы этих огромных животных, заревевших и закру-

жившихся от испуга. Их туши отсвечивали зеленовато-серым в неверном свете луны.

Велосираптор устремился прямо в самую гущу стада.

— Он думает уйти таким образом! — Сара еще больше увеличила скорость, и расстояние вновь сократилось. — Стреляй! Ну!

Кертис прицелилась и нажала на курок. Винтовка подскочила у нее в руках, а хищник по-прежнему продолжал бежать.

— Промахнулась!

Апатозавры впереди начали поворачиваться, топая по земле своими огромными лапами. Их хвосты невероятной величины поднялись вверх. Но они были слишком медлительными для того, чтобы бежать. Между тем полосатый динозавр мчался прямо на громады травоядных.

— Что нам делать? — закричала Келли.

— У нас нет выбора, — ответила биолог.

Она направила мотоцикл параллельно курсу велосираптора, прямо на первую громадную тушу. Девочка подняла глаза и увидела в трех футах над собой изгиб брюха великана. Ноги животного напоминали толстые стволы деревьев.

Хищник бежал дальше, стрелой пролетая между шагающими столбами ног апатозавров. Сара делала резкие повороты и продолжала преследовать полосатую тварь. А над ними стояд нескончаемый рев перепуганных и топчущихся на месте гигантских существ. Теперь Хардинг и Келли находились под брюхом другого животного, затем выехали на свободное пространство, залитое лунным светом, потом вновь оказались в тени чудовищной туши. Сейчас они находились в самой середине стада. Казалось, их окружает лес с движущимися стволами деревьев.

И вдруг перед ними огромная ступня опустилась на землю с глухим ударом, от которого почва вокруг содрогнулась. Сара повернула налево и случайно задела за кожу животного.

— Держись! — закричала она и вновь резко повернула, следуя за велосираптором. А над ними апатозавры продолжали реветь и бестолково топтаться. Хищник увернулся в последний раз и выскочил из стада.

— О, черт! — прокричала Хардинг, резко разворачивая мотоцикл. В это мгновение неожиданно опустился хвост апатозавра, возвышавшегося над ними, едва не задев отчаявшихся преследователей. Все-таки они успели выехать на открытое пространство!

Теперь мотоцикл мчался по равнине, поросшей травой.

— Последний шанс! — закричала Сара. — Воспользуйся им!

Келли подняла винтовку. Хардинг уверенно вела «лошадку» и очень скоро настигла беглеца. Хищник повернулся и попытался боднуть преследователей головой. Но женщине удалось удержаться да еще успеть нанести сильный удар кулаком по морде «полосатика».

Девочка провела стволом по шее и нажала курок. Приклад винтовки толкнул ее в живот. Но велосираптор продолжал бежать.

— Нет! — отчаянно закричала Кертис. — Не-е-ет!

Совершенно неожиданно тварь упала в траву, подскочила и снова упала. Сара круто повернула руль и затормозила. Хищник барахтался на земле на расстоянии пяти ярдов от них. Он рычал и визжал, а через некоторое время затих.

Женщина взяла оружие и открыла магазин. Келли увидела еще пять патронов.

— А я думала, что это — последний, — удивилась она.

— Я солгала тебе, — тихо произнесла Хардинг. — Подожди здесь...

Девочка осталась у мотоцикла, а женщина осторожно двинулась к лежащему динозавру. Она сделала еще один выстрел, затем подождала несколько мгновений и наклонилась над трупом.

Когда она возвратилась, в руке у нее поблескивал ключ от клетки.

* * *

На месте гнездилища велосирапторы продолжали, сгрудившись в одном месте, отрывать последние куски от останков Эдди. Но их возбуждение и алчность начали заметно уменьшаться: некоторые животные отворачивались, потирая свои пасти передними лапами и перемещаясь поближе к центру поляны.

Все ближе к клетке.

Торн вернулся в джип и сдвинул в сторону холщовый верх, взял винтовку и осмотрел ее.

Ливайн уселся на место водителя и завел двигатель. Док поудобнее устроился на заднем сиденье, ухватившись за железную перекладину, и повернулся к «новому» водителю:

— Поехали!

Автомобиль помчался по поляне. Столпившиеся у останков велосирапторы подняли головы на незванных гостей. К этому моменту джип уже проехал половину открытого пространства, миновав огромные обглоданные скелеты, широкие ребра которых возвышались далеко над их головами.

Ливайн резко повернул машину налево, затормозив рядом с алюминиевой клеткой. Торн выскочил и схватил все сооружение обеими руками. В темноте

он не мог определить, насколько серьезно пострадал мальчик. Арби лежал без движения ничком. Ричард тоже выскочил из-за руля, но док приказал ему вернуться обратно. Сам же поднял клетку и бросил ее в заднюю часть джипа. Затем он запрыгнул туда же, сел рядом с металлической конструкцией, и водитель включил зажигание.

А позади них послышалось злобное рычание велосирапторов, бросившихся в погоню за ними. Они пересекали поляну с поразительной скоростью.

Ближайший хищник подпрыгнул высоко в воздух и опустился на грузовой отсек машины, сразу же схватившись зубами за брезентовое покрытие. Он яростно шипел и, несмотря ни на что, не собирался покидать автомобиль, хотя Ливайн увеличил скорость и выехал за пределы поляны.

* * *

В темноте трейлера Малкольм опять погрузился в наркотические сновидения.

Перед его взором проплывали самые различные образы: адаптивные ландшафты, разноцветные компьютерные изображения, применяющиеся для моделирования эволюционных процессов. В этом математическом мире, состоящем из горных вершин, плато, равнин и глубоких пропастей, популяции живых организмов то взбирались на высочайшие пики приспособляемости к окружающей среде, то соскальзывали вниз в глубочайшие ущелья дезадаптации.

Отто Кауффманн и его сотрудники показывали, что развитые организмы обладают сложными внутренними ограничениями или сдерживающими механизмами, которые делают их падение с высот адаптации в низины дезадаптации более вероятным... И в то же время, сложные существа сами по себе являются результатом эволюционного отбора, так как

они способны к самостоятельной адаптации, с помощью различных инструментов, благодаря способности усваивать опыт, благодаря сотрудничеству.

Но сложные животные приобрели свою адаптивную гибкость не бесплатно – им пришлось одну зависимость заменить другой. Больше нет необходимости изменять свое тело, чтобы приспосабливаться к условиям окружающей среды, так как теперь их основной путь адаптации – поведение, определяемое социально. А подобные условия подразумевают обучение. В каком-то смысле у высших существ способы приспособления к среде не передаются посредством молекул ДНК. Теперь средством их передачи стало обучение.

Шимпанзе учат своих детенышей собирать термитов с помощью палки... Подобные действия предполагают наличие, по меньшей мере, рудиментов культуры, организованной общественной жизни. Но животные, вырастающие без родителей, изолировано, без соответствующего руководства не могут существовать полноценно. Существа в зоопарках часто оказываются не способны заботиться о своих детенышах, потому что никогда не видели, как это делается. Они не обращают внимания на малышей до такой степени, что могут случайно наступить на них и раздавить; или же просто убивают их, потому что детеныши раздражают взрослую особь своим шумом, своим присутствием.

Велосирапторы принадлежали к числу самых умных и, одновременно, самых свирепых динозавров. И то, и другое нуждалось в поведенческом контроле. Миллионы лет тому назад, в давным-давно исчезнувшем мире Юрского периода, их поведение было социально детерминировано, передавалось от старших к младшим. Гены управляли способностью создавать эти поведенческие модели, но не самими

этими особями. Адаптивное поведение представляло собой разновидность морали, то есть эволюционировало на протяжении очень долгого времени, в ходе которого сменилось множество поколений. Это являлось нормой, которая доказала свою успешность и пригодность для достижения успеха в этом мире, позволявшей представителям данного биологического вида сотрудничать, существовать совместно, вместе охотиться и выращивать молодое поколение.

Но велосирапторы, обитающие на этом острове, оказались продуктами лабораторного генетического эксперимента. И хотя их тела и физическое строение в целом определены генами, их поведение этим фактором не определяется. У этих заново воссозданных хищников никогда не было старшего поколения, которое могло бы научить их приемлемым формам поведения. Они предоставлены самим себе, что полностью определяет характер их поступков и их существование в сообществе без каких-либо признаков структуры, без правил, без сотрудничества и взаимопомощи. Велосирапторы живут в неуправляемом мире, где каждый за себя и все против всех, где выживают самые подлые и жестокие, а все остальные погибают.

* * *

Джип набирал скорость, подпрыгивая на ухабах.

Торн ухватился за решетку, чтобы клетка во время движения не вылетела из машины. А за ним велосираптор мотался из стороны в сторону, но не отпускал брезентового тента машины.

Ливайн выехал на плоский и грязный берег реки и повернул направо, следуя вдоль самой кромки воды. Хищник продолжал упрямо держаться зубами за брезент.

Прямо перед собой Ричард увидел в грязи еще один скелет. Еще один? Но откуда взялись все они здесь? Времени на размышление нет – он помчался вперед, проезжая под высокой аркой из белых ребер. Из-за отсутствия фар ему приходилось наклоняться вперед и пристально всматриваться в окрестности, озаренные призрачным лунным светом: нет ли на пути каких-нибудь неожиданных препятствий.

В это время в задней части машины велосираптор наконец разомкнул свои челюсти, вскарабкался выше и вцепился зубами за перекладины клетки, явно пытаясь стащить ее на землю. Торн ринулся вперед и схватился за ближайшие к нему прутья сооружения. Конструкция пошатнулась, и док повалился на спину. Казалось, он вступил в состязание с хищником по перетягиванию клетки, и зверь, несомненно, выигрывал.

Торн обхватил ногами переднее сиденье, изо всех сил пытаясь удержаться. Динозавр злобно зарычал. Мужчина ощутил эту неистовую ярость животного, разъяренного предчувствием потери добычи.

– Вот, держи! – крикнул Ливайн, протягивая винтовку.

Док лежал на спине, схватившись за клетку двумя руками, и никак не мог взять оружие. Ричард оглянулся и сразу понял, в чем дело. Водитель взглянул в зеркало заднего вида – сзади вся стая с воем и рычанием продолжала преследовать их. Скорость снижать нельзя... Но и Торн не мог выпустить прутья клетки из рук...

Сохраняя прежнюю стремительность движения, Ливайн повернулся на своем месте и прицелился. Он попытался сделать это как можно точнее, прекрасно понимая, что при малейшей ошибке может попасть в коллегу или Арби.

— Будь внимателен! — предупредил Торн. — Осторожнее!

Ричарду удалось снять винтовку с предохранителя и направить ствол прямо на велосираптора, все еще державшегося зубами за прутья клетки. И тут хищник взглянул вверх и через мгновение уже сомкнул челюсти на винтовке, потащив ее на себя.

Ливайн выстрелил.

Глаза динозавра вылезли из орбит — пуля навылет пробила ему глотку. Он издал булькающий звук, затем у него начались судороги, и полосатая тварь вывалилась из джипа. Но, падая, велосираптор вырвал винтовку из рук опешившего стрелка.

Торн встал на колени и втащил клетку вглубь машины. Взглянув назад, он отметил, что хищники все больше отстают, и расстояние увеличилось уже до двадцати ярдов.

На приборном щитке заработала рация:

— Док?

Торн сразу узнал голос Сары.

— Да...

— Где вы находитесь?

— Мы едем вдоль реки.

Грозовые облака рассеялись, и все вокруг залил яркий свет луны. Где-то позади велосирапторы продолжали свою погоню...

— Я не вижу ваших фар, — произнесла женщина.

— А у нас их больше нет...

Наступило молчание.

Затем в динамике рации послышался треск, и напряженный голос Хардинг выдохнул:

— А как Арби?

— Он — с нами, — коротко ответил Торн.

— Слава богу! Как он себя чувствует?

— Не знаю... Но жив!

Они выехали на равнину...

Торн постарался сориентироваться и понял только одно: джип находится на том же берегу реки, где располагается их наблюдательный пункт. В таком случае им каким-то образом нужно выбраться на горную дорогу, а путь туда пролегает, скорее всего, слева... Эта дорога должна снова привести машину на поляну, к сохранившемуся трейлеру.

Он толкнул Ливайна в бок и указал направо.

— Поезжай туда!

Док включил рацию:

— Сара?

— Да...

— Мы возвращаемся в трейлер по горной дороге.

— Хорошо... Мы вас ждем.

* * *

Хардинг оглянулась на Келли.

— А где горная дорога?

— Думаю, во-он там, наверху, — ответила девочка, указывая на горный хребет и на скалы, возвышавшиеся над ними.

— Хорошо, — произнесла женщина, напряженно вглядываясь в темнеющие впереди возвышенности.

Мотоцикл рванулся по направлению к горной дороге.

* * *

Джип ехал по равнине, углубляясь в заросли серебристой травы. Машина развила предельную скорость. Велосирапторы, практически, исчезли из виду.

— Похоже, мы оторвались от них, — промолвил док.

— Возможно, — согласился Ричард, но в душе он сомневался.

Дело в том, что, когда они выезжали из высохшего русла, несколько животных метнулось в сторону, налево. Теперь они могут прятаться где-либо в траве. Ричард не был уверен в исходе схватки с полосатыми тварями: просто так они не сдадутся.

Джип с ревом летел в направлении скал...

Прямо перед собой Ливайн видел вьющуюся змейкой дорогу, начавшуюся где-то на равнине. Это — горная тропа, вне всякого сомнения...

* * *

Теперь, когда поверхность, по которой они двигались, стала более ровной, Торн пролез между сиденьями и склонился над клеткой, решив разобраться, как обстоят дела у мальчика.

Арби тихо постанывал... Половина лица залита кровью, рубашка тоже покрыта бурыми пятнами. Но глаза открыты. Казалось, он пытается шевелить руками и ногами.

Торн еще ближе пригнулся к решетке.

— Эй, сынок, — произнес он ласково и тихо. — Ты слышишь меня?

Мальчик со стоном кивнул.

— Как дела?

— Могло быть и хуже, — еле слышно прошептал Арби.

* * *

Джип выехал на грязную дорогу и помчался по ее крутым виражам. Ливайн даже почувствовал облегчение, когда они стали подниматься вверх, удаляясь от равнины. Наконец-то машина добралась до горной дороги... «Неужели мы в безопасности?» — мелькнула мысль в его голове.

Ричард взглянул вперед, в сторону хребта. Там он увидел...

В лунном свете какие-то тени прыгали вверх-вниз, словно нетерпеливо поджидали направляющийся к ним автомобиль.

Велосирапторы!

Они ждут их!

Ливайн затормозил.

— Что будем делать?

— Перелезай сюда, — мрачно процедил Торн. — Я займусь этим сам.

НА КРАЮ ХАОСА

Торн выехал на горную гряду и, увеличив скорость, повернул налево. Дорога, освещенная луной, простиралась перед ними, узенькая полоска между каменной стеной слева и крутым обрывом справа. А на расстоянии двадцати футов над ними он видел хищников, подпрыгивающих с алчным храпом при виде приближающегося автомобиля.

Ливайн тоже заметил их.

— Что будем делать? — повторил он прежний вопрос.

Торн лишь покачал головой, а потом, после паузы, сказал:

— Посмотри в сумке с инструментами... Осмотри все уголки машины... Доставай все, что только сможешь найти.

Ричард наклонился, перебирая все предметы, попавшиеся под руку. Док молчал, но понимал, что они оказались в очень невыгодной ситуации: винтовка потеряна, джип — с матерчатым верхом, со всех сторон их окружают велосирапторы... По его подсчетам, от трейлера машину отделяет расстояние примерно с половину мили...

Целых полмили.

Торн сбавил скорость, подъехав к ближайшему повороту, стараясь не приближаться к той стороне дороги, которая отвесной стеной устремляется вниз.

Выехав из-за виража, он увидел велосираптора, присевшего посредине дороги мордой к ним и угрожающе нагнувшего голову. Док увеличил скорость. Хищник подскочил в воздух, высоко подняв задние лапы, и приземлился прямо на капот автомобиля. Когти со скрежетом царапали металл. Динозавр ударился о ветровое стекло, и оно покрылось паутиной трещин. Тело твари и трещины перекрыли обзор, и водитель нажал на тормоза.

— Эй! — закричал Ливайн, падая вперед.

«Полосатик» не удержался и соскользнул вниз. Теперь Торн мог продолжать движение. Мужчина нажал на педаль газа, и Ричард снова откатился назад. Но три хищника атаковали теперь сбоку.

Один из них прыгнул на левое крыло и вцепился зубами в зеркало бокового обзора. Сверкающий глаз животного приблизился почти к самому лицу дока. Он резко повернул налево, подъехав вплотную к каменной стене, обрамлявшей дорогу с этой стороны. На расстоянии десяти ярдов из нее выступал крупный валун. Торн бросил взгляд на велосираптора, продолжавшего упрямо держаться зубами за зеркало... Валун сбил зеркало, оторвав его вместе с хищником.

Тропа чуть расширилась. Теперь у дока появилось больше возможностей для маневрирования. Он почувствовал глухой тяжелый удар, машинально взглянул вверх и увидел — брезентовый тент машины провис. Звук разрываемой ткани слышался над самым ухом. Когти зверя кромсали материал.

Док сделал два резких поворота... Лапы динозавра исчезли, но животное все еще находилось там, наверху, от веса его тела брезент продолжал обвисать. Тотчас же коготь велосираптора, просунувшись в дыру, полоснул Ричарда по руке. Он взвыл от боли и выронил оружие. Торн наклонился за ним.

В зеркале заднего вида он увидел еще двух тварей, преследующих джип по дороге. Они нагоняли их.

Но теперь тропа расширилась, и водитель смог увеличить скорость. Велосираптор наверху опустил голову и заглянул внутрь через разбитое стекло. Док крепко сжал нож в кулаке и начал изо всех сил наносить удары по брезентовому верху, снова и снова пробивая его насквозь. Казалось, от этого ничего не меняется. Но как только дорога начала петлять, док резко повернул руль направо, затем — снова налево, отчего вся машина содрогнулась — и хищник, наконец-то, сорвался и скатился с крыши. Правда, падая, он содрал с автомобиля большую часть тента. Велосираптор свалился на землю, ударившись о двух своих собратьев, преследовавших джип. Толчок оказался настолько силен, что все трое слетели с дороги и со страшным воем устремились в пропасть.

— Так их! — заорал Ливайн.

Спустя несколько мгновений еще один хищник спрыгнул со скалы и побежал вперед; от автомобиля его отделяло несколько футов.

Очень легко, практически без всякого усилия, велосираптор вскочил в заднюю часть машины.

* * *

Ливайн со своего сиденья уставился на хищника. Полосатая тварь находилась в машине. Она стояла, низко наклонив голову, подняв передние лапы и

широко открыв пасть. Вне всякого сомнения, динозавр приготовился к нападению и шипел на человека.

У Ричарда мелькнула мысль: «Ну, вот... Все кончено!»

Он был потрясен: все его тело прошиб пот, ему сделалось дурно, и он сразу же понял, что ничего здесь нельзя поделать, что от смерти его отделяет лишь несколько мгновений.

Зверь снова зашипел, щелкнул челюстями и присел для последнего прыжка — и тут внезапно белая пена появилась в уголках его пасти, а глаза закатились. Хищник начал дергаться, его тело свела судорога. Он упал на бок и остался лежать в машине.

Только сейчас Ливайн разглядел Сару, которая следовала за джипом на мотоцикле. За спиной у женщины сидела Келли с винтовкой.

Торн притормозил, и Хардинг нагнала их. Она протянула ключ Ричарду:

— От клетки!

Ливайн взял переданный предмет онемевшей рукой и едва не выронил его. Он все еще находился в шоке: передвигался, словно в сне, и плохо воспринимал происходящее вокруг. «Я был на волосок от смерти», — думал Ричард.

— Возьми у нее винтовку! — приказал Торн.

Ученый взглянул налево, где несколько велоцирапторов все еще продолжали преследование и бежали почти наравне с автомобилем. Он насчитал шестерых, но, скорее всего, их могло быть и больше. Ливайн снова принялся их считать, но его разум отказывался выполнять эту простую задачу.

— Возьми винтовку, черт тебя подери!

Ричард забрал оружие у Келли, ощутив рукою металлический холод ствола.

И тут мотор начал захлебываться, донеслись специфические «чихающие» звуки, что не предвещало ничего хорошего. Джип задергался...

— Что случилось? — спросил Ливайн, обернувшись к Торну.

— Беда, — отозвался тот. — Кончилось горючее.

* * *

Док выключил двигатель, и автомобиль покатился по инерции, теряя скорость. Впереди — небольшой подъем, а потом, за поворотом, дорога вновь опускалась вниз. Сара ехала на своем мотоцикле за ними, качая головой.

Торн понимал, что у них есть маленький шанс, если, конечно, они смогут преодолеть эту горочку.

— Открой клетку и выпусти мальчика оттуда, — попросил он Ливайна. Ричард вдруг начал двигаться с неожиданной быстротой; он подполз к конструкции из алюминиевых прутьев и вставил ключ в замочную скважину. Дверка со скрипом отворилась, и мужчина помог Арби выйти на свободу.

Торн не отрывал глаз от спидометра, стрелка которого неумолимо приближалась к нулевой отметке. Их скорость составляла двадцать пять миль в час... затем — двадцать... пятнадцать...

Велосирапторы, бежавшие параллельно джипу, стали приближаться, почувствовав, что с машиной что-то не в порядке.

Пятнадцать миль в час... Скорость продолжала падать...

— Он вышел, — доложил Ричард и громко хлопнул дверцей клетки.

— Выбрасывай ее на дорогу! — приказал док. Конструкция выпала из автомобиля и покатилась прямо по холму.

Десять миль в час...

Казалось, джип уже не едет, а ползет.

Но тут подъем закончился, и они начали спускаться с противоположного склона, вновь набирая скорость.

Двенадцать миль в час...

Пятнадцать... Двадцать...

Торн управлял джипом, стараясь не пользоваться тормозами.

— Нам не доехать до трейлера! — воскликнул Ливайн. Он орал что есть мочи, в глазах его застыл животный ужас.

— Я знаю.

Док видел куб фургона слева, но до него существовал еще один подъем. Они не смогут преодолеть его... Но там, впереди, имелась еще и развилка дорог, одна из которых вела направо, вниз, к тому месту, где располагалась лаборатория. И если он правильно помнит, то вся эта трасса шла вниз по склону холма.

Торн повернул направо, в сторону, противоположную трейлеру.

* * *

Ему бросилась в глаза большая крыша лабораторного корпуса, вся залитая лунным светом. Он проследовал мимо огромного строения, объехав его в направлении домиков рабочих. Справа располагалось здание управляющего со складом, перед которым имелись насосы для горючего. Может быть, в них осталось хоть немного бензина.

— Посмотри! — крикнул Ливайн, показывая назад. — Посмотри!

Док бросил взгляд через плечо и увидел, что велосирапторы отстали. Они явно отказались от даль-

нейшего преследования. Что-то отпугивало их в окрестностях лаборатории.

— Они больше не преследуют нас! — радостно заорал Ричард.

— Да, — спокойно отозвался Торн. — Но где же Сара?

Мотоцикла Хардинг нигде не было видно.

ТРЕЙЛЕР

Сара резко повернула руль мотоцикла, и он понесся вверх по небольшому склону. Она миновала подъем и покатила под гору по направлению к трейлеру. За ней со злобным ревом бежали четыре велосираптора. Женщина увеличила скорость, пытаясь оторваться от них, набрать несколько лишних, столь ценных в подобных обстоятельствах, ярдов.

Хардинг отклонилась назад и крикнула Келли:

— Ну! Это нужно сделать очень быстро!

— Что? — не поняла девочка.

— Когда мы доберемся до трейлера, ты спрыгнешь и забежишь в него. Не жди меня. Понятно?

Кертис кивнула, но с некоторой неохотой.

— Что бы ни произошло, не жди меня!

— Хорошо.

Мотоцикл Хардинг с ревом мчался к трейлеру.

Добравшись до фургона, она резко затормозила. Двухколесная машина забуксовала и ударилась о металлическую стенку убежища людей. Келли сразу соскочила с сиденья, подбежала к двери и влетела в помещение.

Хардинг намеревалась въехать на мотоцикле внутрь, но заметила, что хищники находятся очень

близко, слишком близко. Она толкнула свою «лошадку» на них, перескочив одним быстрым движением с сиденья к двери. Перекатившись по земле, женщина открыла дверь ногами и оказалась на полу маленькой прихожей трейлера. Не поднимаясь, Сара, снова ногами, захлопнула входную дверь, ударив ею первого из велосирапторов, подбежавшего ближе всех остальных.

В темноте она продолжала удерживать металлический щит на петлях, пока животные изо всех сил бились в него, и пыталась нащупать замок, но ничего не получалось.

— Иан! Эта дверь закрывается?

До нее донесся голос Малкольма, погруженного в приятные сновидения:

— Жизнь — это кристалл...

— Иан! Постарайся понять, о чем я спрашиваю тебя.

К Саре подбежала девочка и тоже принялась шарить в темноте по двери. Велосирапторы не прекращали своих атак. Наконец Хардинг произнесла:

— Вот он... Почти у самого пола...

Послышался металлический щелчок — и женщина сделала шаг в сторону. Келли взяла ее за руку.

Снаружи хищники продолжали биться телами о стены фургона и злобно рычать.

— Все будет хорошо, — попыталась успокоить девочку Сара.

Биолог подошла к лежащему Малкольму. Велосирапторы щелкали зубами и бросались на окна рядом с его головой, царапали стекло. Математик невозмутимо созерцал эту картину.

— Шумные ублюдки, не правда ли?

Рядом с ним стояла открытая аптечка, а на подушке лежал шприц. Вероятно, он сделал еще один укол морфия самостоятельно.

Наконец животные прекратили бросаться на окна. Хардинг услышала какой-то странный царапающий звук рядом с дверью. Посмотрев в окно, она увидела странную картину: велосирапторы оттаскивают ее мотоцикл от стены трейлера. Затем они с яростью набросились на него; динозавры топтали его ногами, хватали зубами за колеса. Еще немного, и твари прокусят их.

— Иан, нам нужно действовать как можно быстрее...

— А я никуда не тороплюсь, — спокойно сказал он.

— Какое оружие есть здесь?

— Оружие... О... Не знаю... — мужчина тяжело вздохнул. — Зачем тебе оно?

— Иан, пожалуйста...

— Ты говоришь так быстро, — медленно произнес математик. — Знаешь, Сара, тебе действительно нужно немного расслабиться.

* * *

Келли охватил страх в этом темном трейлере, но ее успокоил тон, уверенный и непоколебимый, с которым Сара заговорила об оружии. И девочка начинала понимать, что если Хардинг приняла какое-то решение, то остановить ее невозможно. Она без лишних слов просто выполняет задуманное. И именно этой полной уверенности в себе, этой твердости и настойчивости, этой убежденности в достижении желаемого — всем этим чертам характера Сары Келли незаметно для себя уже подражала.

Девочка вслушивалась в голос доктора Малкольма и понимала, что он вряд ли сможет чем-нибудь помочь. Математик принял наркотик, и ему ни до чего не было дела.

Доктор Хардинг не знала о расположении вещей в трейлере... Но Келли-то знает. Она уже раньше

облазила весь фургон в поисках пищи. И ей казалось, что она припоминает...

В темноте девочка принялась быстро открывать ящики, пытаясь хоть что-то разглядеть. Ей припомнилось, как в одном шкафчике она видела пакет с изображением черепа и костей. «Может быть, там какое-либо оружие», — подумала она.

Кертис услышала голос Сары:

— Иан, сделай усилие над собой! Подумай!

В ответ раздалось:

— О, я уже думал... Много думал... Мне в голову приходили такие чудесные мысли! Ты знаешь, все эти останки в гнездовье велосирапторов представляют собой великолепный пример...

— Не сейчас, Иан...

Келли обыскивала ящики, оставляя их открытыми, чтобы случайно не осматривать еще раз. Она прошла дальше по трейлеру, и тут ее рука случайно коснулась грубого холста. Девочка наклонилась и ощупала найденный предмет. Да, это как раз то, что она долго и упорно искала.

Кертис вытащила квадратный сверток, который оказался удивительно тяжелым.

— Сара, посмотри, — предложила свою находку девочка.

* * *

Хардинг поднесла упаковку к окну, где ее можно получше рассмотреть при лунном свете. Она сняла холст и взглянула на содержимое. Пакет делился на четыре части с мягкими прокладками. Женщина обнаружила три квадратных блока, изготовленных из какого-то материала, напоминавшего на ощупь резину. Кроме того, там находился маленький серебристый цилиндр, похожий на небольшой кислородный баллончик.

– Что это такое?

– В свое время нам казалось, это – хорошая идея, – сказал Малкольм. – Но теперь я вовсе не уверен... Суть в том...

– Что это такое? – переспросила Сара, прервав его рассуждения. Ей приходилось делать огромные усилия, чтобы заставить его сосредоточиться.

– Несмертельные вещества, – смеясь, ответил математик. – Александр рэгтайм бэнд... Нам хотелось иметь...

– Что это такое? – настаивала она, поднеся один из блоков к его лицу.

– Дымовой аэрозоль. То, чем ты занимаешься...

– Просто дымовая шашка? Что, просто пускает дым?

– Да, но...

– Что это такое? – упорно спрашивала Сара, поднося к нему серебристый цилиндр с какой-то надписью.

– Холистеразовая бомба... Выпускает газ и вызывает кратковременный паралич при взрыве. По крайней мере, так говорят...

– Что значит «кратковременный»?

– Думаю, несколько минут, но...

– Как она работает? – поинтересовалась женщина, вращая баллончик в руке. На одном его конце был колпачок с замыкающей иглой. Она начала вскрывать крышку, чтобы взглянуть на устройство.

– Не делай этого! – воскликнул Малкольм. – Именно так она и действует... Срываешь иглу и бросаешь... Через три секунды – взрыв...

– Хорошо.

Сара поспешно упаковала аптечку, предварительно бросив внутрь шприц, и захлопнула крышку.

– Что ты делаешь? – испуганно спросил Малкольм.

— Будем выбираться отсюда, — твердо произнесла женщина, направляясь к дверям.

Иан вздохнул.

— Как хорошо, когда в доме есть мужчина, — с горькой усмешкой растерянно сказал математик, поднимаясь со своего ложа.

* * *

Цилиндр высоко взлетел в воздух и упал на землю, сверкнув в лучах лунного света.

Велосирапторы сгрудились вокруг мотоцикла на расстоянии футов пяти. Один из них обратил внимание на летящий предмет, упавший в траву в нескольких ярдах от них.

Хардинг стояла у входной двери и ждала.

Но ничего не произошло.

Никакого взрыва.

Абсолютно ничего!

— Иан, не сработало!

Один из хищников с любопытством прыгнул к баллончику, чтобы получше его рассмотреть. Динозавр согнулся, а выпрямившись, уже держал в пасти сверкающий цилиндрик.

Женщина вздохнула с сожалением.

— Он не сработал...

— А, ерунда, — спокойно произнес Малкольм.

Велосираптор мотал головой, а его зубы все глубже вонзались в баллончик.

— Что нам теперь делать? — поинтересовалась Келли.

В это момент раздался громкий хлопок, и облако густого дыма белого цвета покрыло поляну. В нем исчезли и полосатые твари.

— Ну и что? — спросила девочка.

* * *

Они пересекли окутанную ночной темнотой поляну.

Малкольм опирался на плечо Сары.

Облако газа рассеялось за несколько минут до этого.

Первый велосираптор, которого они заметили, лежал в траве совершенно неподвижно, вытянув ноги и открыв глаза. Но он не умер. Биолог сразу различила нормальное биение сердца, нащупав шейную артерию. Животное просто парализовало.

— Сколько времени это продлится? — спросила она у Малкольма.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил математик. — Ветер сильный?

— Иан, его вообще нет!

— Тогда еще немного...

Люди направились дальше.

Повсюду валялись поверженные хищники. Они обходили их туши, вдыхая специфический запах гнили, исходящий от велосирапторов. Один из них растянулся прямо поверх упавшего мотоцикла.

Сара опустила Малкольма на землю, и он сел, сделав глубокий вдох облегчения, но заговорил о каких-то странных вещах:

— Как бы я хотел вновь возвратиться в ту страну хлопка, в те старые времена, о которых мне никогда не забыть...

Хардинг в этот момент пыталась вытащить мотоцикл из-под туши динозавра, вцепившись в его руль и упираясь ногами в почву. Но животное оказалось слишком тяжелым.

— Дайте, я попробую, — предложила Келли, хватаясь за металл машины.

Женщина прошла вперед. Без малейшего колебания она наклонилась и обняла велосираптора за шею, подняла его голову вверх, преодолевая приступ отвращения. Горячая чешуйчатая шкура оцарапала ей руки и щеки. Сара, постанывая от напряжения, отклонилась назад и стащила тушу хищника с мотоцикла.

— На юге... да-да-да... жить и умереть... на юге, — вдруг запел Малкольм.

— Получилось? — тяжело дыша, спросила Сара у Келли.

— Нет еще, — отозвалась девочка, продолжая вытаскивать мотоцикл за руль.

Лицо Хардинг находилось всего в нескольких дюймах от пасти хищника. Голова животного безвольно болталась из стороны в сторону в руках женщины. Она дернула его, пытаясь приподнять повыше.

— Почти... — прохрипела Кертис.

Сара тоже стонала от чрезмерного усилия.

И ТУТ ГЛАЗ ВЕЛОСИРАПТОРА МОРГНУЛ.

Испугавшись, Хардинг бросила тварь.

Слава богу, что Келли успела закончить свою работу.

— Получилось!

— Скорей, скорей... скорей на юг... — продолжал распевать Малкольм.

Женщина обошла вокруг хищника, отметив про себя, что мышцы на задних лапах начали подергиваться. Грудь начала более заметно подниматься и опускаться, дыхание участилось.

— Поехали! — крикнула Сара. — Иан — садись сзади... Келли — на руль!

— Скорей... Скорей... Скорей на юг...

— Поехали, — повторила Хардинг, садясь за руль.

Она не сводила глаз с велосираптора. Голова животного судорожно дернулась, глаза вновь заморгали. Он явно приходил в себя.

— Поехали, поехали... Поехали!

РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК

Мотоцикл мчался вниз по холму, направляясь к рабочей деревушке. Глядя поверх головы Келли, примостившейся на руле, Сара увидела джип, стоявший у склада, неподалеку от насосов для горючего. Она затормозила, и все спрыгнули на землю. Девочка открыла дверь помещения и провела туда Малкольма. Хардинг завела мотоцикл внутрь и закрыла за собой вход.

— Док?

— Мы здесь, — откликнулся Торн. — Вместе с Арби.

В лунном свете, просачивающемся через окна, женщина рассмотрела внутреннюю часть склада, который очень напоминал заброшенную автомастерскую с баром и магазинчиком. Здесь стояла застекленная витрина с прохладительными напитками, давно покрывшимися пленкой плесени. Рядом, на проволочной полке, лежали шоколадные батончики и пакетики леденцов. Обертки покрылись толстым зеленым наростом и кишели личинками насекомых. На журнальной витрине страницы периодических изданий покоробились, хотя по их заголовкам можно было определить, что они пролежали здесь уже лет пять.

У стены размещались стеллажи со всякого рода «сопутствующими товарами»: зубной пастой, аспирином, кремом для загара, шампунями, расческами

и щетками. Рядом находились полки с одеждой, майками, шортами, носками, теннисными ракетками и купальниками; имелось и кое-что из сувениров: цепочки для ключей, пепельницы и разноцветные стаканы.

В центре помещения создатели этого комплекса оборудовали своеобразный «островок» с компьютерным кассовым аппаратом, микроволновой печью и кофеваркой. Дверца «микроволновки» распахнута: какое-то животное устроило там свое гнездо. Кофеварка расколота и вся окружена паутиной...

— Какое запустение! — удивился Малкольм.

— А по-моему, выглядит вполне привлекательно, — прокомментировала Сара.

Все окна забраны решетками, стены выглядят очень прочно... Консервированные продукты, по всей вероятности, будут вполне съедобны. Она заметила также надпись «Комнаты для отдыха». Возможно, здесь есть и канализация. В этом месте они будут в безопасности. По крайней мере, хотя бы первое время...

Женщина помогла математику лечь на пол. Затем подошла к Торну и Ливайну, которые занимались Арби.

— Я привезла аптечку... Как его дела?

— Очень много ушибов, — ответил док. — Несколько глубоких ран... Но переломов нет. Особенно много ушибов на голове.

— Все болит, — прошептал мальчик. — Даже рот...

— Посмотрите, есть ли здесь свет, — попросила Сара. — Дайте, я сама осмотрю Арби... Ага... У тебя выбита парочка зубов, поэтому и больно... Но это можно исправить... Да и порез на голове не такой уж страшный.

Она протерла его лицо кусочком марли и повернулась к Торну.

— Сколько времени осталось до прилета вертолета?

Док взглянул на часы.

— Два часа.

— Где место посадки?

— В нескольких милях отсюда.

Сара кивнула, продолжая обрабатывать раны мальчика.

— Хорошо... У нас есть еще два часа, чтобы добраться до посадочной площадки.

— Но как это сделать? — поинтересовалась Келли. — В машине нет ни капли горючего.

— Не беспокойся, — ответила Хардинг. — Что-нибудь придумаем. Все будет хорошо.

— Ты всегда так говоришь, — обиженно протянула девочка.

— Потому что всегда так и бывает, — сказала Сара. — Арби, теперь мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы ты сел и помог мне снять с тебя рубашку...

* * *

Торн отошел к стене вместе с Ливайном. Ричард еще не избавился полностью от пережитого шока, передвигаясь с трудом и судорожно подергиваясь и вздрагивая. В его глазах мелькал ужас, когда он вспоминал недавние события. Путешествие в джипе окончательно доконало самоуверенного ученого.

— О чем она говорит?! — истерично воскликнул он. — Мы здесь — в ловушке! В ловушке!! Мы не можем отсюда никуда выйти... Мы ничего не сможем сделать! Я говорю вам, мы все обре...

— Успокойся! — прошипел Торн, схватив его за руку и притянув к себе. — Не расстраивай детей!

— Какое это имеет значение?! — продолжал вопить Ричард. — Они рано или поздно сами это поймут... О! Ну, ну... полегче...

Док крепко сжал ему руку и приблизился почти вплотную к нему.

— Ты уже слишком стар для того, чтобы вести себя таким образом, подобно примитивному кретину... А теперь возьми себя в руки, Ричард... Ты слушаешь меня?

Ученый кивнул.

— Хорошо... Теперь я выйду и посмотрю, работают ли насосы...

— Они не могут работать, — торопливо зашептал Ливайн. — Через пять лет! Говорю тебе, пустая трата...

— Ричард, — настаивал Торн, — мы должны проверить их!

Наступила пауза. Мужчины смотрели в глаза друг другу. Наконец Ливайн не выдержал:

— Хочешь сказать, что собираешься выйти отсюда?

— Да.

Ричард нахмурился. Снова повисла тягостная тишина.

Сара, склонившаяся над мальчиком, крикнула им:

— Где свет, ребята?

— Минутку, — отозвался док и склонился к Ливайну. — Хорошо?

— Хорошо, — согласился мужчина, тяжело вздохнув.

Торн подошел ко входной двери, открыл ее и вышел в темноту. Ливайн закрыл за ним, громко щелкнув замком.

Док сразу же повернулся и постучал. Дверь приоткрылась на несколько дюймов.

— Ради бога, — прошептал Торн, — не захлопывай...

— Я просто думал...

— Не захлопывай, черт тебя подери!

— Хорошо, хорошо... Извини.

— Ради всего святого! — воскликнул док.

Он снова притворил за собою дверь и остался лицом к лицу с ночной темнотой.

* * *

Вокруг тихо... Он слышал только несмолкаемый стрекот цикад. Но сейчас даже этот звук показался ему слишком тихим по сравнению с ревом велосирапторов.

Некоторое время Торн стоял, прислонившись спиной к стене, посматривая на поляну. Ничего не видно...

В конце концов, он все-таки подошел к джипу, открыл боковую дверцу и попытался на ощупь найти рацию. Она залетела под сиденье пассажира, и док, вытащив ее, подошел к двери в склад и постучался.

Ливайн тут же открыл со словами:

— Она не запер...

Торн протянул ему передатчик и снова закрыл дверь.

Снова пришлось ждать, пока глаза адаптируются к темноте.

Вокруг по-прежнему стояла тишина. В небе сияла полная луна. Ни дуновения.

Торн прошел вперед и внимательно осмотрел насосы. Ручка ближайшего из них заржавела и покрылась паутиной. Он открыл замок и вытащил «пистолет». Но ничего не последовало... Мужчина сжал ручку заправочного устройства, из шланга — ни капли. Док постучал по стеклянному окошечку на колонке, показывавшему количество галлонов, и стекляшка выпала ему в руку, а внутри прибора запрыгали пауки, разбегаясь по укромным уголкам.

Горючего не было.

Но им во что бы то ни стало нужно найти бензин, иначе они никогда не доберутся до вертолета.

Он, нахмурившись, склонился над устройством. Очень простые и надежные насосы, из серии, устанавливаемой на стройках в отдаленных районах. И это разумно: ведь они же находятся не где-нибудь, а на острове.

Док задумался на мгновение.

Это — действительно остров.

Значит, все необходимое доставлялось сюда самолетами или морем. Даже, скорее всего, именно морем, небольшими судами, разгружавшимися вручную. А если...

Торн наклонился и принялся осматривать основание бензоколонки. Как он и предполагал, в земле не оказалось никаких резервуаров с горючим. Док обнаружил толстый черный шланг, уходивший под асфальт. Определилось и направление, в котором следовала труба — вокруг стены склада.

Мужчина двинулся вперед, следуя за бензопроводом, пробираясь с предельной осторожностью, останавливаясь и прислушиваясь. Наконец он подошел к стене и увидел то, что и ожидал: пятидесятигаллоновые цилиндры, выстроившиеся в ряд вдоль боковины склада... Их оказалось три. Они соединялись несколькими черными шлангами. Это имело определенный смысл. Весь бензин, скорее всего, привозился на остров в подобных металлических емкостях.

Торн слегка постучал по бочкам костяшками пальцев — пусто. Он приподнял одну из них, в надежде услышать плеск жидкости хотя бы на дне. Ведь им нужен всего какой-то галлон или два...

Пусто!

Емкости оказались совершенно пустыми.

Но наверняка здесь должны быть другие резервуары.

Он быстро просчитал в уме все варианты.

Лаборатория такой величины должна располагать не менее чем полудюжиной различных средств передвижения, а может, и большим количеством.

Даже при очень экономном расходовании бензина они должны были сжигать по тридцать-сорок галлонов в неделю. Чтобы не попасть в сложную ситуацию, компании нужно иметь в запасе горючее минимум на два или даже на шесть месяцев вперед.

А это значит, от десяти до тридцати таких емкостей. Стальные барабаны тяжелы, и поэтому они хранились, по всей вероятности, неподалеку, возможно, на расстоянии всего нескольких ярдов.

Торн медленно повернулся и осмотрелся. В ярком лунном свете все предметы вокруг имели очень четкие очертания.

За складом находилась открытая площадка, за которой росли высокие рододендроны, полностью скрывавшие тропинку к теннисному корту. Над кустарником изгородь поросла диким виноградом; слева стоял первый из коттеджей для рабочих. Док разглядел только его темную крышу. Справа от корта, ближе к складу, он увидел густую листву, но в ней светлело какое-то пятно...

Тропинка!

Торн прошел за склад. Здесь он обнаружил среди зарослей кустарника край распахнутой деревянной двери. Сарай! Вторая половина закрыта... Подойдя ближе, мужчина увидел торжественную металлическую надпись, покрытую облупившейся красной краской, но в лунном свете буквы казались черными.

ОСТОРОЖНО.

НЕ КУРИТЬ.

ЛЕГКО ВОСПЛАМЕНЯЮЩИЕСЯ МАТЕРИАЛЫ.

Док остановился и прислушался. Издалека доносился рев велосирапторов, но, казалось, они нахо-

дятся очень далеко, на холме. По какой-то неясной причине хищники не решались приближаться к поселку.

Торн подождал, с бьющимся от волнения сердцем вглядываясь в темную расщелину входа в сарай. В конце концов, он решился. В любом случае, им нужно горючее. И он нашел...

Тропинка к строению была еще мокрой от дождя, но внутри помещения — совершенно сухо. Через некоторое время его глаза привыкли к темноте. В тусклом свете мужчина разглядел дюжину проржавевших емкостей, стоящих вертикально. Еще три или четыре валялись на полу. Торн осмотрел их все, одну за одной. Пусто!

Все до одной пусты!

С глубоким разочарованием и ощущением краха шел док к выходу. Остановившись на мгновение, он услышал — а в этом не возникало никаких сомнений — чье-то дыхание, раздававшееся почти рядом с ним.

* * *

А в складе Ливайн переходил от окна к окну, пытаясь проследить за передвижением Торна. Его тело буквально дрожало от напряжения. Что делает док? Он отошел так далеко от здания... Это же так неразумно.

Ричард посматривал на входную дверь, сожалея, что не имеет права закрыть ее. Он не чувствовал себя в безопасности...

Вот док вошел в кусты и совершенно исчез из виду, отсутствуя довольно долго... Уже целую минуту или даже две...

Ученый всматривался в заросли, закусив губу. Он слышал отдаленный рев велосирапторов и понял — они остались там, у входа в трейлер. Животные не

последовали за мотоциклом... Но почему? Это казалось ему совершенно необъяснимым. Размышления над этим вопросом пришли как нельзя вовремя. Они почти успокоили его. Итак, почему полосатые твари остались там, наверху?

В голову приходили самые различные объяснения...

У хищников сохранились атавистические страхи перед лабораторией — местом их рождения... Они помнят свои клетки и не хотят снова быть пойманными. Но, скорее всего, наиболее правдоподобное решение — самое простое: территория вокруг лаборатории принадлежит каким-то другим животным и четко отмечена запахом. Велосирапторы боятся вступать на чужую землю. Даже тираннозавр, насколько ему помнится, прошел здесь довольно быстро, нигде не останавливаясь.

Но чья это территория?

Ливайн нетерпеливо выглядывал в окно, ожидая возвращения Торна.

— Как там насчет света? — крикнула Сара. — Мне он просто необходим.

— Минуточку, — отозвался Ричард.

* * *

Он слышал тихое похрапывание, похожее на лошадиное. Крупное животное... Ждет... Звук доносился откуда-то справа. Торн медленно повернул голову.

Никого нет... Над рабочим поселком ярко светит луна.

Док видел склад, насосы, темные очертания джипа. Правее — открытое пространство... Затем — заросли рододендронов. За ними располагается теннисный корт.

Кроме этого — ничего.

Торн продолжал свои наблюдения.

Тихое похрапывание не прекращалось. Оно звучало чуть громче легкого дуновения ветерка. Но ветра нет: листва деревьев и кустарников не колышется.

А может...

У дока возникло ощущение, довольно странное даже для самого себя: что-то не так... Что-то прямо у него перед глазами... Что-то такое, что он одновременно и видит, и не видит...

Торну начало казаться — у него обман зрения, ни больше, ни меньше. Вот почудилось какое-то едва заметное движение в кустах справа. Листья изменили свое положение. Немного сдвинулись, а затем снова застыли...

Но он не уверен... А вдруг просто померещилось?

Мужчина всматривался с все большим напряжением в окружающие его предметы. Чем дольше он это делал, тем больше убеждался: его внимание привлекают не заросли кустов, а забор за ними.

Большая часть его поросла беспорядочными побегами дикого винограда, но в нескольких местах сквозь эту зеленую стену проглядывали правильные многогранники металлической сетки. В них тоже присутствовало нечто странное. Ограда, казалось, двигалась; по ней пробегали какие-то мелкие волнообразные колебания.

Торн внимательно наблюдал за происходящим. «Возможно, забор ДЕЙСТВИТЕЛЬНО движется, — подумал он. — Может быть, какое-то мелкое животное запуталось в нем и теперь толкает его, пытаясь выбраться». Но такое объяснение почему-то не удовлетворяло наблюдателя.

Все-таки это что-то другое... Но что?!

Внезапно внутри помещения склада загорелись электрические лампы. Свет проникал сквозь зарешеченные окна, отбрасывая на поляну и на кусты у

теннисного корта геометрический узор из темных теней. И на какое-то мгновение — всего лишь на мгновение — Торну бросилось в глаза, что у зарослей рододендронов появились странные очертания, похожие на двух динозавров семи футов высотой, которые стоят бок о бок, вперив в него взгляды.

Их тела покрывал своеобразный рисунок из света и тени, позволявший им полностью сливаться с листвой кустарника и даже с изгородью теннисного корта.

Док растерялся.

Их мимикрия оказалась идеальной — даже слишком идеальной — до тех пор, пока свет из окон склада не выделил их из общей темноты.

Торн наблюдал, затаив дыхание. И тут он понял — узор из света и тени, напоминающий листву, покрывает только часть их тела, примерно до середины грудной клетки. Выше на коже животных появлялся «шахматный» узор из чередующихся многогранников, по типу сетки изгороди.

Но и этот сложный рисунок стал постепенно таять: Динозавры сделались молочно-белого цвета, а затем на их теле начали появляться темные вертикальные полосы, в точности копировавшие тени, отбрасываемые оконными переплетами.

Прямо на глазах у изумленного наблюдателя ящеры вновь исчезли. Напрягая зрение изо всех сил, всматриваясь что есть мочи в то место, где он только что видел их фигуры, Торн едва смог различить очертания их тел. Он никогда бы не заметил их, если бы уже не знал о присутствии динозавров рядом с собой.

«Господи! Хамелеоны!» — пронеслось молнией в голове человека. Но такими способностями к мимикрии не обладала ни одна тварь из всех известных человечеству!

Очень медленно и осторожно Торн возвратился в сарай.

* * *

— Боже мой! — воскликнул Ливайн, выглянув в окно.

— Извини, — сухо произнесла Сара. — Но я вынуждена включить свет. Мальчику нужна помощь... Я не могу делать это в темноте.

Однако Ричард, казалось, не слышал ее. Он смотрел в окно, пытаясь осмыслить увиденное. Теперь до него дошла суть, истинная суть того, что он заметил в день убийства Диего. Ему вспомнилось то ощущение чего-то странного и непонятного, длившегося всего одно короткое мгновение... Теперь ученый знал истину! Но это выходило за пределы всего того, что известно людям о наземных животных и...

— Что случилось? — поинтересовалась Сара, тоже приближаясь к окну. — Что-нибудь с Торном?

— Посмотри, — ответил, чуть заикаясь, Ричард.

Хардинг взглянула сквозь решетку.

— Ну и что? Кусты как кусты... Что ты хочешь, чтобы я...

— СМОТРИ! — настаивал мужчина.

Она еще с минуту всматривалась в темноту, затем отрицательно покачала головой.

— Мне очень жаль, но...

— Посмотри вначале на нижнюю часть кустарника, — с дрожью в голосе произнес Ливайн. — Затем медленно подними глаза вверх... Просто посмотри... и ты увидишь очертания.

Он услышал ее разочарованный вздох.

— Извини...

— Тогда выключи свет, — предложил мужчина, — и ты увидишь...

Хардинг погасила лампы, и в течение какого-то мгновения Ричард очень отчетливо видел очертания двух животных, их бледные, практически белые, тела с вертикальными полосами, резко выделяющимися в лунном свете. Но почти сразу узор начал блекнуть.

Возвратилась Сара, стала рядом с ним и на этот раз с первого взгляда заметила неведомых тварей.

— Нет, черт побери! — воскликнула она. — Их, что, двое там?

— Да... Бок о бок...

— И... Узор исчезает...

— Да... И очень быстро.

Постепенно полосатый рисунок на коже существ изменился и стал имитировать листву рододендронов за ними. Оба динозавра снова стали невидимыми.

Но подобный весьма сложный характер мимикрии возможен только в том случае, если слои эпидермиса у них имеют строение, сходное с хроматофорами морских беспозвоночных. Точность рисунка, скорость изменений — все указывает на...

Биолог нахмурилась.

— Что это за существа?

— Совершенно очевидно — это хамелеоны, не имеющие себе равных в способности к мимикрии. Хотя и не уверен, что их можно так называть. Настоящие хамелеоны, в техническом отношении, имеют куда более скромные возможности.

— И все-таки... Что это за существа? — настаивала Хардинг.

— Вероятно, их можно отнести к Carnotaurus sastrei... Вид из Патагонии... Два метра высотой, запоминающаяся форма головы... Ты не обратила внимания на их короткие бульдожьи морды и на пару

больших рогов над глазами? Почти напоминающие крылья...

— Они — хищники?

— Да, конечно, они...

— Где Торн?!

— Он прошел в те заросли кустарника, справа... Несколько минут назад... Я его не видел, но...

— Что нам теперь делать?

— Делать? — переспросил Ливайн. — Мне кажется, я не совсем тебя понял...

— Мы должны что-то сделать, — очень медленно, выделяя каждое слово, произнесла женщина, словно объясняя очевидное ребенку. — Мы должны помочь Торну. Его нужно вернуть назад...

— Прямо ума не приложу, каким образом это возможно, — ответил Ричард. — Каждое из этих животных весит около пятисот фунтов... Их двое... Просил же его не выходить на улицу! А теперь...

Сара нахмурилась. Выглянув в окно, она произнесла:

— Пойди, выключи свет!

— Я бы предпочел...

— Иди и выключи свет!

Ливайн раздраженно подчинился.

В душе он наслаждался своим открытием. Ведь доселе никто и не предполагал о подобной особенности динозавров. Хотя определенные соответствия и имелись у родственных позвоночных животных...

Но эта женщина! Привыкла повсюду демонстрировать свою силу и несгибаемость! Отдает ему приказания, да еще в столь грубой форме... Это оскорбляет его до глубины души...

В конце концов, не такой уж она и великий специалист! Всего лишь натуралистка... Практика, не подкрепленная теорией... Одна из тех, кто повсюду лезет со всей этой чепухой о животных и полагает

при этом, что занимается оригинальными исследованиями. Приятное времяпровождение на свежем воздухе — вот и все, к чему это сводится. Ни в коем случае данные занятия нельзя называть наукой!..

— Включай! — крикнула Сара от окна.

Он зажег свет и вновь направился к ней.

— Выключи!

Мужчина поспешил назад и повернул выключатель.

— Включи!

Он снова выполнил требование Хардинг.

Сара отошла от окна и зашагала по комнате.

— Им это не нравится... — произнесла она, не останавливаясь. — Их это беспокоит.

— Возможно, у них существует рефлекторный период...

— Согласна... Вот... Открой это... и приведи в готовность...

Женщина взяла сигнальные фонари с одной из полок, протянула их Ливайну, а с соседней — несколько батареек.

— Надеюсь, что они еще работоспособны.

— И что же ты собираешься предпринимать?

— Мы... — мрачно подчеркнула она. — Мы собираемся...

* * *

Торн стоял в темноте сарая и вглядывался в приоткрытую дверь.

Кто-то включил и выключил свет на складе. Затем в течение какого-то времени лампы продолжали гореть, а потом — погасли. Теперь пространство вокруг сарая освещала только луна.

Док услышал тихий шорох, едва различимые звуки движения. До него снова донесся звук дыхания.

И тут он увидел двух динозавров, передвигавшихся на задних лапах. Узор на коже животных изменялся по мере их перемещения, что создавало трудности для наблюдателя. Не возникало никаких сомнений — они приближаются к сараю.

Вот твари подошли к самому входу. Их силуэты вырисовывались на фоне безоблачного неба, и теперь Торн смог, наконец-то, отчетливо видеть своих преследователей.

Они походили на маленьких тираннозавров, за исключением того, что над глазами у них имелись заметные выступы, а передние конечности — чрезвычайно короткие, словно обрубки. Хищники наклонили квадратные головы и осторожно заглянули в сарай. Принюхиваясь, они втягивали в себя воздух. Их хвосты медленно покачивались вверх-вниз.

Твари оказались слишком велики, чтобы войти внутрь, и какое-то время Торн лелеял надежду, что они не станут и пытаться. Но затем первый из них наклонил голову, зарычал и сделал шаг вперед.

Мужчина затаил дыхание, пытаясь придумать что-нибудь, но ничего не приходило на ум. Животные действовали с завидной методичностью: первый динозавр отошел в сторону, чтобы освободить место для второго.

Внезапно у склада задвигалось с полдюжины ярких огней, обдавая ящеров потоками света. Они медленно перемещались взад-вперед совершенно хаотически, напоминая множество прожекторов.

Динозавры стали очень хорошо видны, что крайне не понравилось им. Они зарычали и попытались выйти из полосы света, но лучи, казалось, охватили все пространство вокруг, выискивая прячущихся от них тварей и безнаказанно ощупывая их тела. Снопы света поднимались по торсам животных, и кожа

ящеров бледнела в ответ на это перемещение. На их огромных тушах то возникали белые полосы, то исчезали, сменяясь темными, а те снова приобретали белый цвет.

Лучи ни на мгновение не прекращали своего движения, за исключением тех моментов, когда выхватывали из темноты морды тварей и светили им в глаза. Тогда большие зрачки начинали резко сужаться под крылообразными наростами; животные начинали дергать головами, мотая так, словно пытались отогнать каких-то незримых насекомых.

Динозавры приходили во все большее возбуждение. Они повернулись, вышли из сарая и громко заревели на движущиеся огни. Но лучи света не прекращали двигаться, неумолимо перемещаясь взад-вперед в ночной темноте. Характер их движения был сложным и непредсказуемым.

Твари заревели снова и сделали угрожающий выпад в сторону источника этого беспокойства для них. Но они совершили это как-то нерешительно. Им явно не нравилось находиться рядом с мечущимися лучами света.

Секундой позже динозавры начали отступать, но яркие «клинки» преследовали их, прогоняя все дальше и дальше, за теннисный корт.

Торн прошел вперед и услышал голос Сары:

— Док? Лучше уйдем отсюда, пока они не решили вернуться.

Мужчина поспешно направился в сторону источника света и обнаружил, что находится рядом с Ливайном и Хардинг, которые размахивают сигнальными фонарями.

Собравшись вместе, люди торопливо вернулись в помещение склада.

* * *

Войдя внутрь, Ричард захлопнул дверь и прислонился к ней, совершенно обессилев.

— Я никогда в жизни так не боялся...

— Послушай, — холодно сказала Сара. — Возьми себя в руки!

Биолог прошла по помещению и положила фонари на стойку.

— Выходить отсюда — сущее безумие, — растерянно произнес Ричард, вытирая пот со лба. Он весь дрожал, рубашка взмокла...

— Да, мы совершили рискованную вылазку, — согласилась женщина и повернулась к Торну: — Ты заметил, что у этих животных есть определенный рефлекторный период в ходе кожного реагирования... Если сравнить с осьминогом, то у них он значительно быстрее, но все-таки есть. Мое предположение заключается в том, что данные динозавры похожи на других животных, зависящих от своих способностей маскировки. Они, по своей сути, принадлежат к тем особям, которые действуют из засады. Поэтому эти ящеры не бывают особенно активны или быстры... «Невидимки» часами неподвижно простаивают, слившись с окружающей растительностью, и ждут, не пробежит ли мимо какая-нибудь ничего не подозревающая жертва. Но когда им приходится приспосабливаться к новым условиям освещения, твари понимают, что утратили свою способность прятаться. Они начинают нервничать... Стоит их возбуждению достигнуть определенной точки — динозавры убегают... Этим мы и воспользовались.

Ливайн повернулся и злобно уставился на Торна.

— И все по твоей вине! Если бы ты не вышел на свою проклятую прогулку...

— Ричард, — оборвала его Хардинг, — нам нужно горючее. В противном случае мы никогда отсюда не выберемся. Разве ты не хочешь уехать с острова?

Ученый ничего не ответил, страшно рассердившись на всех и вся.

— Но, как бы то ни было, — заметил док, — в сарае горючего не оказалось...

— Эй, вы! — закричала Сара. — Посмотрите, кто здесь!

* * *

Подошел Арби, опираясь на руку Келли. Он успел переодеться в одежду, найденную на складе: в трусы и майку с надписью «Биоинженерные лаборатории» и ниже «Мы создаем будущее».

На лице у него красовался огромный синяк прямо под глазом, а рану на лбу ему уже забинтовали. Руки и ноги покрывали многочисленные кровоподтеки. Но он мог передвигаться и даже пытался улыбаться.

— Как чувствуешь себя, сынок? — улыбнувшись, спросил Торн.

— Знаете, чего мне сейчас хочется больше всего на свете? — произнес мальчик.

— Ну и чего же?

— Кока-колы и много-много аспирина, — негромко сказал Арби.

* * *

Сара склонилась над Малкольмом, который что-то тихо напевал, уставившись в потолок.

— Как мальчик? — поинтересовался он.

— С ним все будет в порядке.

— Ему нужен морфий? — заинтересованно спросил математик.

— Думаю, нет...

— Хорошо, — радостно произнес Иан и начал закатывать рукав рубашки.

* * *

Торн вычистил микроволновую печь и разогрел в ней консервированную говядину. Он также отыскал упаковку бумажных тарелок, разрисованных в типичной для праздника Хэллоуин манере, тыквами и летучими мышами. Дети с жадностью набросились на еду.

Док подал говядину Саре и повернулся к Ливайну:

— Как насчет того, чтобы перекусить?

— Не хочу.

Торн пожал плечами.

Подошел Арби с пустой тарелкой.

— А можно еще?

— Конечно, сынок! — отозвался док и отдал свою порцию.

* * *

Ливайн подошел к Малкольму, присел рядом и сказал:

— Ну, что ж... Мы были правы, по крайней мере, в одном: остров и в самом деле — затерянный мир с первозданной экологией.

— Ты решил пошутить? — Иан взглянул на него, приподняв голову со своего ложа. — А как же мертвые апатозавры?

— Да, об этом я не подумал... Но ведь совершенно очевидно, что они стали жертвами велосирапторов. А затем хищники...

— И что же затем сделали хищники? — с иронией поинтересовался математик. — Притащили их в свое гнездо? Да эти животные весят сотни тонн, Ричард... Даже сто велосирапторов не смогли бы их

утащить. Нет, нет... – он вздохнул. – Останки, должно быть, вынесло течением к излучине реки и выбросило на берег... А динозавры-«полосатики» устроили свое гнездовье в том месте, где уже имелись запасы пищи. Ведь прямо перед пастью – мертвые апатозавры...

– Ну, такое возможно...

– Но откуда так много трупов травоядных, Ричард? Почему никто из животных не достигает зрелого возраста? И почему на острове так много хищников?

– Нам нужно больше данных... – начал Ливайн.

– Нет, не нужно, – отрезал Малкольм. – Ты что, не был в лаборатории? Мы уже знаем ответ...

– И каков же он? – раздраженно поинтересовался ученый-палеонтолог.

– Прионы, – коротко произнес Иан, закрывая глаза.

Ливайн нахмурился.

– Прионы? Что это такое?

Малкольм тяжело вздохнул.

– Иан, – настаивал палеонтолог, – объясни: что такое прионы?

– Уходи! – тихо произнес математик и махнул безнадежно рукой.

* * *

Арби дремал в углу, свернувшись калачиком. Торн свернул рубашку и положил ее мальчику под голову. Тот что-то пробормотал во сне и улыбнулся.

Док встал и подошел к Саре, стоявшей у окна.

Небо начинало светлеть над верхушками деревьев, приобретая бледно-голубой оттенок.

– Сколько времени осталось до прилета вертолетов?

Мужчина посмотрел на часы.

— Наверное, час...

Женщина принялась мерить шагами помещение.

— Нам нужно где-то найти топливо. Если у нас будет бензин, мы сможем доехать на джипе до места посадки...

— Но его нет.

— Где-то должен быть... — Хардинг продолжала расхаживать по складу. — Ты осмотрел насосы?

— Да. Пусто!

— А внутри лаборатории?

— Не думаю...

— Где еще? А в трейлере?

Торн отрицательно покачал головой.

— Остался только прицепной фургон... Запасной генератор и несколько емкостей с горючим находились в первом трейлере... В том, который рухнул со скалы.

— Но не исключено ведь, что бензин остался цел во время падения... У нас есть мотоцикл... Я бы смогла съездить туда и...

— Сара!

— Стоит попробовать!

— Сара...

Стоящий у окна Ливайн тихо произнес:

— Выше голову... У нас гости.

ЗАБОТЛИВАЯ МАТЬ

В предрассветных лучах восходящего солнца шесть динозавров вышли из кустов и направились прямиком к джипу. Они двигались, словно танки, — большие, коричневые, утконосые, в пятнадцать футов высотой, с изогнутыми мордами.

— Майязавры! — удивился Ливайн. — Даже не подозревал, что они есть здесь.

— Зачем? Что им нужно?

Огромные животные собрались вокруг машины и сразу же начали разносить ее на части. Один содрал брезентовый верх, другой раскачивал автомобиль из стороны в сторону.

— Не понимаю, — произнес Ричард. — Они же — хадрозавры... Травоядные... Подобная агрессивность для них совсем нехарактерна.

— Ого-о! — выдохнул Торн.

Прямо у них на глазах майязавры перевернули машину, которая с грохотом упала на бок. Одна из взрослых особей встала на дыбы и опустилась на боковые панели. Ее огромные лапы проткнули металл обшивки.

Когда автомобиль падал, из салона вывалились две пенопластовые упаковки. Все внимание динозавров теперь, казалось, сконцентрировалось на этих пакетах. Они кусали пластик, разбрасывая по земле белые куски. Животные двигались торопливо, с каким-то неистовством.

— Какая-нибудь еда? — предположил Ливайн. — Приманка для динозавров? Что там?

Затем верхняя часть одной из коробок оторвалась, и все увидели внутри разбитое яйцо. Из него торчали кусочки морщинистой кожи. Майязавры замедлили свои движения, стали ступать осторожно и даже нежно. Они издавали трубные звуки и мычали. Теперь огромные тела животных закрывали происходящее от находившихся на складе людей.

Послышался писк.

— Ну и шутки! — воскликнул Ричард.

На земле шевелилось крошечное существо. Его тельце было бледно-коричневым, почти белым. Оно

попыталось встать, но тут же снова шлепнулось в траву. Детеныш едва достигал фута в длину, вокруг шеи у него нависали морщинистые складки кожи. Через мгновение второй малыш вывалился рядом с ним из другого яйца.

Хардинг вздохнула.

Один из майязавров опустил вниз свою огромную голову и нежным, осторожным движением перенес малыша на свой широкий клюв. Затем животное широко приоткрыло рот — малыш соскользнул на язык, спокойно уселся и лишь оглядывался по сторонам, пока его поднимали вверх.

Подобрали и второго динозаврика.

Взрослые особи топтались какое-то время на месте, словно обдумывая дальнейшие действия, а затем с громкими трубными звуками удалились, оставив после себя разбитый, растоптанный автомобиль.

— Полагаю, проблема горючего решена, — грустно заметил Торн.

— Несомненно, — согласилась Сара.

* * *

Док рассматривал обломки джипа, качая головой.

— Это похуже, чем после автокатастрофы, — сказал он. — Теперь машина выглядит так, словно побывала под прессом. Да-а, его изготовители не предусмотрели нагрузок подобного рода.

— Естественно, инженеры в Детройте не могли предполагать, что на него наступит животное в пять тонн весом, — проворчал Ливайн.

— Знаешь ли, — заметил Торн, — хотел бы я посмотреть, как бы наш «Форд» выдержал все это.

— Хочешь сказать, мы ее достаточно укрепили?

— Да, — сказал док, — мы, действительно, исходили из того, что автомобиль должен выдерживать фантастическую нагрузку... Грандиознейшую... «Обкатали» его конструкцию на множестве компьютерных программ, добавили эти сотовые панели, все...

— Минутку, — прервала его Хардинг, отвернувшись от окна. — О чем вы говорите?

— О другой машине, — отозвался Торн.

— О чем, о чем?!

— Об автомобиле, который мы привезли сюда, — сказал он. — Об «Эксплореде»...

— Конечно же! — воскликнула женщина с внезапным волнением в голосе. — У нас есть еще одна машина! Я об этом совершенно забыла! «Форд-Эксплоред»!

— Да, но это уже только история, — прервал ее восторги док. — Ночью, когда я возвращался в трейлер, в ней произошло короткое замыкание.

— Вот как? Но, может быть, она все еще...

— Нет! — твердо сказал Торн, отрицательно качая головой. — Это — электромобиль... С ним все кончено.

— Странно, что у вас не стоял автоматический выключатель для подобной ситуации.

— Ну, мы их никогда не включали в данную конструкцию, хотя в этом последнем варианте... — он запнулся и затряс отрицательно головой. — Нет! Я не могу в это поверить!

— Итак, стоит в «Форде» автомат или нет?

— Да! Эдди поставил его буквально в последнюю минуту.

— Из этого следует, что «Эксплоредом» можно пользоваться?

— Да, вероятно... Если, конечно, заменить автоматический выключатель.

— Где автомобиль? — резко спросила Сара, бегом направляясь к мотоциклу.

— Я оставил его на боковой дороге, которая идет от горной тропы к наблюдательному пункту. Но, Сара...

— Это — наш единственный шанс.

Хардинг надела наушники с микрофоном, подключила их к рации на поясе и покатила свою двухколесную «лошадку» к двери.

— Держите со мной связь... Я найду нашу машину.

Все наблюдали за ней в окно. В лучах утренней зари она уселась на мотоцикл, который с ревом понесся вверх по холму.

Ливайн следил за удаляющейся женской фигуркой.

— У нее есть хоть какие-то шансы?

Торн ничего не сказал, а просто отрицательно покачал головой.

* * *

В динамике рации раздался щелчок.

— Док?

— Да, Сара...

— Я еду вверх по холму. Вижу... Их шестеро.

— Велосирапторов?!

— Да. Они у... Послушай, я попробую проехать по другой дороге. Вижу...

Снова раздался щелчок.

— Сара?

Связь оборвалась.

— ... здесь что-то типа охотничьей тропы... Я думаю, мне лучше...

— Сара, тебя плохо слышно.

— Ну, ладно... По... желайте мне удачи...

В динамике раздался гул мотоцикла. Затем они услышали какой-то другой звук, который мог быть как ревом разъяренного животного, так и чем-то совершенно иным.

Торн наклонился и прижал рацию к самому уху. Внезапно снова прозвучал щелчок — и все замолкло.

— Сара? — произнес док.

Ответа не последовало.

— Возможно, она ее выключила, — предположил Ливайн.

Торн покачал головой.

— Сара?

Тишина.

— Сара? Ты где?

Ответа нет.

— О, черт! — выругался док.

* * *

Время шло очень медленно.

Ливайн стоял у окна, глядя на улицу. Келли посапывала в уголке. Арби спал рядом с Малкольмом, который напевал что-то нечленораздельное.

Торн сидел на полу в центре помещения, прислонившись к стойке с кассовым аппаратом. То и дело он поднимал рацию и пытался вызвать Хардинг, но не получал никакого ответа. Док перебрал все шесть каналов связи. По всем — тишина.

Через какое-то время Торн оставил эти безнадежные попытки.

* * *

В динамике рации раздался голос:

— ...ижу эти проклятые штуки. Никогда не работают по-человечески... — молчание. — Не могу понять, что... эти... штуки... Черт!

В противоположном конце помещения вскочил Ричард.

Торн схватил рацию.

– Сара? САРА?

– Наконец-то! – хрипловато воскликнула она. – Где, черт побери, тебя носит, док?!

– С тобой все в порядке?

– Конечно.

– Что-то случилось с твоей рацией... Она отключилась?

– Неужели? Что же мне делать с ней?

– Попробуй поплотнее привинтить крышку в блоке с элементами питания. Возможно, она просто отошла.

– Я не об этом... Я хотела сказать, что мне делать с машиной...

– Что?!

– Я в «Эксплореде», док. Вернее, около него... Что мне делать?

Ливайн взглянул на часы.

– Осталось двадцать минут до прибытия вертолета... Знаешь, ведь она, действительно, может теперь до конца довести это дело.

ДОДЖСОН

Льюис проснулся на бетонном полу сарая, чувствуя сильнейшую боль во всем окоченевшем теле. Он встал на ноги и выглянул в окно. На бледно-синем небе выделялись полоски красного цвета. Доджсон открыл дверь и вышел.

Он испытывал мучительную жажду и ломоту в каждой клеточке тела. Секунду помедлив, он напра-

вился к густым зарослям деревьев. Джунгли были объяты внутренней тишиной. Ему необходима вода! Больше всего на свете — вода! Где-то слева Льюис слышал журчание ручья или маленькой речки. Скорее туда!

Сквозь кроны деревьев он видел, как светлеет небо. Но Доджсон твердо знал, что Малкольм со своей группой все еще здесь, на острове, и у них, наверняка, есть какой-то план того, как выбраться отсюда. А если смогут уехать они, то и он — тоже.

Мужчина поднялся на небольшую возвышенность и бросил взгляд вниз, на долину и реку, протекавшую по ней. Он поспешил туда, размышляя о том, насколько может быть загрязнена вода. Но потом решил, что это не так уж и важно. У самого берега Льюис зацепился за лиану и упал на землю, проклиная все на свете.

Он встал и оглянулся... «Господи! Это же не ползучее растение... Ремень... Ремень от зеленого рюкзака...» — мелькнула радостная мысль.

Доджсон потянул за лямку, и с дерева соскользнул вещмешок, разорванный и покрытый засохшей кровью. Как только он взял находку в руки, все содержимое вывалилось в папоротники. Над выпавшими вещами тут же закружили мухи.

Увидев среди зелени упавшую камеру, металлическую коробку для продуктов и пластиковую бутылку с водой, Льюис поспешно исследовал папоротники вокруг, но больше ничего существенного не нашел, кроме нескольких размокших шоколадных батончиков.

Он выпил воды и понял, что проголодался. Затем вскрыл коробку, надеясь найти что-нибудь съедобное, но она оказалась пуста. Вернее, не имелось еды, но лежала пенопластовая упаковка.

А в ней — рация.

Доджсон включил ее. Ярко засияли индикаторы заряда батарей. Он переключил устройство для связи с одного канала на другой, третий, но не услышал ничего, кроме характерного шума.

И вдруг совершенно неожиданно раздался мужской голос:

— Сара... Это — Торн. Сара?

Спустя мгновение ответила женщина:

— Док, ты слышал, что я сказала? Повторяю: уже нахожусь у машины.

Льюис слушал этот разговор в эфире и улыбался: «Итак, у них есть автомобиль...»

* * *

В помещении склада Торн по рации разговаривал с Хардинг.

— Хорошо... Сара? Слушай внимательно... Садись в «Эксплоред» и делай то, что я буду говорить тебе...

— Ладно, — отозвалась женщина. — Но вначале ответь мне на один вопрос... Ливайн там?

— Да, рядом.

— Спроси его, опасен ли зеленый динозавр шести футов высотой с выпуклым лбом?

Ричард кивнул.

— Передавай — опасен. Это — пахицефалозавр.

— Говорит, что опасен... Он — пахицефало... ну, в общем, что-то такое... Тебе следует быть осторожней. А что случилось?

— Дело в том... Просто этих зеленых тварей собралось около пятидесяти, и они окружили «Форд».

«Форд» находился в середине затененной деревьями части дороги. Автомобиль остановился сразу после того, как миновал яму, в которой ночью, по всей видимости, было полно воды. Теперь лужа превратилась в какую-то кашу из грязи благодаря примерно дюжине животных, сидевших и плескавшихся в ней; они также пили из этого грязного водоема и катались по земле рядом с ним.

Хардинг уже в течение нескольких минут наблюдала за этими зелеными тварями с куполообразными лбами, пытаясь решить, как же ей следует поступить. Ведь они толпились не только около своего «бассейна» из грязи, но и со всех сторон окружали машину.

Сара с тревогой смотрела на купание пахицефалозавров. Она много времени провела в обществе диких животных, но обычно биолог неплохо разбиралась в мотивах их поведения и знала, на какое расстояние можно приближаться и как себя вести по отношению к ним. Если перед ней находилось стадо антилоп гну, женщина без всяких колебаний подходила к представителям данного вида; если же перед глазами — стадо американских буйволов, то Хардинг проявляла определенную осторожность... Но как быть в сложившейся сейчас ситуации?

Она приблизила микрофон ко рту и спросила:

— Сколько времени осталось?

— Двадцать минут.

— Тогда мне придется пробираться сквозь стадо. Есть какие-нибудь идеи на сей счет?

Возникла пауза, затем Торн произнес:

— Ливайн говорит, что никто ничего не знает об этих животных...

— Великолепно!

— Ричард говорит — никто никогда не находил их полного скелета. Поэтому никто не строил гипотез по поводу особенностей их поведения за исключением того, что они, вероятно, — агрессивны.

— Потрясающе! — с сарказмом отозвалась Сара.

Она всматривалась в сцену, разыгравшуюся перед ней, и на нависшие над дорогой деревья. Машина находилась в тенистом, тихом и мирном месте, освещенном лучами восходящего солнца.

В динамике рации вновь раздался щелчок.

— Ливайн говорит, что ты можешь попробовать медленно пройти внутрь стада и посмотреть, пропустят ли они тебя. Но не делай резких и неожиданных движений и жестов!

Хардинг посмотрела еще раз на животных и подумала: «Неспроста у них такие куполообразные лбы...»

— Нет уж, спасибо, — ответила она Торну. — Я попробую придумать что-нибудь другое.

— Но что?!

* * *

Ливайн поинтересовался у дока:

— Что она сказала?

— Говорит, что попробует что-нибудь придумать...

— Придумать?

Ричард подошел к окну и выглянул на улицу. Небо светлело.

Мужчина нахмурился... С этим светом, несомненно, что-то связано, что-то такое, о чем он догадывается где-то в глубине своего сознания, но решение ускользает от него.

Что-то, связанное с дневным освещением...

...и территорией...

Территорией.

Ливайн снова взглянул на небо, пытаясь связать воедино свои ассоциации. Ну и что из того, что рассветает? Он покачал головой, на мгновение отбросил от себя эти мысли...

— Сколько времени занимает смена автоматических предохранителей?

— Минуту или две, — недоуменно ответил док.

— Тогда, возможно, еще есть запас, — рассудил Ричард.

Неожиданно заработала рация:

— Ну, вот... Я — над машиной.

— Где?!

— Над машиной, — повторила Сара. — На дереве...

* * *

Хардинг перелезла на ветку потолще, продвинувшись от ствола, так как почувствовала, что он сгибается под тяжестью ее тела.

Теперь Сара находилась на высоте десяти футов над автомобилем и могла спуститься еще ниже. Некоторые из животных внизу поднимали головы и смотрели на нее. Стадо заметно забеспокоилось. Особи, сидевшие в грязи, вставали и начинали топтаться на одном месте. Женщина видела, как энергично и нервно они размахивают хвостами.

Хардинг продвинулась еще немного вперед — ветка наклонилась ниже; она была очень скользкой из-за дождя, прошедшего ночью. Сара попыталась устроиться так, чтобы находиться прямо над машиной, которая выглядела превосходно. Даже не скажешь, что она перенесла аварию.

Внезапно одна из тварей бросилась к стволу дерева, на котором сидела биолог, и сильно ударила по нему головой. Толчок оказался удивительно мощным.

Зеленое убежище закачалось, ветка, на которой сидела Сара, тоже заколебалась вверх-вниз, а женщина в это время изо всех сил пыталась удержаться и не упасть на землю.

«Черт, черт, черт!» — проклинала в душе ситуацию Хардинг.

Она взлетела вверх, затем опустилась вниз и... потеряла равновесие. Ветка выскользнула из-под нее. Ее руки не смогли ухватиться за влажную листву, и биолог упала. В последний миг она поняла, что летит не на автомобиль... а прямо в густую липкую грязь.

Хардинг приземлилась прямо рядом с пахицефалозаврами.

* * *

Щелчок в динамике рации.

— Сара?

Ответа не последовало.

— Что она там делает? — Ливайн начал нервно мерить шагами помещение. — Хотелось бы мне видеть, чем она там занимается...

Келли проснулась в своем уголке и стала протирать глаза.

— Почему вы не воспользуетесь видео?

— Каким видео? — удивленно спросил Торн.

Девочка указала на кассовый аппарат.

— Это же компьютер?

— Да, в самом деле...

— Ну, вот...

Келли зевнула, усаживаясь на стул рядом с кассой. Она напоминала «немой» терминал, что означало — через него вряд ли можно получить доступ к чему-либо существенному, но попробовать стоило.

Девочка включила аппарат. Ничего не последовало. Кертис несколько раз щелкнула тумблером — никакого результата. Случайно качнув ногой, она зацепилась за провод под столом. Наклонившись, Келли увидела, что терминал выключен из общей сети. «Что ж, одну секунду...» — мелькнуло в голове.

Экран засветился, на нем появилось единственное слово:

LOGIN.

Для того, чтобы продолжать, необходимо ввести пароль. Арби знал его... Она бросила взгляд на мальчика, но тот еще крепко спал. Ей не хотелось будить его.

Келли вспомнила, как когда-то он записал пароль на клочке бумаги и положил его к себе в карман. Может быть, записка все еще там, в одежде? Она прошла по помещению, нашла груду мокрого и грязного тряпья, бывшего некогда одеянием Арби, и принялась рыться в карманах. Очень скоро Кертис нашла кошелек, ключи от дома и что-то еще по мелочам, но кусочка бумаги не обнаруживалось. В конце концов, она отыскала записку в заднем кармане джинсов. Клочок вымок и вывалялся в грязи, паста расплылась, но все-таки удалось разобрать

VIG/&*849/

Девочка взяла бумажку, вернулась к компьютеру и, сверяясь с записью, внимательно ввела все знаки, нажав на клавишу возврата. Через какое-то время на экране появилось новое изображение. Это удивило девочку. Оно отличалось от того, которое она видела раньше, в трейлере.

Кертис вошла в систему, но все выглядело както по-другому. «Возможно, потому, что это — не радиосеть», — подумала девочка.

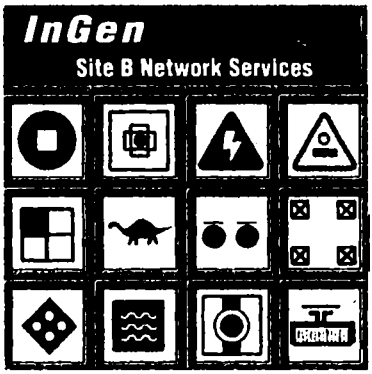
Должно быть, она попала в лабораторную систему. Здесь существовало больше графиков; скорее всего, влияла жесткая кабельная связь. Может быть, использовался даже волоконно-оптический кабель.

С противоположной стороны помещения раздался вопрос Ливайна:

— Келли? Как идут дела?

— Работаю...

Внимательно и осторожно девочка начала нажимать на клавиши. На экране один за другим возникали ряды символов.



Келли понимала — она смотрит на какой-то графический интерфейс, но значение символов ей абсолютно непонятно. Люди, пользовавшиеся этой системой, наверняка, знали значение данных значков. Но Кертис-то их не изучала ранее! Ей нужно каким-то образом выйти на видеосеть. Она перемещала курсор по экрану, пытаясь найти решение.

«Придется идти наобум», — наконец подумала девочка.

Келли выбрала знак ромба в левом нижнем углу и нажала клавишу.

— Ого-го! — произнесла она испуганно.

Ливайн посмотрел в ее сторону.

— Что-нибудь не так?

— Нет, нет... Все в порядке.

Нажатием клавиши Кертис снова вернулась к предыдущему изображению. На этот раз она решила попытать счастья, используя один из треугольных символов.

«Картинка» на экране снова изменилась.

«Вот оно!» — подумала Келли.

Ряды знаков исчезли, и появилось реальное видеоизображение. На этом примитивном мониторе все оказалось крошечным, но теперь девочка знала алгоритм действий. Быстро перемещая курсор, она принялась манипулировать «картинками» на экране.

– Что вы ищете? – спросила она у мужчин.

– «Эксплоред», – ответил Торн.

Кертис нажала несколько клавиш подряд.

– Вот он!

– Ты обнаружила его?! – удивленно воскликнул Ричард.

Девочка с недоумением взглянула на него.

– Конечно. А что здесь удивительного?

Торн и Ливайн подошли к ней и уставились на экран через ее плечо. На затененной деревьями дороге они увидели «Форд» и множество топчущихся около него пахицефалозавров. Животные тыкали мордами в покрышки и в передние крылья. Сары поблизости не видно...

– Где же она? – поинтересовался Торн.

* * *

Хардинг лежала ничком на грязной дороге под машиной. Она заползла туда сразу же после своего падения с дерева – это оказалось единственное место, где женщина могла спрятаться, – и теперь наблюдала за десятками ног динозавров, топчущихся со всех сторон вокруг нее.

– Док, ты слышишь? Док? Док...

Но проклятая рация вновь отказала.

Пахицефалозавры топали ногами и храпели, пытаясь достать ее из-под автомобиля.

И тут она вспомнила слова Торна о крышке отсека с элементами питания. Она нащупала ее и плотно прижала пальцами.

Сразу же в наушниках послышался треск и шумы.

– Док? – позвала биолог.

– Где ты? – спросил Торн.

– Под машиной.

– Зачем? Ты уже пыталась?

– Что пыталась?

– Завести ее... Завести автомобиль...

– Нет, – ответила Сара. – Мне некогда... Я упала...

– Ну, что ж... Раз уж ты находишься под машиной, то проверь хоть тормоза, – посоветовал док.

– Что? Они разве под машиной?

– Некоторые из них – да. Взгляни там, у передних колес...

Она перевернулась, скользя животом по грязи.

– Смотрю.

– Под передним бампером есть коробка... Слева...

– Да, я вижу ее.

– Можешь открыть?

– Думаю, да...

Женщина проползла вперед и потянула за замок. Крышка отошла. Перед ней оказались три переключателя, и все они указывали вверх.

– Док? По-моему, я нашла автоматические выключатели... Все они повернуты в сторону передней части машины.

– Так... Ладно, черт с ними, с тормозами... Но такое положение тумблеров – полная бессмыслица! Ты можешь прочитать, что там написано?

– Да. Читаю... «15VV», а затем – «02R»...

– Хорошо... Теперь все понятно.

– Что именно?

– Коробка стоит задом наперед. Поставь все тумблеры в обратное положение... Ты не промокла?

– Насквозь, док. Я лежу в этой чертовой грязи.

– В таком случае, воспользуйся рукавом рубашки или чем-нибудь в этом роде...

Хардинг потянулась вперед и приблизилась к бамперу. Ближайшие к ней пахицефалозавры захрапели и нанесли несколько ударов по автомобилю. Они наклонились, вертя головами и пытаясь достать ее.

— У них кошмарно пахнет из пасти, — с отвращением заметила Сара.

— Что ты сказала?

— Чепуха, — она щелкнула всеми переключателями, в машине над ней послышался гул. — Ну, вот... Я все сделала... В автомобиле что-то зашумело...

— Это прекрасно, — отозвался Торн.

— Что мне теперь делать?

— Ничего... Подожди.

Хардинг снова улеглась в грязь и принялась смотреть на ноги пахицефалозавров. Они по-прежнему топтались вокруг нее.

— Сколько времени осталось? — поинтересовалась она.

— Около десяти минут.

— Я застряла здесь надолго, док.

— Знаю.

Сара взглянула на животных, которые со всех сторон окружали «Эксплоред». Казалось, с каждым мгновением они становятся все более активными и возбужденными. Твари топали ногами и сопели. Что их так завело?

И тут, совершенно внезапно, динозавры бросились бежать. Они неслись вверх по дороге мимо автомобиля. Сара перевернулась и стала наблюдать за их ретирадой.

Наступила тишина.

— Док? — позвала она.

— Ну?

— Почему они убежали?

— Меньше болтай!

И связь прервалась.

Женщина ждала, не понимая, что происходит. Она слышала какое-то напряжение в голосе Торна и не знала, как его объяснить...

Неожиданно Хардинг услышала негромкий звук шаркающих подошв и, взглянув вверх, увидела две ноги с водительской стороны «Форда».

Две ноги в грязных ботинках.

Мужских ботинках.

Женщина нахмурилась. Она сразу же узнала эту обувь, узнала и брюки цвета хаки, несмотря на то, что все сейчас покрывала грязь.

Это — Доджсон.

Ботинки повернулись мысами к дверце. Сара услышала, как щелкнул замок.

Доджсон садился в автомобиль.

Хардинг действовала так быстро, что даже не успела осмыслить собственные поступки. Она покатилась к тому краю машины, где находился Доджсон, протянула руку и схватила его за лодыжки, потянув на себя изо всех сил. Льюис упал, завопив от испуга и удивления. Он приземлился на спину и сразу же перевернулся на бок. Лицо перекосило гримасой злости и ненависти.

Доджсон увидел Сару и осклабился.

— Нет, сука! Не выйдет... А я-то уж размечтался... Думал, покончил с тобой навсегда, там, на судне...

Хардинг побагровела от ярости и стала выбираться из-под автомобиля. Льюис поднялся на колени к тому моменту, когда она наполовину вылезла из своего убежища...

Но тут женщина почувствовала, как земля содрогнулась и начала легонько раскачиваться. Она сразу же поняла, в чем дело, и увидела, как мужчина, взглянув через ее плечо, распластался ничком и

поспешно полез под «Эксплоред», пытаясь занять место рядом с ней.

Сара повернулась и устремила взгляд на дорогу, по которой по направлению к ним двигался тираннозавр. От каждого его шага содрогалась земля. Теперь Доджсон стремился пробраться в самую середину пространства под «Фордом» и прижимался к ней, но женщина не обращала на него никакого внимания. Она наблюдала за огромными ступнями с искривленными когтями, за их приближением к машине. Вот лапищи остановились рядом с ней. Каждая из них — в три фута длиной. Биолог услышала леденящий душу рев тираннозавра.

Хардинг взглянула на Доджсона. Его глаза наполнились неописуемым ужасом. Хищник стоял рядом с автомобилем. Казалось, он переминается с ноги на ногу.

Сара слышала, как животное втягивает воздух — принюхивается. Затем тираннозавр с ревом опустил голову, нижняя челюсть почти коснулась земли. Зверь снова принялся принюхиваться, медленно и долго втягивая воздух.

Он может найти их по запаху!

Находившийся рядом Доджсон не мог преодолеть охватившую его дрожь. Хардинг — наоборот — совершенно успокоилась, потому что знала, что нужно делать. Очень быстро она изменила свое положение, перевернувшись и передвинувшись таким образом, чтобы ее голова и плечи упирались в заднее колесо «Форда». Мужчина обернулся к ней, когда заметил, что своими ботинками Сара толкает его в икры, выталкивая таким образом из-под автомобиля.

В ужасе от происходящего Льюис попытался сопротивляться, стараясь сохранить свое место, но ее положение оказалось гораздо выгоднее. Дюйм за

дюймом его ботинки высовывались все дальше из-под «Эксплореда», и их освещали утренние холодные лучи солнца. Затем там же очутились его икры. Сара сконцентрировала на этих действиях все свои силы и энергию.

— Что ты делаешь, черт тебя побери?! — завизжал мужчина.

Она слышала рев тираннозавра и видела, как движутся его огромные лапы.

— Прекрати! — завопил Доджсон. — Ты что, с ума сошла?! Прекрати!

Но женщина и не подумала остановиться. Она приставила свою ногу к его плечу и толкнула еще раз изо всех сил. Какое-то время Льюис продолжал бороться с ней... И вдруг всякое сопротивление прекратилось. Его тело поползло, будто само по себе. Сара увидела, как тираннозавр зацепил зубами одежду Доджсона и тянет к себе.

Мужчина ухватился руками за ее ботинки, пытаясь либо удержаться, либо вытащить ее за собой. Тогда Сара со всего маху ударила его ногами в лицо. Руки Льюиса сразу ослабли, а его тело быстро заскользило из-под «Форда».

Хардинг видела искаженное ужасом, пепельного цвета лицо своего противника, открытый рот. Но Доджсон не произнес ни слова. Его пальцы царапали землю, глубоко погружаясь в грязь и оставляя после себя узкие канавки.

Наконец борьба завершилась. Тираннозавр выволок тело своей жертвы из-под автомобиля — и наступила странная тишина. Льюис перевернулся на спину и взглянул вверх.

Сара увидела, как опускается чудовищных размеров голова с разверстой пастью, и тут же услышала вопль человека, когда зубы животного сомкнулись на его теле.

* * *

Доджсон чувствовал, как высоко он поднимается... Все это время крик сам собой вырывался из его горла. Он прекрасно понимал, что в любое мгновение чудовище может сомкнуть свои челюсти — и все.

Но челюсти почему-то не смыкались.

Льюис ощущал резкую пронизывающую боль в обоих боках, но... челюсти не смыкались.

Продолжая кричать, Доджсон почувствовал, как его несут в джунгли. Верхние ветви деревьев хлестали его по лицу. Вихрем проносилось по его телу дыхание животного. Слюна тираннозавра стекала на нижнюю часть туловища человека.

Ему начало казаться, что еще несколько мгновений — и он умрет от этого кошмара.

Но челюсти динозавра не смыкались.

* * *

Находившиеся на складе люди не отрывали глаз от крошечного монитора и следили за тем, как тираннозавр уносил в своей пасти Доджсона. По рации до них доносились его отдаленные вопли.

— Ну, вот видите, — произнес Малкольм, — все-таки Бог есть.

Ливайн нахмурился.

— Но хищник не убил его, — он показал на экран. — Посмотрите, у него еще руки движутся... Но почему динозавр не прикончил Доджсона?

* * *

Сара Хардинг подождала, пока вопли утихли где-то вдали, потом вылезла из-под машины и поднялась, выпрямившись во весь рост. Затем она открыла дверцу «Форда» и уселась за руль. Ключ находился на месте; женщина взялась за него грязными пальцами и повернула.

Раздалось тихое урчание, за которым последовало завывание... Зажегся свет на приборном щитке. Затем наступила тишина. Но исправна ли машина?

Сара взялась за руль, который свободно повернулся. Колеса повторили движение «баранки». Значит, все в порядке...

— Док?

— Да, слушаю...

— Автомобиль исправен. Я возвращаюсь...

— Хорошо... Поторопись!

Заработала коробка передач... «Эксплоред» производил необычайно мало шума и двигался почти беззвучно. Именно поэтому она услышала едва различимое жужжание отдаленного вертолета.

УТРО

Сара ехала к поселку.

Она слышала, как набирает силу звук приближающегося вертолета. И вот он уже гудит у нее над головой, невидимый из-за густой листвы деревьев.

Хардинг открыла крышку верхнего люка и прислушалась. Ей показалось, что летательный аппарат забирает вправо от нее, к югу.

Заработала радиосвязь.

— Сара?

— Да, док.

— Послушай... Мы не можем никак связаться с вертолетом.

— Ясно, — она понимала, что требуется сейчас от нее. — Где место приземления?

— Южнее... Около мили отсюда... Там есть поляна. Поезжай по горной дороге.

Хардинг приближалась к развилке и видела, что подсказанный путь требует правого поворота.

– Понятно... Я еду.

– Скажи им, чтобы они подождали нас, – сказал Торн. – Затем приезжай и забери всех.

– У вас все в порядке?

– Все нормально.

Женщина проследовала по дороге, прислушиваясь к меняющемуся гулу вертолетного двигателя. Скорее всего, он уже приземляется. По негромкому рокоту она догадалась, что пилоты собираются заглушить мотор.

Дорога резко свернула налево. Звук работающего двигателя сделался глухим, трудно различимым.

Сара увеличила скорость, не обращая внимания на крутые виражи.

– Док, сколько времени они будут ждать?

– Не знаю... Ты уже видишь вертолет?

– Пока – нет, – спокойно отозвалась Хардинг.

* * *

Ливайн всматривался через окно в светлеющее небо. Красноватые полосы исчезли. Теперь оно приобрело ровную голубую окраску. Совершенно очевидно, что наступило утро.

Утро...

И тогда он все понял.

От внезапного озарения его даже пот прошиб. Он подошел к окну на противоположной стороне помещения и выглянул на теннисный корт. Ричард смотрел на то место, где ночью стояли карнотавры. Теперь их там не было.

Как раз то, чего он боялся...

– Плохо, – произнес ученый.

– Вот, только восемь часов, – сказал Торн, взглянув на часы.

— Сколько времени ей потребуется на то, чтобы добраться до вертолета? — поинтересовался Ливайн.

— Не знаю... Три или четыре минуты...

— А потом Саре нужно вернуться... Сколько уйдет на это?

— Еще пять минут...

— Надеюсь, мы продержимся все это время.

Он мрачно нахмурился.

— Почему ты так расстроен? — удивился Торн. — У нас все в порядке...

— Через несколько минут, — произнес Ричард, — там, снаружи, все будет освещено прямыми лучами солнца...

— Ну и что?!

Заработала рация.

— Док, — заговорила Сара, — я его вижу... Вижу вертолет!

* * *

Хардинг проехала последний поворот и увидела место приземления, увидела и сам вертолет, пропеллер которого продолжал вращаться.

Женщина заметила еще одну дорожную развязку впереди. Оттуда узкая тропа вела налево и вниз, то есть прямо на поляну.

Она отправилась по этому пути. Поверхность оказалась весьма неровной, отчего пришлось сбросить скорость. Сара снова въехала в джунгли и оказалась в густых зарослях. Дорога выровнялась. Хардинг миновала узкую речушку и после форсирования преграды смогла увеличить обороты двигателя.

Прямо перед ней показался просвет среди деревьев, за ним виднелась поляна, освещенная солнцем. Теперь она ясно видела вертолет. Его несущие винты начали вращаться быстрее — он готовился к взлету. За стеклом кабины Сара видела фигуру пило-

та в темных очках. Он сверил часы, кивнул головой помощнику — и летающая машина стала подниматься.

Хардинг принялась неистово сигналить и на предельной скорости понеслась вперед. Она прекрасно понимала, что летчики не могут слышать клаксон автомобиля. «Форд» дергался и подскакивал на ухабах.

— Что такое, Сара? Что происходит? — тревожно запрашивал Торн.

Не обращая внимания на вопросы дока, она мчалась вперед и, высунувшись из окна, кричала:

— Подождите! Подождите!

Но вертолет уже поднимался в воздух, исчезая из виду. Звук работающего двигателя стал удаляться, исчезая за скалистым барьером острова.

* * *

— Давайте постараемся сохранять спокойствие, — задумчиво произнес Ливайн, меряя шагами помещение склада. — Скажите ей, чтобы она немедленно возвращалась... И давайте постараемся держаться спокойнее...

Казалось, он беседует сам с собой.

Ричард ходил от одной стены к другой и всякий раз, подходя к окну, ударял кулаком по деревянной обшивке. При этом он мрачно качал головой.

— Скажите Саре, чтобы поторапливалась... Как вы думаете, она сможет вернуться за пять минут?

— Да, — ответил Торн, недоумевая. — А что такое? Что произошло, Ричард?

Ученый указал на окно.

— Дневной свет... Мы оказались в ловушке с наступлением дня...

— Да мы и были в ловушке... Причем в течение всей ночи, — возразил док. — Как-то ведь выжили...

— При дневном освещении это — совсем другое дело, — продолжал настаивать палеонтолог.

— Но почему?!

— Потому что, когда темнеет, — пояснил он, — это — территория карнотавров. Другие животные не заглядывают сюда... Прошлой ночью мы ведь не видели около склада никаких других живых существ. Но, как только наступает день, динозавры-хамелеоны не могут скрываться... По крайней мере, на открытом месте, под прямыми лучами солнца. Поэтому они уходят... С этого момента территория уже не принадлежит им.

— Что же все это значит?

Ливайн бросил взгляд на Келли поверх терминала. Он помолчал, словно не решаясь что-то сказать, а затем произнес:

— Просто поверьте мне на слово. Нам необходимо выбраться отсюда.

— И куда же мы отправимся?!

* * *

Келли сидела за клавиатурой компьютера и прислушивалась к беседе Торна с доктором Ливайном. Она мяла в руках кусочек бумаги с паролем Арби. Девочка очень нервничала. Интонации в голосе Ричарда все больше пугали ее. Ей так хотелось, чтобы Сара вернулась поскорее. Кертис знала, что чувствовала бы себя намного лучше, если бы Хардинг находилась рядом.

Девочка не хотела задумываться над той ситуацией, в которой они оказались. Она держала себя в руках, ей удавалось сохранять хоть какую-то надежду до прилета вертолета. Но теперь он улетел... И Келли заметила, что никто из взрослых не говорит ничего о его возвращении. Возможно, им что-то известно. Например, то, что он больше не вернется.

Доктор Ливайн говорит — им во что бы то ни стало нужно выбираться из склада. Торн интересуется, куда им направляться...

— Я бы предпочел вообще убраться с этого острова, — произнес Ричард, — но на данный момент не представляю, как это сделать. Поэтому предлагаю возвратиться в трейлер... Сейчас там — самое безопасное место.

«Назад, в трейлер», — задумалась девочка. Ей совсем не хотелось возвращаться туда...

Она хотела домой.

Келли напряженно разглаживала кусочек мокрой бумаги, лежащей рядом с ней на столе. Подошел доктор Ливайн и произнес:

— Прекрати бездельничать! Попробуй лучше отыскать Сару...

— Я хочу домой, — ответила на его предложение Кертис.

Палеонтолог вздохнул.

— Знаю, Келли... Мы все хотим домой.

И он отошел от нее, двигаясь быстро и нервно.

Девочка отбросила от себя бумажку, перевернула ее и засунула под клавиатуру на тот случай, если ей снова понадобится пароль. При этом она совершенно случайно заметила какую-то надпись на обратной стороне клочка. Келли снова вытащила этот обрывок из-под компьютера. Внимательно изучив бумагу, она увидела следующую запись:

Площадка «Б»

Восточное крыло	Охранный пост N 2
Лаборатория	Лодочная станция
Склад	Дорога у реки
Бензозаправочная станция	Дорога в скалах
Охранный пост N 1	Грузовой залив

Док на реке	Вход
Дорога через болото	Геотурбина
Вид на дорогу	Геостержень
Залив сборки	Трубопровод для горючего
Основная часть	Отопление
Рабочий поселок	Солнечная батарея N 1
Озеро/теннисный корт	Горная дорога
Неровная дорога	Загоны

Девочка сразу же поняла, что это — список из комнаты Ливайна. Он лежал в кармане Арби с тех пор, как он извлекал файлы из компьютера «Ин-Джен». Казалось, это происходило в какой-то другой жизни, миллионы лет назад. Но ведь все случилось каких-нибудь... дня два назад.

Она вспомнила, как гордился Арби, когда ему удалось получить данные. Кертис вспомнила также об их совместных попытках разобраться в данном списке. Теперь, конечно, все названия стали понятны; это наименования различных мест: лаборатории, рабочего поселка, склада, бензозаправочной станции...

Девочка внимательно всматривалась в бумагу, изучая еще раз знакомые обозначения.

«НУ И НУ!» — вдруг подумала она.

— Доктор Торн, — обратилась Келли к доку, — посмотрите-ка сюда.

* * *

Мужчина взглянул на список.

— Вот, здесь написано «лодочная станция»...

— Ты можешь найти ее, Келли?

— Вы имеете в виду, найти по видео? — она пожала плечами. — Попробую.

— Попытайся, — попросил Торн и бросил взгляд на Ливайна, находившегося на противоположной стороне помещения. Ричард продолжал постукивать кулаком по стене.

Док взял рацию.

— Сара?

— Док? Я должна остановиться на минутку...

— Зачем? — поинтересовался Торн.

* * *

Хардинг была вынуждена остановиться на горной дороге, потому что впереди заметила тираннозавра, шедшего в том же направлении, в котором ехала она сама. В пасти животное держало Доджсона.

Как это ни странно, но женщина поняла, что Льюис еще жив. Его тело двигалось. Даже показалось, слышны его вопли.

Сара удивилась своему странному ощущению: она не чувствовала к этому мужчине ни жалости, ни ненависти. Биолог просто равнодушно наблюдала за тем, как хищник сошел с дороги и направился вниз по склону, углубляясь в джунгли.

Она включила зажигание и повела машину дальше.

* * *

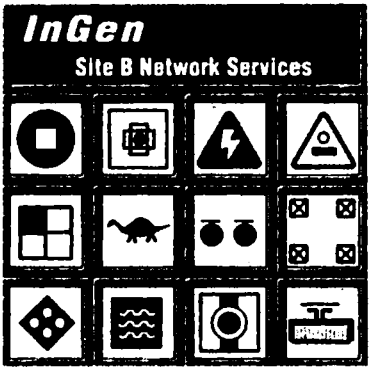
Келли за компьютерной консолью просматривала одно видеоизображение за другим, пока, наконец, не нашла нужное: деревянный док под навесом, или лодочная станция. Внутренняя часть помещения выглядела вполне прилично; она не заросла травой, папоротниками и прочей зеленью. Кроме того, девочка обнаружила там моторный катер, стоящий на приколе и покачивающийся на волнах. Неподалеку от причала она заметила три емкости для горючего. А немного дальше виднелась водная гладь, освещенная солнечными лучами; скорее всего, это — река.

— Ну, и что вы думаете по этому поводу? — спросила Кертис у Торна.

– Думаю, стоит попробовать, – ответил тот, бросив взгляд через ее плечо. – Но где это находится? Ты могла бы определиться по карте?

– Не знаю... Может быть...

Она нажала несколько клавиш и возвратилась к первоначальному изображению с его запутанными символами.



Проснулся Арби, зевнул и подошел посмотреть на то, чем занимается его подружка.

– Отличная графика! – заметил он. – Ты вошла в программу?

– Да, – отозвалась девочка. – Но в этом оказалось совсем не просто разобраться.

Ливайн продолжал мерить помещение шагами, время от времени выглядывая в окно.

– Все, конечно, чудесно... – произнес он, – но через минуту-две станет совсем светло... Неужели вы не понимаете? Нам необходимо выбраться отсюда. У данного строения слишком непрочные стены... По сути, это – обычный сарай.

– Но для нас достаточно и этого, – заметил Торн.

— Возможно, минуты на три. Посмотрите сюда, — сказал Ричард и подошел к двери, затем постучал по ней костяшками пальцев. — Эта преграда всего лишь...

Доски с хрустом раскололись возле самого замка, и дверь распахнулась. Палеонтолог полетел в сторону и с грохотом приземлился на пол.

На пороге со злобным шипением появился велосираптор.

ВЫХОД

Келли застыла от ужаса.

Она видела, как Торн бросился ко входу и весом своего тела навалился на дверь, ударив ею со всего размаха по морде хищника. Это застало динозавра врасплох. Он даже не успел убрать свои когтистые лапы, и одну защемило в образовавшейся щели. Док подпер дверь собственным телом. С противоположной стороны животное ревело и билось о неожиданно возникшую преграду.

— Помогите мне! — закричал док.

Ливайн не без труда поднялся на ноги и подбежал к нему, добавив в качестве опоры свое тело.

— Я же вам говорил! — кричал при этом Ричард.

Внезапно велосирапторы со всех сторон окружили склад. С рычанием они бросались на окна, прогибая стальные решетки и почти выдавливая стекла. Они кидались на деревянные панели, и от этих атак падали полки, по полу с грохотом катались консервные банки и бутылки. В нескольких местах стены склада начали раскалываться.

Ливайн умоляюще посмотрел на Келли.

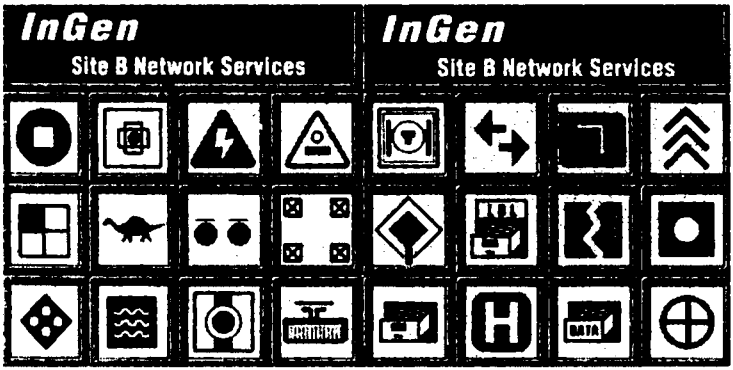
– НАЙДИ СПОСОБ ВЫБРАТЬСЯ ОТСЮДА!

Девочка сидела, широко открыв глаза и тупо вперив взгляд в монитор. Она совсем забыла о компьютере.

– Ну же, Кел, – попытался подбодрить ее Арби. – Сосредоточься!

Девочка снова повернулась к экрану, не зная, что предпринять. Она подвела курсор к кресту в левом углу изображения – ничего не последовало. Тогда Кертис попробовала использовать символ круга.

Внезапно на экране начали быстро появляться знаки, заполняя все свободное пространство.

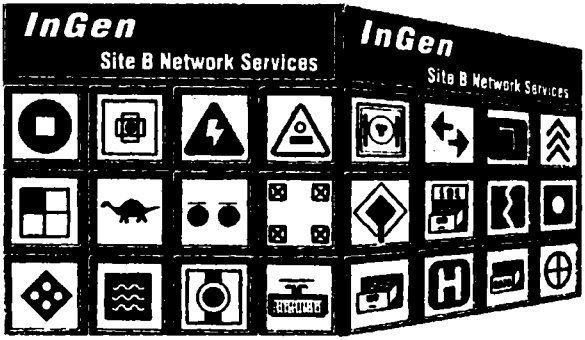


– Не переживай, должен же быть какой-нибудь ключ ко всему этому, – произнес Арби. – Нам просто нужно узнать, что...

Но Келли не слушала его, продолжая лихорадочно передвигать курсор, пытаясь добиться хотя бы чего-нибудь, найти вспомогательную программу... Хоть что-нибудь... Что угодно!

Внезапно все изображение на экране задергалось, покрылось паутиной помех.

– Что ты сделала?! – испуганно завопил Арби.



Кертис прошиб пот.

– Не знаю...

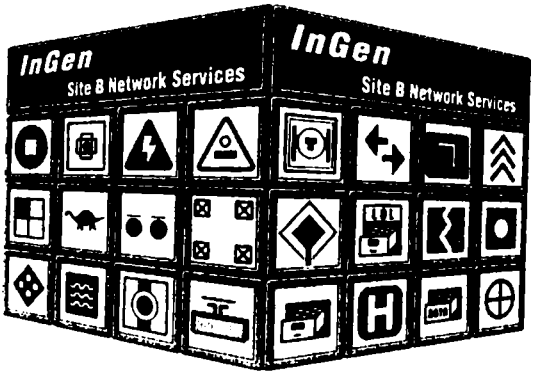
И она убрала руку с клавиатуры.

– Плохо! – воскликнул мальчик. – Ты сделала еще хуже!

Экран продолжал сжимать изображение, символы перемещались, медленно искажаясь на глазах у детей.

– Ну же, ребятки! – крикнул Ливайн, вытирая пот со лба.

– Мы пытаемся! – ответила Келли со слезами на глазах.



– Это превращается в куб, – изумленно произнес мальчик.

Торн придвинул к двери большую стеклянную витрину-холодильник. Велосираптор продолжал ломиться в помещение, и от его ударов внутри прозрачного ящика бренчали и перекатывались консервные банки.

– Где оружие? – громко спросил Ричард.

– Все три винтовки – в автомобиле у Сары.

– Прекрасно!

Решетки на окнах прогнулись и стали выдавливать стекла. В правой стене появились большие щели.

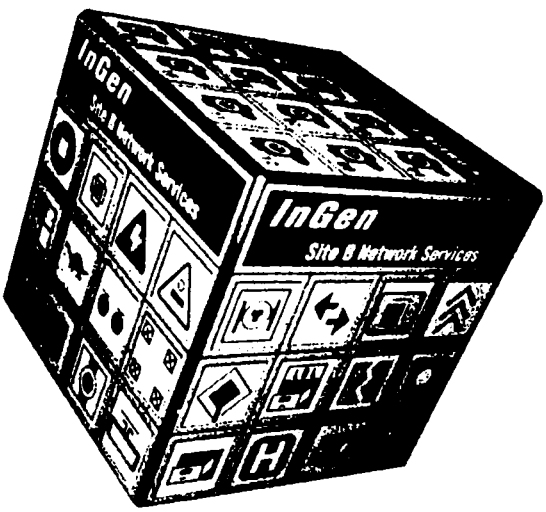
– Нам нужно выбраться отсюда! – кричал Ливайн девочке. – Должны же мы найти какой-то способ...

Он пробежал в заднюю часть склада, туда, где находились ванные комнаты и туалеты, но через мгновение вернулся назад.

– Они и там тоже!

События очень быстро развивались и шли к роковой развязке.

Теперь Келли видела на экране вращающийся куб. Он поворачивался, повиснув в пространстве; девочка не знала, как его остановить.



— Ну же, Кел, — подбадривал Арби, посматривая на нее своими опухшими глазами. — Ты справишься! Только сосредоточься... Ну же!

* * *

Все что-то кричали...

Девочка смотрела на куб на экране и ощущала совершенную беспомощность. Она уже не понимала, чем занимается и что делает. Зачем ей вообще быть здесь? Какой в этом смысл? И почему рядом с ней нет Сары?

Мальчик вновь произнес:

— Ну же! Попробуй работать с каждым символом по отдельности... Ты справишься! Ну же... Вот так... Сконцентрируйся!

Но Кертис не способна была на это. Теперь она не могла даже вызывать знаки, так как они слишком быстро вращались на экране. «Должны быть параллельные процессы для управления графикой...» — мелькнула мысль в ее голове.

Келли остановившимся взглядом просто вперилась в экран и думала при этом о чем угодно... Мысли приходили и уходили совершенно произвольно, не оставляя никакого следа.

...Кабель под столом...

...Жесткая кабельная связь...

...Множество графических образов...

...Сара беседует с ней в трейлере...

— Ну же, Кел! Ты должна с этим справиться! Найди выход!

Тогда, в трейлере, Хардинг сказала ей: «Большая часть того, что будут говорить тебе люди, — неправда...»

— Это очень важно, Кел, — услышала она голос Арби.

Он дрожал всем телом, находясь рядом с ней. Девочка знала, что ее товарищ сосредоточился на компьютерных данных прежде всего для того, чтобы забыть о происходящем вокруг. Для того, чтобы...

От стены откололся большой кусок доски. В образовавшуюся щель тут же просунулась голова велосираптора. Он рычал и щелкал зубами.

Келли продолжала думать о кабеле под столом.

...Кабель под столом...

Она задевала его ногами, этот чертов кабель под столом...

...Кабель под столом...

— Это очень важно! — сказал Арби.

И тут ее осенило.

— Нет, — ответила она, — не так уж важно...

Девочка спрыгнула со стула и забралась под стол.

— Что ты делаешь?! — заорал мальчик.

Но Кертис уже превосходно знала ответ: кабель от компьютера уходит в пол через аккуратно проделанную в нем дыру... А вот и шов в деревянной поверхности... Некоторое время она царапала пальцами пол, пытаясь приподнять доску. Внезапно рейка подалась — и Кертис заглянула вниз. Темнота...

Да.

Там достаточно места для того, чтобы продвигаться ползком.

Тоннель!

— Вот... Здесь! — крикнула она, задыхаясь от радости.

* * *

Витрина-холодильник не выдержала яростной атаки хищников и упала. Велосирапторы проломили входную дверь.

Со всех сторон другие животные разносили стены, на ходу сбивая стеллажи.

Полосатые твари со злобным рычанием прыжками ворвались в помещение, но нашли лишь груду одежды мальчика, на которую тут же с остервенением набросились, разрывая ее на куски.

Звери двигались проворно... Ведь они охотились...

Но люди уже покинули склад.

БЕГСТВО

Келли шла первой, держа в руке фонарик.

Они двигались цепочкой вдоль влажной бетонной стены, находясь в туннеле размером в четыре квадратных фута с плоскими металлическими держателями для кабеля с левой стороны. Водопроводные и газовые трубы проходили у них над головами. Каменный коридор провонял плесенью. Отовсюду слышался крысиный писк.

Беглецы достигли какой-то развилки. Девочка посмотрела по сторонам. Направо уходил длинный прямой ход, теряясь в темноте. «Он, наверное, ведет в лабораторию», — подумала Кертис.

Слева ответвление туннеля оказалось более коротким и заканчивалось ступеньками.

Девочка направилась налево.

Она проползла по узкой бетонной шахте и открыла люк наверху.

Келли очутилась в маленьком складском помещении в окружении кабелей и покрывшихся ржавчиной труб. Комнатушку заливал солнечный свет, проникавший сюда сквозь разбитые окна. Вслед за девочкой из туннеля выбрались и все остальные.

Кертис выглянула на улицу и увидела, что с холма спускается автомобиль Сары Хардинг.

* * *

Женщина вела «Эксплоред» вдоль берега реки. Келли сидела рядом с ней, на переднем сиденье. Впереди показался деревянный знак, указывавший, что здесь находится лодочная станция.

— Ты поняла это благодаря графике, Келли? — восхищенно поинтересовалась Сара.

Девочка кивнула.

— Меня внезапно осенило: ведь неважно, что изображено на экране. Важен лишь процесс обработки огромного количества данных, проворачивание миллионов бит... Значит, должен быть кабель... Обязательно должен быть! А если есть кабель, то есть и место для него... И должен существовать проход на случай ремонта подводимых проводов...

— И ты решила заглянуть под стол...

— Да, — подтвердила Келли это предположение.

— Прекрасно, — прокомментировала Хардинг. — Полагаю, все эти люди обязаны тебе жизнью.

— Ну, это уж вы слишком! — скромно произнесла девочка и пожала плечами.

Сара посмотрела на нее.

— Всю жизнь кто-то будет пытаться отнять у тебя твои завоевания. Поэтому хоть сама не грабь себя...

Дорога у реки оказалась грязной и почти совершенно заросшей. Где-то сзади раздавались отдаленные крики динозавров. Хардинг объехала упавшее дерево, и люди увидели перед собой лодочную станцию.

— О-хо-хо, — сказал Ливайн, — у меня что-то нехорошо на душе.

Снаружи здание казалось окончательно развалившимся. Оно полностью заросло вьющимися растениями, крыша провалилась в нескольких местах.

Все молчали, когда Сара остановила автомобиль перед широкими двойными дверями, на которых висел покрытый ржавчиной замок. Люди вышли из «Форда» и прошли к строению, погружаясь по щиколотку в грязь.

— Вы действительно думаете, что там есть лодка? — с сомнением в голосе спросил Арби.

* * *

Малкольм стоял, опираясь на плечо Сары, а Торн изо всех сил пытался выбить дверь. Прогнившее дерево затрещало и наконец подалось, расколовшись. Замок упал на землю.

— Ага... Хорошо... Подержи-ка его, — произнесла женщина и положила руку Иана на плечо дока. Затем она пробила ногой дыру, достаточную для того, чтобы проползти внутрь. Не раздумывая ни секунды, Хардинг пролезла в помещение, в темноту. Келли поспешила за ней.

— Что видно? — спросил Ливайн, раздвигая планки и увеличивая отверстие. Мохнатый паук пробежал вверх по доскам.

— Здесь действительно есть лодка, — негромко сказала Сара. — И она выглядит довольно сносно.

Ричард просунул голову в дыру.

— Черт побери! — заорал он. — Кажется, мы все-таки сможем выбраться отсюда!

ИСХОД

Льюис Доджсон упал...

Вывалившись из пасти тираннозавра и пролетев по воздуху, он приземлился на земляной склон, так

сильно ударившись головой, что перед глазами поползли огненные круги и перехватило дыхание.

Наконец Льюис открыл глаза и огляделся по сторонам. Вокруг стоял кисловатый запах разложения. И тут он услышал звук, от которого застыла кровь в жилах: тонкий, но достаточно громкий писк.

Доджсон приподнялся на локте и, осмотревшись, понял — гнездо тираннозавра. Вокруг него со всех сторон находилась своеобразная насыпь из высохшей грязи. Рядом — три детеныша, включая и того, с перевязанной лапой. Малыши, возбужденно пища, заковыляли к нему.

Льюис встал на ноги, не зная, что предпринять. Другое взрослое животное стояло в противоположном конце и издавало хрюкающие и мурлыкающие звуки. Тот динозавр, что принес его, продолжал горой возвышаться над ними.

Мужчина с ужасом наблюдал за приближением к нему детенышей, этих маленьких чудовищ с нежными шейками и уже очень острыми зубами. Он повернулся и побежал, но в одно мгновение взрослый тираннозавр наклонил голову и сбил его с ног. Затем спокойно выпрямил шею и стал ждать, внимательно наблюдая за происходящим.

«Что же, черт побери, происходит?» — задумался Доджсон. Очень осторожно он вновь встал на ноги, и тут же его опять сбили. Детеныши запищали и подошли ближе. Теперь на их телах Льюис рассмотрел куски мяса и экскрементов и услышал отвратительный запах от них. Он стал на четвереньки и начал отползать в сторону.

Что-то схватило его за ногу, не позволяя двигаться дальше. Доджсон оглянулся — тираннозавр держит его конечность в пасти... Несколько секунд огромное животное очень осторожно придерживало, не

давало двигаться. Затем челюсти решительно сомкнулись. Кости зловеще хрустнули...

Льюис взвыл от боли. Способность двигаться полностью исчезла. Больше он ни на что не был способен, кроме непрерывного отчаянного крика.

Детеныши нетерпеливо ковыляли к нему. Несколько секунд они сохраняли дистанцию и просто покусывали его, вытянув шеи. Но заметив, что человек не движется, один из них вспрыгнул ему на ногу и начал грызть ее, возбужденный видом и запахом крови. Второй вскочил Доджсону на ягодицы и вонзил свои острые, словно бритва, челюсти в бок.

Третий подбежал к лицу Льюиса и в одно мгновение прокусил ему щеку. Мужчина завыл. Он видел, как детеныш тираннозавра отрывает куски от его тела и тут же, на глазах у него, пожирает, давясь и чавкая. Доджсон видел капли крови, падающие на дно гнезда из пасти этого чудовища. Маленький хищник запрокинул голову и проглотил щеку человека, затем повернулся, снова открыл пасть и сомкнул ее на шее Льюиса...

Частичная рестабилизация может иметь место после уничтожения деструктивных элементов.
Выживание отчасти определяется случайными событиями.

Иан Малкольм

СЕДЬМАЯ КОНФИГУРАЦИЯ

ОТЪЕЗД

И вот уже река осталась позади, в джунглях. Лодка плыла все дальше, в темноту. Рев мотора эхом отдавался среди стен пещеры.

Торн ловко управлял моторкой, плывшей по волнам быстрого приливного течения. Слева от них солнечные лучи серебрились на плещущейся пелене водопада.

И вот они вырвались на широкий простор открытого океана, проплыв мимо высоких скал и преодолев грохочущие прибрежные волны. Келли закричала от радости и обняла Арби. Тот поморщился от боли, которую она нечаянно причинила ему, но улыбнулся.

Ливайн оглянулся на остров.

— Должен сказать откровенно, никогда бы не подумал, что мы со всем этим справимся. Все-таки наши камеры остаются на месте, и сеть будет продолжать действовать... Полагаю, мы сможем получать информацию до тех пор, пока, в конце концов, не разрешим проблему вымирания динозавров.

Хардинг пристально посмотрела на него.

— Может быть, да... Но может, и нет...

— Почему «нет»? Это — идеальный «затерянный мир»...

Она взглянула с явным недоверием и сказала:

– Ничего подобного! Слишком много хищников, да ты и сам прекрасно понимаешь это.

– Ну, вполне может сложиться подобное впечатление, но ведь мы не знаем...

– Ричард, – оборвала его Сара, – мы с Ианом проверили данные. На этом острове много лет назад совершили ошибку... Еще тогда, когда функционировала лаборатория.

– Ошибку? Какую ошибку?

– Они «производили» детенышей динозавров и при этом не знали, чем их кормить. Некоторое время давали козье молоко, что, в общем-то, неплохо... Оно достаточно гипоаллергенно. Но по мере того, как подрастали хищники, их начали кормить особым экстрактом из животных белков, который получали из измельченного мяса овец.

– Ну и что? Что в этом дурного?

– В зоопарках никогда не используют подобный экстракт из-за опасности заражения.

– Заражения? – переспросил удивленно Ливайн. – Заражения чем?

– Прионами, – ответил Малкольм с противоположного борта.

Теперь уже Ричард абсолютно ничего не понимал.

– Прионы, – пояснила Хардинг, – представляют собой самые примитивные организмы, способные вызывать заболевания... Они по своему строению даже проще вирусов... Это – просто осколки белков. Прионы настолько просты, что не могут активно вторгаться в организм и попадают туда только в том случае, если их проглатывают вместе с пищей. Попадая внутрь живого существа, они вызывают болезни: особые кожные заболевания у овец; болезнь «сумасшедших коров» и «куру» – заболевание мозга у человека. У динозавров развилось прионовое заболевание,

так называемое «DX», а источником заражения послужил белковый экстракт из овечьего мяса. Сотрудники лаборатории в течение нескольких лет пытались справиться, но...

– Судя по твоим словам, им это не удалось.

– Некоторое время казалось, что все приходит в норму... Динозавры процветали... Но затем что-то случилось, и заболевание начало распространяться. Прионы выходят из организма вместе с фекалиями, поэтому, возможно, что...

– Выходят вместе с фекалиями? – переспросил Ливайн. – «Компи» поедали навоз...

– Да, все мелкие ящеры заражены... «Могильщики» питаются падалью; они оставляют прионы на останках животных, от них заражаются другие особи, подбирая объедки... В результате оказались больны все велосирапторы. А они нападают на здоровых представителей животного мира и не всегда успешно... Один укус – и жертва заражена. Таким образом инфекция постепенно распространилась по всему острову. Вот почему животные здесь так рано погибают. А такой высокий процент смертности среди них способствует значительному увеличению числа хищников по сравнению с обычным средним их количеством...

Ливайн выглядел крайне обеспокоенным.

– Вы знаете, один из этих «компи» укусил меня...

– Я бы на твоем месте не беспокоилась, – успокоила его Сара. – Возможно, разовьется лишь легкий энцефалит, и ты отделаешься обыкновенной головной болью. Мы отвезем тебя к врачу в Сан-Хосе.

Палеонтолог побледнел.

– Я как-то не очень хорошо себя чувствую.

– На это уйдет неделя, Ричард, – улыбнулась Хардинг. – Уверена, у тебя все будет хорошо.

Ливайн удрученно опустился на сиденье.

— Но суть в том, — продолжала Сара, — что я очень сомневаюсь в возможности при помощи этого острова получить ответ на вопрос о вымирании динозавров.

Несколько минут Малкольм молча смотрел на удаляющиеся темные скалы, а затем произнес:

— Возможно, так и должно быть... Ведь феномен исчезновения всегда окутывался пеленой великой тайны. Пять раз он имел место на этой планете, и не всегда астероид оказывался виновен в последствиях. Всех интересует проблема вымирания рептилий в Меловой период... Но ведь случались глобальные катастрофы и в Юрский, и в Триассовый периоды... Это, несомненно, жуткие происшествия, но они — ничто в сравнении с вымиранием в Пермский период, когда погибло 80% всех живых существ на Земле, и на воде, и на суше... Никто не может объяснить, почему так случилось. Но у меня возникает мысль, не явимся ли мы сами причиной следующей подобной трагедии...

— В каком смысле? — удивилась Келли.

— Человеческие существа характеризуются крайне разрушительными тенденциями, — ответил Малкольм. — Иногда мне кажется, мы — какая-то разновидность чумы, которая, наконец, очистит Землю от всего и вся. Мы уничтожаем с таким совершенством, с таким мастерством, что порой я думаю: уж не в этом ли наше главное предназначение? Возможно, каждые несколько эр в этот мир приходит какое-то животное, уничтожающее всех остальных, словно расчищая площадку для следующей эволюционной фазы...

Келли отрицательно покачала головой, затем отвернулась от математика, прошла по лодке и села рядом с Торном.

— Ты все это слушаешь? — спросил док. — Я бы не стал на твоем месте относиться ко всему очень серьезно... Это — всего лишь теория. Такова природа человека, что он не может не создавать гипотез, но они — лишь порождение фантазии... И они часто меняются. Когда Америка была молодым государством, люди верили в то, что они называли «флогистоном». Ты знаешь об этом? Нет? Ну и ничего страшного... Ведь на самом деле его не существовало... Они также считали: четыре вида физиологических жидкостей управляют поведением... А еще люди верили в то, что возраст Земли — всего несколько тысяч лет... Теперь мы знаем все, вернее, почти все о нашей планете, верим в фотоны и электроны... И мы полагаем, что человеческое поведение управляется такими вещами, как «я-концепция» и «самооценка»... Люди считают — современные представления более совершенны и более научны, чем мнения их предшественников...

— А разве это не так?

Торн пожал плечами.

— Все это — тоже плод нашей фантазии, выдумка... Ты когда-нибудь видела «я-концепцию»? Можешь принести ее мне на блюдечке и показать? А как насчет фотона? Может быть, ты сможешь продемонстрировать хоть один из них?

Келли отрицательно покачала головой.

— Нет, но...

— И ты никогда не сможешь сделать этого, потому что они не существуют, как бы серьезно ни относились к ним люди... Пройдет сто лет, и те, кто будут жить тогда, с усмешкой вспомнят нас. Они скажут: «Вы можете себе представить, во что верили эти люди? В фотоны и электроны... Возможно ли придумать что-либо более идиотское?!» Эти «человеки» хорошо посмеются над нами, потому что к тому вре-

мени у них возникнут новые и более совершенные фантазии, — Торн покачал головой. — А кстати, ты чувствуешь, как движется лодка? Это — море... И оно реально... Ты ощущаешь запах соли в воздухе? А тепло солнечных лучей на коже? Вот это — реально... Ты видишь себя и меня, всех нас, сидящих в лодке... И это реально... Жизнь чудесна. Великий дар — жить, видеть солнце, дышать... Кроме этого, по сути, ничего не существует. А теперь взгляни на компас и скажи мне, в каком направлении юг... Нам нужно на Пуэрто-Кортес. Пора возвращаться домой.

* * *

Все события, описанные в этом романе, вымышленные. Но, работая над книгой, я почерпнул много полезных сведений из самых разнообразных научных источников.

Выражаю особую признательность Джону Александеру, Марку Богуски, Эдвину Колберту, Джону Конуэю, Филиппу Карра, Питеру Додсону, Найлзу Элдреджу, Стивену Джею Гулду, Дональду Гриффину, Джону Холланду, Фреди Хойлу, Стюарту Кауффману, Кристоферу Лэнгтону, Эрнсту Майру, Мери Миджили, Джону Острану, Норману Паккарду, Дэвиду Рауту, Джеффри Шенку, Манфреду Шредеру, Джорджу Гейлорду Симпсону, Брюсу Веберу, Джону Гилеру и Дэвиду Вайсхемпелю за их труд и размышления.

Остается лишь добавить, что все гипотезы, представленные в этой книге, принадлежат исключительно автору; необходимо также напомнить читателю, что через полтора столетия после Дарвина почти все положения, касающиеся теории эволюции, остаются предметом ожесточенных споров и острой критики.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
ЗАТЕРЯННЫЙ МИР 11
ПРОЛОГ. Жизнь на грани хаоса 12
Затерянный мир(гипотеза) 19
ПЕРВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 33
Формы, отклоняющиеся от нормы 34
Сан-Хосе 47
Отъезд 55
Пало-Альто 58
Беркли 63
Затерянный мир 67
Школа 76
Бирка 85
Торн 92
ВТОРАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 109
Ключи к догадкам 110
Хищник 118
Пять смертей 125
Джеймс 130
Полевые системы 132
Хардинг 140
Послание 147
Эксплуатация 149
ТРЕТЬЯ КОНФИГУРАЦИЯ 155
Коста-Рика 156
Исла Сорна 161
Поток 166
Дорога 173
Площадка «Б» 177
Трейлер 180
Интерьер 191
Арби 200
Лаборатория 202
Энергия 213
Гнездо 227

ЧЕТВЕРТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 237
Ливайн 238
Доджсон 242
Площадка для наблюдений 246
Красная королева 251
Пуэрто-Кортес 260
Кинг 265
Хардинг 271
Долина 278
Грот 287
Доджсон 291
Брачные крики 296
Простейшие эволюции 300
Паразавры 311
Жара 314
Шум 320
След 324
Гнездо 329
Наблюдательный пункт 334
Трейлер 336
Гнездо 343
Доджсон 349
Решение 355
Гнездо 358
Проигрыш игрока 363
Кинг 366
Плохие новости 369
ПЯТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 371
Детеныш 372
Наблюдательный пункт 381
Стадо 386
Доджсон 394
Трейлер 398
Торн 430
Трейлер 436
Наблюдательный пункт 443
Малкольм 448
Наблюдательный пункт 456

ШЕСТАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 467
Погоня 468
На краю хаоса 489
Трейлер 495
Рабочий поселок 503
Заботливая мать 524
Доджсон 530
«Эксплоред» 533
Утро 547
Выход 556
Бегство 562
Исход 564
СЕДЬМАЯ КОНФИГУРАЦИЯ 567
Отъезд 568

Корректор *Храменко О. Э.*
Технический редактор *Идатчикова Л. В.*

М. Крайтон
Затерянный мир
Роман

Подписано в печать 30.04.96. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура «TimesET». Объем 18,0 п. л. Тираж 15 000 экз. Зак. 633.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР 040432.
214016, Смолеиск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии ООО «Сервег».
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, к. 2.
Лицензия ЛВ 613.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НОВЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР МАЙКЛА КРАЙТОНА
ПРОДОЛЖЕНИЕ «ПАРКА ЮРСКОГО ПЕРИОДА»